Андрей Басов

МАШИНА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Авантюрная фантазия
Санкт-Петербург, 2017 г.

От автора

Содержание построено не на страхе или колдовстве, а на превращении вполне обыденной ситуации в сказочный, фантастический вид. Здесь не противоречиво сосуществуют и обычная жизнь, и сказочная принцесса, и загадочная электрическая машина, и заговор во времена мушкетёров, и пираты южных морей, и Багдад Гаруна-аль-Рашида... Ну, и, конечно же, лёгкий юмор и романтическая любовь людей, разделённых веками.

Перед вами книга любопытных положений, ситуаций, выпутаться из которых героям помогает голова, а не волшебство, мускулы и умение стрелять.

Любители ужасов, космических и колдовских кошмаров, вражды и драк будут разочарованы, и им не следует открывать эту книгу и портить себе настроение. Но вот поклонники лёгкой для чтения, сказочной, романтической фантастики получат приятное удовольствие. А те, кто любит иногда почитать на сон грядущий, — ещё и приятные сны!

И ещё одно важное замечание. Не принимайте героев романа за ещё одних случайных попаданцев в прошлый, будущий, параллельный или даже сказочно-фантастический мир со всеми сопутствующими копиями исторических событий, уклада и отношений известных вам из жизни или литературы. Между мирами мечты и реальности параллелей проводить нельзя, несмотря на некоторое внешнее сходство. Нет, вам предстоит наблюдать миры, которые созданы по собственным идеалам и представлениям о них и событий, щекочущих нервы мечтателя, там хватает.

Андрей Басов

Оглавление

Пролог - 2
ГЛАВА 1. Фантазёры - 3
ГЛАВА 2. Новелла о принцессе - 11
ГЛАВА 3. Новелла о сумасбродном изобретателе - 51
ГЛАВА 4. Новелла об охотнике на пиратов - 81
ГЛАВА 5. Новелла не только о принцессе - 136
ГЛАВА 6. Новелла о Багдаде: Зубейда - 181
ГЛАВА 7. Новелла об играх кардинала Ришелье - 253
ГЛАВА 8. Новелла о козлоногой братии и беглом гладиаторе - 334
Примечания - 363

Пролог

У Высоцкого есть чудесная песня о старинном московском доме, который ещё Наполеон застал. Наш же дом совсем не в Москве, а вовсе даже в Питере, да и возрастом несколько моложе, но что-то родственное между ними как бы

есть. Или было? Ведь московского песенного старожила архитектуры постигла печальная участь сноса, а наш старый, необычно высокий, четырёхэтажный особняк пока ещё цел. Хотя уже и погрузился в землю почти до подоконников первого этажа. Выглядит он уже как-то иначе, чем раньше, и называть его своим могут не все. Да и некоторых из нас-то там уже нет. Но какая-то незримая, непонятная связь у меня с ним никогда не рвётся.

Искра странного могущества всегда ощущается в нем. Словно это душа самого Дома. Как в песне Высоцкого. Или каким-то образом собравшиеся вместе крупинки душ некоторых людей, живших когда-либо в нем. Важно понимать, что данному строению не название — дом, а имя ему Дом. Каким сделал его великий учёный и мастер, бывший владельцем Дома во времена оны. Иначе и нельзя воспринимать это вместилище очень странных, удивительных, а подчас и просто фантастических событий, свидетелем и участником которых мне пришлось быть.

ГЛАВА 1: Фантазёры

Обычно чужие жизнеописания читать скучно. Поэтому я не буду никого ими мучить. Да и вот как сейчас, идя по улице, многоречиво не получится. Но хоть что-то ведь нужно же знать о действующих лицах. Потерпите чуть-чуть. Их, то есть нас, немного. Но каждый играет важную роль в событиях. Событиях очень разных и очень зависящих от характеров участников.

Как ни странно, но, наверное, одним из самых интересных и колоритных обитателей нашего Дома является дворник — татарин Ахмед. Одинокий, добрый и сговорчивый, с не соответствующим характеру лицом то ли оперного злодея, то ли киношного образа ордынского хана. Однако когда узкая бородка и усы расплываются в улыбке, то добрее лица, пожалуй, и не сыщешь. Он уже старик и, наверное, всю жизнь провёл при Доме.

Ахмед, как и другие как бы коренные жители Дома, недолюбливает случайных поселенцев дворовых флигелей, почти регулярно сменяющих друг друга. От них сплошное беспокойство в виде шума, скандалов, а иногда и пьяных драк. Совсем другое дело мы — тихая публика из "барской" парадной.

Каким-то странным и совершенно незаметным образом Ахмед иногда исчезает на несколько дней и столь же внезапно и непонятно возвращается. Нет событий отъезда и приезда. Словно появляется из какого-то другого измерения.

Он просто выходит из своей квартирки на первом этаже. Хотя вы убеждены, что, скажем, ещё час назад его там наверняка не было. По какой-то причине домоуправ из ЖЭКа никогда не допытывается о причине отсутствия этого работника на месте службы. Рабочие дни Ахмеду ставятся исправно в отличие от неизбежных прогульщиков-пьяниц из других домов. Это похоже на молчаливое признание незаменимости Ахмеда именно здесь, в этом Доме.

Как-то совершенно случайно я обнаружил некую закономерность в исчезновениях Ахмеда. Не могу поручиться, что так происходит всегда, но Ахмед совершенно точно исчезнет на следующий день после того, как я замечаю его во дворе или на улице разговаривающим с Анной Петровной из квартиры ниже нас этажом.

Анна Петровна… По всему видно, что в своё время она была редкой красавицей. Даже сейчас трудно оторвать взгляд от её необычного лица и проницательных глаз. Загадочная личность. Даже для моей мамы и бабушки. Анна Петровна явно намного старше мамы, но, кажется, что и намного младше бабушки. Однако о прошлой жизни Анны Петровны ни та, ни другая ничего не знают. Анна Петровна уже была здесь, когда наше семейство вселилось в Дом. Анне Петровне принадлежит единственная в Доме полноценная отдельная квартира с балконом на улицу.

Пожалуй, это то место, где ещё сохранился барственный уклад старого особняка. Не тронутая краской и обоями великолепная лепнина стен и потолков. Прекрасный мраморный камин с бронзовыми часами в средней из трёх анфиладных комнат. Потемневшие от времени картины и множество фотографий дам и кавалеров в причудливых костюмах прошлого века. Всё это я увидел мельком, случайно, взявшись починить испортившийся выключатель. А так я и не слышал, чтобы кто-то из других жильцов мог похвастаться тем, что под каким-то предлогом получил приглашение войти в квартиру Анны Петровны. Даже роль водопроводчика для Анны Петровны исполняет Ахмед. Но Ахмед почему-то боится электричества.

Нельзя сказать, что Анна Петровна замкнута и необщительна. Совсем нет. Она служит переводчиком в каком-то издательстве и хотя бы в силу работы не может быть не общительной. Я не раз видел её и маму стоящими на лестничной площадке или на улице и о чем-то оживлённо болтающими на немецком языке.

Другое дело, что, наблюдая Анну Петровну, чётко чувствуешь дистанцию, границу которой не следует переходить ни в разговорах, ни в поступках. Если Анна Петровна никогда и никого не приглашает к себе, то не следует и её приглашать никуда. Вежливый, но категоричный отказ заведомо предсказуем.

Однако тут скрываются и более странные, загадочные вещи, которые наблюдательный человек когда-нибудь да приметит. Из квартиры Анны Петровны может выйти вполне обычный мужчина или женщина. Но не в том суть. Странность в том, что никто не видел, как они туда заходили. А я, правда, редко, но не раз видел Анну Петровну в магазине, закупающую против обыкновения продукты в невообразимом для одинокой женщины количестве. А ведь гости-то к ней не пребывают. Во всяком случае, мы их не видим.

Правда, живут в "барской" парадной и люди, которых Анна Петровна всё же изредка, но совершенно открыто удостаивает краткими визитами. И один из них…

– Чёрт, что вам надо!?

Резкий рывок за рукав остановил меня, как только я взялся за ручку двери нашей парадной.

Двое здоровых парней с хулиганскими рожами и претензией в одежде на гангстеров банды Аль-Капоне. Таких в последнее время развелось, как собак нерезаных. Правда тряпки никак не скрывают простонародных шпанских манер и привычки к беспричинному мордобою всех встречных и поперечных.

– Пацан, закурить не найдётся? – проникновенно интересуется вставший ко мне лицом.

Другой чуть сбоку продолжает удерживать меня за рукав. Наверное, чтобы я внезапно не дал дёру, пока они не выяснят это дело. Надо же, и это среди белого дня!

– Извините, ребята, - не курю, – сглотнув, вдруг что-то вставшее в горле ответил я.

– А если обыщем? – последовал ожидаемый вопрос от того, что спереди.

– Сеня, ты посмотри там, а то у нас с тобой никак и на метро пятачка нету, – как эхо послышалось с фланга.

– По нынешним временам в метро пятачком не отделаться, – тяжело вздохнул Сеня, – Давай-ка, пацан посчитаем в твоём кошельке сколько нам на метро не хватает…

И вдруг Сеня начал почему-то неожиданно вытягиваться на цыпочки, хрипя и вертя головой во вдруг сдавившем шею гангстерском шарфе. Его

приятель отцепился от моего рукава и тоже, как-то странно булькая ртом, почти повис в чьей-то мощной длани, сжавшей ворот пальто. Капитан!

– Эй вы, комедианты, ещё раз увижу вас на нашей улице, и словесным внушением не отделаетесь!

Незадачливые грабители, отлетев в сторону, поспешно ретировались, разминая пострадавшие шеи.

– Смотри-ка, Серёжа, сколько их развелось с падением СССР. Прямо-таки напасть какая-то. А может быть, эпидемия такая появилась? Это же надо, среди лета ходить в чёрных пальто до пят. Признак болезни? Ты домой? – спросил Капитан. – Ко мне заглянешь?

Капитан дальнего плавания… Никто не зовёт этого крепко сбитого, почти пятидесятилетнего мужчину с волевыми чертами лица по имени и отчеству. Для всех он просто Капитан, а для меня ещё и сосед по лестничной площадке. И не видно, чтобы такое не очень церемонное обращение его как-то возмущало или хоть сколько-нибудь расстраивало. Даже со стороны мальчишек, к числу которых относился и я, — казалось бы, совсем недавно. Иногда, когда Капитан дома, мама приглашает его к нам посидеть — поболтать о чем-нибудь. На что он всегда с удовольствием соглашается.

Капитан всегда где-то далеко и оказывается дома лишь три-четыре раза в год на неделю-две. Он привозит с собой очередные диковинки дальних стран, и это служит поводом без особых сомнений, по-соседски заглянуть к нему на огонёк. Две вместительные смежные комнаты заставлены и завешены всякими чудесами. Тут и старинные навигационные инструменты. И чучела неведомых рыб. И ритуальные маски колдунов и шаманов разных стран. И старинные карты, карты, карты с необычными очертаниями материков и тонкими рисунками парусных кораблей, стихий и морских чудовищ.

Сначала — само собой, восторги по части пополнения коллекции и очередное любование ей всей. Затем мы молча сидим, слушая тихую музыку "Битлз", к которой оба неравнодушны, несмотря на двойную разницу в возрасте. Капитан есть Капитан, а какой капитан может быть без трубки? — и тонкий аромат экзотического трубочного табака сопровождает наше наслаждение музыкой.

Иногда он рассказывает что-нибудь примечательное и интересное. Но чаще мы просто молча сидим без всяких откровений. Только вот как раз сегодня я задал ему, в общем-то, вполне обыденный вопрос:

– Капитан, а что вас подвигло стать моряком?

Он засопел носом так, что из трубки полетели искры. Долго молчал, а потом спросил:

– Ты хочешь знать правду или готов услышать о какой-то голубой мечте детства?

Тут и я как-то немного растерялся, но всё-таки заявил:

– Правду.

– Ну, правду так правду. Ты уже взрослый, не глупый, наблюдательный уже не вьюноша, но муж и, конечно же, заметил, что наш Дом в чем-то не совсем обычен по сравнению с другими.

– Заметил.

– Вот он меня и подвигнул в сторону моря где-то лет тридцать с чем-то тому назад. Мне тогда было не больше четырнадцати.

– Как это?

– Я и сам тогда ничего не понял. Просто в летний день сидел на крыше, мечтал — и вдруг стало происходить нечто странное…

Тут у меня в голове словно что-то включилось. Я тоже люблю лазать по крышам. Равно как и по таинственным подвалам и чердакам. Причём мальчишеская страсть не угасла с возрастом. Просто стало меньше свободного времени и, соответственно, возможностей. Несколько лет назад я блаженствовал июньским днём на нашей крыше. Дул ласковый и влажный западный ветерок с запахом моря. На Петропавловке бухнула полуденная пушка. Я закрыл глаза и представил себя плывущим на парусном корабле. Вдруг доносящиеся звуки улицы и двора как-то полностью угасли. Вместо них я услышал плеск волн, хлопанье парусов и скрип снастей — так громко и отчётливо, словно находился среди всего этого. Возникло ощущение потери опоры и медленного подъёма куда-то вверх. Я испугался и открыл глаза.

Шум улицы мгновенно вернулся, и крыша подо мной — тоже. Всё это я и пересказал Капитану.

– Вот-вот, так оно и было. Только в отличие от тебя я не испугался и не открыл глаза прежде времени. Потому теперь и Капитан. Больше ничего не спрашивай. Где-то там у каждого своё…

Мы опять замолчали. В коридоре изнемогающе затрещал старый, чуть ли не ровесник Дому звонок, и кто-то из соседей протопал открывать. Стук в дверь. Заглядывает Анна Петровна.

– Капитан, можно вас на пару слов?

Они уходят в соседнюю комнату. Проходит минута ожидания, и они возвращаются. Анна Петровна с интересом смотрит на меня, словно хочет что-то сказать, но не решается. Прощается и уходит. Капитан прерывает молчание:

– Серёжа, тебе рано или поздно придётся поговорить с Учителем о нашем Доме и о тебе самом.

Опять звонок в коридоре и стук в дверь. Теперь мама приглашает нас с Капитаном обедать.

Учитель… Ну, конечно же, для кого-то он и учитель, раз преподаёт в школе русский язык и литературу. Для нас же он просто сосед из квартиры выше этажом. Александр Басков тридцати с небольшим лет. Учитель — это его как бы краткий псевдоним, прозвище в нашем Доме. Не так давно я случайно обнаружил его литературные работы в Самиздате. Мысли еретика времён застоя. Интересно. Понятно, почему издавать его никто не стал бы.

У Александра есть близкий друг. Художник Игорь Тюльпанин. Так что все стены в комнате Александра увешаны картинами довольно странного, неправдоподобного содержания, но вместе с тем удивительной и притягательной красоты. Я часто сижу среди этого колоритного великолепия и молча созерцаю просто фантастические сюжеты. А Александр тем временем корпит над ученическими тетрадями или пишет что-то своё. Однако сегодня он явно озабочен чем-то другим. Хочет что-то мне сказать, но словно не знает, с чего начать. Наконец он решается:

– Ко мне сегодня заходил Капитан. Говорили о тебе, – и снова замолкает. Я тоже молчу. Интересно, что они задумали?

– Понимаешь, ситуация очень необычная, и я бы даже сказал, что тебе поверить в неё будет, скорее всего, непросто. Хотя здесь слепая вера в чьи-то слова не требуется. Ты сам в любое время можешь проверить их справедливость в натуре, — он снова немного помолчал и продолжил:

– Наш Дом живой, — и взглянул на меня, проверяя реакцию на свои слова. А я всё молчу, словно внезапно слегка оцепенел.

– Не в том смысле, что Дом — живое существо подобно тем, какие нам известны. Нет, но он каким-то образом может общаться с людьми. Правда,

далеко не со всеми. Он сам выбирает, с кем. Но если кого-то изберёт, то этот кто-то начинает обладать возможностями, которые противоречат всем канонам физики.

– Ты хочешь сказать, что Дом сознательно выбирает для контакта с ним кого-то из обитателей? — спрашиваю я лишь ради того, чтобы не молчать. Уже и сам о чем-то догадываясь. — Кого?

– Ну, не знаю, насколько сознательно и по каким критериям, но, пожалуй, выбирает. Например, Анну Петровну, Ахмеда, Капитана, меня и, судя по всему, ещё и тебя. Причём довольно давно. Ты ещё мальчишкой был.

– Приключение на крыше?

– Именно.

– Саша, но ведь то, что ты говоришь — это фантастика.

– Не спорю на счёт явной фантастичности. Вопрос в другом — в достоверности внешне фантастичного. А я ведь тебе ещё далеко не всё сказал, а ты сам ещё ничего не пытался проверить.

– Ладно, ладно, но извини, принимаю пока только как гипотезу. Я хоть и весьма молодой специалист, но технарь, безбожник и не могу идти вдруг против впитанных знаний и здравого смысла. Крой дальше.

– Можешь не извиняться. Мой скептицизм лет семь или восемь назад ничем не отличался от твоего, когда Капитан вознамерился меня просветить.

– Так с него вся история и начинается?

– Нет.

– С Анны Петровны?

– Вряд ли. Если верить Анне Петровне, то она лишь отдалённый потомок дореволюционных владельцев особняка. И оказалась в нашем Доме в начале 60-х лишь благодаря счастливой случайности. Ныне покойного мужа перевели из Москвы на важную должность в Горкоме, и он мог выбирать, где жить. Сам понимаешь, кто на самом деле выбирал. Квартира пустовала с блокады.

– Остаётся только Ахмед.

– Ну, он-то уж совсем не при чём.

– Но хоть какое-то начало у истории должно же ведь быть?

– Конечно, должно, но мы не знаем ни что за начало, ни когда и почему началось. Просто у некоторых людей, поселившихся в Доме, через некоторое время интересным образом развивается воображение.

– Галлюцинации?

– Галлюцинации аморфны и бестелесны. На самом же деле Дом позволяет достигать осязаемости сознательного воображения. На сны это почему-то не распространяется. Если ты наяву находишься во власти воображения, а рядом

никого постороннего нет, и ничего отвлекающего вокруг не происходит, то, сделав небольшое мысленное усилие или иногда даже без него, можешь войти в воображаемый, но уже осязаемый мир.

– Не так уж много и не так уж ново. Про путешествия во времени и параллельные миры уже понаписано столько…

– Дом даёт мир только твоего воображения. А не параллельный нашему или находящийся в другом времени.

– В фантастической литературе и этого полным-полно. Садишься в какую-нибудь хитроумную машину. На тебя напяливают колпак с проводами, и ты проваливаешься в иллюзии до тех пор, пока тебя не разбудят.

– Неудачное сравнение. В Доме нет колпаков с проводами. А из иллюзии ты ничего не принесёшь, кроме воспоминаний в лучшем случае.

Я чуть не прикусил язык:

– Ты хочешь сказать…

– Да, из своего мира можно приносить предметы и не только. Предметы небольшие и немного. Скорее на память, чем для использования и никогда не ради корысти. А с другой стороны, можно привести и любое живое существо, а потом или отправить обратно, или оставить здесь. Сам же ты, если пожелаешь, можешь навсегда остаться в мире своего воображения, но здесь ты исчезнешь, как без вести пропавший. Когда ты там, то твоего тела здесь нет. Чтобы вернуть его сюда, нужно всего лишь представить себе в воображении Дом.

– И пропадали?

– Анна Петровна говорит, что на её памяти таинственно исчезли двое жильцов.

А мне почему-то прямо сейчас вспомнилось одно очень давнее и странное событие в Доме. Я тогда был ещё мальчишкой. С сиреной и скрипом тормозов у Дома остановилась большая машина скорой помощи. Врач и санитары с носилками понеслись вверх по лестнице на второй этаж. Все оказавшиеся рядом с Домом мальцы, разумеется, вслед за ними и я в том числе.

– Николая Ивановича убили! – истошно голосила соседка пострадавшего из шестой квартиры. – Ни одного живого места на теле нет.

Что означает "ни одного живого места", мы поняли, когда тело вынесли из дверей. Кровь даже капала с носилок, а лицо обычно весёлого человека под случайно откинувшейся простынёй белое и безжизненное. Прибыла милиция и начала разбираться со всеми, кроме мальчишек. Разбирались долго, но виновных так и не нашли. Не видел и не слышал их никто.

Постепенно сложилась довольно непонятная картина, как мне рассказала мама. Николая Ивановича – отставного военного нашла соседка. Проходила по коридору и услышала необычный шум и грохот в комнате жильца. Постучала раз, другой. Никто не отвечает. Дверь заперта изнутри на задвижку. Но такие задвижки только двинь и отлетают враз. Двинула и вошла. Человек в луже крови и поваленная мебель. Видимо, он пытался удержаться на ногах, хватаясь за что попало. По крови и дыркам на одежде ясно, что не сердечный приступ. Больше никого нет, никаких выстрелов не было слышно и оружие рядом не валяется. Понятно, что в таком состоянии он не мог прийти в квартиру и в него стреляли прямо здесь. Из тела извлекли чуть ли не полтора десятка пуль. Но кто стрелял, из чего и как исчез из комнаты?

Эти вопросы так и остались без ответа. Николай Иванович молчал. Он всё-таки выжил. Месяца через три его выпустили из больницы. Поначалу ходил медленно и осторожно. Потом постепенно ожил и повеселел, как и раньше. Через полгода после больницы он неожиданно съехал из Дома, никого не предупреждая. И опять появилась милиция зачем-то разбираться с его отъездом. Вроде бы он отбыл слишком поспешно, налегке и даже со службы не уволился.

Мама говорит, что во время ранения он был одет в военную форму. В общем-то для отставника это не удивительно, но вот форма была офицерская, с погонами, но не советская. Чьей принадлежности неизвестно. А вот пули в теле от нашего автомата ППШ.

Я очнулся от тычка в бок.

– Ты что, отключился в обморок? – Учитель с беспокойством заглядывает мне в глаза.

– Нет, задумался о твоей сказке. Саш, а отсюда туда можно отправить людей со стороны?

– Сам я даже и не пытался. Зачем отправлять кого-то в свои мечты? Хотя подозреваю, что Анна Петровна посылает по своим делам куда-то туда Ахмеда.

– Стало быть, и коллекция Капитана…

– Спроси у него сам.

– Знаешь, переварить такое всерьёз… Ты прости, но уж очень сильно пахнет розыгрышем.

– А ты не спеши. Само как-нибудь утрясётся. Только не трепись, не болтай, если не хочешь прослыть сумасшедшим. И не забывай, что это не книжные игры

со временем и сколько ты будешь там, столько тебя не будет здесь. Помни о тех, кто тут рядом с тобой. Ступай, мне ещё кучу тетрадей проверить нужно.

– Ну и уйду. А в гипотезе воображаемых миров есть громадная дыра. Осязаемость предполагает если и не доступность их для всех, но уж во всяком случае наблюдаемость в пространстве. Кто и где видел эти внезапно возникающие и исчезающие объекты?

– Ступай, ступай технарь несчастный!

Технарь… Это я. Благополучно состоявшийся в Электротехническом институте инженер-технолог переступивший двадцатипятилетний жизненный рубеж. В НИИ, куда меня распределили, звёзд с неба ещё не нахватал, но и пренебрежения со стороны коллег не ощущаю. Скорее даже обрёл некоторое базовое уважение за быструю сообразительность и любовь к логическим построениям.

Дома я — счастливый обладатель каморки три на пять метров с окнами во двор. Мне её уступила бабушка, поменяв свои хоромы на мою койку в маминых двухкомнатных апартаментах. Подарок к окончанию института. Живу.

Да, умею немного рисовать. Поэтому всегда таскаю с собой потрёпанный блокнот и мягкий карандаш. Иногда, чуть ли прямо не на ходу делаю напоминающие о людях и событиях зарисовки. Больше ничем примечательным я себя не запятнал. Так что следовало бы перейти к описанию других жителей Дома, включая родных, но в этом нет смысла. В дальнейших событиях они прямого участия не принимают.

ГЛАВА 2: Принцесса

Нельзя сказать, что я вернулся домой от Александра хоть сколь серьёзно озадаченным. Ерунда всё это какая-то. Хотя, с другой стороны, зачем Александру с Капитаном меня разыгрывать? Да и необычным событиям в Доме даётся хоть какое-то объяснение. Фантастичное, но одновременно и в чем-то логичное. Ладно, есть на сегодня дела поважнее размышлений о происхождении и последствиях вещих снов. Сегодня суббота. Бабушка просила притащить картошки с Мальцевского рынка.

Притащил и получил в награду самый первый румяный и горячий пирожок с капустой. Объедение!

Вечер после ужина — у нас в семье традиционно самое подходящее время для чтения. Для тех, кто дома, разумеется. Кроме телевизора, конечно, затмевающего любые культурные традиции. Я дома, но углубляться в литературу и скуку ТВ что-то не тянет. Сходить к Капитану? Он ещё два дня будет дома. Так я вчера у него был. Позвонить Ленке? Так она надула меня с билетами на джаз. Буду обиженным — и всё тут! Машинально рассматриваю свои полиграфические богатства на книжных полках. Здесь вся красота развлекательных и познавательных книг от первого класса школы и до совершенно случайно вчера приобретённого сборника фантастики братьев Стругацких.

Провожу пальцем по корешкам. Всё вперемешку. "Витя Малеев в школе и дома", Маршак, а рядом Вальтер Скотт. "Приключения капитана Врунгеля", а рядом томик Стендаля. Рей Брэдбери, а рядом… Как раз то, что нужно сейчас. Вытаскиваю на свет сказки Андерсена в красочной глянцевой обложке. На картинке краешек леса небывалой красоты, юная принцесса с маленькой, золотой коронкой на белокурых волосах, парочка гномов и вдалеке на пригорке миниатюрный замок с башенками и красными остроконечными крышами. С каким-то детским восторгом с минуту разглядываю изображение. Затем, чувствуя себя последним идиотом, закрываю глаза и, представляя в мыслях этот сказочный сюжет, стою неподвижно минуты две.

Ничего не происходит. Ну, совсем ничего! Вот простофиля! Надо же купиться так бездарно на, в общем-то, прозрачную подначку! Хотя тут же соображаю, что эксперимент проведён не чисто. Картинка — это чужое воображение, а должно быть своё собственное.

Чувствуя себя уже дважды последним идиотом, опускаюсь в кресло, закрываю глаза и начинаю строить свою картинку. Тоже лес неподалёку, но не замерший, как на картинке, а полный звуков с деревьями, шевелящими листвой. Бесконечное поле травы и полевых цветов, колышущихся от лёгкого ветерка. Стрёкот и жужжание. Запах разогретой земли и растений. Голубое небо в редких облачках и слегка припекающее солнце. Журчание ручейка и он сам, извилистым путём пробирающийся среди бугорков и редких камней…

Возникло знакомое, давнишнее ощущение потери опоры и движения вверх. В голове мелькает паническая мысль о высоте третьего этажа, с которой можно сверзиться вниз, потеряв пол под ногами. Всё равно глаза не открою! Раньше

времени. А когда будет "не раньше времени"? Уже не пойму, в воображении или в натуре слышу стрёкот и жужжание насекомых и плеск ручейка. Дуновение тёплого ветра шевелит волосы. Но ведь ветра-то не может быть в комнате! Значит, пора. Медленно, с каким-то трепетом открываю глаза.

Сижу на пятой точке среди травы и с книгой Андерсена в левой руке. Трава выше головы, и обозрению открываются лишь голубое небо и верхушки деревьев леса. Кладу книгу рядом с собой и приподнимаюсь на колени. Действительно, лес рядом, холмистое поле до горизонта, ручеёк в двух шагах и низко над землёй вечернее солнце. Но ни принцессы, ни замка — недопридуманы. В полном обалдении протягиваю руку и срываю синий колокольчик. Стараюсь понять произошедшее. Да, действительно, Дом. Неужто не врали? Как говорил Александр? Нужно чётко его себе представить.

Ой, что это я сделал? Мгновение какого-то серого тумана — и я оказываюсь опять в своей комнате, стоя на коленях рядом с креслом. Книги же Андерсена при мне нет. Интересная картина открылась бы кому-нибудь внезапно вошедшему в дверь. Великовозрастный оболтус стоит на коленях посреди помещения и взглядом душевнобольного изучает полевой колокольчик в судорожно сжатом кулаке.

Всю последующую неделю вечерами разрабатываю план мероприятий следующего эксперимента. Капитан отбыл в голубые дали. Александр озабочен экзаменами в школе. Хотя при мимолётной встрече на улице он всё понял по моей физиономии и сочувственно дружески подмигнул. Царственная же неприступность Анны Петровны не позволяет обратиться к ней по-свойски с вопросами. Ахмед? Нет, слишком разные мы с ним. В общем, посоветоваться не с кем.

Первым делом нужно на выходные сплавить куда-то маму и бабушку. Это развяжет руки в плане времени незаметного отсутствия. Мелькает мысль, что одиночество других избранных Домом намеренно ими поддерживается, чтобы иметь хотя бы относительную свободу исчезновений. У меня такой свободы нет совсем. На это, наверное, как раз и намекал Александр, говоря о тех, кто рядом со мной.

С проблемой я справился, подговорив маминого брата. Он даже не поинтересовался, с чего бы это у меня вдруг возникла такая трогательная забота

о близких родственниках. У дяди неплохая дачка на Финском заливе, и он, не раскрывая моего заговора, согласился умыкнуть маму с бабушкой на выходные.

Теперь нужно решить, что воображать. Природа уже есть. С кого скопировать гуляющую далеко от дома принцессу? И гуляющую ли? Во что одеть? Замок нужно представить детально или достаточно общего образа? Каковы возможности Дома по части достоверности деталей в человеческих мечтах? А вообще-то — почему именно замок? Для колорита и приключений больше подойдёт целый город с дворцом. А добрые гномики и сказочные злодеи? Уйма вопросов и проблем, которые нужно решить заблаговременно.

Однако ведь совершенно глупое безобразие — пытаться планировать и решать сказку для души как научный эксперимент. Это уже не будет приключением. Решено! Генерирую просто образ мира, и дальше всё по обстоятельствам. Уж как получится. Наверное, главное — это первый момент. Нужно включить сам мир и хотя бы основных действующих лиц. Там уж пусть они поступают, как сами захотят. Здесь сложностей нет. Пока нет.

Утро субботы. Мама с бабушкой отбыли накануне на дачу. Всю ночь ворочался, размышляя о грядущем путешествии в свои собственные, ожившие мечты. Интересно, а чем я там стал бы жить? В сказке моя специальность не нужна. Хотя, с другой стороны, у меня есть руки и знания, чтобы делать полезные машины. Но это хорошо при долгом пребывании. Но не идти же грабить на большую дорогу! Так что проблема денег для расчётов, скажем, за ночлег, еду, одежду в не похожем на наш мире, остаётся висящей в воздухе.

Быстро завтракаю, облачаюсь в почти новый серо-голубой джинсовый костюм и очищаю карманы от подозрительных с точки зрения древности вещей. Ничего более подходящего для средневековья в моем гардеробе нет. Ну, хотя бы носовой платок — всегда и везде платок. Беру с собой блокнот для рисунков и карандаш. С Богом! Встаю посреди комнаты и закрываю глаза. Лес, поле, город, дорога, принцесса, рынок, таверна, лошади, дворец…

Стою точно на том же месте, что и в прошлый раз. Слева лес, чуть позади ручей, сверху солнце, а впереди всё тот же захватывающий душу слегка холмистый ландшафт. Правда, картина заметно оживилась. Видны обработанные поля и симпатичные домики с хозяйственными пристройками среди этих полей. На самом обширном и дальнем холме раскинулся город,

обнесённый крепостной стеной. Отсюда видны даже крыши домов и извилистые линии улиц. Печной дым над крышами...

От города прямо сюда и далее вьётся немощёная дорога с разъезженной колеёй. Неподалёку на дороге стоит разукрашенная резьбой и золотом темно-красная карета с огромными задними колёсами, запряжённая четвёркой вороных лошадей. Двое ливрейных слуг суетятся около неё. Один копается в сундуке, прицепленном позади кареты, а другой проверяет упряжь лошадей.

Это ж надо так глупо недодумать! Совсем упустил из вида, что принцессы-то пешком не ходят! Но я ведь карету не задумывал, а она есть. Стало быть, карету добавил сам Дом. Такое корректирующее обстоятельство очень обнадёживает.

Принцесса стоит вполоборота в пяти шагах от меня и с увлечением листает моего Андерсена, внимательно рассматривая картинки. Я её такой себе и представлял. Белокурый ангел лет шестнадцати-семнадцати в пышном розово-голубом платье с богатой вышивкой, кружевами. Я сделал шаг, и шелест травы выдал моё присутствие. Ангел обернулась и, прижав книгу к груди, без малейшего признака испуга уставилась на меня голубыми, чуть темнее неба глазами. Есть лишь некоторое удивление при разглядывании моего костюма.

Мне нужно срочно сказать что-то приличествующее случаю. Сдавленно произношу:

– Здравствуйте, – и, указывая пальцем на Андерсена, добавляю: – Это моя книга.

Черт, надо же такое ляпнуть самой принцессе! Хотя и ситуация не для дворцового этикета, которого я, кстати, и не знаю. Судя по пониманию в глазах ангела, она не отрицает какого-то моего отношения к книге, но и отдавать её тоже не собирается. Губки сложились в очаровательной улыбке, и мелодичный голосок произнёс что-то совершенно непонятное, но, судя по интонации, вопросительное.

Я просто опешил от неожиданности. Полный провал моей то ли познавательной, то ли романтической миссии! Надо же так опростоволоситься в настолько важном обстоятельстве, что даже сам Дом не решился на корректировку. Принцессы и их подданные не говорят по-русски! Они могут изъясняться на датском, французском, немецком, английском языке, но только не на русском. На русском говорят царевны.

Не дождавшись от меня ответа, ангел резво развернулась, не отпуская книги, подобрала юбки, и совсем не по-королевски стремительно припустила бегом к дороге. Слуги ждали её у кареты, глядя в мою сторону. Добежав, она что-то приказала одному из слуг, указывая на меня. Тот извлёк из кареты какой-то небольшой предмет, поболтал им в воздухе, показывая мне, бросил в придорожную траву и взгромоздился на козлы. Другой слуга помог принцессе сесть в карету, убрал подножку, захлопнул дверцу и вскарабкался на запятки. Карета запылила по дороге к городу. Мне только показалось или на самом деле изящная ручка помахала мне из окна кареты?

Какое гнусное фиаско! А так хорошо всё началось... Теперь же понятно, что без знания местного языка мне тут и делать нечего. Может, попробовать хоть как-то исправить ситуацию? Нравится мне здесь! Дом, Дом, где ты, Дом…

Опять я в своей комнате. Глубокий вздох. Снова закрываю глаза. Лес, поле, город, дорога, принцесса, рынок, таверна, лошади, дворец, РАЗГОВОР, ЯЗЫК…

Вокруг всё, как и прежде. Карета катит к городу почти от того места, где она была, когда я вышел из этого мира минуту назад. Значит, каждый мой визит в этот мир будет непрерывным продолжением предыдущего? Было бы здорово! Хотя вряд ли. Александр сказал, что здесь нет игр со временем. Время дня в нашем мире совпадает со временем дня в воображенном. Только эпохи могут быть разными. Стало быть, если бы я вернулся сюда не через минуту, а через час, то кареты уже не увидел бы. Уехала бы. Получается, что в промежутках между моими визитами здешний мир будет продолжать жить сам по себе. Наверное, не забывая при этом и меня, как прошедшее событие. Сложненько! А где в пространстве может располагаться этот мир, я теперь уже даже и не пытаюсь понять. Не всё ли равно?

Пробираюсь через траву к дороге. Позади в лесу ритмичный стук. Лесорубы, что ли? Как? Рубят мой лес! Возмутительно!

Выхожу на дорогу в том месте, где стояла карета. Рядом в траве валяется маленький, тёмно-синий, бархатный мешочек со шнурком-завязкой. Подбираю. Тяжёленький. С вышитой золотом короной и вязью латинских букв ВВ. Всё, как и должно быть в сказке. Распускаю шнурок и заглядываю внутрь. Ни фига себе! Примерно поровну золотых и серебряных монет. Всего, наверное, с килограмм, если не больше. Такого богатства я отродясь в руках не держал. Хоть сейчас

давай дёру домой! Правда, Александр упоминал, что корысть в ворота Дома не пролезает.

Вот так принцесса! Интересно, что это? Королевская компенсация именно за книгу Андерсена или сценарием предусмотрен любой подходящий предлог снабжения деньгами? Ведь я же думал об этом.

Мало сказать, что принцесса очень симпатичная. Всё-таки красавица — сам же придумал! Однако никакого любовного трепета, восторга в отношении её у меня нет и в помине. Мешает понимание неестественности происходящего? Наверное, но всё равно интересно и увлекательно уже сейчас.

Памятуя о сказочных воришках, рассортировываю монеты на золотые и серебряные и распихиваю по разным карманам. Вроде всё. Можно двигать к городу. Идти легко. Тропинка вдоль дороги ровная, и не жарко. Интересно, а в чем здесь меряют расстояния? В футах? В локтях*? В полётах стрелы или пули мушкета?

Локтей через пятьсот прохожу мимо чистенькой, ухоженной, как на картинке, фермы. Дом и другие строения далеко от дороги, но видно, что там кто-то есть. Через щель изгороди на меня смотрит большая, пятнистая свинья и похрюкивает, моргая маленькими глазками. Галльский петух с высоты забора подозрительно и презрительно обозрел меня правым, а затем и левым глазом. Видимо, угрозы он во мне не разглядел и поэтому решил не тревожить своих хозяев зряшным кукареканьем.

По законам жанра меня вроде бы должна догнать какая-нибудь повозка и подбросить до города. И в самом деле — позади за холмом слышатся постепенно нарастающие скрип и дребезжание какого-то транспортного средства. Останавливаюсь, оборачиваюсь и жду. Телега — не телега. Фургон — не фургон. Что-то похожее на то и другое вместе, нагруженное кучей пузатых мешков, корзинами, бочками и влекомое парой серых, мохнатых, низкорослых лошадок.

На высоком сиденье с вожжами в руках восседает довольно примечательная, немного полноватая фигура. Слегка потрёпанные и испачканные коричневые куртка и широкие штаны явно не характерны для городских франтов. На голове видавшая виды серая кожаная шляпа с обвисшими полями. А под ней — круглая физиономия сорокалетнего мужчины, обрамлённая аккуратно подстриженной бородкой. В прищуренных черных глазках

одновременно благодушие и хитроватость, не очень-то вяжущаяся с общим обликом чуть курносенького простака. Вот если Санчо Пансу снять с осла и пересадить на ко́злы телеги, то будет довольно похоже.

– Не подвезти ли синьора к городу? — на чистом русском языке послышалось с высот тележных козел.

Ура, сработала корректировка речи!

– Подвезти. Сколько запросишь?

– Ну, пять солентино*, — просительно и несколько заискивающе произнёс возница, окинув меня оценивающим взглядом с головы до ног.

Похоже, меня хотят надуть, учитывая мою не типичную для данной местности внешность.

– А сколько это — солентино?

– Солентино — это и есть солентино, — недоуменно ответствует возница, — всегда так было.

Ладно, попробуем подойти к информационно-финансовой проблеме с другой стороны. Я вскарабкиваюсь на ко́злы и устраиваюсь рядом с подвинувшимся возницей.

– А как выглядит солентино?

Возница старательно роется в кармане штанов и выуживает оттуда потёртую медную монету размером примерно в три копейки советской чеканки. Я, в свою очередь, достаю серебряную и спрашиваю:

– А в этой сколько солентино?

Глядя на мою монету, глаза возницы приобретают мечтательное выражение.

– В этой сто солентино.

– А как она называется?

– Декста.

– А больше дексты есть монеты?

– Есть золотой. В нем десять декст.

– Прекрасно. Декста будет твоей, если по дороге расскажешь о городе, к которому мы направляемся, и его жителях. Я иностранец издалека, и мне всё это очень интересно.

– Иностранец издалека, стало быть... И не запылившийся, и без кареты и лошади, и без дорожного мешка. Обычное дело! А рассказать — то почему бы и не рассказать доброму человеку.

А мужик-то не дурак! И к странным явлениям вроде привычный. Тронулись. С высоты козел видно, что дорога как-то весьма и весьма оживилась. Вдали, рядом с городом довольно бурное пешее, конное и колёсное движение в обе

стороны. Да и за нами в отдалении тащится пара повозок. Похоже, с дровами из созданного моим воображением леса.

– У тебя имя-то есть? — спрашиваю я возницу.

– Есть. Как же без имени!

– Ну?

– Что "ну"?

– Если и дальше будешь прикидываться глупым, то слезу и поеду с кем-нибудь другим, кто будет поумнее и кому сто солентино нужнее, чем тебе.

Угроза мгновенно сработала.

– Кристофер. Можно просто Крис.

– А меня можешь звать просто Серж.

С этого момента словоизвержения возницы нужно было уже притормаживать, чтобы не утонуть в совершенно лишних сплетнях и бесполезных сведениях.

Крис — возчик из крестьян. В своей деревне он собирает у селян продукты-изделия для отправки в город, а в городе развозит по заказавшим их торговцам. Все довольны. У Криса есть работа, а у селян нет забот с перевозкой своих товаров в город.

Королевство называется Верн. Точно так же именуется и столичный город, к которому мы подъезжаем. Море и порт Верна, скрытые городским холмом, нам с дороги не видны. Кузен жены Криса держит в Верне неподалёку от порта приличную, чистенькую таверну с комнатами для постояльцев. А если уж сам Крис приведёт постояльца, то этому гостю будет оказано просто несказанное благоприятствие. Почти даром, разумеется.

Король Верна умер два года назад. Никто из горожан даже и не заметил бы его смерти, если бы об этом не было оповещено герольдом на ратушной площади. Со сменой королей спокойная и безопасная жизнь в Верне течёт не прерываясь. Мужского наследника престола умерший король не произвёл на свет. А принцесса Виолетта по древнему закону не может стать королевой, пока не выйдет замуж. До тех пор управление государством находится в руках главного министра. Впрочем, точно так же, как и при покойном короле. Государственный совет во главе с королём или королевой предпочитает просто утверждать решения министров. Так спокойнее.

Наверное, это и хорошо, что титулованное дворянство устранилось от управления государством и городом. Тут нужны способности, а не титул. Министров в королевстве подбирают как раз по пригодности и не важно,

дворянин он или простолюдин. Нынешний главный министр — выходец из цеха кузнецов, а городской магистр — из цеха каменщиков.

Только вот с принцессой Виолеттой уже два года сплошная морока. Претенденты на её руку ходили в Верне первый год после смерти короля чуть ли не толпами, беспокоя своим количеством и выходками местных жителей. Постепенно потасовки между ними сошли на нет из-за бессмысленности. Никто ничего не выигрывал. Деньги кончились, и воинствующие легионы слегка и не слегка побитых потенциальных женихов рассеялись в тех же направлениях, из которых и прибыли за добычей престола. Принцесса словно ждёт кого-то определённого и поэтому отказывает любому из претендентов.

Мне стал понятен вензель "BB" на кошельке из синего бархата — Виолетта Вернская. И буквы вовсе не латинские. Вот это странно. Кошелёк-то мне оставили ещё до языковой корректировки. На нём должны бы быть другие буквы. Например, "VV".

Скрип нашей повозки перекрыл доносящийся сзади топот копыт быстро приближающихся и, судя по частоте стука, совсем не тягловых лошадей. Два всадника поравнялись с нами и придержали коней. Первым ехал молодой человек крепкого телосложения, примерно моего возраста с приятными чертами лица, пытливыми серыми глазами, остреньким носом, узенькими усиками, со столь же узенькой бородкой и растрепавшимися от ветра длинными, темными волосами. Барственная осанка, кольчужная рубашка с чеканными бляшками и длинный кинжал в богатых ножнах выдавали дворянское происхождение. Мне показалось, что я его где-то видел. Вернее, лицо такого типа. Только вот где?

Второй всадник — средних лет, — видимо, оруженосец первого. Блестящие доспехи и длинный меч хозяина приторочены к седлу и бряцают при каждом шаге лошади.

Крис стянул шляпу и слегка двинул головой сверху вниз, наметив поклон.

– Опять в город, Кристофер? — спросил молодой человек. — Всё ещё никак не переберёшься в Верн насовсем?

– Моё почтение, ваша милость. Никак не переберусь. Жене жаль оставлять хозяйство.

– Ну-ну, а кто это с тобой? — молодой человек с любопытством бросил на меня внимательный взгляд.

– Путешественник из дальней страны. Вот везу показать нашу столицу.

– Очень хорошо. Путешественников в Верне любят. Особенно тех, кто с деньгами!

Молодой человек развернул коня и послал его вперёд. Оруженосец рванул следом. Мне показалось, или молодой граф в самом деле на миг обернулся на скаку, глянув ещё раз на меня?

– Кто это? — спросил я.

– Молодой граф Казимир, — ответил Крис, напяливая шляпу. — Наша деревня на их землях.

– С тобой, я смотрю, он приветлив.

– Когда он был мальчишкой, то я прислуживал ему в графском замке. Да и господа, приехав в Верн, останавливаются в таверне у нашего родственника, где и я сам.

– У них нет своего дома в Верне?

– Нет. По моим соображениям, сейчас молодой граф уже, наверное, в седьмой раз двинулся покорять принцессу Виолетту.

– Тоже претензии на королевский трон?

– Пожалуй, трон ему меньше всего нужен. Безнадёжно и страстно влюблён. А скольких женихов он своими руками отвадил от принцессы, то это знают лишь королевский лейб-медик да местные костоправы.

– Экий завязывается узелок!

– Что-что?

– Ничего. Скажи-ка, любезный Кристофер, а где это ты научился так складно, совсем не по-крестьянски изъясняться?

– Так там же, в господском замке. Учили молодого графа, и я попутно тоже учился.

Незаметно за разговорами мы и оказались у городских стен. Кованые ворота широко распахнуты. А локтях в пятидесяти от них в стене низкая и широкая арка, забранная толстой решёткой. В проем арки ныряет не очень широкая, но, похоже, довольно полноводная река. Проследив мой взгляд, Крис пояснил:

– В городе нет колодцев, но в каждый дом из реки приходит вода, — и чуть подумав, добавил: — и не только.

Что означает это "и не только", я понял чуть позже.

Двое стражников у городских ворот приветствовали нашего возницу как старого знакомца:

– Привет, Крис! Гони солентино за ввоз товара!

Возница нехотя полез в свой бездонный карман, но вдруг передумал:

– Я везу в город богатого иностранца. Стало быть, по закону мне положена от города награда в пятую часть его платы мне за провоз.

– Ладно, ладно, сколько он тебе заплатил?

– Пять солентино.

– Да ты с ума сошёл! Где ты видел такие цены за попутный подвоз?

– Синьор, — произнёс один из стражников, обращаясь ко мне, — сколько вы заплатили этому мошеннику?

– Ещё не заплатил, но заплачу пять солентино, как только проедем городские ворота. Так уж договорились.

– Надо же, с невнесением пошлины за ввоз в город товара получается шесть солентино за час пути! Даже если ты вёз попутчика от самой своей деревни. Проезжай скорее, пока мы тебя не поколотили за грабёж иностранцев!

Мы въезжаем в ворота и останавливаемся в тени городской стены.

Я вручаю Крису серебряную монету, которую он принимает с облегчённым вздохом, и спрашиваю:

– Хочешь заработать ещё одну?

– Ещё бы! А что делать?

– Во-первых, мне нужна пища и пристанище на ночь, а ты упоминал что-то о родственнике жены — владельце таверны. Во-вторых, ты покажешь мне город. Согласен?

– Конечно. Только мне сначала нужно развезти товар.

– Вот и поедем вместе.

Крис тронул вожжи, и мы с грохотом и тряской покатили по выложенной булыжником мостовой. От широкой площади у городских ворот расходились веером три улицы локтей по 20–25 шириной каждая. Мы свернули в правую, полого поднимающуюся вверх. Грохот колёс стал намного тише, а тряска почти пропала. Улица вымощена ровным, почти плотно подогнанным друг к другу желтоватым, тёсаным камнем. Короткая трава, прорастающая меж камней мостовой, создаёт изящный, приятный глазу дорожный узор.

– Это улица ремесленников и торговцев. Она называется Рыночной, — пояснил Крис. — Каждая поперечная ей улочка принадлежит разным ремесленным цехам и торговым гильдиям. В Верне нет рыночной площади. Вместо площади — эта улица.

На улице чисто и спокойно, несмотря на обилие людей в похожих на театральные платьях и костюмах, двигающихся туда-сюда вдоль каменных и деревянных домов с лавками. Одни куда-то спешат, а другие останавливаются у лавок и придирчиво рассматривают выставленные товары. Мы сворачиваем в улочку с висящим на углу замысловатым железным сапогом и останавливаемся у

третьего от угла дома. Крис соскакивает с повозки, и я тоже. Надо осмотреться, поразмяться.

Из дома выходит сухопарый старик в кожаном фартуке и подходит к повозке. Крис скидывает на мостовую несколько мешков. Старик развязывает один из них, вытаскивает из него коричневую шкуру, тискает, мнёт её, разглядывает на свету и даже нюхает. Наконец он удовлетворённо кивает головой и жестом приглашает нас войти в дом.

Большая комната со столом-прилавком. Запах кожи и, наверное, дёгтя, которым намащивают дратву. По стенам полки с образцами кожи и готовой обувью. За распахнутой дверью в другую комнату видны несколько мастеров, сосредоточенно работающих шилом и молотком. Цены на кожи, видимо, оговорены заранее, и хозяин мастерской уже отсчитывает Крису монеты. Его взгляд случайно падает на мои кроссовки, и рука с очередной монетой замирает на полпути. Крис оборачивается, понимающе кивает и говорит старику:

– Иностранец. У них всё не как у нас.

Старик молча кивает, заканчивает расчёт и подходит ко мне.

– Синьор не сочтёт за оскорбление, если я униженно попрошу посмотреть его башмаки?

– Не сочтёт, не сочтёт, — отвечаю я, мигом скидывая кроссовки.

Старик ставит их на прилавок и начинает сосредоточенно рассматривать, поворачивая из стороны в сторону, прощупывая и заглядывая внутрь.

– A-di-das, — прочитывает он по слогам, — Великий мастер этот Адидас! Нигде не видно прошивки подошвы, а лёгкость и мягкость какая! Словно воздушные. А кожа-то, а кожа-то ве́рха какова! И подмётка по твёрдости чуть ли не каменная и в то же время почти прозрачная. Шкура дракона?

– Не знаю, — честно признался я, — может быть.

– Продайте мне. Готов заплатить за это чудо две… нет, три дексты.

– Даже не просите!

– Четыре!

– Не могу — подарок.

Чуть ли не на бегу напяливаю кроссовки и вскакиваю на козлы. Крис уже там и подстёгивает лошадей. Последнее, что успеваю заметить, — это чуть не плачущий старик-сапожник с выражением лица как у ребёнка, которому только что не купили удивительную игрушку.

– Пять, — доносится нам вслед.

– Теперь куда? — спрашиваю Криса.

– К виноторговцам, — и в удивлении вертит головой. — Пять декст! Надо же отказаться! Видно, ты и в самом деле не беден.

Молчу. Сворачиваем в улочку с виноградной гроздью на углу и сразу же останавливаемся. Из дома выскакивают пара здоровенных парней и без всяких разговоров пристраивают к повозке доски, скатывают три бочки, которые мгновенно исчезают в распахнутых воротах. Переваливаясь с боку на бок, из ворот выплывает фигура, сама похожая на бочку. Маленький, толстый и лысый мужчина степенно подкатывает к повозке и протягивает Крису деньги, которые мгновенно исчезают в его бездонном кармане.

– Теперь к портным — к Льюису, — и мы сворачиваем в улочку с гигантской иголкой на углу. Непривычная для человека советского мира чистота, обилие цветов на окнах и одна за другой — портновские мастерские и лавки торговцев тканями в непрерывном ряду. Подкатываем к одной из них. Я помогаю Крису снять с повозки оставшиеся мешки. Сами затаскиваем их в двери. На полках многоцветье маленьких и больших рулонов тканей и тонких кож, наверное, со всего света. Здесь тоже запах кожи, но приправленный уже не дёгтем, а воском.

У прилавка клиент в широкополой шляпе с пером беседует с хозяином — вероятно, самим Льюисом. А рядом наготове подмастерье с каким-то полосатым шнурком в руках.

– Привет, Крис. Что привёз? — хозяин, передав клиента помощнику, выходит из-за прилавка, развязывает первый мешок и вдруг замирает, раскрыв рот, глядя на меня. Крис, не заметив этой метаморфозы в хозяине, машинально произносит:

– Немного сукна и побольше полотна.

Потом чувствует, что происходит что-то не то, но всё понимает, проследив взгляд хозяина. Обречённо вздыхает и повторяет уже однажды произнесённую фразу:

– Иностранец. У них всё не как у нас.

Но хозяин уже не слушает его. Бросив мешок и сорвавшись с места, он начинает описывать вокруг меня какой-то ритуальный танец, приговаривая при этом:

– Какая прелесть! Какое простое и вместе с тем мудрое решение! Ничего лишнего. Движений не стесняет. А карманов-то, карманов-то сколько и все там, где нужно и для того, что нужно. О, и внутри тоже! Поразительно! Восхитительно! Неподражаемо! — он бесцеремонно и восторженно осматривает, ощупывает мою бесценную джинсу, не обращая внимания на позвякивающие в карманах монеты.

Хотя мне и льстит такое внимание к моей экипировке, тем не менее, я вкрадчиво прерываю восторги рыцаря иглы и утюга, стараясь быть максимально тактичным:

– Нельзя ли нижайше побеспокоить вас просьбой указать мне, где в вашем гостеприимном доме находится туалет?

– Что-что?

– Туалет.

– ???

– Ну, такая маленькая комната для отправления естественных надобностей.

– Ах, клозет, — с облегчением догадывается хозяин портняжного заведения, — конечно, конечно, прошу за мной.

Мы выходим во внутренний дворик, он указывает на симпатичную кирпичную будочку, крытую черепицей, и тоже тактично исчезает.

Стиль строения, разумеется, не деревенский, как у нас. Захожу. Мама родная — вот так сюрприз! Никаких характерных для заведений такого рода запахов. Посреди широкая, толстостенная керамическая ваза без дна высотой до колена, и там, внизу журчащий поток воды. Теперь ясно, что имел в виду Крис, говоря, что река несёт в город воду не только для питья. Понятна и чистота улиц, и отсутствие гнилостного смрада в воздухе, который неизбежен для поселений без канализации.

Возвращаюсь в мастерскую. Крис и Льюис уже рассчитались между собой, мешки куда-то унесли, а они оба ожидают меня явно с каким-то замыслом.

– Льюис хочет купить твой костюм для образца. Хорошо заплатит.

– Да-да, очень хорошо заплачу, — подтверждает местный модельер-конструктор и с надеждой, улыбаясь, смотрит на меня.

– И бесплатно сделает тебе другой костюм, какой захочешь, — добавляет Крис.

– Да-да, совсем бесплатно, — подтверждает местный Пьер Карден.

Нелепое положение. Отказать как-то неудобно. Сапожник не мог бы заменить мне кроссовок чем-нибудь, в чём можно появиться в своём мире. С джинсой — другое дело. Сшить можно что угодно. Только вот что я отвечу маме на вопрос о пропаже подаренного мне дефицитного костюмчика? Нет, продавать нельзя.

С другой стороны, Льюис, понятно, вознамерился сделать хороший гешефт на новой модели. Джинсы, безусловно, — очень простая и удобная одежда, заведомо обречённая на успех даже в средневековье. Льюис никакого понятия

об авторском праве иметь не может. Но и в этом мире, наверное, существуют какие-то условности относительно копирования чужих изделий. Иначе бы Льюис не заходил бы так издалека с покупкой.

– Ладно, — говорю я, — продать вам костюм, Льюис, к сожалению, я не могу.

Улыбка мигом сползла с его лица.

– Но, — продолжаю, — мы можем с вами заключить другую сделку. Вы к сегодняшнему вечеру сошьёте мне из тонкой коричневой кожи точно такой же костюм и доставите его, куда скажет вам Крис. В свою очередь, за такую услугу я позволю вам копировать мой костюм без каких-либо ограничений в любом количестве и материале. Подходят вам такие условия?

– Да-да, конечно, да. Пьер, Пьер, беги сюда!

И они с подмастерьем принялись энергично обмерять меня в длину и ширину с помощью полосатого шнурка. Крис подсказал адрес доставки заказа, и мы отправились дальше, свернув в улочку с вывеской в виде то ли рогатой коровы, то ли быка на углу. Здесь мы быстро справились с доставкой сыра, сдав торговцу по счёту пять корзин жёлтых шаров. Повозка опустела. Встал вопрос, куда двигать дальше. Смотреть город или устраиваться с кормлением и жильём? Время около полудня. Обедать рановато. Решили всё же заехать в таверну и застолбить за собой ночлег и обед.

Продолжая двигаться всё по той же Рыночной улице, незаметно перевалили её вершину, и мостовая, расширяясь, пошла на спуск. Отсюда меж домов уже видны морская синева и мачты кораблей в порту. Останавливаемся на половине спуска у симпатичного фахверкового дома с заманчивой и пугающей вывеской "Морской дракон". На ней искусно нарисован какой-то зверь в волнах с огромной пастью, непринуждённо закусывающий двухмачтовым парусником. У дома — коновязь с парой верховых лошадей, а через распахнутые рядом с домом ворота видны дворовые постройки и распряжённая карета.

Заезжаем в ворота. К нам мгновенно подбегает мальчик и принимает вожжи у Криса. О лошадях можно не беспокоиться. Через заднюю дверь входим в таверну. Большой зал. Несмотря на немаленькие окна, здесь темнее, чем должно бы быть. Наверное, потому, что всё убранство в умеренных коричневых тонах, приглушающих свет. Отделанные деревом стены, балки перекрытия, потолок, столбы, поддерживающие второй этаж, стойка, двери, столы и стулья,

лестница наверх покрыты грубоватой, но замысловатой и красивой резьбой. На стенах расписные тарелки, оружие и несколько картин с морем и кораблями. За стойкой изобилие разноцветных бутылок и бочонков с краниками. Уютненько!

Божественные запахи описать труднее. Жареное мясо, смешавшиеся запахи множества специй и ещё что-то совершенно неуловимое создают непередаваемо сказочный аромат, способный свести с ума не только голодного, но и сытого. Всё это впиталось в стены и живёт своей неизменной жизнью, не всегда, наверное, совпадающей с переменчивой кухонной.

К нам подскакивает чисто выбритый мужчина лет пятидесяти в колпаке с кисточкой на голове. Хозяин таверны и родственник жены Криса.

– Серж, — представляет меня Крис.

– Колин ван Берн, а для друзей просто Колин.

– Сержу нужна комната на ночь и стол на сегодня и завтра.

– Нет ничего проще. Всё есть в лучшем виде. И постояльцы вполне приличные, спокойные. Молодой граф Казимир, барон Шварц, вчера откуда-то прибывший для сватовства к принцессе, да две семейные пары, ждущие отплытия на корабле.

– И это ты называешь спокойствием? — взвился Крис. — Казимир и какой-то возможный жених в одном доме! Твоя таверна ещё цела только потому, что Казимир, наверное, не подозревает о сопернике под боком.

– Черт побери, но не мог же я отказать ему в постое!

– Да, конечно, не мог. Тащи вина, и будем надеяться на Бога.

Нектар — это не самая удачная характеристика тому вину, которое поставил на стол Колин. Правда, знаток и ценитель вин из меня никакой, но чувство вкуса у меня достаточное. Разобраться, что хорошо, а что не очень, могу вполне. В запах поставленного на стол вина хочется погрузиться по уши и никогда оттуда не вылезать. А вкус… Нет слов! Сладкое, но не слишком. Со вкусом винограда, вишни, земляники и малины одновременно. Стоит только смочить кончик языка — и возникает ощущение, словно вкус с запахом взбираются

по языку вверх, лаская органы чувств, проникая в нос, глотку, лёгкие, мозг. Это не питие. Это сумасшествие наслаждения от капельки.

Выходим с Крисом из таверны и неспешным шагом спускаемся к порту. Корабли, корабли, корабли… Большие и маленькие. Старые и новые. Простые и разукрашенные. Чистые и грязные. Крики чаек, запах просмолённых бортов и тяжеловатый дух гниющих водорослей.

Разгар дня — разгар портовых работ. Скрип снастей и корпусов кораблей. Катятся бочки с кораблей и на корабли. Тащатся ящики, бутыли, корзины. Рвутся верёвки. Падают грузы. Ругаются люди. А за всем этим — безбрежная синь спокойного моря и столь же безбрежная голубизна неба. Лёгкий ветерок с моря ласкает и приятно охлаждает кожу.

Знакомый Крису мастер цеха грузчиков сопровождает нас вдоль причалов, зорко следя за происходящим на них.

– Вот королевский военный фрегат, — говорит он, указывая на странного вида посудину, и добавляет: — Последний.

Парусов нет. Борта в зелени водорослей. Пушек нет и в помине в раскрытых портах. Команды не видно. Впрочем, нет — какая-то фигура в замызганной одежде выбирается из недр корабля. Лениво потягивается. Лениво подходит к борту. Лениво таращится на нас. Лениво сплёвывает за борт и лениво удаляется туда, откуда появилась.

– И это военный флот? — удивляюсь я.

– Флота уже давно нет за ненадобностью, — ответствует мастер, — не воюем уже лет сто. Сначала долго держали флот и армию на всякий случай. Но потом постепенно от них избавились. Королевский волшебник лучше армии и флота защищает границы, а обходится в тысячу раз дешевле.

Последний причал. За ним чистый песчаный берег с лениво набегающими волнами. Здесь уже стоят несколько человек из портовых работников и разношёрстная группка горожан. Они что-то внимательно высматривают то ли на берегу, то ли в волнах. Мастер озабоченно взглядывает на солнце, видимо, прикидывая время, и отдаёт какую-то команду портовым. Те резво бегут мимо нас в ближайший склад и волокут оттуда стол, довольно вместительный бочонок и корзину кружек. Ставят стол на песок в приличном отдалении от людей. На стол водружают бочонок, расставляют десятка три кружек и бегут к нам.

– Сейчас вы увидите представление, — предупреждает мастер, — но лучше бы его не было.

– А что в бочонке-то? — спрашиваю у мастера.

– Тёмное пиво.

Ждём минуту, другую, третью… Вдруг поверхность моря вблизи берега заходила волнами, набежала на песок и… Что за черт! Не может такого быть! Но всё-таки есть, протирай глаза или нет. "И тридцать витязей прекрасных из вод морских выходят ясных и с ними дядька их морской…" Вроде бы как-то так у

Пушкина. Да, выходят, сверкая щитами и кольчугами. Да, именно тридцать. Сосчитано. Да, по подчинённости с дядькой своим бородатым. Или старшим братом по родству? Но они же не из этой сказки! Как сюда попали?

Группа вооружённой холодным оружием молодёжи, совершенно раскованно переговариваясь между собой, располагается на песке вокруг стола. Бородатый дядька с огромным мечом наливает себе кружку пива, одним духом опрокидывает себе в рот и, громко, удовлетворённо крякнув, утирает усы от пены. Затем начинает разливать пиво по другим кружкам и передавать своим подопечным. Встряхнув напоследок бочонок, дядька убеждается, что сможет выцедить из него себе ещё с половину кружечки. Что и проделывает со всей тщательностью. Раздаётся львиный рык дядьки, группа молодёжи вскакивает, подхватывая щиты и мечи, строится и степенно уходит в море во главе со своим предводителем.

Я в полном обалдении. Ошибся Дом, смешав сказки? Или у меня где-то и когда-то мысли перепутались?

– И давно это чудо у вас появилось? — спрашиваю мастера.

– Наверное, с неделю. Как первый раз вышли, то всё порывались куда-то по берегу идти дозором и кого-то от чего-то охранять. Но никак не могли сообразить, в какую сторону идти. Всех перепугали настолько, что работы в порту остановились. Горожане в беспокойстве. Такая ведь неуправляемая силища — и прямо в столице! Пришлось мне с городским магистром и главным министром идти на переговоры со старшиной отряда. Сошлись на ежедневном бочонке пива за то, что они никуда не двинутся с этого места. Пока мы не выясним, куда им идти дозором и откуда. Здесь их оставлять совсем не хочется. Пока что мы ничего не узнали.

– Вы упоминали королевского волшебника. К нему обращались?

– Призывали. Он постоял, посмотрел и сказал, что это за пределами его возможностей.

Само собой. Сказки-то разные.

– Надо подумать. Может, я смогу тут чем-то помочь.

– Вы волшебник?

– Нет, но раз ваш волшебник не смог ничего исправить, то дело совсем не в волшебстве. Если я что-то придумаю, то вам сообщу.

От порта мы с Крисом возвращаемся в жилую часть города уже по средней из больших улиц. Мне всё больше и больше нравится этот чудесный городок.

– Эта улица называется Королевской, — начинает Крис.

– И ведёт к королевскому дворцу, — закачиваю я.

Мы переглядываемся и дружно хохочем. Проходим мимо строя богатых домов, украшенных колоннами, скульптурами, росписью, мозаиками, и оказываемся на обширной, круглой площади с фигуристым фонтаном на десять струй в центре её. Интересно, за счёт чего он работает? Водонапорной башни в округе не видать.

– Вот это городской магистрат, ратуша, — говорит Крис, указывая на вытянутое вверх четырёхэтажное здание со шпилем, — а это дом королевского волшебника.

– Разве он живёт не во дворце?

– Нет, там места маловато. Да вот и он сам, — кивнул Крис в сторону проезжавшего мимо нас всадника.

Ну и волшебники в этой стране! Никакой седины, никакой бороды. Да и вообще — этот чисто выбритый человек вряд ли больше чем лет на пять старше меня. И ничего сверхъестественного и тем более зловещего в нем не чувствуется. Горожанин как горожанин. Разве что осанка преисполнена необывательского достоинства. Королевский волшебник проехал мимо, спешился у своих дверей и, не привязывая лошадь, скрылся в своём доме.

– Ну и дела! И этого я, кажется, тоже где-то видел, — я и не заметил, что произношу это вслух.

– Ты видел не его — Жозефа, а его младшего брата Казимира. Они очень похожи.

– Час от часу не легче. А почему же он не приютит брата, когда тот приезжает в Верн?

– Дом принадлежит королю, и по обычаю королевский волшебник всегда живёт один. Обрати внимание. Вот и сам королевский дворец, напротив магистрата.

– Этот домик — королевский дворец?

– Он самый.

Наверное, я ничего не смыслю в королевских дворцах. Мы привыкли, что дворцы — это громадины Лувра, Эрмитажа или Эскуриала. Хотя, с другой стороны, и двухэтажный домишко в Летнем саду — тоже дворец своего времени для Петра Первого. А этот гораздо внушительнее. Этажей три, а больших, двустворчатых окон второго этажа по фасаду — аж все девять. Прочие архитектурные атрибуты дворца в виде королевского герба, ажурных решёток,

балкончиков, амурчиков и даже горгулий тоже имеются. Но всё это такое миниатюрное, хрупкое, миленькое, что издали похоже на игрушечное.

– Знаешь что, Крис, посиди у фонтана, а я схожу, представлюсь вашей принцессе. Очень хочется на неё взглянуть.

– Думаешь, тебя пустят?

– Не знаю, но попробовать стоит.

Подхожу к резным застеклённым дверям и привожу в движение бронзовый молоток. Тишина. Стучу ещё раз.

– Иду, иду, — глухо доносится из-за двери.

Лязг засова, лёгкий скрип дверных петель — и передо мной появляется человек лет шестидесяти в чёрном камзоле с усталым взглядом.

– Что вам угодно, молодой человек?

– Хочу засвидетельствовать принцессе своё почтение.

– Вы с ней знакомы?

– Немного.

– Жених?

– Нет.

– Тогда кто? Как вас представить?

– Серж, — шарю в кармане и протягиваю привратнику синий, бархатный кошелёк.

– Вот даже как! А деньги из кошелька где?

– У меня.

– Ну да, ну да, конечно же, у вас. Казна почти пуста, а принцесса разбрасывает кошельки направо и налево. Серж, Серж, — повторил он, как бы что-то вспоминая. Глянул через моё плечо на фигуру Криса у фонтана. – Ах, ну да, иностранец, взвинчивающий цены на перевозки людей! Это же надо! Заплатить пять солентино за пару тысяч локтей пути на простой повозке! Впрочем, кошелёк её высочества… Не жалко этих денег. Понимаю, понимаю. Заходите, — и он отступил в сторону, пропуская меня внутрь.

– А вы неплохо для привратника осведомлены о событиях в городе, — заметил я.

– Я не привратник. Я главный министр Герц и обязан все знать. Во дворце всё по-домашнему. Кто окажется ближе к дверям, тот и открывает. Если бы вам повезло, то открыла бы и сама принцесса. Идите со мной.

Пожалуй, Герц несколько преувеличивает печальное положение казны. По дворцу этого не скажешь. Всё убранство в идеальном состоянии и порядке. Нигде ни пылинки, ни признаков износа или пренебрежения. Везде свежие цветы, и не скажешь, что безлюдно. То здесь, то там промелькнут слуга или служанка с какими-нибудь атрибутами своей службы вроде подноса или метлы.

Поднимаясь на второй этаж, я любуюсь окружающей красотой и изяществом интерьера дворца и пропускаю мимо ушей сетования Герца по поводу тягот управления государственными делами. Только когда он упомянул портовый инцидент с участием группы морских рыцарей неизвестного происхождения, я его прервал.

– Синьор Герц, вот как раз в решении этой проблемы я вам, скорее всего, смогу помочь. У меня на родине такие случаи бывали, и мне известно, как они разрешаются.

– Синьор Серж, вы просто не представляете, как мы все были бы вам благодарны. Такая помощь достойна королевского ордена, но, увы, вручать ордена может только король или королева. А принцесса Виолетта ещё не королева.

– Я вас понял, синьор Герц, и не претендую ни на какую государственную благодарность.

Герц заметно повеселел и потеплел.

Вот и скажи после такого дипломатичного финта, что Герц из кузнецов. Наградить тем, чего не может дать… Настоящий политик!

– Прошу вас сюда. Сейчас доложу принцессе.

Великолепная, в меру роскошная гостиная в бежевых тонах. Большой круглый стол и ваза с цветами на нем. Портреты и зеркала по стенам. Мягкие, удобные стулья и кресла. А это что? Клавесин или пиа…

– Здравствуйте, Серж, — раздался у меня за спиной ангельский голосок.

– Здравствуйте, Виолетта, — отвечаю я, ещё даже не полностью обернувшись.

Она, слегка улыбающаяся, в двух шагах. Теперь уже в зелёном платье. Целовать или не целовать руку?

– Не надо, Серж. Всё равно у вас по этикету не получится.

– Ну и не буду. Как вы догадались?

– По вашему озадаченному виду. Садитесь, пожалуйста.

Устраиваемся в креслах напротив друг друга. С минуту молчим. Принцесса прерывает паузу:

– Серж, вы волшебник?

– Почему вы так решили?

– Ваша книга. Когда я, гуляя, подобрала её, она была на каком-то непонятном языке. И ваши первые слова тоже ничего для меня не значили. А когда я приехала во дворец и опять раскрыла книгу, то оказалось, что я могу её читать. Великолепные сказки! Да и сейчас мы с вами разговариваем.

– Если тут и есть какое-то волшебство, то совсем немного и не моё. Важно, что всё сложилось как надо.

– Вы думаете, сложилось? И при этом именно как надо? Тогда раскройте секрет, Серж. Зачем было нужно, чтобы я вас ждала? Почему на прогулку меня потянуло так далеко от дома? Что подтолкнуло меня оставить вам свой кошелёк? Вот теперь вы здесь — и что дальше? Я в вас не ощущаю ко мне любви и у меня к вам её нет, — и, на мгновение задумавшись, добавила: — Вроде бы…

Вот, что называется, вопрос на засыпку или взять быка за рога. Но ведь я сам всё это затеял, и нужно теперь как-то выкручиваться. Стараюсь попасть наугад.

– А вы уверены, Виолетта, что ждать нужно было именно меня? Может, моё появление говорит о том, что ждать какого-то чуда откуда-то совсем было не нужно? — тут я, конечно, малость кривлю душой. Но, что делать, неестественность ситуации как-то выправлять надо. Хотя бы для принцессы.

Теперь её очередь задуматься. И довольно надолго. Просто видно, как бушуют мысли в её очаровательной головке, а взгляд не отрывается от моего лица. В глазах интерес, постепенно переходящий в изумление. Принцесса резко встаёт и протягивает мне руку.

– Идите сюда, Серж, — и подводит меня к ближайшему зеркалу. — Вот ваше лицо. Добавьте к нему тонкую бородку и усы. Положите на голову длинные волосы. Кого увидите?

– Казимир? То-то его лицо мне показалось чем-то знакомым.

– А вы, Серж, не знали?

– Клянусь — нет!

– У старого графа только двое сыновей: Жозеф и Казимир. Откуда и кто вы?

– Из очень далёкой страны. В которую и вернусь. А может, и не вернусь. Мне очень нравится в Верне. Куплю на ваши, принцесса, деньги домик, найду работу. Я ведь неплохой механик. Или нет: куплю домик и буду заезжать в Верн иногда как гость.

Принцесса засмеялась.

– Вы, Серж, просто какой-то таинственный мечтатель, а мне нравятся мечтатели. Сама такая. Мы могли бы быть друзьями.

– Могли бы, — вздыхаю я, — если молодой граф Казимир не заметит между ним и мной сходства и не начнёт искать причин. Насколько я слышал, он влюблён в вас, Виолетта, и очень ревнив.

– Просто ужасно ревнив, а сегодня ещё и ужасно зол. Ведь я ему опять отказала. Вслед за бароном Шварцем.

– Значит, оба ужасно злы. И при этом оба остановились в "Морском драконе".

Принцесса побледнела.

– Он ведь убьёт его!

– Насколько мне известно, Казимир ещё никого от злости не убивал.

– Да нет же! Это Казимир для барона просто игрушка. Мария, Мария, быстро карету!

Мы слетаем вниз по лестнице и выходим на площадь. Кареты ещё нет. Принцесса в нетерпении стучит каблучком. Подбегает Крис. Обрисовываю ситуацию.

– Нужно взять с собой Жозефа. Он ко всему ещё и хороший лекарь, — предлагает Крис.

– Верно, — подтверждает принцесса.

– Вот что, Крис, — командую я, — стучи к королевскому волшебнику и тащи его быстро в "Морского дракона". Мы с принцессой вас ждать не будем. Вон уже карета.

Это была не скачка, а какой-то бешеный полет. В котором карета потеряла правую дверцу, соприкоснувшись со стеной дома в каком-то узком проулке. Чудом никого не сшибли, благодаря лужёной глотке кучера. От его криков народ разбегался на двести локтей впереди.

Вот и "Морской дракон". Останавливаемся. Я предупреждаю:

– Виолетта, не забывайте, что вы принцесса.

– Да-да, конечно.

Я выпрыгиваю в дверь без дверцы и галантно подаю ей руку. Принцесса чинно выходит, и мы не спеша вплываем в таверну. Мыслей в голове никаких, и я с порога небрежно изрекаю:

– Мы с принцессой проезжали мимо и услышали у вас в заведении какой-то шум. Решили взглянуть, в чем дело.

Колин, стоявший посреди зала, вроде хотел что-то сказать, но так и замер с открытым ртом. Шума, конечно, нет никакого. Уже нет. Молодой граф Казимир — один из наследников древнего рода — неподвижно лежит на полу в углу зала. На всякий случай я придерживаю принцессу за рукав, чтобы она не бросилась к телу. Жалобно заскрипела лестница. Вниз спускается человек-гора чуть ли не четырёх локтей ростом и полутора локтей в плечах, за которым слуга тащит сундук. Человек-гора подошёл к принцессе и виновато потупился.

– Барон, что тут произошло?

– Простите, принцесса, но я только защищался.

Он бочком протиснулся в уличную дверь и исчез вместе со слугой и сундуком.

Вместо него вваливаются Жозеф и Крис.

– Жозеф, посмотрите, что с вашим братом, — распорядилась принцесса.

Тот встал на колени над телом и приложил ухо к груди лежащего. Затем осмотрел его голову и констатировал:

– Единственное лекарство, которое нужно — это ведро холодной воды. Колин, принеси!

Колин ожил, бросился во двор и мигом вернулся с ведром воды.

– Лей! — и ведро было опорожнено.

Тело зашевелилось и, демонстрируя признаки жизни, начало отфыркиваться от воды, попавшей в рот.

– Колин, что тут произошло? — требовательно спросила принцесса.

– Я сам в удивлении, ваше высочество. Граф Казимир влетел в таверну в своём обычном после визита к вам, принцесса, настроении. То есть злой как тысяча чертей. Барон как раз заканчивал обед перед отъездом. Граф подскочил к нему и закричал что-то в смысле: "За невестой прибыли? Дома своих не хватает?" или что-то в этом роде, но более образно и откровенно. Не при дамах будь сказано. Затем схватил со стола кубок и выплеснул содержимое барону в лицо. То есть граф думал, что выплеснет. Кубок был пустой. Но всё равно оскорбление. Барон небрежно приподнялся и сделал вежливый жест рукой. Как бы отвечая на обращение графа Казимира. Граф упал на пол как подкошенный. Никогда ещё такого не было. Обычно падали собеседники графа.

– Поучительная история, — заметил Жозеф. — Нашла коса на камень.

– Принцесса, прошу вас за стол, — предложил я, — а пострадавший пусть пока приходит в себя. Кстати, а куда он делся?

Только лестница скрипнула где-то наверху.

– Жозеф, Крис, принцесса приглашает вас разделить с ней трапезу. Колин, твоего чудного вина и всё, что есть на плите, тащи сюда! Обед давно прошёл, а мы ещё не ели.

Правда, не обедали-то мы с Крисом, а остальные — не знаю. Жозеф предложил принцессе стул, а Колин торжественно принёс тонкой чеканки кувшин и стаканчики на расписном подносе.

– Какое небывалое вино! — восторженно пропела принцесса своим ангельским голоском, — у нас во дворце такого нет.

– У вас во дворце много чего нет, — послышалось откуда-то сбоку.

Появился Казимир, таща за собой стул, и уселся справа от принцессы. Успел как-то переодеться в сухую одежду. Левый глаз уже заплыл, а глазница посинела.

– Колин, ещё стаканчик!

Два… нет, три стаканчика подряд залпом — это варварское издевательство над божественным напитком.

– Казимир, вы меня очень огорчили.

– Виноват, принцесса! Больше не повторится.

– Надеюсь, что не повторится, и даже — скорее всего. Барон ведь уехал.

Сидящие за столом прыснули от смеха, а виновник чисто по-мальчишески покраснел.

– Чтобы вас защитить, Казимир, я сегодня же издам указ о прекращении соискания моей руки.

– Вы очень добры, принцесса.

– Вы даже и не подозреваете, Казимир, насколько я добра именно к вам. Я даже позволяю вам повторить сегодняшнюю попытку сватовства. Но не ранее, чем через две недели. Когда с вашего лица исчезнут следы пребывания в нашей стране барона Шварца.

Воцарилось молчание. Такого поворота никто не мог и ожидать. Жозеф в облегчении вздохнул. Казимир в обалдении застыл. И тут начали подносить блюда и тарелки…

Чего тут только не было! И целиком зажаренная на вертеле курица. И нежнейшее тушёное мясо без единой жиринки. И только что прокопчённый свиной окорок. И тающие во рту сосиски размерами с небольшие колбасы. И бульоны из птицы и не птицы. И запечённые на курином жире клубни диковинного ещё пока в Верне овоща — картофеля. И целая дюжина кастрюлек с соусами и приправами. И ещё куча разных блюд, в происхождении и составе которых мне так и не удалось разобраться. Но, в общем, — явно не рыбный день.

С таким вином, закуской и сотрапезниками время летит незаметно. Даже если обмениваться только междометиями, отмечающими качество блюд. А больше ничего и не требуется, когда перед вами происходит спектакль любовного ухаживания и его приятия.

Казимир старался вовсю. Отрезал и вырезал принцессе самые лакомые кусочки. Предлагал попробовать тот или иной соус. Подливал вина. А когда дело дошло до десерта, то выбирал и очищал самые спелые плоды. Принцесса сдержанно, но благосклонно принимала эти знаки внимания, и только когда

кавалер отворачивался, лукаво и заговорщицки улыбалась мне. Крис как заворожённый созерцал это действо. Жозеф сосредоточенно молчал, а я время от времени смотрел по сторонам.

Заведение постепенно заполнялось народом. Многие узнавали принцессу и подтверждали это, сняв шляпу, небольшим поклоном. На что она в ответ вежливо кивала. Стало шумнее, а в дальнем углу появились музыканты и стали тихо наигрывать что-то нудное.

Идиллию нарушил Герц, материализовавшись из ниоткуда.

– Ваше высочество, во дворце беспокоятся, куда вы пропали.

– Провожу время с друзьями, господин министр.

– Но ведь уже десять часов вечера!

– Да-да, вы правы. Пора домой. Казимир, распорядитесь, чтобы подали мою карету. Серж, проводите меня, пожалуйста.

Мы вышли на улицу. Жозеф и Крис остались за столом, а Герц поспешил к своей коляске.

– Спасибо вам, Серж.

– И вам спасибо, Виолетта.

Она удивлённо приподняла брови, но промолчала. Подкатила карета. Оторванная дверца оказалась уже на месте. Казимир выскочил изнутри.

– Я вас провожу, принцесса.

– Не надо, Казимир. Мы сегодня достаточно времени провели вместе, — и протянула ему руку для поцелуя.

Карета скрылась, а Казимир отцепил от коновязи свою лошадь, вскочил в седло и не спеша двинулся по улице вниз, в сторону порта.

За столом всё те же. Только Крис уже клюёт носом.

– Крис, может спать пойдёшь?

– Пожалуй, пойду, — и, слегка спотыкаясь, побрёл к лестнице на второй этаж.

– Мой братец, наверное, решил прогуляться от избытка чувств?

– Ага. Жозеф, у меня такое предчувствие, что вы не прочь меня расспросить о чем-то.

Жозеф достал трубку, не спеша набил её табаком, прикурил от свечи, затянулся и пустил в потолок густой клуб дыма.

– Серж, а у меня такое предчувствие, что вы мне не скажете даже, ни кто вы, ни откуда, ни зачем.

– Пожалуй, не скажу.

– Поймите, — это не просто досужее любопытство. На мне защита государства. Мне известно, что вы никогда не были в Верне, а принцесса не покидала Верна. Вдруг вы появляетесь неизвестно как, и оказывается, что вы

чем-то связаны с принцессой. Причём до такой степени, что, мне кажется, имеете прямое отношение к событию, произошедшему сегодня за этим столом. Мало того. Вы очень похожи на нас с братом. Хотя, например, он этого не заметил. Всё это очень странно. Не находите?

– Нахожу. Но странность не преступление.

– Верно. Успокаивают две вещи. Вы не волшебник — это точно. И от вас не исходит никакой опасности. Уж я-то в этом разбираюсь.

– Жозеф, если опасности от неизвестности не исходит, то пусть она неизвестностью и остаётся.

– Вы думаете, что волшебники до такой степени не любопытны? — с улыбкой спросил Жозеф. — Ладно, пусть будет по-вашему. Храните свою тайну. Однако и у вас есть вопросы ко мне. Правда?

– Совершенно справедливо. А вопросов два. Вы совсем не похожи на волшебника. И второе. Как вам такую благополучную страну удаётся сохранять без армии и флота?

– Вы, Серж, наверное, представляете себе седобородых, умудрённых годами, опытом и учением волшебников из сказок. На самом деле волшебником нужно просто родиться, и возраст тут играет малое значение. Что вызывает рождение волшебника и почему он может явиться на свет в любой семье? Этого никто не знает, и я в том числе. Может, просто потому, что в нем возникает нужда? Мы не живём больше других людей и так же, как все, болеем и умираем. Мой предшественник умер семнадцать лет назад в возрасте всего шестидесяти пяти лет.

– Вы хотите сказать, что…

– Совершенно верно. Я занял должность королевского волшебника в двенадцать лет. Ну, а что касается вашего второго вопроса, то наша страна потому и благополучная, что не тратит ничего на армию и флот. Нападать на кого-то с целью грабежа побуждает корысть. А если эта корысть ещё имеет и власть, то жди большой беды. В обязанности королевского волшебника входит наблюдение за появлением в сопредельных странах опасных корыстных побуждений у людей, облечённых властью. Когда знаешь, что и у кого, то не сложно и воспрепятствовать заранее.

– Как это невинно звучит — воспрепятствовать. Я уж не рискую спрашивать, что за этим кроется.

– И правильно делаете. А теперь я отвечу на не заданный вами вопрос. Постеснялись, наверное, спросить. У волшебника должна быть определённая этика. Волшебник может многое, но он должен хорошо понимать, во что вмешиваться можно, а во что — никогда.

– Это вы к чему?

– К тому, почему я не вмешиваюсь в отношения между принцессой и братом. Хотя и мог бы.

– Жозеф, вы просто кладезь мудрости. Это я совершенно без иронии.

– Спасибо. Вы когда отбываете, Серж?

– Завтра где-нибудь во второй половине дня. Нужно ещё успеть кое-что сделать.

– Ну да, ну да, в порту. Я приду посмотреть, как вы справитесь с тем, с чем не справился я. До свидания.

– Жозеф положил трубку в карман и вышел из таверны.

Таверна уже почти опустела. Только в углу небольшая компания доигрывает в кости. Колин дремлет за стойкой. Легонько пихаю его пальцем.

– А, что? — вскидывается он.

– Колин, мне бы тоже поспать.

– Сейчас устроим. Жанна, Жанна, проводи синьора в его комнату.

Какая симпатичная и стройная девица! Даже более чем симпатичная. Тонкие черты лица, на котором синие глаза кажутся просто огромными. Нежные губки совершенно правильной формы. А какие прелестные ножки взбираются впереди меня по лестнице! Просто не верится, что такие ножки доводят постояльцев только до комнат. Попытать счастья?

– Вот, синьор, ваша комната. От портного принесли ваш костюм.

На крючке висит кожаное великолепие. Льюис постарался на славу. Пуговицы вообще бесподобные. Сделаны из монет в один солентино.

– Синьору ещё что-нибудь нужно?

– Нужно, — и начинаю приближаться к ней с видом, не оставляющим никакого сомнения в моих побуждениях.

Оплеуха была такой силы, что я полетел на кровать. Жанна погрозила мне кулачком и исчезла за дверью. Нет худа без добра. И ложиться не надо — уже лежу. Хотя и обидно. Я же с хорошими намерениями…

Утром, подавая завтрак, Колин ухмыляется во всю физиономию.

– Что, Жанна разболтала?

– Ей и разбалтывать ничего не нужно. Все постояльцы ведут себя одинаково и всегда получают от Жанны одно и то же. А у тебя одна щека ещё пока толще другой.

Быстро расправляюсь с куриной ножкой, крылышком, пирогом и кружкой напитка, похожего на компот. Подхожу к стойке и спрашиваю у Колина:

– Крис ещё спит?

– Спохватился! Он уже давно домой уехал.

– Вот незадача! Я с ним ещё не рассчитался.

Достаю из кармана серебряную монету.

– Вот передай ему, пожалуйста, а то я скоро отправлюсь домой, — Колин сгребает монету в ящик.

– Что ещё?

– Ещё посчитай, сколько я тебе должен за всё вчерашнее и прочее. А также мне нужно три больших бочонка твоего вина с доставкой в порт к часу дня. Да, и ещё кое-что передать на словах мастеру цеха грузчиков в порту, — и я сказал, что передать.

– Сделаю, — и пошевелил губами, глядя в потолок. — Всё будет стоить дексту и семьдесят пять солентино.

Выкладываю две дексты. Они отправляются в тот же ящик. В карманах ещё полно денег. Вспоминаю вчерашний разговор с принцессой.

– Колин, если бы я захотел купить маленький домик в Верне, сколько это могло бы стоить и что бы ты посоветовал?

– Каменный или деревянный?

– Всё равно. Лишь бы понравился.

– Ну, например, каменный из пяти комнат и кухни может обойтись от сорока до шестидесяти золотых. Нестарый деревянный дом такого же размера — на десять-пятнадцать золотых дешевле.

Возвращаюсь в свою комнату, опустошаю карманы и пересчитываю капиталы. Сорок восемь золотых и сорок декст. Непостижимо. За книжку сказок на неведомом языке? Вполне могу стать домовладельцем. Нужно только вычесть из этого богатства расходы на содержание дома хотя бы в течение трёх лет. Да и оставить на непредвиденное тоже нужно. Спускаюсь обратно в зал.

– Колин, а сколько нужно платить приходящей служанке? Ведь нужен же присмотр за домом в отсутствие хозяина.

– Сорок-пятьдесят солентино в месяц. И не забывай о дровах. Это ещё семьдесят-восемьдесят солентино за зиму. Живёт хозяин или не живёт, а топить надо. Иначе дом быстро стареет, разрушается. Жанна, Жанна!

– Что хозяин?

– Твой дядя свой второй дом ещё не продал?

– Нет.

– Наш постоялец может его сейчас посмотреть?

– Ключ у меня.

– Тогда проводи его, — и, обращаясь уже ко мне, добавил: — Это здесь рядом, на соседней улице. Домик очень неплохой, — и уже в самое ухо шёпотом: — Если задумаешь брать, то больше сорока золотых не давай.

Пока идём, Жанна молчит и не смотрит на меня. Улочка светлая и тихая. Домик в два этажа, как на рождественской открытке — славный и весёлый. Только без снега. Июнь ведь! Первый этаж кирпичный, а второй деревянный. Балкончик с ажурным ограждением, весь в цветах. Дубовая дверь с окошечком. Красная черепичная крыша с крошечными башенками по углам. Соседние дома чуть повыше.

В первом этаже просторная прихожая с лестницей на второй этаж. Комната побольше — столовая с изразцовым камином и окнами на улицу, и комната поменьше — рядом с кухней, окнами во двор. Туалет здесь же, рядом с кухней. Размером обширнее, чем я видел у Льюиса, и вдобавок ещё с огромной деревянной лоханью рядом с вазой-унитазом. Наверное, заменяет ванну.

На втором этаже две одинаковые большие комнаты на улицу и во двор. Великолепная резная мебель, включая большую кровать с пологом в комнате, выходящей окнами во двор. Критиковать нечего. Как же я буду торговаться?

Спускаемся с Жанной вниз и выходим во двор. Премиленький садик. Несколько вишнёвых деревьев, кусты шиповника, жасмина, сирени и цветочные клумбы. Две широкие скамейки и небольшая статуя амура в центре всего этого великолепия. Кованый забор с калиткой на соседнюю улицу, сплошь увитый плющом, как и вся задняя стена дома, кроме окон. Прилегающие боковые стены соседних домов слепые — без окон. Так что происходящее во дворике из посторонних видеть некому и неоткуда.

– Сколько твой дядя хочет за своё владение? — спрашиваю я Жанну.

– Пятьдесят золотых, — отвечает она, пряча глаза.

– Недурно. Мне нужно с ним поговорить. Как у вас в Верне оформляются сделки?

– Здесь немного дальше по улице — контора стряпчего. Вы можете подождать там, а я схожу за дядей.

Стряпчий есть стряпчий, где бы и когда бы он ни был. Это относится и к синьору Имриху. И внешность у него стряпчего, и контора у него стряпчего, и повадки у него стряпчего. Разумеется, он не хочет, чтобы сделка сорвалась. Не будет сделки — не будет барыша.

– Синьор Имрих, я готов без торга заплатить сорок золотых за дом, но никогда не буду платить пятьдесят. Вы понимаете ситуацию?

– Очень хорошо понимаю, синьор Серж. Взаимопонимание — основа моего дела.

Продавец пришёл довольно быстро. По нему не заметно, насколько скоро он двигался. Но Жанна запыхалась. Значит, он может быть очень заинтересован в быстрой продаже, раз так спешил.

Надо сказать, что синьор Имрих довольно энергично и умело взялся за дело. Буквально через три минуты дом стоил уже сорок восемь золотых. Ещё через три минуты — сорок шесть. А ещё через три минуты я стал его владельцем со всем содержимым за сорок четыре золотых.

Однако возникло небольшое препятствие. Одного имени Серж недостаточно для оформления купчей. Нужна ещё и фамилия. Записали "Серж Андерсен", и формальная сторона дела была соблюдена. Приложили к купчей большие пальцы правой руки. Я отсчитал сорок четыре жёлтые монеты, а дядя Жанны передал мне связку из шести ключей и ушёл. Два ключа от парадной двери, два от задней и два от калитки в заборе.

– Жанна, — спросил я, — ты могла бы, работая в таверне, присматривать за домом в моё отсутствие?

– Да, я и сейчас это делаю.

Тут же господин Имрих составил договор о найме на три года. Мы с Жанной приложили пальцы. Я отсчитал синьору Имриху на хранение необходимую сумму для выплаты Жанне ежемесячного жалованья в течение трёх лет и покрытия хозяйственных расходов. Синьор Имрих написал расписку в получении денег на хранение. Жанна получила свои первые пятьдесят солентино, ключи от дома и отправилась в таверну. Я, раздумывая, смотрел ей вслед, пока она не скрылась за уличной дверью.

У синьора Имриха тоже неплохое начало дня.

– Синьор Серж, с вас за оформление сделок одна декста и пятьдесят солентино.

Вполне разумная цена. Учитывая, что он сэкономил мне шесть золотых!

– Синьор Имрих, а сколько вы берете за составление завещания?

– Двадцать солентино.

– Тогда давайте займёмся делом, и я заплачу вам за все услуги две дексты.

Как опытный стряпчий, синьор Имрих быстро состряпал завещание Сержа Андерсена. По этому завещанию имущество в виде дома со всем содержимым переходит в собственность Жанны. При условии, что синьор Серж не будет

замечен присутствующим на территории города Верна непрерывно в течение трёх лет. На этом мы с синьором Имрихом благополучно расстались.

Я вернулся в теперь уже собственный дом. Совсем другое ощущение. Медленно осмотрел все комнаты, мебель, предметы. Посуда, белье, полотенца, статуэтки, ящики, сундучки и шкатулки. Вот одна подходящая шкатулка в шкафчике в спальне наверху. Купчая, договор о найме, расписка, завещание прекрасно в ней поместились. Сюда же высыпал оставшиеся деньги. Четыре золотых и маленькую горсточку серебра. Нет, одну беленькую монетку оставлю в кармане на всякий случай. Убрал шкатулку в шкафчик.

Спустился во дворик. Сел на скамейку, достал блокнот и карандаш, нарисовал принцессу. Нет, это я хорошо придумал с домом. Отсюда можно исчезать незаметно и появляться здесь тоже. Ну, ладно, вроде пока всё.

Во дворе таверны меня уже ждёт довольно ёмкая двухколёсная тележка, запряжённая лошадью. Бочонки погружены. Мальчик-возница на своём месте. Взгромождаюсь на бочонки, и мы трогаемся к порту. На причалах обычная, будничная суета. Соскакиваю с тележки и иду искать мастера цеха грузчиков. Он стоит на причале и лениво переругивается, похоже, с боцманом одного из кораблей. Увидев меня, он отмахнулся от собеседника и подошёл ко мне.

– То, что вы просили, готово.

– Тогда, наверное, пора выносить. Что нужно, я привёз.

Мастер побежал к складам и буквально через минуту на песчаном берегу, как и вчера, стоял стол, но размером побольше, два стула и корзина стаканов. Я указал на повозку — и привезённые бочонки мигом оказались на столе с уже ввинченными краниками. Я уселся на стул и принялся ждать. Как и вчера, несколько человек забрели посмотреть на аттракцион. А вон и Жозеф среди них. А подальше, похоже, и Герц, наблюдающий за происходящим из своей коляски.

Наконец, море забурлило. Из глубины высунулась бородатая голова в остроконечном шлеме-шишаке и внимательно осмотрелась. Убедившись в отсутствии очевидной опасности, голова повлекла за собой мощное тело, заключённое в кольчугу, и не только своё. Все тридцать витязей следом потянулись на берег. Интересно — как это им удаётся выходить сухими из воды?

Бородатый дядька тяжёлой поступью подошёл к столу и уставился на меня вопросительным взглядом. Затем перевёл взгляд на бочонки, а потом опять на меня. Затем снова на бочонки и опять на меня.

– Узнали?

– Узнали.

– Смотри-ка, по говору ты русич, а по обличью не пойму.

– Русич, русич.

– Спиридон.

– Сергей.

– Слава Богу! А то эта немчура кругом. Говорят вроде по-нашему, а о чем — не поймёшь. Ты князь?

– Нет, не князь. Садись, Спиридон, поговорим.

Витязи столпились вокруг нас и переминаются с ноги на ногу в ожидании развития событий. Спиридон потрогал сиденье стула и с опаской присел на заскрипевший предмет мебели. Стул выдержал. Спиридон откинулся на спинку, поставив огромный меч меж колен.

– Выпьем за знакомство, — предложил я.

Налил стакан и подал бородачу. Себя тоже не забыл, но чуть-чуть.

– Благодарствую.

Чокнулись, и Спиридон одним махом опрокинул стакан себе в рот. Почмокал с изумлением губами и констатировал:

– Знатная медовуха. Ребята, можно! — и ребята занялись самообслуживанием.

Я налил второй стакан и сунул в руку гиганту.

– Благодарствую.

Теперь он не стал пить залпом, а стал прихлёбывать по глоточку, смакуя запах и вкус. Вот-вот — так и надо!

– Знаешь, Спиридон, я понимаю, с какой трудностью вы столкнулись.

– И не говори, браток. Сам не пойму, что произошло. И Маньки нет — сестры нашей, чтобы подсказать. А ведь всегда была рядом с нами.

– Какая ещё Манька? Это Царевна-лебедь, что ли?

– Она самая. Головастая бабёнка. И сама из себя тоже ничего. Ей бы мужа хорошего сыскать.

– Сыщется. Если не сыскался уже.

– Ты это о чем, Сергей? — подозрительно спросил Спиридон и дважды приложился к стакану. После чего тот опустел.

– Так ты не слышал? — я подлил Спиридону новую порцию. — Остров Буян знаешь?

– Конечно, как не знать!

– Так вот, неподалёку от Буяна ещё другой остров на море лежит и град на острове стоит. Как положено — со златоглавыми церквами и всё такое прочее. А

правит там князь Гвидон. Вот как раз за него-то ваша Манька и собирается замуж, если уже не выскочила.

– Вот стерва! А нам ни слова.

Столпившиеся вокруг нас витязи возмущённо загалдели. В избытке чувств, смахнув со стола один из бочонков. По звуку удара о песок — уже пустой.

– Вот как раз по этому острову вы и должны бы ходить дозором, охранять Гвидона с Марьей, а оказались почему-то здесь. Наверное, происки недобитого злого чародея.

Между тем витязи, поначалу опешив от такой новости, решили взяться за второй бочонок, а Спиридон уже сам долил свой стакан и хватил сразу половину.

– Так нам же нужно туда! — сообразил он и прикончил содержимое стакана. — И поскорее. Как зовётся-то гвидониев остров? Мы его враз достигнем!

– В том-то и дело, что остров безымянный.

– Ага, прячутся!

– Да нет, просто остров новый и его ещё не успели обозвать. Но тебе-то это не помешает найти его. Раз ты знаешь, где Буян. Надо просто пошуровать в окрестностях Буяна, и только.

– И пошуруем! Нам да не пошуровать! Пошуровать мы завсегда сможем!

Произнося со смаком "пошуровать", Спиридон налил себе ещё стакашок. Видно "пошуровать" у старика одно из самых любимых выражений, связанных с какими-то очень приятными воспоминаниями.

И тут у меня мелькнула мысль, что может произойти крайне неприятная накладка. Раз Маньки с ними нет, то она в другом месте. А раз не связывается со своими братьями, то может просто не подозревать об их существовании, если эта группа витязей — клоны. Рядом с ней братья есть, а передо мной — их копия, сделанная Домом. Если эти дубли появятся около Маньки и столкнутся с оригиналами, то черт знает что может произойти. Их ни в коем случае нельзя пускать на гвидониев остров прямо так сразу. Потом, когда станет ясно, есть ли ещё и другая группа братьев или нет, то пусть сами и поступают по обстоятельствам.

– Знаешь что, Спиридон, я вот что подумал. Сразу видно, что ты очень достойный мужик и твои младшие братья тоже. Вот так и будете всю жизнь на побегушках, охранять чужие владения?

– Обидеть хочешь? Хотя твоя правда. Чужое охраняем, а своего не имеем.

– Я вот что подумал. Остров Буян ведь свободный. Ничего не мешает вам занять его, как вотчину. Сядешь там князем.

– Князем, говоришь? — Спиридон приосанился, расправил усы.

– Город поставите. Народ поселится. Мужики там, бабы…

– Бабы это хорошо, — сверкнув глазами заметил потенциальный князь. — Для города я имею в виду.

Из задних рядов витязей послышался чей-то не очень трезвый голосок:

– Про баб, что там грят? Подробней, пжалста, и громче.

– Смущаешь ты нас, Серёга, смущаешь, — покачал головой старый дядька.

– Так и Манька у вас будет рядом, неподалёку. Если что, то быстро ей поможете чем, или совета спросите.

Спиридон встал во весь рост. Окинул взглядом дружину.

– Что скажете, братья?

– На Буян, на Буян…

– Ладно, так тому и быть. На Буян так на Буян. Наливайте разгонную на дорожку.

Разлили. Получилось остатков по полстакана на брата. Молча выпили. Спиридон приложил руку к груди и поклонился.

– Спасибо тебе, Сергей, за помощь и ласку. Окажешься в наших краях, то загляни на Буян. Дорогим гостем будешь, — и, обращаясь уже к своим, проорал:

– Пошли!

И нетвёрдой походкой направился к воде. Остальные, не соблюдая строя, двинулись за ним. Двоих тащили за подмышки, волоча ногами по песку. Через минуту уже почти ничто не напоминало о визите сюда грозной дружины. Только забытые шлем и два щита валялись на песке.

Крикнул мальчика-возчика и велел ему погрузить пустые бочонки в тележку и подождать меня. Жозеф призывно помахал рукой. Я подошёл. Жозеф внимательно и понимающе, как лекарь, присмотрелся ко мне.

– Жанна, — констатировал он. — Ничего, уже почти всё прошло.

Я промолчал. Уже вместе мы присоединились к синьору Герцу.

– Думаете, они больше не вернутся? — спросил Жозеф.

– Не должны. Они просто заблудились, а я подсказал, где они на самом деле должны быть.

– И для этого нужно было напоить их допьяна? — вступил в разговор Герц.

– Синьор Герц, вы, наверное, мало что понимаете в национальных особенностях некоторых народов. Эти люди — русские витязи. А у русских выпитое совместно вино является признаком доверия и уважения друг к другу. Чем больше выпито — тем больше доверия и уважения.

– Интересно, вы-то сами выпили с ними всего каплю и доверия к вам должно бы быть не больше капли.

– У вас математический склад ума, синьор Герц. А общность людей арифметикой не описать. В данном случае, если я из бочки вина выпью чайную ложку, а мой собеседник — остальное, то всё равно вместе мы выпили бочку вина. Понимаете?

– Начинаю понимать. Ну, что ж, будем надеяться на лучшее.

– Как вы думаете, синьор Герц, если надежды оправдаются, то я отработал кошелёк принцессы?

– Э-э-э, пожалуй, да. Извините, синьоры, мне пора, — и он ткнул тростью в спину кучера. — Поехали!

Мы с Жозефом пошли вверх по улице, а тележка с бочонками покатила за нами.

– Что это за история с кошельком принцессы? Или это тоже секрет?

– Принцесса заплатила мне за увлекательную книгу, а Герц считает, что цена была слишком высока.

– Герц хороший человек, но очень прижимистый. Должность обязывает. В бытность свою кузнецом он был совершенно другим. Знаете, Серж, очень жаль, что вы уезжаете. С вами интересно.

– Спасибо. Мне с вами тоже очень интересно.

Мы пожали друг другу руки, я опять взгромоздился на бочонки, и лошадь затрусила к "Морскому дракону".

Свернуть и связать верёвочкой мой новый костюм не составило труда. Спустившись вниз, я выпросил у Колина бутылочку его непревзойдённого вина. Мгновенно получил тёмный, пузатенький сосуд с залитой воском пробкой. Крикнул Жанне "до свидания", попрощался с Колином и отправился в свой новоприобретённый дом.

Уже перевалило за три, и особо рассиживаться тут нельзя, если я хочу попасть домой до возвращения мамы и бабушки. Дворик, скамеечка, цветы… Не хочется уходить. Да, а что делать с новым костюмом? Все питерские франты, конечно же, сдохнут от зависти. А как объяснить маме его появление? А можно ли будет его вообще протащить через Дом? Не корысть ли тут мной движет? Не хотелось бы потерять репутацию, а с ней и возможность путешествовать в мечты. Оставлю здесь для переодевания. А вот бутылочку-то заберу с собой. Какая тут корысть!

Поднимаюсь в спальню и вешаю костюмчик в шкаф. Спускаюсь обратно во дворик. Проверяю, все ли ключи в кармане. Прижимаю к себе бутылочку. Дом, Дом, где ты, Дом…

ГЛАВА 3: Новелла о сумасбродном изобретателе

Улицу разрыли так, что даже в сумерках, а не только в темноте здесь лучше не появляться. Можно шею свернуть. На дверях парадной объявление, что в связи с прокладкой трубопровода в Доме будет отключена вода такого-то числа со стольки до стольки. Плевать. Пусть отключают. Мы запаслись. Копают днём и ночью, в будни и выходные. Пятничный день уже к вечеру, а работы не прерываются.

Негромко наигрывает магнитофон. Стою у окна и смотрю, как маленький экскаватор уродует и наш двор тоже. Это называется комплексным ремонтом сетей. На улице меняют трубопроводы, а во дворе — трубы. Вот так! Понимаете разницу между трубопроводом и трубой. Нет? Так вот, трубопровод — это труба, по которой что-то течёт. А труба — это трубопровод, по которому ничто не течёт. У нас в Доме происходят постоянные превращения трубопровода в трубу и обратно.

Черт, какая только дурь не лезет в голову! Хочу в Верн. Уже третий месяц пошёл, как я вернулся оттуда. Да вот ничего не получается. Незаметно могу исчезнуть только ночью на несколько часов. А что в Верне делать ночью, когда все спят? Жителей пугать? Александр объяснил, что исчезать и появляться можно только находясь в Доме. Вне Дома какая-то связь с ним на каком-то расстоянии чувствуется, но возможность перемещаться в другой мир пропадает. Жаль...

Похоже на эффект экрана или решётки. Словно сам Дом является объёмом, заключённым в какую-то сетку. И внутри неё может что-то происходить, а снаружи — нет. Но ведь экран, сетка, решётка должны быть металлическими, а Дом-то из кирпича. Так что и чего-нибудь вроде арматурной сетки, характерной для панельных домов в стенах, быть не может. Странно всё как-то, и ухватиться не за что, чтобы уловить происхождение явления.

Внизу, в яме у экскаватора раздался оглушительный треск, сопровождаемый ослепительной вспышкой. Погас свет и замолк магнитофон. Приехали! Перерубили электрический кабель. Тракторист-то хоть как? Вроде живой. Как слепой вылезает из кабины и тут же садится на землю. Повезло.

Испугом мог бы и не отделаться. Рабочие столпились около тракториста. Что-то орёт прораб.

Кабель — это не перегоревшие пробки. Надолго окажемся без света.

Со свечой в руке в комнату заглядывает мама.

– Серёжа, не посмотришь, что со светом?

– Во дворе электрический кабель повредили. Это надолго.

– Значит, сегодня света не будет?

– Боюсь, что и завтра тоже.

– Вот же напасть какая! Ни почитать, ни телевизор посмотреть. Мы тогда с бабушкой поедем к Татьяне. Там и заночуем. Ты позвони, когда свет дадут. Ладно?

– Ладно. Я тогда тоже куда-нибудь удеру до завтра.

Татьяна — это старшая, замужняя сестра. Места для гостей у них достаточно. С мужем детьми ещё не обзавелись. Удачно как-то подоспела эта авария! Слетаю в Верн прямо сегодня. Вечер — не ночь.

Наблюдаю из маминой комнаты, как мои старушки перебираются через рытвины на другую сторону улицы и возвращаюсь к себе. Напяливаю джинсу. Ощупываю в кармане ключи от своего сказочного владения. В "Морском драконе" вечернее оживление, наверное, ещё только в самом начале. Сажусь в кресло, закрываю глаза и вызываю в воспоминаниях маленький, зелёный дворик с мраморным амурчиком посередине. Что-то не то и не так. Ощущение лёгкости, полёта какое-то очень слабое и не законченное. Открываю глаза — я дома. Пробую ещё раз. Вообще ничего! Я похолодел. Неужели кончилось? Насовсем? Только без паники!. Может, это временное явление?

Слышу, как в маминой комнате звонит телефон. Бегу.

– Да.

– Сергей, — басит Капитан, — скучно во тьме одному. Если ты не занят, приходи посидеть. И Александр сейчас придёт.

Капитан пару дней как вернулся из голубых далей, и вчера я у него вечером уже был. Ну, и что с того? Ситуация изменилась, а посидеть у него я всегда с удовольствием хоть каждый день, если не занят. Иду к входной двери и, взявшись за ручку, вспоминаю, что ключи от двери в других брюках. Возвращаюсь к себе, беру ключи и на момент задумываюсь. Ай, чего там! Открываю шкаф и достаю заветную бутылочку.

Выскочив из своей квартиры, обнаруживаю у капитановой двери Александра с фонариком, нажимающего кнопку звонка.

– Да, сразу видно гуманитария, не подозревающего, что звонки тоже работают на электричестве.

– Вот черт, это просто машинально. Рефлекс.

Стучу ногой в дверь. Открывает сам Капитан.

– Заползайте.

Заползаем в дверь и при свете фонаря ползём дальше до комнаты. На столе канделябр о трёх горящих свечах. Красиво. Таинственно. Интимно. Садимся вокруг стола. Ставлю бутылочку.

– Капитан, что вы об этом думаете? — Капитан осторожно берет сосуд в руки. Осматривает дно, горлышко.

– Оттуда?

– Оттуда.

– Я думаю, что нужно открыть. А, Александр?

– Я того же мнения.

– Владельца не спрашиваем. Он затем её сюда и притащил.

Капитан достаёт из серванта бокалы и штопор. С многолетней сноровкой ввинчивает инструмент в пробку и с хлопком её выдёргивает. Подносит горлышко к носу и с удивлением смотрит на меня.

– Ага, оно самое, — отвечаю я на немой вопрос.

– Что это, что это, что это? – засуетился Александр

Капитан ещё раз поднёс горлышко к носу, глубоко втянул воздух и произнёс:

– Есть предложение закупорить эту бутылку, не тратя содержимого, и использовать сей сосуд в дальнейшем только для услаждения обоняния. Кто против? Трое. Разливаем.

И опытной рукой наливает всем точно поровну пальца на два. Александр сразу сует свой нос в бокал и на некоторое время застывает в такой позе. С неохотой вынув нос из бокала, Александр заявляет:

– Не предполагал, что такие ароматы существуют в природе. По крайней мере, у нас в школе их нет.

Капитан усмехается, но и сам не приступает к дегустации, водя бокалом вокруг носа. Подаю пример, наклоняя прислонённый к губам бокал так, чтобы жидкость слегка коснулась языка. Остальные делают то же самое. Долго молчим, время от времени манипулируя бокалами.

– Сказочное вино, — наконец в состоянии выговорить Александр.

– Я думаю, ты не далёк от истины, — поддерживает Капитан, с подозрением поглядывая на меня, — можешь ещё добыть?

– Не знаю. Сегодня почему-то мне не удалось туда войти. Хотел спросить: у вас, не бывало ли такого раньше?

– Не припоминаю, — произнёс Александр. — Но это и меня беспокоит. Мне тоже сегодня не удалось уйти никуда.

– Вы оба меня пугаете, честно говоря, — Капитан весь как-то подобрался. — Когда вы пытались?

– Ну, я буквально перед вашим звонком.

– И я тоже.

– Может быть, вы оба пытались одновременно и Дом этого не осилил, — высказал предположение Капитан. — Хотя это не логично. Если Дом допускает наличие одновременно существующих нескольких избранных им, то и совпадение попыток перемещения не должно быть для него сюрпризом и бременем.

– Логика логикой, — заметил Александр, — но налицо и факт, что всё безукоризненно работало десятки лет и вдруг прекратилось без всякого видимого или ощущаемого катаклизма. Тоже ведь странно. Ни землетрясений, ни извержений, ни бомбёжек даже поодаль не было. А улицу копают уже месяц, и всё до сих пор было ничего.

У меня в голове промелькнул вопрос: "А какое, собственно, событие и для кого или чего можно считать катаклизмом?"

Затрезвонил телефон, и Капитан схватил трубку.

– Слушаю. Здравствуйте, Анна Петровна… Да, знаю... Не знаю… И они здесь у меня с тем же вопросом… Конечно… Ждём, — и обращаясь к нам: — Сейчас придёт. У неё то же самое, что и у вас.

Капитан взял фонарик и вышел в коридор. Хлопнула входная дверь. Осторожные шаги.

– Здравствуйте, Серёжа. Здравствуйте, Александр.

– Здравствуйте, Анна Петровна.

Капитан пододвинул гостье стул и достал из серванта ещё один бокал.

– Нет-нет, я не буду.

– Это не для питья, Анна Петровна, а для наслаждения. Непременно нужно попробовать.

– Ну, мои наслаждения далеко все в прошлом.

– Вы напрасно так думаете.

Анна Петровна осторожно взяла бокал, поднесла к лицу и, как заправский дегустатор, повела им по кругу перед носом и замерла, удивлённо взглянув на Капитана. Затем повторила манипуляцию, глубоко вдохнув аромат. Поднесла бокал к губам. Сделала глоточек. Мы не шевелимся, давая ей время спокойно прийти в себя.

– Откуда это чудо, Капитан?

– Сергей откуда-то притащил.

– Королевский напиток. Серёжа, вы ограбили дворцовые погреба?

– Нет, презентовал один кабатчик.

– Можно представить, что за сказочные места вы посещаете, если такое там подают даже в кабаках. Жалко было бы утратить такой источник. Не правда ли?

– Истинная правда.

– Вот и меня очень беспокоит сегодняшний сюрприз. А также удручает, что ничего мы и сделать-то не можем. Поскольку не знаем ни что произошло, ни с чем произошло.

– Ну, с чем произошло, мы можем предполагать. С Домом, — произнёс Александр.

– Не факт, — возразил я, — У меня возникла одна гипотеза после того, как ты заговорил об отсутствующих катаклизмах, которые могли бы вызвать утрату наших необыкновенных возможностей.

– Ну-ка, ну-ка, Серёжа, что вам пришло в голову?

– Понимаете, Анна Петровна, единственное заметное событие, которое произошло поблизости непосредственно перед тем, как мы с Александром попытались недавно переместиться, — это повреждение электрического кабеля у нас во дворе.

– И что? Какое это имеет отношение к Дому?

– Никакого, если источник нашего беспокойства именно Дом.

– Что вы имеете в виду?

– Очень простую вещь. Связь, в общем-то, на поверхности, если отказаться от стереотипа восприятия Дома как источника каких-то эффектов. Отключилось электричество – исчезли эффекты. Тут уже просто логика подсказывает, что между электричеством и эффектами должна быть машина, преобразующая электричество в эффекты. Отключили энергию и остановилась машина.

Дом совершенно ни при чём. Это просто от неизвестности происхождения эффектов и того, что они происходят только в Доме, мы наделяем Дом свойствами, которыми он на самом деле не обладает. В действительности же, я полагаю, что в Доме или под Домом существует гениально сконструированная и качественно сделанная, почти автономная некоторого рода электрическая машина, которую никто не видел и о которой никто ничего не знает. Починят кабель — и машина заработает опять.

За столом воцарилось молчание. Каждый старался переварить услышанное. Первым пришёл в себя Александр.

– Да-а-а, трудновато поверить в такую машину.

– А в то, что кирпичная кладка может материализовать воображение, тебе поверить легче? — спросил Капитан.

– Аргумент убойный, — согласился Александр, — хотелось бы взглянуть на эту машину.

– Искать надо. Только осторожно, чтобы никто не заметил.

– А надо ли? — опасливо спросила Анна Петровна. — Если машина есть и после ремонта кабеля включится, то зачем её искать?

– Интересно же, Анна Петровна, — вкрадчиво осведомил её Капитан. — А вам не интересно взглянуть бы на такое чудо?

Анна Петровна задумалась на несколько секунд.

– Пожалуй, тоже было бы интересно. Но меня беспокоит, как бы не повредил наш интерес чему-либо. А вы, Серёжа, почему молчите?

– А ему нечего сказать. Он же технарь, и в таком вопросе у него позиция может быть только одна — увидеть и изучить.

– Фигушки, мне есть, что сказать. Во-первых, правильно заметили, что тут нужно действовать с осторожностью, не светиться кучей на людях при поисках. Чтобы никому не пришло в голову за нами следить. Или придумать подходящую легенду.

Во-вторых, опрометчиво бросаться в практические поиски, не разузнав, что возможно, из истории дома и его владельцев. Я думаю, наиболее интересен период между тысяча девятисотым годом и Октябрьской революцией. После этого ничто в доме уже не могло происходить, кроме смены жильцов. А до этого технический уровень вряд ли тот, который нужен.

В-третьих, нужно осведомить обо всём Ахмеда. Его помощь может оказаться очень важной. Он не привлекает внимания и всё знает о состоянии Дома.

В-четвертых, ничего нельзя начинать, пока во дворе не кончатся работы. Слишком много людей, сующихся в каждую щель. Кроме того, посмотрим, восстановится ли всё после ремонта кабеля. Гипотеза есть гипотеза.

– Пожалуй, весьма разумно, несмотря на вашу молодость, Серёжа, — заметила Анна Петровна. — Я со своей стороны разузнаю всё, что возможно, о последних владельцах особняка и поговорю с Ахмедом. Только, Бога ради, осторожнее. Сами понимаете, на какой риск решаемся всего лишь ради любопытства. Мне страшновато.

– Пожалуй, лучше Сергея никто не проведёт это дело, — размышляет вслух Капитан, — и склад ума рациональный, технический, и осторожности не

занимать. Пусть будет главарём, а мы поддержкой. Никто не против? Вот и хорошо.

Анна Петровна поднялась, собираясь уходить, но я останавливаю её.

– Анна Петровна, а вы не можете ничего рассказать о двух внезапно пропавших жильцах?

Она опускается обратно на стул.

– Вряд ли. То, что они были избранными, — моё предположение по разным случайным наблюдениям, косвенным признакам. Исчезли одинаково с промежутком примерно в год. Просто их видели возвратившимися домой, а когда заинтересовались долгим отсутствием, то дома не обнаружили. Мужчина был отставным военным, и его спохватились на службе довольно быстро. Девушка — студентка Института культуры — исчезла во время летних каникул. Так что до осени об этом никто и не подозревал. Вещи все были на месте, кроме тех, что они носили на себе. Документы тоже дома. Стало быть, не уехали.

– Нашли более счастливый для себя мир, — прокомментировал Капитан. — Хотя может быть и другое — погибли там.

Анна Петровна ушла, а мы втроём ещё долго сидели и болтали о всякой всячине.

К вечеру воскресенья свет всё-таки дали. Позвонил сестре и оповестил об этом. Мама сказала, что они уж на ночь глядя домой не поедут. Лучше завтра утром. Ладно, опять облачился в джинсу, похлопал себя по карманам. Сел в кресло. Закрыл глаза. Дворик, скамейка, амур…

Второе, предосеннее цветение жасмина. В воздухе ни ветерка. Во дворике аромат просто обалденный. Сумерки. Тишина. Значит, моя гипотеза подтвердилась. Машина существует! Ну и Бог с ней! Она не здесь. Разваливаюсь на скамейке. Благодать! Небо уходит в какую-то бездну вверх. Звёзды ещё не очень чётко видны.

Вроде хлопнула наружная дверь. Тень мелькнула в кухонном окне. Открылась дверь во двор.

– Серж, это вы здесь?

– Я, Жанна. Ненадолго. Скоро уйду.

– В доме ничего нет. Может, сходить в таверну, принести что-нибудь на ужин?

А ведь это отличная идея. Поднимаюсь в спальню. Открываю шкатулку. Женское любопытство неистребимо. Монетки, высыпанные мною поверх бумаг, теперь под бумагами. Спускаюсь вниз. Даю Жанне серебряную монету.

– А ты будешь есть?

– Если только чуть-чуть.

– Ладно, принеси жареную курицу, кувшин пива и бутылочку вина. Колин знает, какого.

Не прошло и десяти минут, как мы сидим внизу за столом, уплетаем горячую курицу и запиваем пивом. Видно, Жанна свистнула курицу, предназначенную для клиента. Тот долго ещё будет ждать своего заказа!

Спрашиваю Жанну:

– Ты случаем не слышала, выходят ли сейчас в порту из моря рыцари?

– Нет. После вашего отъезда их никто больше не видел.

Отлично. Значит, кошелёк принцессы я отработал. Допиваю пиво, и Жанна понесла посуду на кухню.

– Жанна, сегодня убирать не надо. Лучше завтра, и запри за собой дверь.

Опять сижу на скамейке и смотрю вверх. Бездонное небо вот-вот упадёт прямо на меня. Вместе со звёздами. Надо спасаться. Прижимаю к себе бутылочку. Дом, Дом, где ты, Дом…

*

Работы во дворе закончились, и даже всё заасфальтировали. С чего начать, не представляю. С Ахмедом ещё не говорил. Хотя Анна Петровна и сказала как-то при случайной встрече, что можно. А так всё как обычно:

– Здравствуй, Ахмед.

– Здравствуй, милок, как мама, бабушка?

– Спасибо, всё в порядке.

И больше ничего. Капитан сидит дома. Это у него называется отпуском. А может, не сидит? Он не связан работой в школе, как Александр и присутствием родственников, как я. И правильно делает, если не сидит.

Заглядывает мама.

– Серёжа, к телефону. Анна Петровна.

– Здравствуйте, Анна Петровна.

– Серёжа, Александр и Ахмед уже у меня. Капитан сейчас подойдёт. Составите нам компанию?

– Непременно.

Вот так случай! Мы все сразу — гости у Анны Петровны. Не произошло ли чего? Быстренько собираюсь. Взять или не взять? Возьму! Дверь, лестница, опять дверь, но ниже этажом. Нажимаю кнопку звонка. Открывает хозяйка.

– Проходите, Серёжа. И Капитан уже пришёл.

Все сидят за столом в комнате с камином. Капитан и Александр немного скованны неожиданным приглашением сюда. Сейчас разрядим обстановку. Ставлю в центр стола бутылочку.

– Пжалста!

– Серёжа, вот это уж, наверное, лишнее. Хотя честно признаюсь, что в прошлый раз я получила несравненное удовольствие от этого нектара.

– Анна Петровна, прошу вас, не оскорбляйте словом "нектар" это чудо, неописуемое словами.

– Ладно, ладно, сейчас принесу бокалы. Капитан, штопор где-то на кухне. Найдёте кухню?

– Попытаюсь, — и исчез в коридоре.

Итак, кухня найдена, штопор обнаружен, бутылка откупорена, вино налито, Ахмед поражён, священнодействие прошло благополучно, беседа начата.

– Я, конечно, — начала Анна Петровна, — бывшим владельцам этого особняка как родственница — седьмая вода на киселе. Последним владельцем Дома был Генрих Швейцер, а предпоследним — его старший брат Адам Швейцер. По отдалённости родства никакие фамильные документы Швейцеров переходить к моей линии никак не могли. Так что все добытые сведения — это просто те или иные свидетельства с чужих слов. Но картина из них складывается весьма любопытная.

Баронство Швейцеры получили в России где-то во времена Екатерины Второй. Тогда же и зародилось их богатство, которое к концу девятнадцатого века достигло внушительных размеров. Правда, распределилось оно по-разному. Основная часть отошла к Адаму Швейцеру, жившему в России. Он построил этот особняк и вёл светскую жизнь прожигателя. Правда, денег было больше, чем он мог пустить на ветер.

Но и Генрих Швейцер не бедствовал. Ещё в юности у него обнаружились большие способности к наукам, и его отправили на учёбу в Германию. Там он и остался почти на всю жизнь. Его интересы и таланты распространялись на теоретическую физику и химию, практическую электротехнику и механику, хирургию и психологию, минералогию и биологию и Бог знает на что ещё. Он был профессором Гейдельбергского университета и прослыл там как сумасброд. Был оттуда изгнан за опасные и ненаучные опыты по передаче энергии без проводов.

Примерно в это время умирает Адам Швейцер, и всё состояние семьи оказывается в руках Генриха. В 1903 году он переезжает в Россию и поселяется в этом особняке. До 1907 года о нем ничего не слышно, кроме того, что он всё время проводит в своём кабинете или библиотеке. Есть непроверяемые слухи, что он переписывался с Николой Теслой. Но в 1907 году затевается реконструкция особняка. В дом проводится электричество. Дырявятся стены, и

устанавливается паровое отопление с кочегаркой в подвале. Некоторые помещения первого этажа перестраиваются и становятся похожими то ли на лаборатории, то ли на мастерские.

Генрих носится по Петербургу и размещает где только возможно заказы на всякие непонятные, диковинные приборы, детали, агрегаты. Никаких денег не жалеет. Всё это свозится в особняк. К 1912 году видимая активность Генриха стихает, а особняк напоминает неприступную крепость. Никто в него не допускается, а прислуга, не знающая русского языка, выписывается из Германии. И опять — лишь невнятные слухи о якобы исчезающих и появляющихся предметах и животных.

Осенью 1917 года Генрих уничтожает оборудование своих мастерских-лабораторий. Изломанный до неузнаваемости хлам вывозят возами. Прислуга отправляется в Германию. Есть сведения о получении Генрихом документов для выезда в Ревель, но там он так и не появился. Так что возможна инсценировка намерения уехать. Капиталы были переведены в немецкие банки, но так и не были востребованы. О смерти такой довольно видной фигуры ничего не известно. В этот момент Генриху было шестьдесят шесть лет.

И ещё одна странность. Когда комиссары взламывали двери особняка, то они оказались запертыми изнутри, но в здании никого не обнаружили. Вот, в общем, и всё, что удалось узнать.

– И это совсем не мало, — оценил Капитан, — теперь мы, во всяком случае, точно знаем, что в Доме велись научно-технические работы. Видимое уничтожено, а тайное сокрыто. Будем исходить из этого. Сергей, а ты чего скажешь?

– Скажу, что я шляпа.

– Смотри, самокритика до добра не доведёт.

– Я как-то задумывался над тем, что говорил мне Александр о том, что за пределы дома возможность перемещения не распространяется.

– Ну, и что?

– Это возможно, если чем-то экранировать внутренний объем дома от внешнего мира. Экран может быть сплошной или в виде сетки, решётки, но обязательно металлический. Причём этот экран можно использовать, как внешнюю границу, так и для генерации внутри него каких-либо ситуаций, событий при помощи наведения полей. Генрих Швейцер сделал в Доме как бы невидимый экран. При этом сетка экрана перед глазами. Он опутал сверху

донизу изнутри фасадную и дворовую стены здания трубами и радиаторами парового отопления и использовал эту сеть не только для обогрева. Кому придёт в голову, что трубы подключены не только к котлу, но и к какой-то, упрощённо говоря, электрической машине для совсем других целей.

– Трубы-то ведь меняли, — заметил Ахмед.

– Кронштейны-то креплений труб наверняка старые остались. Вот через них и контакт.

– Допустим, но и что из этого следует? — спросил Капитан.

– Следует, что любой физик меня засмеёт. Чтобы при таких условиях создать между отопительными трубами на противоположных стенах сколько-нибудь заметное поле, нужна огромная энергия. А её наличия здесь не наблюдается. Правда, это по современным представлениям. Мы не знаем, что использовал Генрих, зачем и как. Например, некоторые опыты Теслы столетней давности современная наука не может воспроизвести до сих пор. Тесла многие секреты унёс в могилу. Генрих тоже что-то куда-то унёс.

– Серёжа, — напомнила о себе Анна Петровна, — так чем-то всё это поможет всё-таки или нет?

– Ещё как поможет! Я думаю, что при таком раскладе поиски нужно вести где-то в районе бывшей кочегарки. В подвале, под землёй или на первом этаже. Обосновать не берусь. Просто интуиция. Вряд ли Генрих стал бы прятать машину там, где её легко обнаружить, а доступ и коммуникации к ней затруднены и заметны. То есть не стал бы прятать её высоко над землёй.

На следующий день я приступил к изысканиям. Наш подвал требует тщательного изучения. Ещё по мальчишеским нашествиям в него помню высокие кирпичные своды, клетушки для дров с намалёванными надписями номеров квартир и всякий интересный хлам, хранившийся в этих клетушках. Уже в то время дров никаких не было, а сейчас не должно быть и клетушек. Вроде бы их ломали по требованию пожарных.

Дровяной период в Доме — это переход от капитализма к развитому социализму. Когда вышла из строя отопительная система, построенная последним дореволюционным владельцем Дома, то ремонтировать её не стали, а запустили имеющиеся печи. Потом, лет через тридцать, провели центральное отопление и в целях экономии затрат труда провели все трубы по местам прокладки предшествовавшей системы. Хотя старая система и имела местами

довольно странную конфигурацию. Зато метровые стены долбить не понадобилось.

Пора задействовать Ахмеда. Вешаю на плечо сумку с некоторыми причиндалами искателя кладов и выхожу на улицу. Да вот и он. Расковыривает палкой от метлы щели забитого листьями дождевого люка.

– Здравствуй, Ахмед.

– Здравствуй, милок, как мама, бабушка?

– Спасибо, всё в порядке. Ахмед, как бы нам с тобой посмотреть подвал?

– Как посмотреть? Очень просто! Отпереть, зайти и смотри, сколько хочешь. Пошли.

И в самом деле — всё оказалось очень просто. Завернули во двор, спустились на несколько ступенек. Ахмед отпёр сильно подгнившую снизу, скрипучую дверь, повернул выключатель и шагнул вперёд. Я за ним. И действительно — клетушек для дров уже нет. Ряд тусклых лампочек под потолком, который я при своём среднем росте с трудом достаю рукой. Не фонтан, конечно, освещение, но пойдёт. Для рассматривания мелочей есть фонарик. Хороший подвал в секционном фундаменте. Сухой, несмотря на идущие по нему трубы отопления и воды. Пол чисто выметен Ахмедом. Почти идеальное помещение под склад чего-нибудь. В ЖЭКе как раз это и сообразили. В ближайших к двери секциях мешки, ящики, доски, какие-то железки, но завалов, мешающих осмотру, нет.

– Что будем искать? — спрашивает Ахмед.

– Сам не знаю, Ахмед. Что-нибудь странное, не характерное для простого подвала. Впадины, выступы, щели, нарушение кладки стен. В общем, что-то выделяющееся хоть чуть-чуть.

Сначала обходим подвал из конца в конец. В одном конце стена, а в другом — обложенный кирпичом отопительный котёл с двумя топками и литой табличкой производителя на немецком языке. Справа от него — выложенный с трёх сторон и по полу толстыми стальными листами, похожий на совок бункер для угля. Сбоку под потолком — наглухо забитое загрузочное окошко. Слева над котлом — начисто сгнившая вентиляционная труба. Ничего примечательного.

– Ахмед, двигаемся обратно. Ты по той стене, а я по этой. Осматривать всё от пола до потолка.

Встретились в тупике часа через полтора. Пусто.

– Пойдём обратно. Кроме котельной, осматривать больше нечего.

Вернулись к котлу. Рядом в потолок уходят трубы центрального отопления. Вокруг них разлом. Видно, выдирали старые трубы. Осматриваю котёл снаружи, заглядываю в топки — и самому становится смешно. В подвале нет и намёка на что-то нужное. Напоследок потоптался в совке угольного бункера. Попинал железо — звук глухой, как и должен быть.

– Ахмед, интересно, а почему это железо не сдали в металлолом?

– Пытались. Не оторвать ни от стены, ни от пола. Со стороны котла и не пробовали. Побоялись, что завалится вся стенка котла. Наверное, листы с выступами, вмурованными в стены и пол.

И действительно — край стенного листа слегка погнут, а в кирпиче стены щербина. Следы лома. На полу то же самое.

– Так рабочие и ушли почти ни с чем, — продолжает Ахмед, — только верхний, откидывающийся лист и крюк для него со стены сорвали и унесли.

– Что за лист и крюк? Откуда?

– Да вон там висел крюк, — показывает Ахмед на стену над дальним концом бункера, — а короткий лист был на петлях наверху бункера. Его можно было откинуть стоймя и зацепить крюком, чтобы не мешал засыпать в бункер уголь.

Метрах в двух от пола действительно видны два отверстия от вырванной скобы, а на стенках бункера — след оторванных петель. Непонятно, для чего была нужна эта откидная крышка. Она только мешает. Больше для очистки совести, чем интереса прошу Ахмеда описать этот крюк. Он старательно выцарапывает на полу форму крюка и скобы. Это уже любопытно.

– А как он висел?

– Вот так.

Ещё интереснее. Мелькает шальная мысль, что эта ненужная крышка требовалась лишь для маскировки действительного назначения крюка. Достаю рулетку и меряю длину листа на полу и высоту до дырок вырванной скобы. Совпадает. Опускаюсь на колени и обследую стыки боковых и нижнего листов. Стыков нет. Есть узкие зазоры, по всей длине забитые угольной пылью. Выпрямляюсь и начинаю соображать. Пожалуй, нам с Ахмедом вдвоём быстро не справиться. Нужна подмога.

– Ахмед, сделай, пожалуйста, доброе дело. Позови Капитана и Александра. Да, и Анну Петровну. Предупреди её, что может оказаться грязно. Всем скажи, чтобы постарались пройти незаметно. Сумерки помогут.

Ахмед мгновенно испарился. Минуты через три в подвал ввалился Капитан. В выходном кителе и с огромным фонарём. Чуть погодя — Александр с Ахмедом. Анна Петровна подзадержалась. Зато пришла одетая непрезентабельно, как домохозяйка. Я объяснил первую задачу.

– Первым делом запереть дверь.

Имеющиеся в соседней секции доски чуть коротковаты. Не хватает между дверью и противоположной стеной. Подложили один из ящиков. Заклинили дверь. Подошли к котельной. Я объяснил вторую задачу.

– Осматриваем и ощупываем каждый сантиметр стен. Ищем, как в приключенческом фильме о поиске сокровищ, какую-нибудь штуковину, которую можно повернуть, нажать, потянуть рукой или пнуть ногой. Она обязательно должна быть. Александр идёт ко входу по левой стене, Капитан по правой. Мы с Ахмедом осматриваем котёл и стены у котла. Для Анны Петровны работы пока нет. Будем считать, что она стоит на стрёме. Все, начали!

Какие же они грязные, эти внешне чистые кирпичи! Мы с Ахмедом заканчиваем довольно быстро. Пусто. Вдруг я ошибаюсь и все признаки какого-то тайника — просто ничего не значащее совпадение. Ведь чтобы попасть в тайник, нужно разгрузить бункер от угля. То есть доступ к нему слишком сложный, долгий и оставляет следы.

– У меня вроде что-то есть, — доносится голос Александра из-за второй от котельной секции стенки.

Это "что-то" — чуть шевелящийся кирпич на уровне плеча и на расстоянии двух кирпичей от угла. При лёгком нажатии он немного поддаётся и возвращается назад, точно сливаясь со швами между кирпичей. Не мудрено, что мы с Ахмедом ничего не заметили, просто осматривая стены. Надо же — меньше часа прошло и нашли-таки! Выглядываю за угол.

– Анна Петровна, отойдите, пожалуйста, от железки, — и сильно нажимаю на кирпич.

Глухой металлический щелчок — и передний край листа на полу приподнимается сантиметров на пять-шесть. Кирпич на место не возвращается.

– Ахмед, наступи на лист ногой.

Опять глухой щелчок — и кирпич встаёт на место. Лист прижат к полу. Всё прекрасно работает. Нажимаю ещё раз на кирпич, и все подходим к бункеру.

– Капитан, а ваш кителечёк-то выходной что-то на робу штукатура стал похож, — гаденько хихикает Александр.

– С вами поведёшься, то и не в такое вляпаешься, — благодушно реагирует Капитан, — зато теперь мне не страшно и эту крышку поднять.

Капитан с натугой поднимает край листа, ставя его почти вертикально. Оказывается, что лист поворачивается на петлях, скрытых под ним. Под листом большой, продолговатый люк, заложенный досками вровень с полом.

– А я ведь не смогу долго эту тяжесть держать. Надо подпереть чем-нибудь.

Быстренько разбираем доски люка и парой из них подпираем железный лист. На всякий случай бросаю и доску поперёк люка. Теперь если лист и упадёт, то не захлопнется на запоры.

– Вон там, на стене раньше был крюк, которым цепляли край листа, чтобы он держался открытым, — объясняю я. — Современные искатели металлолома его спёрли.

Вниз ведут ступени с поручнями. Капитан посветил своим фонарём.

– Метра четыре глубина. Пошли?

– Сейчас увидим машину? — почти шёпотом спрашивает Анна Петровна.

– Вряд ли. Слишком доступ сложный для регулировки, ухода. Там что-то другое. Что можно закрыть и надолго забыть. Но, что бы и ни было, нужно посмотреть. Ахмед, присматривай за Анной Петровной.

Гуськом спускаемся вниз за Капитаном и его фонарём. Внизу не очень длинный и довольно высокий проход шириной поболее метра, выложенный кирпичом.

– Ребята, — раздаётся голос Капитана, — а на потолке лампочка висит. Ищите выключатель.

Старый, поворотный выключатель действительно находится у самой лестницы. Мы уже и не удивляемся тому, что он срабатывает. Лампочка вовсе не единственная. Впереди висит ещё такой же старинный осветительный прибор с клювиком запайки колбы. А конец прохода освещён уже изнутри находящегося там помещения.

– Ого! — слышится возглас Капитана.

Подталкивая его в спину, все пятеро вступаем в помещение. Не маленькое. Метров сто квадратных с лишним по площади и метра два с половиной-три в высоту. В середине толстая колонна — понятно, зачем. Мы же под фундаментом. Почти всё пространство заставлено рядами закрытых сосудов разной формы с переплетением трубок между ними. Медные и латунные, цилиндрические, кубические и сферические, большие и маленькие, одиночные или в несколько

этажей, с крышками на болтах и цельные. На некоторых — сверху застеклённые круглые окошечки. Пыли почти нет. Да и откуда ей взяться в этом склепе? Металл потемнел от времени, но зелени окиси мало — сухо. Одна из стен во всю длину и до потолка заставлена большими стеклянными цилиндрами, положенными на бок. Внутри каждого — широкая медная лента, скрученная в плотную спираль. А в стекло впаяны выводы, соединённые проводами с другими цилиндрами.

Народ разбредается по проходам и молча разглядывает таинственные предметы.

На всякий случай предупреждаю:

– К стеклянным банкам близко не подходите. Похоже, что это что-то вроде конденсаторов или батарей. Заряд в них может оказаться очень мощным и опасным для близко стоящего человека.

Себе выбрал для осмотра самую большую сферу. Около метра в диаметре, стоящую на треножнике. Если, подсвечивая фонариком, заглянуть в маленький иллюминатор наверху, то видна перегородка почти до верха сферы, делящая сферу на две равные части. Там и там какие-то жидкости, налитые больше, чем до половины сферы. Поднимающиеся снизу пузырьки медленно, лениво лопаются в одной части и очень быстро в другой. Стало быть, жидкости разные — вязкая и текучая.

Быстро прикасаюсь к сфере пальцем. Ничего. Прикладываю ладонь со стороны вязкой жидкости. Поверхность сферы тёплая! Прикладываю с другой стороны — очень холодная. От сферы тянутся три трубки и, не соприкасаясь друг с другом, исчезают в стене рядом с другими трубками и проводами. Две из них начинаются внизу сферы от секций с жидкостями, а третья — от общего пустого верха. Внутри есть и что-то ещё, но не разглядеть.

Не сразу и заметишь, но в самом низу сферы есть изолятор с выводом, провод от которого тоже уходит в стену. И самое поразительное: если приложить ладонь к поверхности сферы на границе жидкостей, то чувствуется лёгкое щекотание ладони. А если две ладони одновременно приложить к поверхности сферы в теплом и холодном секторах, то по контуру пальцев, ладоней возникает слабое, зеленоватое свечение.

Медленно прохожу вдоль рядов сосудов. Анна Петровна следует за мной. А Ахмед как заворожённый наблюдает, как в одном из цилиндрических баков

вверх и вниз медленно движется проходящий через крышку шток. Одни посудины молчат, а в других что-то тихо журчит, переливается или шуршит. В одной из сфер совсем не жидкость, а какая-то, видимо, тяжёлая пыль темно-красного цвета. Она колеблется, расходясь от центра концентрическими волнами. Время от времени волны на мгновение замирают, а затем снова продолжают свой бесконечный и медленный бег.

– Так ты полагаешь, что это не машина? — нарушает молчание Капитан.

– Часть машины. Наверное, собирающая, накапливающая и преобразующая энергию.

– Собирающая-то откуда?

– А я могу знать? Могу только предполагать. Мы убедились несколько дней назад, что для работы ей нужно электричество. Но если бы она была присоединена к сети, то её давно бы уж обнаружили по утечкам или при замене кабелей. Однако если разбросать на путях токонесущих проводов, кабелей катушки индуктивности, то можно высасывать незаметно из этих проводов энергию за счёт индукции. Немного, но тем не менее. Может быть, Генрих Швейцер что-нибудь вроде этого и использовал. Даже немного высасывая, накопить можно очень много. Нужно только время. При существующем расходе электричества в доме такие потери просто незаметны. Ладно, пожалуй, нам пора выходить.

На пороге прохода я обернулся и ещё раз окинул взглядом эту беззвучную и необыкновенную для современного человека картину творчества сумасбродного изобретателя. Только вот сумасбродного ли?

Капитан подержал железку, пока мы убирали подпорки и застилали досками люк. Лист с лёгким грохотом прилип к полу. Разошлись молча, словно чем-то озабоченные, подавленные, обманутые в ожиданиях и фантазиях. И, действительно — современные представления формируют и соответствующие фантазии. Если речь об электрической машине, то даже с ожиданием её примитивности возникают в воображении провода, кабели, рубильники, изоляторы, гудящие трансформаторы, разряды и всё такое прочее. А тут вдруг булькающие бутыли и лохани! Есть от чего впасть в недоумение и раздражение.

Совсем упускается из вида, что сами сосуды и трубки — это проводники. А жидкости в них — одновременно и реактивы, и проводники с самыми разными свойствами. Виденный нами набор внешне примитивных агрегатов на самом деле

по сути может оказаться много сложнее современных электрических машин. Наверное, мы видели электрохимическую систему с непрерывно меняющимися в огромном диапазоне параметрами, свойствами элементов. Современной науке такие вещи ещё не известны.

Если прикинуть примерное расстояние от люка, в который мы спускались в кочегарке, и до проводов и трубок, уходящих в стену внизу, то получается где-то середина Дома. В подвале больше искать нечего. Кладка не тронута. Остаётся первый этаж, подвергавшийся перестройке Генрихом Швейцером. Пожалуй, здесь будет гораздо проще, чем в подвале. Промерить контур Дома и сопоставить с контурами доступных помещений первого этажа. Если всё совпадёт, то никакого тайника тут нет. А если есть, то проявится неизвестное "белое пятно". Разумеется, если оно, действительно, на первом этаже. В общем-то, главная тайна Швейцера состоит не в местонахождении тайника, а в его существовании вообще.

На следующий день после изысканий в подвале мы с Александром вышли на рекогносцировку, с неподражаемым артистизмом прикидываясь как бы гуляющими у Дома. Первым делом отбросили из рассмотрения квартиру слева от арки ворот и саму арку. Остаток фасада промеряли большими шагами. Свернули в арку и прошагали ширину дома. В этом прямоугольнике с края помещаются квартира Ахмеда, выходящая на улицу и во двор, наша "барская" парадная и бывшая прачечная со двора между Ахмедом и аркой ворот. Прачечная — это теперь дворницкая, где Ахмед хранит свой нехитрый инвентарь. Прошагали длину прачечной. Постучали в окно Ахмеду и попросили её открыть. Длинное помещение, задняя стена которого скошена, расширяя помещение книзу. Промерили ширину прачечной. Осталась наша парадная. Прошагали и её глубину внизу, широченный первый лестничный марш и глубину первой лестничной площадки.

Сложные математические вычисления на уровне первого класса школы показали наличие пустоты размером примерно шесть на одиннадцать шагов, ограниченной аркой, прачечной, квартирой Ахмеда и нашей парадной. С учётом стен — это примерно пять на десять метров. Полста метров! Как такая большая

площадь могла быть не обнаружена при официальных промерах планировки Дома? Надо смотреть документы.

Попросил Ахмеда взять у паспортистки жилищную форму семь для своей квартиры. Там должны быть указаны некоторые размеры и смежных помещений. На следующий день Ахмед мне её принёс. У мамы с бабушкой всегда полно разных старых справок. Среди них нашлась и форма семь десятилетней давности на мамино жилье.

Сел рассматривать справки. На маминой — глубина или длина лестничной клетки указана, как и есть в натуре, для третьего этажа. Полностью от фасадной до дворовой стен дома. На справке Ахмеда для первого этажа есть его квартира, часть прачечной и урезанный на ширину прачечной первый марш главной лестницы. Соответственно, глубина лестничной клетки указана как глубина для верхнего этажа минус ширина прачечной.

Дело в том, что первый этаж существенно ниже верхних, и помещение со стороны двора своей задней стороной находится под главной лестницей и полностью скрыто ей. Из парадной место этой задней стороны не видно и размеры по прямой не определить. А вычислять размеры по углу наклона лестницы, чтобы узнать, что там на самом деле под ступеньками, никто не стал или не смог. Стало понятно, и почему задняя стена прачечной скошена. Это имитация ограничения помещения парадной лестницей, которого на самом деле для прачечной нет. Предусмотрителен Генрих Швейцер. Всё больше и больше он мне нравится и внушает уважение.

Ладно, тайник, допустим, нашли. Дальше что? Как войти? Правда, мест для входа раз-два и обчёлся. Туда не будешь входить из-под арки ворот. Из парадной сквозь ступеньки не войдёшь. Из прачечной через косую стену — маловероятно. Неудобно. Остаётся квартирка Ахмеда с потайной дверью или опять-таки подвал с потайным люком. Квартирка Ахмеда стоит аккурат прямо над кочегаркой.

Возникают две логичные вероятности. Для лёгкого доступа к машине потайная дверь должна быть от Ахмеда. Для лёгкого доступа к системе энергообеспечения должен быть люк прямо в подвал. Самое удобное – иметь то и другое. Я уже убеждён, что именно Швейцер сделал бы именно так. Правда, в этом случае люк в подвал может быть либо от Ахмеда, либо из тайника. Если найдётся из подвала люк к Ахмеду, то это интересно, но бесполезно. В тайник-то

мы не попадём. Как ни крути, сначала нужно осмотреть стену у Ахмеда. Вдруг найдётся хоть какой-нибудь намёк.

Сопровождающий меня сегодня Капитан предлагает:

– Как-то неудобно врываться просто с делом. Всё-таки как ни крути, а он наш равноправный, так сказать, соратник. Неплохо бы уважить старика чем-нибудь.

– Согласен. Может, тортик купим и навяжемся на чай?

– Идёт.

Забегаем в гастроном, и я собираюсь выбить фруктовый тортик.

– Стоп, стоп, ты что, собираешься делить это пирожное на троих мужиков? Бери большой и чай в жестянке.

Пришлось раскошелиться. Капитан стучит в дверь.

– Ахмед, примешь гостей на чай? Чай наш.

– А торт тоже ваш? — улыбается Ахмед.

– Наш, наш.

– Тогда так уж и быть, заходите.

Заходим. Отдаём хозяину гостинцы и садимся за стол. Через пять минут чай заварен, разлит, торт нарезан, и мы приступаем к светской беседе о погоде, затруднённой набитыми тортом ртами. Тем не менее, мы с Капитаном понимаем: Ахмед не очень-то верит, что мы припёрлись исключительно ради чая и перемывания костей синоптикам.

– Ты нас обижаешь, Ахмед, — кипятится Капитан, — мы с открытой душой, а ты такие предположения строишь. Ну, есть у нас с собой бумажка с разными размерами. Ну, надо тут и у тебя кое-что померить. Неужели мы стали бы скрывать свои намерения за каким-то фруктовым тортом? Которого, кстати, уже и нет. Но раз уж ты так настаиваешь на своём, то вот в чём дело…

И Капитан изложил имеющиеся соображения.

– Понятно, — согласился Ахмед, — давайте поищем.

Хотя искать-то, собственно, и нечего. Всё и так на виду. Примерно в том месте, где должна быть стенка тайника, имеется стенная ниша со старинным встроенным шкафом тёмного дерева. Две застеклённые дверцы верхней половины. Ниже — две открытые полки нормальной высоты и низенькая полка, вероятно, для домашней обуви, почти у самого пола. Стенные ниши со шкафами для архитектуры того времени — дело характерное. Однако делаются они в капитальных стенах большой толщины. Эта же стена, судя по плану, не шире длины кирпича. Шкафа здесь быть не должно. Он глубже толщины стены. Хотя

это и не факт. Официальный план во многом составлялся с потолка. Не исключены несоответствия.

Для очистки совести промеряем рулеткой. Да, вроде то место. Ахмед опустошает шкаф, и мы с ним начинаем его исследовать. Капитану осталась самая трудная миссия — давать советы. Чем он и начинает нас изводить. Однако бесполезно. Элементы декора шкафа не поворачиваются. Никакие досочки не сдвигаются. Полки не вынимаются. Дёргать не за что. Никакие гвоздики не нажимаются — их просто нет. По стуку, похоже, что шкаф сзади из толстенных досок.

Наконец мы с Ахмедом сдаёмся и, разойдясь в стороны, начинаем ощупывать стены. А что толку шарить по стенам, если они заклеены не одним слоем обоев! Никаких элементов, сопоставимых по старине со шкафом, в квартире больше не наблюдается. Садимся и с горя начинаем пить чай без торта. Капитан же сменил нас в шкафных изысканиях, и я его время от времени подбадриваю его же собственными советами. Но и он, в конце концов, сдался и присоединился к нам.

– Может, взломать его к черту? — предлагает радикальное решение Капитан.

– Ага, и для ремонта пригласим столяра со стороны. А может, вы сами, Капитан, умеете починять старинные мебеля?

– Как я понимаю, — в раздумье произносит Ахмед, — пойдём опять в подвал искать люк, который, вы думаете, там должен быть.

– Пойдём, а что ещё делать? Капитан, в выходной кителёк переодеваться будете?

В подвал пришёл ещё и Александр. Чуть ли не с порога отпустил ту же самую шутку про капитанский кителёк. Никто даже слегка не улыбнулся. Это его настолько сильно озадачило, что он поинтересовался:

– Мы что, кого-нибудь хороним?

– Хороним бородатые шутки, — сообщил Капитан.

– И когда это моя успела так постареть?

Капитан взглянул на часы:

– Уже скоро как полчаса.

Подпираем дверь в подвал доской и топаем к кочегарке. Отмеряем ширину квартиры Ахмеда. За этой чертой начинается пол тайника. Дружно уставились в потолок. Потом друг на друга. Вернулись к двери. Убрали доску. Ахмед вышел и

вернулся с железной трубкой метра два длиной. Подпёрли дверь. Вернулись в кочегарку, и я начал тихонько простукивать трубой потолок.

Проход туда, по предполагаемой ширине тайника, а потом обратно. Проход туда, а потом обратно. И так — постукивая через каждые десять сантиметров. На восьмом проходе звук стал вроде ощутимо звонче. Тыкаю туда — глухо. Тыкаю сюда — звонко. Тык-тык, тык-тык, тык-тык. По звуку обозначился прямоугольник где-то сантиметров восемьдесят на метр. По виду абсолютно ничем не отличается от такого же, как и везде, кирпича. Всё оказалось на удивление просто. Когда знаешь, что и где искать.

Опять уставились друг на друга.

– А это, в общем-то, хорошо, что люк вроде бы не на стороне квартиры Ахмеда. А то опять оказались бы перед проблемой шкафа.

Капитан забрал у меня трубу, упёр в середину наметившегося прямоугольника и нажал вверх. Совершенно беззвучно кусок потолка начал откидываться на невидимых петлях, образуя прямоугольную щель. Капитан отпустил трубу, и щель исчезла. Никаких следов люка.

Мы опять уставились друг на друга. Потопали к двери. Убрали доску, Ахмед вышел и через пять минут приволок полутораметровую стремянку. Водрузили её под люком и вопросительно уставились на Капитана.

– Опять я?

– Капитан всегда должен быть впереди! — с пафосом ответствовал Александр.

– Анну Петровну не позвали.

– Не увиливайте, Капитан, Анну Петровну мы введём через главный вход в машинный зал. Да и с вашим фонарём, кроме вас, вряд ли кто справится.

Капитан притворно вздохнул и, всем телом изображая тягостную обязанность, полез на стремянку. Крышка люка без видимого сопротивления откинулась и встала где-то там внутри, стукнувшись в какой-то упор. Капитан поднялся на пару ступенек и, встав на верхнюю площадку стремянки, по пояс исчез в дыре. Интересно, а как он полезет дальше? Ступенек больше нет.

Там, наверху что-то лязгнуло, и вниз вылезло несколько ступенек с поручнями. Капитан ступил на них и исчез в дыре. Смотри-ка — и здесь Швейцер предусмотрел всё.

– Эй, вы там, в трюме! Все наверх! — послышалась команда Капитана.

Мы беспрекословно подчинились. А Капитан-то сообразителен. Как только влез, то сразу разыскал выключатель и зажёг свет, который и здесь в рабочем состоянии. Когда все влезли, последовала следующая командная директива:

– Смотреть можно, но руками ничего не хватать. Оторву!

По интонации беспокойства и решимости чувствуется, что может и оторвать. А если и не руки, то, во всяком случае, голову-то запросто! Хотя Капитан прекрасно понимает, что никто и сам ничего трогать не рискнёт.

Осматриваюсь и прислушиваюсь. Никаких звуков, характерных для работающих электрических или каких-либо других машин. Довольно свободная площадка у стены, прилегающей к обиталищу Ахмеда. Люк почти у самой стены, к которой прикреплена конструкция со скользящей по ней и спускающейся в люк лесенкой. Судя по всему, лесенку можно спускать и фиксировать на любую длину, включая до пола подвала. Тут же, неподалёку — небольшой столик-конторка и стул.

А вот и дверь чуть в стороне от люка. Поворотная, странно длинная ручка, смахивающая на судовой клинкет. В противоположную сторону тянется довольно широкий, больше метра в ширину проход, по обе стороны которого почти до самого потолка всё заставлено какими-то устройствами, приборами, агрегатами.

– Теперь моя установка, — говорю я. — В сторону приборов сейчас никто не идёт. Прежде разберёмся с входом-выходом. Потом сначала я сам пройдусь вдаль и посмотрю, нет ли чего опасного для нас или от нас машине. Это будет не сегодня. Нужно добыть кое-какие контрольные приборы. Надежды на них немного, но всё же лучше, чем ничего. А сейчас смотрим дверь и убираем всё из подвала.

Понятно, почему ручка двери с таким длинным рычагом. Идёт вниз очень туго. Дверь-шкаф бесшумно распахивается в жилище Ахмеда. Круто! Интересно, как срабатывает механизм с обратной стороны?

– Александр, понажимай на ручку, а я с другой стороны посмотрю. Так, так, хватит.

Опять-таки — как всё просто! Поворот ручки вызывает наклон самой нижней полки. Той, которая для обуви. А тугое срабатывание нужно для того, чтобы дверь не растворилась при случайном нажатии, не очень большом весе предметов на ней. Для того полка и очень низенькая. Чтобы ничего тяжёлого на неё нельзя было поставить. Захлопываю дверь и сильно нажимаю ногой на нижнюю полку. Дверь немного приоткрылась. Теперь её можно легко распахнуть

рукой. В наружной, боковой стенке шкафа даже есть углубление, чтобы зацепиться пальцами.

– На сегодня, пожалуй, всё. Лезем вниз и убираем следы преступления.

Уходя, я взглядываю на крышку люка. Интересно, почему Капитану удалось её так легко поднять? Мощные деревянные доски, на которых закреплена керамическая плита толщиной всего сантиметра четыре со структурой кирпича, и совершенно натуральной имитацией швов из раствора. Потому и лёгкая. На краю крышки задвижка. Нам просто повезло, что она не была закрыта. Капитан, спускаясь последним, убирает лесенку и опускает люк. Где люк, где не люк, различить невозможно.

Убираем доску от двери в подвал и выходим во двор. Оказывается, нас тут уже ждут три тётки из дворового флигеля. Хотя делают вид, что просто случайно встретились соседки и остановились поболтать. Одна из них окликает Александра:

– Учитель, а вы что-то зачастили целой компанией в подвал. Вчера ходили и сегодня вот. Клад ищете?

Пока Александр не ляпнул чего-нибудь невпопад, я успеваю ответить за него:

– Да вот мы тут собрались кооперативчик организовать. Присматриваем помещение под контору и склад. В своём же доме удобно было бы.

Чувствуется, что весь интерес к нам мгновенно угас. Как же! Ещё одна компания будущих спекулянтов-мироедов. Тот, который из матросов, будет контрабанду из-за границы доставлять, а остальные — прятать и сбывать. Здесь всё ясно.

На работе уломал начальника отдела разрешить мне вынести из учреждения индикатор напряжённости поля. Прибор небольшой. Можно было бы вынести и под полой, но он единственный в лаборатории. Могут спохватиться. Мотивировал тем, что хочу проверить фон дома на предмет соответствия санитарным нормам.

Вечером все собрались у Ахмеда. Капитан по моей просьбе захватил свой "Практифлекс"* со вспышкой. У меня же в карманах на всякий случай — несколько круглых и плоских кистей с длинным и мягким волосом. Пьём чай с пряниками, но чувствуем себя как на иголках. Встаю. Капитан надевает мне на шею ремешок индикатора и осеняет крестным знамением.

– С Богом!

– Капитан, а вы в правильном порядке осенили? А то, не дай Бог, может случиться невезуха, — подколол Александр.

Подхожу к шкафу, наступаю ногой на полку и распахиваю дверь в тайник. Выключатель. Свет. Под потолком такие же лампочки, что и в подвальном бункере, но их много — и потому светло. Пыли тоже не так уж много для семидесятилетнего накопления, но видеть детали очень мешает. Строгий порядок размещения приборов, агрегатов. Специально изготовленные для этого помещения с косыми продольными стенами стойки и кронштейны из литой бронзы. Количество полок и их расположение на стойках и кронштейнах можно менять, как это делают и сейчас. Позади приборов тянутся аккуратно закреплённые трубки и провода.

Медленно иду вдоль правого ряда. Вот несколько стоек с очень знакомым по музейным образцам содержимым. Катушки, трансформаторы, конденсаторы и сопротивления былых лет с путаницей проводов между ними. Подношу датчик. Показания прибора характерны для слаботочных систем. Несколько полок с густо стоящими цилиндрическими и прямоугольными медными коробочками. Излучение тоже очень слабое. А вот и панель управления с множеством миниатюрных перекидных и поворотных переключателей. Их, наверное, около сотни.

А вот интересная штука. Большая спираль из стеклянной трубки с быстро текущей в ней, слегка светящейся зеленоватой жидкостью. Внутри спирали — катушка из медной проволоки, которую можно поворачивать и фиксировать в разных положениях. Сейчас она слегка наклонена относительно оси стеклянной спирали. Излучение вблизи стеклянной спирали довольно сильное, но не опасное, и на расстоянии двадцати сантиметров от неё падает до обычного фона.

Большая застеклённая панель на четырёх ножках с винтами регулировки горизонтальности. Стоящая на тумбе, в которую с панели уходит густая сеть тонких проводов. Что за стеклом — не видно из-за пыли. Достаю широкую кисть и сметаю пыль. Под стеклом белая плата, возможно, из мрамора, который в старину использовали в качестве диэлектрика. Множество, наверное, несколько сотен групп стоящих вертикально контактов. По шесть контактов в группе, расположенных по кругу диаметром сантиметра полтора.

Внутри каждой группы контактов — шарик светлого металла. Шарики танцуют. Большинство слегка колеблются, находясь в центре группы контактов и не касаясь их. Некоторые неподвижны и прижаты к какой-либо паре контактов. Некоторые перекатываются между соседними парами контактов туда и обратно. Некоторые беспорядочно перепрыгивают от одной пары контактов к другой. По функции замыкания/размыкания можно предположить, что всё это — своеобразная система реле. Но какая грандиозная по числу комбинаций! Может поспорить с любой ЭВМ.

Группа из шести больших вариометров* — вставленных друг в друга катушек, внутренняя из которых может на какие-то углы свободно поворачиваться в наружной. Поворачивающие тяги скрываются в подставках. Из чего можно сделать вывод, что управление вариометрами автоматическое.

Ещё одна панель управления или, скорее, переключения. На манер ручного телефонного коммутатора. Несколько рядов контактных гнёзд и пара десятков отрезков проводов с наконечниками, беспорядочно воткнутыми в гнёзда. Вертикальные ряды гнёзд обозначены буквами, а горизонтальные — цифрами.

Несколько стоек, занятых сверху донизу закрытыми плоскими коробками с путаницей проводов и трубок.

В конце помещения на высокой и толстой тумбе лежит полусфера метрового диаметра. Излучение в норме. Сметаю пыль. Полированный гранит. По всей поверхности вдавлены шестигранные бронзовые пластинки с небольшим зазором друг от друга. Трубок не подходит. Только провода в тумбу.

Иду обратно по левому ряду. Несколько стоек плотно забиты металлическими и слегка светящимися, разноцветными стеклянными ёмкостями разного размера и формы с сумасшедшим переплетением трубок и проводов между ними. Даже и не пытаюсь что-нибудь понять.

Ещё пульт управления, но не электрическими токами, а подачей жидкостей. Краны и краники в изобилии. Повороты и положения размечены.

А вот здесь — что-то пульсирующее, светящееся. Фон в норме. Сметаю пыль. Шесть толстых горизонтальных трубок одна над другой. Опять шесть! Почти везде шесть. Слева от них — реостаты с выведенными вперёд ручками регулировки. В трубках происходит что-то таинственное. К левому концу трубки подведён провод, который внутри трубки оканчивается иглой. Правый конец стеклянной трубки переходит воронкой в медную трубку.

Все шесть трубок заполнены зелёной жидкостью разного оттенка. От сочного в верхней до едва зеленоватого в нижней. На конце иглы в верхней трубке загорается искра, медленно растёт в яркий шарик диаметром миллиметров пять. Шарик отрывается от иглы и, также светясь, неспешно плывёт к воронке и исчезает в ней. То же и в других трубках, но всё более и более убыстряясь. В самой нижней шарик отрывается от иглы раньше, чем два предыдущих скрываются в воронке. Завораживающее зрелище. Индикаторы каких-то параметров, процессов?

Несколько полок с медными шарами, похожими на ежей от множества контактов на поверхности. Есть довольно мощное не высокочастотное излучение, но сильно падающее на небольшом удалении. Даже вплотную для человека не опасно.

Рядом стоит стоймя огромный чёрный, словно каменный, параллелепипед сантиметров семьдесят в ширину, метр в глубину и метра два высотой. От каждого медного ежа в него входит один провод. Или выходит? Индикатор на него не реагирует.

Странно. Две стойки совершенно пусты. Вернее, не стойки, а места для стоек, где они, наверное, когда-то были. Пучки проводов, подходящие к ним, ровнёхонько обрезаны словно лазером. Машинально подношу датчик. Нет даже естественного фона. Убираю датчик от стойки. Естественный фон появляется. Вдвойне странно. Подношу руку — ничего.

И опять катушки, катушки, катушки разных размеров и полноты намотки. Конденсаторы, но многие из них переменные. Множество крошечных реостатов. Вроде всё.

Выхожу из тайника. Пряники все съедены. Четыре пары вопросительных глаз.

– Сколько меня не было?

– Почти два часа, — отвечает Анна Петровна.

– Ну, что я могу сказать? Опасного для нас там ничего нет. Трогать чего-нибудь, что может изменить своё положение, конечно, никак нельзя.

– Капитан чего-нибудь у кого-нибудь за это оторвёт, — добавил Александр.

– Но смотреть — пожалуйста. Я бы даже рекомендовал провести в тайнике аккуратную уборку. Пыли там до черта. Что нельзя трогать, я очищу сам.

Но вперёд пустим Капитана с фотоаппаратом. Пусть заснимет на всякий случай кое-что. И ещё — несколько моих собственных соображений по поводу машины.

Я заметил во всём этом хитроумном хозяйстве две особенности. Не встретилось ни одного знакомого элемента, способного работать на высоких частотах. И второе. Не встретилось ничего похожего на электронные лампы. Хотя их время и подошло тогда. Возможно, Швейцер заранее планировал долгую и автономную работу своей машины. Раз не включил в неё ничего, что могло бы внезапно выйти из строя или баланса. Для кого тогда Швейцер её строил? Ведь для шестидесятилетнего старика большая долговечность машины не так уж важна, а претендентов на неё не проявилось.

И третье. Похоже, что машина использует привычную и понятную нам энергию и физические свойства для того, чтобы питать создание и существование чего-то такого, что наши чувства и приборы регистрировать здесь не могут. Потому и сама машина не требует и не отдаёт большой энергии. Донором для наших миров, созданных воображением, возможно, становится сама Земля, теряя какую-то частицу своей энергии, свойств. Наши миры существуют не где-то в другом времени или пространстве, а в другой форме материи со скопированными от нас формами объектов, включая воображаемые. А машина даёт импульс-команду к преобразованию туда или обратно и для предметов, и для людей. Вот мы и можем чувствовать в иной материи так же, как в родной. Мы сами становимся при переходе иной материей. Из этого вытекает, что даже если сама машина вдруг перестанет существовать, то уже созданные ею миры останутся жить.

И четвёртое. Если я хоть в малой степени прав, то и машина Генриха Швейцера здесь не вся. Какая-то её часть перекочевала в иную материальную неизвестность при запуске. Это и позволяет нам перемещаться туда и обратно. Вероятно, что эта перекочевавшая часть машины находится где-то в мире, который Швейцер создал для себя. Нам его никогда не увидеть.

– Может быть, оно всё и так, — попробовал затеять дискуссию Александр, — однако осуществить такое на том уровне техники…

– Уровень техники, конечно, имеет значение, но не такое, как обычно представляется. Развитие техники расширяет возможности, но ведь законы физики и природные ресурсы в любом случае одни и те же. Важно найти способ использования ресурсов при ограниченных возможностях. Швейцер нашёл.

Будем уборкой сегодня заниматься или нет? Скорее, нет. Нужно подготовиться. Хотя бы пылесосы притащить, щётки. Кисточки я дам. Да и поздновато уже. Просто сходите сейчас и посмотрите, с чем придётся иметь дело.

На следующий день, благополучно проведя генеральную уборку, опять все сидим здесь же, у Ахмеда. Пряников — завались. Чая — хоть залейся. Все оживлены и довольны проведённой работой. И действительно, машина выглядит теперь совсем не так уныло, как вчера. Даже сказал бы, что просто празднично. Бронзовые стойки и полки отливают цветом старого золота. Медные коробки, коробочки, шарики, цилиндрики, трубки и трубочки из серых превратились в красные. Латунные детали отличаются светлой желтизной. Жидкости в стеклянных сосудах и трубках тоже обрели краски, а многие — и свечение. Катушки, трансформаторы, конденсаторы и реостаты тоже перестали быть одноцветными. В общем, картина феерическая. Особенно если погасить свет.

Капитан уже втихаря сбегал домой и, наверное, быстренько проверил, не повредила ли уборка машине. Вернулся успокоенный и благодушный. А я жалею, что не уследил, как он смылся. Интересно было бы посмотреть, что происходит в машине во время переноса. Ладно, ещё поймаю момент. Или попросить кого-нибудь специально?

Анна Петровна разбирает бумаги, обнаруженные в столике-конторке.

– Ничего интересного нет. Только счета за изготовление чего-то и проведение работ. Правда, по тем временам цифры просто огромные.

– Ладно, пусть лежат, где лежали. А раз уж нам так повезло приобщиться к этому чуду, то и будем пользоваться им бесплатно.

ГЛАВА 4: Новелла об охотнике на пиратов

– Знаешь, Сергей, — признался Капитан, — после стольких лет явной и тайной жизни меня всё равно не покидает ощущение нереальности происходящего. Хотя нет, наверное, не так. Реальность фантастичного я давно уже принял как факт. Но с какого-то времени мне каждый раз перед перемещением как-то немного не по себе. Словно за спиной стоит какая-то неопределённая фигура, наблюдает за мной, и от её желания зависит, попаду я в очередной раз в другой мир или нет.

– И это не с самого начала?

– Пожалуй, не с самого. По молодости я бросался туда без всяких раздумий и сомнений. Не занимался самоанализом и не смотрел по сторонам.

– Может, всё дело в рационализме взрослого человека? Он заставляет критически относиться к каждому шагу. И тогда эта неопределённая фигура — вы сами.

– Да, может, ты и прав. Раньше мне было достаточно лишь пребывания там. Потом наступило время, когда меня безудержно потянуло приносить оттуда какие-нибудь вещи на память.

– И что из того? И меня на это тянет. И натаскал бы, если бы у родных не возникло вопросов, откуда они берутся. У нас с вами одна и та же тяга, Капитан. Создать и здесь хотя бы иллюзию, воспоминание тамошнего мира. Что тут ненормального?

Мы сидели у Капитана дня через три после обнаружения и чистки машины Генриха Швейцера. Смаковали последние капли вина Колина и болтали о том о сем. Мама с бабушкой сегодня отбыли в Новгород на похороны бабушкиной сестры, завещавшей маме всё своё имущество. Хлопоты с ним, девятины, визиты по тамошней родне займут, наверное, недели две. На неделю у меня накопилось отгулов на работе, и на неделю я написал заявление за свой счёт. Всерьёз собрался завтра в Верн. Вот и зашёл на дорожку поболтать.

– Капитан, я не вторгнусь во что-то непозволительное, если попрошу вас рассказать о ваших сувенирах оттуда? По вашему выбору.

Капитан встал и начал медленно прохаживаться вдоль рядов своих сокровищ, осторожно беря некоторые из них в руки.

– Этот секстант я снял с напоровшегося на скалы и покинутого командой купеческого корабля. Эта подзорная труба — единственное, что осталось на память от капитана пиратского корабля, растерзанного собственной же командой. Всё прочее команда тут же поделила между собой. Эту изумительную курительную трубку из чёрного дерева и слоновой кости в виде головы негра мне продал пьяный боцман за серебряную монету и кружку рома. Эта абордажная сабля — обычная сабля. Повседневный инструмент пирата без всякой истории. Просто очень красиво, искусно сделана. Эти карты — не просто карты. Это копии секретных карт английского адмиралтейства. Энергичная публика южных морей предпочитает их всем другим картам и вносит в них свои уточнения.

– Предпочитает? — переспросил я.

– Разумеется. Ведь всё происходит и сейчас. Хотя и не здесь.

– А ваше место в этой публике, Капитан?

– Владелец кабаков, а также скупщик краденого и награбленного.

– Чины немалые, — усмехнулся я.

– Пожалуй, но наиболее приемлемое, что можно использовать при внезапных появлениях и исчезновениях в тех условиях, не возбуждая подозрений. А всё остальное — уже по обстоятельствам.

– Понимаю.

– Вряд ли. Это нужно видеть и ощущать. Хочешь завтра со мной?

Я просто опешил от неожиданности. Туда, к пиратам? Завтра? С Капитаном? Обалдеть! А как же Верн?

– Надолго?

– Как захочешь. Уйти можно в любое время.

Тогда у меня и для Верна время останется. Такой шанс расчувствовавшегося Капитана вряд ли ещё когда подвернётся.

– Ловлю на слове. Во сколько?

– Ну, часиков в девять-десять. Лучше пораньше. Там и позавтракаем.

– Идёт!

Без десяти девять следующего утра Капитан уже впускал меня в дверь.

– Готов?

– Готов.

– Тогда и не будем тянуть. Закрой глаза.

И Капитан положил мне руку на плечо. Обычная лёгкость, замирание чего-то от ощущения движения вверх. Внезапно стало жарко.

– Приехали.

Большая, довольно прилично обставленная комната, по мебели напоминающая кабинет. Через дверь видна и другая комната с большой кроватью. Бездна солнечного света врывается в распахнутые створки выхода на террасу. К ней и подталкивает меня Капитан.

– Пойди, осмотрись вокруг.

Терраса весьма обширная из белого с жёлтыми прожилками камня с парапетом по пояс. Солнце палит нещадно, и только упругий, обволакивающий ветер примиряет с жарой. За парапетом — полого спускающийся к морю серповидный берег, весь застроенный белыми домами самого разного размера, утопающими в зелени. Где-то в середине вычурное строение с колоннами и претензией на классический стиль. Если сверху смотреть — вполне симпатичный городишко. А если посмотреть вверх, то у Капитана здесь приличный и немаленький домишко.

За домами — неправдоподобная синева моря, какой не увидишь даже в Верне. Пара больших кораблей в гавани и множество мелких. Отсюда обзор не во весь горизонт, и не определить, на острове мы или на материке. В правом крае видимого горизонта видна ещё какая-то далёкая земля. В левом тоже.

Позади меня послышались шаги. Капитан в тёмно-синем, вышитом серебром камзоле, голубой рубахе, коротких штанах, смахивающих на зауженные галифе, башмаках с пряжками и шпагой на левом боку выглядит потрясающе. Ему бы ещё парик с косичкой — и был бы стопроцентный, как минимум, эсквайр.

– Мы тебе тут уже подобрали кое-что из пиратских трофеев. Слуга уже сбегал на склад в порту. Иди, переоденься в спальной.

Мне тоже достались туфли с пряжками. Правда, попроще. Длинные серые штаны чуть коротковаты, но ничего. Тёмно-красная рубашка без пуговиц и потёртый, свободный кожаный жилет оказались впору. Простой чёрный пояс с коротким кинжалом в ножнах довершил преображение. В комнату вошёл негр, молча забрал снятую одежду и растворился где-то в недрах дома. Остался ещё какой-то непонятный предмет. Кожаный мешок с пришитой снаружи к дну сдвоенной верёвкой. Ага, кожаная интерпретация русского вещмешка — сидора. Завязал и одел на плечо.

– Вот то, что надо, — оглядев меня, изрёк Капитан. — Будешь играть роль моего помощника. Какое возьмёшь имя?

– Серж.

– Ну, Серж так Серж. А меня здесь величают сэр Виктор или просто Виктор, или даже иногда Вик. В зависимости от обстоятельств. Всё-таки английское владение. Пойдём обратно на террасу. Я тебя немного проинструктирую. Этот кусочек земли называется остров Альберта. Соответственно, город — Порт-Альберт. Вон тот дом с колоннами — резиденция губернатора весьма обширного архипелага. Тварь продажная и неприятная! Хотя порядок на острове поддерживает строгий.

– Мы с ним встретимся?

– Надеюсь, что нет. Сэр Хаксли со мной обходителен из-за моих денег и связей в местных бандитских и торговых кругах, но змея ещё та. Так вот, продолжу о местных порядках. Альберт — место безусловного перемирия. В порт может войти кто угодно. Хоть торговец любой страны, хоть пират. Можно заключать любые сделки, но упаси Боже, затеять какую-нибудь свару, нападение или даже драку в кабаке. Отдельные бунтари попадут не в тюрьму, а

на кладбище, а агрессивные команды будут расстреляны вместе с судами. Для этого, видишь, в порту два военных фрегата.

– Суровый порядок.

– Зато спокойно, ибо окружение дальше, за пределами десяти миль будет уже взрывоопасное. Вон тот остров на горизонте справа называется Компас из-за своей продолговатости, вытянутой с севера на юг. На нем город и порт Румпель. На горизонте слева остров Пинта с портом Тринидад. Оба этих порта — пристанище пиратов. При условии, что они не беспокоят местных жителей. Между собой им разрешается делать что угодно, кроме судовых баталий в порту.

Если эти правила нарушаются, то с Альберта быстро прибывает карательная экспедиция и виновники развешиваются на реях, если не успевают смыться. Но этого не было уже давно. Оба острова — удобные и спокойные корсарские базы, если не портить отношений с губернатором. Пираты сами следят за порядком и сами же установили правило, что судно, сделавшее первый выстрел в порту, подлежит немедленному уничтожению всеми, кто только окажется рядом. Уходи из порта и тогда воюй с кем угодно и сколько угодно.

– Как я понял, никаких законов тут нет. Даже английских.

– Правильно понял! Кроме одного неписаного закона — язык русский.

– Ну, это само собой.

– Во всех трёх портах у меня таверны и торговые конторы со складами при них. Помнишь у Крылова басню про лебедя, рака и щуку? На Альберте таверна "Рак", на Компасе — "Альбатрос", а на Пинте — "Барракуда". Прибыльное дело. Но главное, что я могу оказаться в любом из этих мест и поэтому никогда неизвестно, есть ли я вообще в каком-нибудь из них. Понимаешь?

– Очень даже неплохая организация видимости присутствия при полном отсутствии.

– Что-то мы заговорились. Пойдём-ка в мой кабак, а то есть хочется.

Спустившись с террасы на несколько ступенек, мы вышли через кованые ворота и пошли вниз по мощёной улице. Таверна "Рак" с вывеской "Таверна "Рак"" с огромной клешней оказалась вполне приличным, чистеньким заведением в пятидесяти шагах от берега. Светлый зал, фарфоровая посуда, цветные скатерти на столах. Не кабак, а тематическое кафе в, так сказать, староанглийском стиле. Сюда не стыдно бы даже с девушкой заглянуть.

– В вашем непотребном заведении, гнезде, предназначенном для разгула и разврата, образцовый порядок, сэр Виктор. Как в домашней столовой. Я поражён и обескуражен. Пираты сюда забредают, наверное, без особой охоты. Если

судить по литературным произведениям об их порочных, свинских наклонностях. Я даже не удивлюсь, если вон из-за той занавески сейчас выпорхнет юное, хрупкое создание в юбке, с розой в волосах и серебряным подносиком в руках.

Из-за занавески выпорхнул хромой верзила в аккуратной, ухоженной одежде и старательно заковылял к нам.

– Ну вот, вдребезги разбито всё благостное впечатление.

Верзила доковылял до нас.

– Здравствуйте, сэр Виктор.

– Здравствуй, здравствуй, Люк. О делах потом. Познакомься, — мой временный помощник Серж.

Люк доброжелательно кивнул мне, развернулся и заковылял обратно.

– Здравствуйте, сэр Виктор. Ваше утреннее вино, — раздался у меня за плечом мелодичный голосок.

Вовсе не хромая обладательница голоска была юна, хрупка, в юбке, с белой розой в пышных, черных волосах и держала в руках поднос с кувшинчиком и двумя высокими, стеклянными стаканами.

– Познакомься, Марианна, — это мой помощник Серж.

– Очень приятно познакомиться с вами, Серж.

– Марианна, обычный завтрак на двоих.

Марианна упорхнула.

– В заведении есть не одна занавеска, — заметил Капитан, — а что касается привычек и пристрастий пиратов, то они не всегда литературные и с некоторыми сам познакомишься в "Альбатросе" или в "Барракуде". Я же тебе говорил, что Альберт — остров перемирия, а "Рак" — стол переговоров. Ты не представляешь, какими шёлковыми и сговорчивыми становятся самые отпетые головорезы, попав в такую непривычную для них обстановку. Особенно когда перед глазами вон та мудрая надпись.

Я повернул голову. Действительно, на стене крупная надпись: "Если ты что-то хочешь сказать, то прежде подумай, то ли нужно сказать. Если ты хочешь что-нибудь сделать, то прежде подумай, удастся ли тебе после этого вообще что-то делать".

– М-м да-а, сурово, но доходчиво.

Капитан взялся за кувшинчик.

– Не рановато ли для вина? — поинтересовался я.

– Это не вино, а виноградный сок с виноградников на южном склоне острова. Местные жители зовут вином всё, что выжато из винограда. Это, например, утреннее вино. Местная пресная, некипячёная вода скверная на вкус, а пиво вообще отвратительное.

– О, очень даже хороший виноград, — похвалил я, отхлебнув из стакана.

– Однако с твоим сказочным вином не сравнится никогда.

– Ваш завтрак, сэр Виктор. Ваш завтрак, Серж. Куриные ножки и яичница, — пропела Марианна.

Она действительно прелестна. Особенно когда нагибается над столом, и юбка восхитительно облегает нижние округлости. Потрогать, что ли? Что это будет? Небольшая бестактность или недопустимое хамство невоспитанного гостя? Да и сказочные прелестницы непредсказуемы, а рука у них тяжёлая. Мне вспомнился один поучительный случай из кабацкой практики в Верне.

У Капитана в глазах смешинки.

– Правильно, что удержался, — произнёс он, когда девушка ушла. — Марианна строго воспитана, а с её защитниками лучше не иметь конфликтов.

Куриные ножки оказались отменными, яичница — великолепной, а утреннее вино — уместным и приятным.

– Ну что ж, — вставая, произнёс Капитан, — займёмся делами.

За занавеской, за которой скрылся Люк, оказался длинный коридор с множеством дверей. Капитан толкнул одну из них. Нетесная комната без окна со столом, несколькими стульями и большим кованым сундуком в углу. Горят две свечи. Люк встал из-за стола, освобождая хозяину место.

– Докладывай.

– Вот отчёт за три месяца, — сообщил Люк, кладя перед хозяином несколько листов бумаги.

– Расскажи лучше на словах.

– Как вы и распорядились, мы отказались принимать одежду. Слишком хлопотный и неустойчивый сбыт. На итоговые результаты это никак не повлияло.

– Хорошо. Дальше.

– Рыжий Хенк предложил большую партию хороших тканей. Очень большую и очень хороших. Проверил. Взял с хорошей скидкой на то, что здесь столько не сбыть, а в ближайшее место материка их отправлять нельзя. Они туда и шли. Можно засветиться. А отправлять дальше — лишние расходы.

– Так.

– Заплатил ему четверть того, на чем сошлись. Остальное — после продажи. Согласился без звука.

– Отлично.

– Золотая и серебряная испанская посуда и оружие отданы голландскому торговцу с условием продажи в северные страны. Деньги получены.

– Что ещё из крупного?

Люк покосился на меня.

– Говори. Можно, — распорядился Капитан.

– Сто пятьдесят фунтов затребовал капитан "Морского ветра" на ремонт и обновление такелажа. Я дал.

– Правильно.

– Всё, что положено команде, начислено и как обычно — на хранении в надёжном месте. Из непредвиденных расходов — приобретение новой посуды для таверны и расширение стада и птичника. Число посетителей растёт. Всё прочее — легальное и нет — как обычно.

– Итог?

– Шестьсот восемьдесят два фунта стерлингов в пиастрах и дублонах.

Люк полез в сундук и грохнул на стол зазвеневший мешок.

– Отлично. Оставь пока у себя. Нам ещё в Румпель и Тринидад. Заберу, когда вернусь. Все?

– Нет. Вас ищет Ржавый Билл.

– Вот как? — и обернувшись ко мне, — Ржавый потому, что его команда ленится чистить пушки снаружи, и они порыжели. У него три неплохих двадцатипушечных судна.

– Два.

– Что два?

– Два судна у Билла. Третье недавно бесследно пропало. Он уже отчаялся его увидеть. Носится как угорелый по островам и пытается хоть что-то разнюхать.

– Не похоже на Ржавого Билла. Он никогда о потерях так не переживает. Разве что на пропавшей посудине было что-то такое, что потерять было недопустимо. Держи ушки на макушке. Если он опять появится, то скажи, что вечером я буду здесь, а утром опять уплыву. Пусть ждёт, если уж так припёрло.

– Хорошо.

Когда мы вышли из таверны, Капитан спросил:

– Ты понимаешь, что означает рост числа посетителей этой таверны, о котором говорил Люк?

– Что?

– Край пиратский. Прирост может быть только за счёт пиратов. Отребье возжаждало культурного отдыха!

– Вот тебе и литературные наклонности.

Так переговариваясь, мы подошли к небольшому пирсу с причаленной лёгкой одномачтовой яхтой. Два черных матроса в одинаковой холщовой робе.

– Квали, какой ветер?

– Точно на ост, сэр, но к вечеру, как обычно, переменится к зюйду.

– Тогда сначала на Компас.

– Есть, сэр!

Волны плещутся, солнце печёт, посудинка резво бежит вперёд. Даже качки почти нет. Благодать!

– Какая скорость, сэр Виктор? — интересуюсь я.

– Узлов* десять. Через час будем на месте.

– Я посмотрю у вас и слуги, и матросы — все негры.

– Не все, а одни и те же. Дома они слуги, а в море матросы.

– Экономно.

– И спокойнее.

Входим в гавань. Довольно оживлённо. На рейде десятка два судов без флагов. Два-три довольно больших, а остальные — не очень. Но все с пушками и на всех, которые можно разглядеть, не меньше, чем по двое вахтенных. С некоторых машут нам шляпами, и Капитан отвечает жестом руки. Проскальзываем между судами и пристаём в конце довольно длинного причала. Хотя причаленных судов всего два в противоположной стороне. Оба без пушек — торговые. Около них суета таскания бочек, мешков и ящиков из ближайшего здания.

Вдоль берега — длинный строй складов и домов, мало похожих на жилые. Широкая улица начинается прямо от причала. Какой-то оборванец сорвался с места и побежал вверх по улице. Высаживаемся и идём туда же. А за спиной наша посудинка отходит от причала метров на десять и бросает якорь.

Вокруг довольно многолюдно. Публика разношёрстная, но в основном не воинственная. Женщин немного, но попадаются, спешащие по хозяйственным делам с сумками и корзинками. Никакого напряжения в воздухе не витает. Обычный портовый город. Лишь изредка парами, тройками лениво проходят с независимым видом фигуры в пёстрой, новой или потрёпанной одежде и залихватских шляпах, но вооружённые саблями и пистолетами. Некоторые раскланиваются с Капитаном, отвечающим им лёгким кивком головы.

Тихонько пихаю Капитана:

– Настоящие пираты?

– Они самые, — и снисходительно улыбается, — чуть дальше, метров через сто лежит поперечная улица. Это граница, которую им без приглашения запрещено переходить.

– Сэр Виктор, я у причала заметил два вроде торговых судна. Как они не боятся сюда заходить?

– Сам бы мог догадаться. Если никто не станет снабжать припасами и вывозить награбленное, то и пиратству конец. Это неприкосновенные торговцы, — и, мгновение подумав, добавил: — Вроде меня. И вроде пришли.

Вывеска "Альбатрос", конечно же, знавала и лучшие времена. Покосилась, облупилась и потрескалась. И в этом своё очарование как бы благородной старины. Сама таверна выглядит гораздо крепче. Управляющий встречает хозяина на пороге. Крепкий, решительный мужчина лет пятидесяти с обветренным лицом. Предупреждён. Бегун с причала?

– Здравствуйте, сэр Виктор.

– Здравствуй, Роб. Всё как обычно?

– Да пока, слава Богу.

– Познакомься — это мой временный помощник Серж.

Жмём друг другу руки.

– Перекусить или сначала дела, сэр Виктор?

– Пожалуй, дела. Веди.

Большой зал, отделанный под корабельную каюту, трюм. Никакого изыска. Грубая, но прочная мебель. Само собой, никаких скатертей или фарфора. В глаза бросается множество повреждений на опорах потолка, стенах, столах. Опасное место, но видно, не сейчас. Несколько человек бандитского и не бандитского вида спокойно что-то жуют и чем-то запивают, сидя за разными столами.

Коридор, комната без окон, стол, сундук, отчёт за три месяца на бумаге.

– Роб, давай на словах, а отчёт я заберу с собой.

– Отказались от сделок с одеждой…

– Дальше.

– Помните Коротышку Француза, который где-то пропал больше полугода назад?

– Помню.

– В прошлом месяце появился с большой партией золота в грубых изделиях на лом. Говорит, что тряхнул индейцев. А по пьянке всё твердил, что затмит славу самого Кортеса.

– И что дальше? Что за изделия?

– Статуэтки, какие-то сосуды, пластины с какими-то непонятными знаками, рисунками. Утверждает, что из индейского храма. Похоже на то. Всё, что мельче, до меня не дошло, — дорожился Француз. Но всё-таки распродал другим скупщикам. Остался только большой идол, которого никто уже взять не смог — издержались на мелкие вещи. Француз туда, Француз сюда — не берет никто по цене ломового золота. Тут я ему и предложил взять за полцены и с рассрочкой. Сумма даже в этом случае очень большая. Он повертелся, повертелся и согласился. Идол у меня на складе. Вчетвером затаскивали. А Француз неделю назад отправился опять туда, чтобы переплюнуть славу Кортеса.

– Покажи идола.

Забрали со стола большой переносной фонарь. Вышли в коридор. Окованная железными полосами дверь в самом конце открылась с ужасным скрипом.

– Смазал бы хоть.

– Собираюсь, собираюсь, да всё что-то отвлекает.

Идол посреди комнаты накрыт мешком. Роб сдёргивает его. В самом деле — идол. Грубый, но большой. Наверное, в половину человеческого роста. Золото тёмное. Признак отсутствия примесей. Капитан подошёл и попытался поднять. Не вышло. Покачал из стороны в сторону. Чуть не уронил себе на ноги.

– Ладно, закрой.

Вернулись в контору. Капитан сел и, раскачиваясь на стуле, начал над чем-то размышлять.

– Историческая, культурная ценность, мать её!

– Что, что? — не понял Роб.

– Да ничего. Сколько ты за него отдал?

– Тысячу двести фунтов.

– А остался должен?

– Четыреста.

– На какой срок?

– На два месяца.

– Француз что, сбрендил, что ли? Пропадал чуть ли не год, а тут решил за два месяца обернуться. Ну, да ладно, срок нужно соблюдать. Соберёшь за два месяца четыреста?

– Конечно. У меня сто уже есть.

– Стало быть, вернётся Француз — рассчитаешься. Когда бы он ни вернулся. Или с командой, если команда вернётся без Француза. Деньги должны быть наготове в любой момент. Чтобы никакая случайность не могла расторгнуть сделку. Если что вдруг пойдёт не так — возьмёшь деньги у Люка. Месяца через два должен вернуться голландец. Продашь идола ему за пять тысяч. В Европе он возьмёт вдвое. Тысячу возьмёшь себе. Если продашь за четыре с половиной, то себе возьмёшь только пятьсот. Здесь всё понятно?

– Всё.

– Что дальше?

– Остальное всё — обычные мелочи, если о наших делах. А интересных новостей две. Ржавый Билл с ума сошёл со своим пропавшим кораблём. Вас зачем-то ищет. Другим скупщикам с вопросами уже надоел до невозможности.

– Слышал. А вторая новость?

– Мы скоро будем новой Европой. Оказывается, и у нас может возникать мода.

– Ты это серьёзно? И на что у нас мода возникла?

– Как ни странно, на обеды и ужины в таверне "Рак" на острове Альберта.

Я никогда не видел Капитана так дико хохочущим.

– Нет, это ж надо же! В "Раке"! Мода!

– Вы зря смеётесь, — остановил его Роб. Мне уже некоторые пеняют, что у меня не так, как там. Но это ещё ерунда. Они собираются по двое, по трое, прихорашиваются, нанимают парусную лодку и отправляются обедать в "Рак". А вернувшись, собирают толпу вокруг себя разными сказками. Но я-то знаю, что врут больше половины. К Люку-то я захожу регулярно.

– Знаешь что, Роб, ты пособирай эти сказки. Они нам могут очень пригодиться. Обедать мы будем в "Барракуде". Так что не суетись.

Выходим из "Альбатроса" и не спеша идём к причалу.

– Не жалко идола, сэр Виктор?

– Жалко. А что сделаешь? В любом случае пропадёт. Слишком рано нашли.

– Да, пожалуй.

Доходим до причала. Черные матросы, увидев нас издалека, уже подтянули посудину к берегу. Прыгаем в неё.

– На Пинту, — командует Капитан.

Ветер, как говорят моряки, посвежел. То есть небольшое волнение и качка имеются. Но качка на меня не действует. Быстро бежим галсами, то и дело, меняя курс. Направление ветра не очень благоприятное. Зато при возвращении на Альберта ветер будет прямо в спину. Капитан говорит, что часа за два с половиной доберёмся до Пинты. Сама Пинта из едва заметного холмика на горизонте выросла до вполне различимых контуров и продолжает расти. Казалось, вот-вот пристанем. Ан нет, ещё далеко. Зрение обманывает огромная гора, у подножия которой и раскинулся порт Тринидад.

Удобная, защищённая с трёх сторон бухта заставлена кораблями не очень густо. Лавируем между ними. Сэр Виктор отвечает на приветствия. Весь причал занят судами, и поэтому высаживаемся на песчаном пляже рядом с ним.

Кабак "Барракуда" оказался прямо перед нами немного выше по берегу. Почти точная копия "Альбатроса", как, впрочем, и само окружающее поселение — копия Румпеля. Навстречу нам из дверей вылетает какая-то фигура и тыкается носом в песок. Ей вслед летит шляпа. На пороге появляются два здоровяка и безучастно наблюдают, как фигура с трудом поднимается,

отряхивается, а потом, вдруг что-то сообразив, начинает хвататься за пояс в поисках оружия.

– Снорки, когда прочухаешься, тогда и приходи за своими пистолетами, — кричит один из вышибал и снимает шляпу, придерживая перед нами дверь. Капитан небрежно кивает, и мы заходим внутрь. Навстречу уже бежит управляющий всем этим безобразием. Коренастый крепыш неопределённого возраста, боцманской внешности и в полосатой тельняшке.

– Ларри, обедать, — коротко бросает Капитан.

– Сей момент, хозяин. Том, Чарли, быстро!

Мгновенно свободный стол накрывается скатертью, расставляются тарелки, бутылки — и вот уже тащат подносы с едой. За соседним столом начали было возмущаться исчезновением подавальщика, но, узрев, кого он обслуживает, замолкают.

Уже сидя, оглядываюсь вокруг. Гул голосов. Не все, но многие — ну и рожи! Очень литературные и киношные. Табачный дым, испарения разлитого рома и пива, запах кухни создают смог, который плавает облаком выше уровня груди стоящего человека. Сидишь вроде ничего. Встанешь — ест глаза. Капитан с усмешкой наблюдает, как я озираюсь вокруг.

– Сейчас и в "Альбатросе" то же самое. Мы там были, когда контингент ещё не проснулся после вчерашнего. Пока мы плыли сюда, пробудились здесь и там и выбрались прожигать заработки. Не обращай внимания. Ешь.

Несмотря на непрезентабельность заведения, пища достойная. Суп, чем-то похожий на грузинские чанахи, баранина на рёбрышках, куриное рагу. Пираты совсем неплохо питаются на берегу. Так и звон монет, небрежно бросаемых на стол, говорит о хорошем стимуле для поварского искусства. Вино, правда, неважное. Быстро заканчиваем и в сопровождении Ларри скрываемся в недрах заведения.

Стол на месте. Сундук на месте. Отчёт есть.

– Отказались от сделок с одеждой…

– Дальше.

– За четверть цены взял груз хлопка. Разгружен на склад. Думаю, надо придержать до зимы, когда цены подрастут.

– Разумно. Проследи, чтобы не подмок за это время. Иначе сгорит.

– Я его в новый склад.

– Дальше.

– Коротышка Француз распродавал индейское золото. Я взял на шестьсот фунтов. Отдал за восемьсот пятьдесят.

– Неплохо.

– Предлагали много серебра в слитках. Удалось взять по четвертной цене только на четыреста фунтов. Больше денег в наличии не было. Голландец забрал за тысячу двести.

– Когда вы только научитесь работать вместе? У Люка мог взять денег. Сделка была бы вдвое больше.

– Каюсь, не сообразил.

– Кайся, кайся, что ещё?

– Был слух, что с Ямайки ушло в Англию большое английское судно с грузом сахара и собранными за год налогами. Больше его никто не видел. Штормов не было.

– Ну, и что из этого?

– Ржавый Билл предложил сахар по четвертной цене. Я взял.

– Думаешь, Ржавый Билл приложил лапу к английскому судну? Он что, с ума сошёл?

– Не знаю, сошёл или нет. Соображайте сами. Теперь он как волк ищет следы уже своего пропавшего судна. Чего ради?

– Наверное, на его пропавшей посудине было что-то с английского судна. Причём такое, что никем не должно быть обнаружено и привязано к нему. У него чутье обостряется, когда дело начинает пахнуть для него верёвкой. Не надо было ему, находясь на территории и под покровительством Англии, нападать на английское судно. Он всех подставил, а не только себя. Да, то, что он ищет меня, можешь не говорить. Знаю.

– Есть ещё сегодняшний слушок, имеющий отношение к этому делу.

– Да?

– В море выловили чуть живого матроса и при этом якобы с пропавшего судна Ржавого Билла. Умер через час, всё время повторяя что-то про большой красный корабль с тысячей пушек. Таких кораблей не бывает. Бред, наверное.

– Интересный слушок.

– Если уже и я его знаю, то Ржавый Билл узнал уже давно. Ему имеет смысл взглянуть на покойника, чтобы опознать, его это матрос или нет.

– Как некстати этот покойник!

– А нам-то что до него?

– В этих краях никогда не знаешь, когда и откуда на тебя свалится гора. Так или иначе, мы с этим делом связались, купив сахар.

– Кто же мог знать?

– Успокойся, тебя никто не винит. Ладно, какой итог?

– Тысяча двести десять фунтов.

– Очень неплохо, Ларри. Своё взял?

– Взял.

Ларри полез в сундук и выложил на стол два звякнувших мешка.

– Серж, забери.

Я развязал сидор, спустил в него полученную выручку, завязал и закинул на плечо. Тяжёленьки пиратские денежки!

– Мы пошли, Ларри. Будь здоров.

– До свидания, сэр Виктор. Да, чуть не забыл. Ходят какие-то смутные слухи про бесовские искушения в таверне "Рак".

Весь путь до острова Альберта Капитан молчал, погрузившись в размышления. Только выбираясь из яхты, тяжело вздохнул:

– Ну и кашу заварил Ржавый Билл. Собрали, что называется, слухи.

В "Раке" царила, прямо скажем, вечерняя идиллия. Не битком, но свободных мест немного. Вся публика делится на тех, кто здесь впервые, и кто не впервые. Но на всех явно видны следы серьёзных трудов над посильным облагораживанием своей внешности. Во всяком случае шейные и головные платки явно постираны, а шляпы почищены. Тот, кто впервые — сидит, словно аршин проглотив. Иногда даже — пряча грязные руки под стол. Тот, кто не впервые, разыгрывая завсегдатая, щеголяет стриженными ногтями и развязно поковыривает вилкой в зубах.

Марианна не одна обслуживает посетителей. В зале ещё две девушки. Одна из них подсела к столу, занятому небритой троицей зверского вида, и терпеливо объясняет клиентам, для чего перед каждым из них лежит по нескольку ложек и вилок. Чему они обалдело, но сосредоточенно внимают, боясь дохнуть на сидящее напротив них ангельское создание.

Узрев такую картину, Капитан настолько оторопел, что только и смог пробормотать:

– Черт меня побери! Отлучился-то всего-навсего месяца на три…

Тихонько предостерегаю:

– Осторожнее, сэр Виктор. Ещё не хватало, чтобы вы хлопнулись в обморок от удивления.

Воспользовавшись шоковым состоянием хозяина, неслышно подкрался Люк. Пробормотал вполголоса:

– Ржавый Билл тут уже третий час околачивается. Вон в угол забился.

– Передай, что я приму его в конторе. Пойдём, Серж.

Мизансцена нехитрая. Капитан за столом. Ржавый Билл перед столом. Я в углу на сундуке.

– Здравствуй, Виктор, — начинает Ржавый и, кивая на меня: — Это кто?

– Здравствуй, Билл. Мой помощник. Можешь говорить.

– Ты уверен?

– Уверен.

– Дело вот какое. Ты, конечно, слышал, что у меня судно пропало. Причём в сезон отсутствия бурь.

– Слышал. Как и не только это, благодаря тебе.

– Это ты на что намекаешь?

– О намёках потом. Сначала выкладывай своё дело.

– Я думаю, что моё судно не просто пропало, а его кто-то пропал. Если я прав, то груз с него должен где-то и у кого-то всплыть.

– Резонно. А я тут причём?

– Ты один из самых крупных скупщиков в этих краях, если не самый крупный. Я опишу тебе, какой груз пропал, а ты по старой дружбе подскажешь, если он попадёт к тебе, от кого он пришёл. На сам груз я не претендую.

– Давай, Билл, расставим всё по местам. Друзьями мы с тобой никогда не были. И ты по существу предлагаешь мне заложить поставщика. Кто после этого будет со мной работать? Ты забыл правило: сам потерял — сам и возвращай. А не можешь — забудь.

– Значит, нет?

– Значит, нет. Ты ведь ко мне не первому обращаешься. Что получил?

– Не боишься потерять крупного поставщика?

– Какой ты теперь поставщик! Тебе бы теперь самому лишь бы ноги унести.

– С чего бы это?

–Ты упомянул, что твоё судно пропало в сезон отсутствия бурь.

– И что?

– А мне также известно, что в этот же сезон пропало английское судно с Ямайки, груженное сахаром и другими мелочами. Тебя подвела жадность. Не надо было тебе продавать сахар, когда его больше ниоткуда не поступало. Утопил бы вместе с англичанином — и концы в воду.

– Я же тебе его и продал.

– Очень плохо. Косвенно втянул и меня в свою аферу. Свидетелей, что ты его продавал, куча. Рано или поздно концы с концами свяжут — и тогда что будешь делать? У Лондона руки длинные и петлю тебе на шею быстро накинут. Допускаю, что от королевского льва ещё можно увернуться. Но ты ведь подставил здесь всех. На английской территории английские подопечные уничтожили английский корабль с английскими подданными и деньгами английского казначейства. Адмиралтейство мигом снарядит карательную экспедицию и сотрёт с лица земли Румпель и Тринидад. Хотя для этого хватило бы и тех двух фрегатов, которые стоят в гавани Порт-Альберта. Вот такую

свинью ты всем нам подложил. Думаешь, от своих удастся скрыться? Сомневаюсь.

Даже под бородой и загаром было видно, как Ржавый Билл малость побелел, но сразу не сдался.

– Фрегаты из Альберта никуда не тронутся.

– Вот даже как? И губернатор замешан в твоей афере? Тогда вас повесят рядом. Дам тебе совет не как другу, а как бывшему клиенту. Я даже и знать не хочу, что вас связывает с губернатором и что ты там добыл такое привлекательное на потопленном англичанине. Забудь всё. И своё пропавшее судно, и товар, и губернатора, и ваши планы. Снимайся с якоря и драпай куда-нибудь на Мадагаскар. Там тебя не знают, места много и далеко. Может, ещё уцелеешь.

Ржавый поднялся.

– Виктор, а ты ничего не слышал о красном корабле с тысячей пушек?

– Не только слышал, но и видел, и даже топтал палубы кораблей самых разных цветов, но с тысячей пушек не встречал. Всё?

Ржавый молча вышел. Капитан выглянул за дверь.

– Люк, ты далеко?

– Не очень.

– Пошли за Ржавым кого-нибудь последить, что он будет делать. Отдай Сержу мешочек и организуй поужинать.

Я принял от Люка мешочек с пиастрами и дублонами. Сидор заметно потяжелел. Капитан уже сидел за столом и с интересом наблюдал, как замеченная мной троица зверского вида разбирается между собой с сервировкой, горячо споря по поводу каждой ложки и вилки. Все ещё до сих пор трезвые. Хотя бутылки на столе стоят. Спор кончился тем, что, оглянувшись с опаской по сторонам, они разделались со стоящей перед ними жареной рыбой руками.

– Ваш ужин, — оповестил голосок Марианны.

– Обе посудины Ржавого снялись с якоря, — вполголоса сообщил Люк.

– Вот, теперь самим придётся расхлёбывать ситуацию, — посетовал Капитан. — Правда, я так до конца и не знаю, в чём она состоит.

В доме Капитана мне была выделена небольшая комната с диванчиком. Вроде даже по росту. В шкафчике аккуратно сложены мои вещички. Отлично! Когда шли из "Рака" домой, Капитан сказал, что нас ждёт ночная работа и нужно

хотя бы слегка отдохнуть. Я улёгся на диванчик и постарался вздремнуть. Вроде как ничего и не вышло с этой затеей.

– Вставай, соня, — прервал мои намерения голос Капитана. Смотри-ка, он даже переоделся во что-то походное.

– Я только лёг.

– Тогда осталось только встать. Уже три. Ты пять часов проспал. Собирайся и не забудь мешок.

Идти легко. Полнолуние. Только редкие облачка иногда закрывают светило — и тогда ни зги не видно. Темные как ночь матросы уже ждут нас на берегу. Грузимся в яхту и отплываем без всякой капитанской команды. Огибаем восточный берег острова и направляемся в открытое море.

– Можешь вздремнуть, если хочешь, — разрешает Капитан, — плыть долго.

– Вряд ли. Сон перебился. А куда мы направляемся, если не секрет?

– На остров сокровищ.

– Как в кино?

– Вроде. Помолчи немножко. Мне надо подумать. Ржавый никогда не делает ничего просто так. Почему он именно меня спросил про красный корабль?

Я стал смотреть на звёзды. Никогда не устаю на них смотреть. Даже с закрытыми глазами. Когда я их открыл, то мы подплывали к какому-то зелёному и слегка скалистому островку. Солнце уже приподнялось над горизонтом.

Яхта медленно наползла носом на отмель. Спрыгиваем на берег. Какая же тут благодать! Шёлковый жёлтый песок, яркое солнце, синева бескрайнего моря, голубизна почти безоблачного неба, зелень склонившихся над узким пляжем пальм. И тишина, нарушаемая лишь шелестом набегающих на берег волн. Божественный уголок!

– Замечтался? — разрушил голос Капитана все райское волшебство. — Надо идти. Мешок не забыл? Квали, ждите нас в бухте на той стороне острова.

И мы через несколько шагов вступили в райские кущи. Что-то они не совсем райские изнутри. Переплетения корней, какие-то уж очень густые и цепкие кустарники и всё больше и больше камней под ногами. И всё крупнее и крупнее становятся камни. Их уже приходится обходить, а не переступать.

Минут через десять нет уже ни пальм, ни мелких камней. Пошли скалы с извилистыми проходами между ними. Очень смахивает на природный лабиринт, поросший мелкими кустиками и густой порослью вьющихся растений. Словно сплетённые из канатов занавеси с листьями и цветами спускаются с вершин скал. Капитан уверенно лавирует в этой путанице проходов и ответвлений. Если он

меня бросит, то не скоро найду выход к берегу. Правда, по солнцу трудно было бы ошибиться в выборе общего направления. Наконец останавливаемся.

– Здесь.

Капитан раздвигает путаницу лиан и втискивается в какую-то щель. Я за ним. Вовсе и не щель, а довольно свободный проход. Просто "занавеска" густая и тяжёлая. Отпускаешь стебли, и они смыкаются, не оставляя никаких просветов. Короткий коридор и в конце естественный грот глубиной метра четыре-пять с дырами в потолке, словно предназначенными для освещения.

– Вываливай багаж, — следует команда Капитана.

У дальней стены — груда мешочков, подобных тем, что я достаю из сидора. Видно, что их сюда давно складывают. Ибо поднакопилось немало. Если оценить размер кучи с поправками на вес золота и серебра, то, вероятно, получится, что здесь пиастров и дублонов, а также луидоров и соверенов где-то тонны полторы-две. Есть ещё пара больших, кованых сундуков, а у правой стены свалено изрядное количество старинного огнестрельного и холодного оружия. Надо же! В самом деле, остров сокровищ и клад налицо.

– Сначала я их сортировал на серебряные и золотые и складывал в сундуки, — откидывая крышки, произнёс Капитан. — Потом плюнул на это и сваливаю прямо как есть.

Сундуки доверху набиты золотыми и серебряными монетами. Завораживает. Вопросительно взглядываю на Капитана. Он кивает. Запускаю руки в золото, поднимаю и выпускаю поток монет между пальцами. Они со звоном текут обратно. Круто! Ну-ка ещё разок! Ведь это не киношная бутафория.

– Как понимаю — это честные трудовые накопления на тернистом поприще скупщика краденого. И что вы с ними намерены делать?

– Ничего.

– Понимаю. В свой мир не заберёшь, а здесь при эпизодических наездах тратить не на что и нет смысла, даже если бы и было на что потратить.

– Вот именно.

– А если раздать?

– Даровые деньги портят людей.

– Тоже трудно, что возразить. Тогда, может быть, радость обладания богатством? Вы в себе, сэр Виктор, тяги к скопидомству не ощущаете?

– А что, есть заметные признаки?

– Нет. Это я так, для поддержания разговора. А если и эта тема исчерпана, то остаётся только покинуть хранилище вашего банка. Очередной

вклад сделан, а созерцание такого громадного, но бесполезного богатства путает мысли. Боюсь рехнуться.

Продолжаем путь в ту же сторону, куда и шли. Видимо, Капитан решил пересечь остров поперёк. И действительно, скалы сменились валунами, валуны камнями, а кустики деревьями. Уже не только вверху, над кронами, но и в просветах между стволами уже кое-где мелькает голубизна неба. Последние шаги — и мы выбираемся на такой же песчаный пляж, с какого и начинали свой поход. Квали с яхтой уже тут.

Перед нами узкая бухта шириной метров двести-двести пятьдесят, отделённая от моря очень высокой, полукилометровой в длину, параллельной берегу скальной грядой, за окончанием которой видится расширяющийся выход в море. В такой уникальной заводи и в ураган, наверное, волны не выше, чем в уличной луже. В середине бухты носом к выходу из неё стоит на якоре красный трёхмачтовый корабль.

Почему-то я не очень и поражён. Хотя и не ожидал ничего подобного. Столько сюрпризов в этом мире, что начинаешь их воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Вообще-то он не совсем красный, как мы понимаем, говоря обычно про этот цвет. Борта сочного вишнёвого цвета с чёрной продольной полосой от носа до кормы и узкой чёрной окантовкой двух десятков пушечных портов в два ряда. В необычно длинном, я бы сказал, стремительном корпусе и остром наклоне носа ощущается что-то хищное, как в клюве орла. Красив, красив, стервец, ничего не скажешь, но никакой тысячи пушек нет и в помине.

– Хорош? — скорее как утверждение, чем вопрос прозвучал голос Капитана. — Я на него наткнулся на верфи в Глазго, где он строился, как чайный клипер*. Заказчик разорился, и я выкупил у него судно ещё на стапелях недостроенным. Переделали в каперский* корабль.

Прыгаем в свою посудину и подходим к правому борту корабля со стороны кормы. На корме надпись: ""Морской ветер" — Глазго". Опля, сложновато без привычки карабкаться по верёвочному трапу! Наверное, со стороны моя эквилибристика выглядит потешно. Тем не менее, благополучно переваливаюсь через борт. Капитан, разумеется, давно там и жмёт руку рослому мужчине лет сорока с норвежской бородкой. Знакомит нас.

– Капитан Грегори, — представляется тот и жмёт руку сильно, но не больно.

– Серж.

– Сэр Виктор, как насчёт того, чтобы позавтракать?

– Спасибо, Грегори, с удовольствием, но немного погодя. Сначала покажу своему помощнику ваш корабль. Есть на что посмотреть.

Команда выстроилась по левому борту. Без напряга, как это бывает при команде "смирно". Человек семьдесят-восемьдесят в одинаковой, чистой, холщовой матросской робе. По-разному, но прилично пострижены, а не бородатые побриты. Чувствуется военная дисциплина и аккуратность. Но вот по возрасту подбор не характерный для военного корабля. От двадцати и лет до шестидесяти, если не больше. Причём боцманы вовсе не из стариков.

Оба капитана обходят строй. Сэр Виктор многих называет по имени и пожимает руки.

– Можно разойтись, — командует Грегори и сам исчезает где-то в недрах корабля.

– Казалось бы, странная команда, — замечает Капитан, когда мы остаёмся одни, — но все поголовно, включая и капитана Грегори, когда-то пострадали от пиратов. Некоторые из них потеряли вообще всё, а сами чудом остались живы. Попали сюда самыми разными путями. Некоторых я сам извлекал из воды, где пираты оставили их умирать.

– Я правильно понял, что это тот самый красный корабль о тысяче пушек, о котором на смертном одре твердил пират с судна Ржавого Билла? Покажите, где тут прячут тысячу пушек.

– У страха глаза велики, — усмехнулся Капитан, — а между "есть" и "показалось" большая разница. Пойдём, я тебе кое-что покажу. Дело в том, что клипер — это очень лёгкий по сравнению с другими корабль. Его делают таким для скорости. Его борта слишком тонки для использования судна в боевых действиях. Пушечное ядро с лёгкостью пробьёт его насквозь через оба борта. Единственное спасение — держаться за пределами дальнобойности пушек противника.

– Но тогда и свои пушки того не достанут, — сообразил я.

– Верно. Потому для этого корабля они и сделаны по специальному заказу.

Мы подошли к одной из пушек верхней палубы.

– Они стальные, а не чугунные или бронзовые, и соответственно — легче обычных. Ствол длиннее традиционных морских пушек почти на три фута. Это даёт увеличение дальнобойности больше, чем в полтора раза. Держись на нужной дистанции и расстреливай противника совершенно безответно. А если он

всё-таки опасно приблизился, то удирай. Преимущество быстрого хода есть всегда. Клипер всё-таки.

Пушки действительно необычно длинные и тонкие. Да они, похоже, и заряжаются не с дула, а с казённой части. И установлены не на колёсах, а на зафиксированном, поворотном лафете с сектором обстрела градусов сто, если не больше. Рядом не видно кучек ядер. Вместо них деревянные, решетчатые рамы, из которых торчат ряды заткнутых чем-то артиллерийских гильз диаметром сантиметров десять-двенадцать.

– Заряжание с казённой части позволяет отказаться от откатки орудия для прочистки и зарядки ствола, — продолжал Капитан, — а скорострельность возрастает в шесть-семь, а то и в десять раз при хорошем навыке. Вот такая скорая пальба и показалась покойному пирату стрельбой из тысячи пушек. Правда, всё равно используются ядра, но большего и не требуется.

Капитан полязгал откидным затвором пушки.

– Боек примитивный. Трахни по нему молотком или чем-то ещё — пушка и выстрелит. Вот такой здесь технический прогресс. Ладно, нас с завтраком уже, наверное, заждались. Пойдём.

Капитанская каюта на корме с окном от борта до борта просторна и комфортна. Отделка и мебель красного дерева. Большой стол посредине уже аккуратно накрыт на три персоны. Похоже, на завтрак у нас рыба. Ну, рыба так рыба. Мы в море всё-таки. Рассаживаемся, и капитан Грегори начинает светскую беседу.

– Как дела у старины Люка? С тех пор как он списался с "Морского ветра", я его очень редко вижу.

– У нашего Люка всё благополучно. Даже более того. Собирается "Рака" превратить либо в заведение высшего класса на манер парижских ресторанов, либо в дом воспитания благородных манер для пиратов.

– Вы шутите, Вик.

– Нисколько. Вот Серж может подтвердить.

– Истинная правда, — вставляю и я словечко, — обслуга уже дамская со знанием этикета.

– Вот — слышали, до чего уже дошло, Грегори?

– Трудно поверить, учитывая, мягко говоря, враждебность Люка к пиратам.

– Ну, он эту враждебность не демонстрирует. Должность обязывает к сдержанности. Но, я думаю, что здесь он что-то скрывает даже от меня. Какую-то хитрость затеял.

– Вот уж на что, а на хитрости он мастер.

– У меня возникло такое подозрение, что Люк приманивает к себе наиболее живых умом пиратов. А это обычно мореходы — штурманы, лоцманы, судоводители и их помощники. Выделив их ещё и по, так скажем, необычным интересам, потребностям из всей массы, он вобьёт между ними и прочими пиратами клин неприязни друг к другу. А при вспыльчивости и безнаказанности в пиратской среде, понятно, неизбежна будет поножовщина. А при своём массовом преимуществе чёрная сила сильно уменьшит численность командного, мореходного состава. Это в любом случае поведёт к некоторому упадку пиратства.

– Если ваша, Вик, догадка верна, то Люк затеял великое дело.

– Для вас-то двоих, может быть, и великое. Однако вы подрываете мою торговлю. Грегори уничтожает моих поставщиков, а Люк сеет между ними раздор. Этак мне скоро придётся идти в матросы наниматься.

– Так что за беда! Приходите на "Морской ветер". Я с удовольствием приму вас на ваше же судно и даже не матросом, а боцманом, — и оба весело рассмеялись.

– Кофе, пожалуйста, Вик, Серж, — предложил Грегори. — А вы, Серж, не хотите послужить на "Морском ветре"?

– Упаси Бог! Я даже подумываю, как бы мне живым унести ноги со службы у сэра Виктора. Уж очень он коварный тип. С одной стороны, водит прибыльные дела с пиратами, а с другой, как я понял из вашей беседы, всё время старается подложить им какую-нибудь свинью и при этом с вашей помощью, Грегори, — тут уж мы все вместе расхохотались.

– М-м-да-а, — задумчиво произнёс Грегори, — если продолжить о свиньях, то наш общий друг Ржавый Билл подложил мне одну из них в последнем рейде "Морского ветра".

– Да слышал я уже об этом недобитом пирате с пропавшего судна Ржавого, которого вы не заметили, — откликнулся Капитан, — ничего ужасного. Так, предсмертный бред. Все уже забыли. Да и Ржавый, наверное, уже далеко отсюда.

– О каком это недобитом пирате? — вскинулся Грегори. — Впервые слышу.

– Да так, выловили одного с пропавшей "Чёрной звезды" Ржавого Билла. Он почти сразу умер. Как говорят, только всё нёс бред перед смертью о каком-то красном корабле с тысячью пушек. И больше ничего.

– Неприятно это, но я совсем о другом. О том, что нам удалось извлечь из обломков "Чёрной звезды" перед тем, как она пошла на дно. Пойдёмте со мной, — сказал Грегори вставая.

Мы спустились на палубу под капитанской каютой. Вероятно, пассажирскую, задуманную строителем судна. В коридорчике четыре двери. Грегори осторожно постучал в ближайшую по левому борту. Дверь чуть-чуть приоткрылась.

– Марта, нам нужно поговорить с вашей хозяйкой.

Дверь медленно растворилась.

– Прошу вас, капитан. Вы не один?

– Со мной человек, о котором я говорил вашей хозяйке, и его помощник.

Грегори пропустил нас с Капитаном вперёд и вошёл следом, притворив дверь. Каюта в четверть капитанской, но вполне приличная. Стол, стулья, кровать, диванчик, шкаф вполне комфортно помещаются в ней. И даже остаётся немного свободного места. Две женщины. Вернее, девушки и при этом очень миленькие, и очень печальные и задумчивые. Их платья, как и сами особы, явно пережили не самые приятные приключения. Одна, открывшая дверь, — несомненно, служанка. Другая, сидящая на диванчике, — похоже, её хозяйка, госпожа. К ней и обратился Грегори.

– Мисс, вот сэр Виктор, о котором я вам говорил, и его помощник Серж. Я намеренно не пересказывал сэру Виктору вашу историю, чтобы он мог услышать её из ваших уст. Осведомьте, пожалуйста, его о том, что с вами произошло. Конечно же, коротко, избегая тягостных для вас подробностей.

Девушка немного помолчала, перебегая глазами с капитана на Капитана, а с Капитана на меня. Видимо, осмотр не внушил ей беспокойства.

– Присаживайтесь, господа. Меня зовут Анабель Чарльстон. Я дочь лорда Чарльстона — губернатора Ямайки. В Лондоне меня ждёт жених Джозеф — старший из сыновей лорда Гамильтона. Скоро наша свадьба. Мы со служанкой отплыли с Ямайки около двух недель назад. Но на наше судно напали пираты. Из всех только нас с Мартой оставили в живых, узнав моё имя. Потом капитан пиратов всё допытывался, насколько богаты мой отец, жених и лорд Гамильтон. Затем он исчез, а нас держали на пиратском корабле до тех пор, пока сэр Грегори не потопил его. Сэр Грегори обещал доставить нас в ближайший английский порт. Но оговорил, что должен с кем-то, наверное, с вами,

посоветоваться, как это лучше сделать. Ибо его судну по каким-то причинам нельзя входить в порты.

А она не глупа. Так лаконично и исчерпывающе описать бездну пережитых событий не каждый сможет. Совсем не похожа эта юная особа на избалованных и капризных титулованных барышень из романов и светских сплетен. Самообладание неплохое. Может, это будущая леди Гамильтон? Я невольно даже стал симпатизировать ей. Впрочем, у известной леди Гамильтон было, кажется, другое имя.

Сэр Виктор, смотрю, задумался. Это ж надо, какая задача возникла! Но я уверен на сто процентов, что он выкрутится. Если нет, то я как помощник подскажу ему самый верный способ решения. Бросить их обеих за борт — и конец всем проблемам! Так не согласится же — джентльмен. Или капитан Грегори воспротивится. Вон он как пожирает глазами лордовскую дочку! Бог с ними, не буду ничего предлагать. Пусть мучаются.

– Мисс Анабель, — начал сэр Виктор, — капитан Грегори совершенно прав. Его судну запрещено входить в какие-либо порты. Таков приказ. "Морской ветер" оснащён для борьбы с пиратством, и успех этой борьбы зависит от того, насколько скрытно корабль будет действовать. Иными словами, никто за исключением очень немногих лиц не должен знать не только о местонахождении "Морского ветра", но и о его существовании вообще. Ваше спасение из пиратского плена — лучшее подтверждение действенности такой тактики. Вы понимаете? — Мисс Анабель кивнула головой.

– Вот поэтому мы не можем доставить вас в какой-либо порт прямо на этом судне. Оно будет раскрыто, и дальнейшие успехи затруднены. Но можем организовать вашу дорогу домой другим судном, однако это потребует некоторого времени. Проблема в ином. Вы и ваша служанка знаете теперь о существовании "Морского ветра" и о признаках его местонахождения. Мы не можем допустить, чтобы эти сведения были разглашены. Равно как не имеем права принуждать вас брать на себя обязательства сохранения тайны.

Поэтому, как ни прискорбно, но мы вынуждены подчиняться обстоятельствам. А обстоятельства диктуют лишь два выхода из ситуации. Вы, мисс Анабель, и ваша служанка добровольно принимаете на себя обязательство сохранения тайны вашего спасения. Мы же доставим вас, куда требуется, и

предоставим вам правдоподобную легенду, которую можно рассказывать кому угодно.

– Это разумное условие с вашей стороны, — заметила Анабель, — а какое другое?

– Вы не берете на себя никаких обязательств и будете нашей гостьей на "Морском ветре" до тех пор, пока капитан Грегори не завершит свою миссию. Тогда он доставит вас на своём судне хоть в самый Лондон. Об опасностях и трудностях такого варианта, вы, конечно, догадываетесь.

– И сколь долго будет длиться миссия капитана Грегори, — сэр Виктор?

– Год, возможно, два.

– Сэр Виктор, вы можете положиться на наше с Мартой благоразумие. Я ручаюсь за неё. Мы примем обязательство сохранения тайны и также примем легенду, которую вы нам предоставите.

– Очень хорошо, мисс Анабель. Составьте список необходимого вам, и мы отправим за ним посыльного. Нужно время, пока мы всё организуем для вашего перемещения в ближайший английский порт.

На этом мы откланялись и поднялись в капитанскую каюту.

– Я поражён, сэр Виктор, — начал я, — вашим красноречием и вдохновением, с каким вы обрабатывали несчастную и доверчивую девушку. И просто изумлён вашей изворотливостью, с помощью которой вы ей ни слова не соврали и вместе с тем не сказали и доли правды. Бедное дитя теперь всю жизнь будет считать, что повстречала людей, находящихся на государственной службе.

– Клянусь Богом, Серж, у тебя необыкновенная способность разрядить любую психологически проблемную ситуацию, доведя её до гротеска, абсурда, комизма. Без тебя было бы скучно.

– Спасибо. Мне как-то раз уже говорили, что со мной интересно.

– Я даже готов поспорить, — продолжил Капитан, — что у тебя есть свой простой рецепт решения проблемы. И даже догадываюсь, какой. Выбросить Анабель и Марту за борт.

Капитан Грегори отвернулся к окну и заложил руки за спину.

– Я сокрушён и пристыжен вашей прозорливостью, сэр Виктор. Да, это третий вариант решения проблемы. И какой изящный! Однако есть и четвёртый. И ничем не хуже ваших двух. Может быть, даже и лучше, честнее. Ибо не предусматривает запугивания и так несчастных девушек двухлетним заточением на этом корабле.

– Да? И что это за вариант?

– Выдать Анабель замуж за капитана Грегори. Она забудет о своём происхождении, титулованных родственниках и поселится на архипелаге под фамилией мужа. А дальше — уж как судьба распорядится.

Похоже, сэр Виктор слегка опешил, но быстро справился с собой, скосив глаза на спину капитана.

– А, Грег? Каков поворот!

– Не смешно, — ответствовал тот, — хотя как вариант имеет право на жизнь. Но будем придерживаться того, которого добились.

Сэр Виктор недоверчиво повертел головой. Явно в адрес Грегори. Словно сомневаясь в его откровенности.

– Ладно, обсудим ситуацию. Понятно, что Ржавый Билл участвовал в захвате английского судна. Понятно и то, что расспросы о состоятельности отца Анабель и отца жениха велись не просто так, а с целью определить возможный размер выкупа. Затем Ржавый покинул "Чёрную звезду", оставив её болтаться в море, чтобы никто не увидел пленниц, а команда не проболталась. Однако Ржавый — не та фигура, у которой могли быть связи и на Ямайке, и в Лондоне. Ему нужен посредник, с которым там и там будут говорить и через которого можно будет совершить обмен.

– Губернатор, — подсказал я.

– Верно. Ржавый ведь косвенно проговорился о каких-то отношениях с губернатором. А сэр Хаксли — как раз нужная Ржавому фигура. Хитёр, жаден, беспринципен. Пойдёт на любую аферу, если будет убеждён в своей безнаказанности. Вопрос в том, что произойдёт, когда мы доставим Анабель в Порт-Альберт? Мы не знаем, на какой стадии и сути находится вопрос выкупа.

Если Хаксли ещё ничего не делал, то это одно. А если уже разослал письма, то это другое. Всё дело в содержании писем. В зависимости от этого содержания внезапное появление Анабель может просто сорвать сделку без угрозы для Хаксли. Но с другой стороны, может и подвести его под виселицу. Если Хаксли в письмах выступает просто посредником, то ему ничто не грозит. А если, сговорившись с Ржавым, спасителем Анабель, с уже в каких-то шагах осуществлённым планом, то внезапное появление жертвы разоблачает его как участника сговора.

– Когда вчера Ржавый снялся с якоря, у него не было времени встретиться с губернатором, — напомнил я.

– Если он, следуя моему совету, отправился прямо на Мадагаскар, то его отсутствие заставит губернатора засуетиться. Если письма разосланы. Как-то это проявится. Нужно подождать и понаблюдать.

– А может просто отправить Анабель через другой порт? — вступил в разговор Грегори.

– И на чём мы её туда доставим? — возразил сэр Виктор. — До Кубы почти две тысячи миль. На "Морском ветре"? И время угробим, и корабль раскроем. Да ещё придётся объяснять испанским властям, зачем частному лицу корабль военного типа без флага. Вернуть на Ямайку ничем не лучше. Объясняйся тогда с английскими властями. Проще всего высадить Анабель с легендой в Порт-Альберте. Препятствие — только неизвестность с губернатором. Подождём, — и добавил с ехидцей: — Если, конечно, вы, Грегори, ради общего дела не решитесь на четвёртый вариант решения проблемы.

– Вам бы только шутить, Вик, — отпарировал, улыбаясь, Грегори, — я бы пошёл на такой шаг, принеся себя в жертву, но исключительно ради общего дела. И уговаривать мисс Анабель тогда будете вы, Вик. У меня нет вашего делового красноречия, чтобы убедить Анабель в необходимости для неё такого шага.

В дверь каюты постучали. Вошла Марта с какой-то бумажкой.

– Вот, сэр Виктор, список вещей, которые мисс Анабель хотела бы иметь. Если возможно, конечно.

– Хорошо, постараемся достать.

– Марта, — добавил Грегори, — передайте вашей хозяйке, что вы можете выходить гулять на капитанский мостик в любое время, когда пожелаете. Пушечные же палубы — не место для прогулок.

– Спасибо, сэр Грегори, — и Марта вышла.

– Теперь наша охота откладывается, — с досадой произнёс Капитан, разглядывая записку, принесённую Мартой. — Нужно отослать Квали в Порт-Альберт за вещами, а потом ждать, когда он вернётся. Раньше завтрашнего дня не выйти. Куда думаете, направиться, Грег?

– Вместе с этой парой на борту?

– Не вижу, почему бы они мешали вам заниматься своей работой. Тем более что они уже осведомлены о её характере. Ладно, нужно дать инструкции Квали и отправить его, — и Капитан выскользнул из каюты.

– Пожалуй, и мы выберемся наружу. Жарковато тут. Не возражаете, Серж?

– Какие могут быть возражения. Вы тут капитан, — и мы поднялись на мостик.

Благодатный ветерок действительно освежает, и не только нас. Анабель и Марта уже здесь, воспользовавшись благосклонностью капитана. Сэр Виктор стоит внизу у борта и что-то втолковывает Квали. Тот согласно кивает, спускается в яхту, и они с напарником споро поднимают парус. Лёгкая посудинка быстро побежала к выходу из бухты.

От нечего делать спрашиваю:

– Сэр Грегори, можно воспользоваться подзорной трубой? — я уже приметил, где она.

– Пожалуйста.

Отличная вещь, наверное. Растягиваю её и начинаю наводить на резкость, направив объектив на выходящую из бухты яхту. Вдруг метрах в двадцати от носа яхты взметнулся столб воды, а через мгновение донёсся звук пушечного выстрела. Ещё через несколько секунд на месте яхты вознеслось облако обломков и донёсся звук пушечного залпа.

Забил корабельный колокол.

– Все по местам! Якоря поднять! Шлюпки правого борта на воду! Абордажная команда по шлюпкам! Подать носовые концы! Развернуть судно бортом! Открыть пушечные порты! Зарядить орудия! Женщины вниз!

У Грегори и команды мгновенная реакция. Ещё якоря не вышли из воды, а шлюпки, подхватив канаты, уже тянут нос корабля, разворачивая его бортом к выходу из бухты. Не прошло пяти минут — и судно в боевом положении. Матросы замерли у пушек.

Ничего не происходит. Никто не рвётся в бухту. В подзорную трубу чётко видно, что среди обломков яхты ни Квали, ни второго матроса нет. Поймав взгляд Грегори, отдаю ему подзорную трубу. Он тоже разглядывает обломки.

– Наблюдатели, на марс!

Вверх по вантам полезли два матроса. Сэр Виктор уже здесь. Все молчат. Вскоре один из наблюдателей спускается с мачты и взбегает на мостик.

– Сэр, что там за грядой, и сверху не видно. Скалы слишком высоки. Видны только верхушки мачт двух кораблей у выхода из бухты кабельтовых в двух-трёх от берега. Есть ли ещё суда ближе к берегу за скалой не видно.

– Хорошо. Пусть второй тоже спустится, и идите сюда. Дам задание.

– В отличную ловушку мы попали, — прокомментировал ситуацию Капитан, - Кто же это и как нас выследил? Да ещё и напасть рискнул. Если их там только

два судна, то известными мне парами ходят только фрегаты из Порт-Альберта. Правда, у Ржавого теперь тоже пара, но он должен быть на пути к Мадагаскару.

– Должен — это неопределённость, — заметил Грегори.

– Тоже верно. Думаю, нападающие в бухту не полезут. Они дали нам знать, что мы в ловушке. Постараются вынудить нас самих выйти, взять измором или атакуют ещё и с берега. Из этого вытекает, что так или иначе нам нужно выходить.

– Перед выходом нужно убрать чужие глаза со скалы.

– Думаете, они там, Грег?

– Больше негде. Только по сигналу можно было поймать на прицел быстро идущую яхту прямо на линии выхода из бухты. Даже если пушки и заряжены заранее. Они не дали вашему Квали ни малейшей возможности развернуться и уйти обратно в бухту. Как только засада появилась в видимости у Квали, то тут и последовал залп. А видеть бухту и подавать сигнал в море одновременно можно только с гряды.

На мостик поднялись оба наблюдателя. Грегори им объяснил:

– На гряде где-то должны сидеть дозорные. Зайдите в мою каюту и возьмите оттуда подзорную трубу. Изнутри корабля постарайтесь разглядеть, где они. Очень осторожно. На скале не должны заметить, что их разглядывают.

– Есть, сэр.

– От пушек не отходить! — последовала команда, — Обедать поочерёдно!

Обедали в полном молчании. Только закончив, Грегори попросил:

– Серж, навестите, пожалуйста, наших дам. Успокойте их, если потребуется, и предупредите, что ночью им придётся временно перебраться в носовой матросский кубрик, — и, уловив вопросительный взгляд Капитана, добавил: — Когда будем прорываться, то корма окажется самым уязвимым местом. Особенно по левому борту.

Успокаивать никого не пришлось. Только Анабель спросила:

– Серьёзные сложности?

– Пожалуй. Вы сами видели, что произошло, а мы так и не знаем, кто прячется за скалой и сколько их. Будем прорываться в море, и на корме окажется опаснее всего. Капитан Грегори просит вас быть готовыми на время перебраться ночью в носовой матросский кубрик. Это ненадолго. Матросы в это время будут все заняты на палубе.

– Мы готовы. Вы, Серж, сказали, что самое опасное место будет на корме. И капитан Грегори будет именно там?

– Конечно, место капитана рядом со штурвалом.

– Пожелайте ему от меня, — Анабель слегка смутилась, — вернее, от нас с Мартой удачи.

– Она ему очень понадобится. Передам непременно.

Что я и не преминул сделать, вернувшись в капитанскую каюту.

– Сэр Грегори, докладываю вам, что дамы готовы исполнить любое ваше распоряжение и желают вам удачи. Причём мне показалось, что одна из них желает вам удачи больше другой. Но тут я могу ошибаться, и потому не буду уточнять, какая это из дам. Выбор на ваше усмотрение.

Стук в дверь. Заходят наблюдатели.

– Можно докладывать, сэр?

– Да.

– На скале замечено движение. Примерно на кабельтов правее середины. Там, где разлом, похожий на два пальца.

– Вызовите боцмана Спири.

Один из дозорных сорвался с места и через минуту вернулся с боцманом.

– Боцман Спири, сэр.

– Вот что, Спири, сейчас наблюдатели покажут вам место на скале, где видели движение. Потом я объясню задачу.

Матросы провели краткую консультацию с боцманом, осторожно разглядывая скалу через окно.

– Я понял, сэр.

– А задача такая. Сегодня ночью убрать этот дозор и просигналить нам со скалы, сколько за ней прячется судов. Мы не можем знать, сколько там засело человек. Но нужно исходить из того, что противник предполагает посылку на скалу наблюдателей от нас. Днём, конечно. Группа противника должна быть достаточной по числу, чтобы отбить наших наблюдателей, если они полезут на скалу. Вам, Спири, придётся продумать, сколько людей взять с собой ночью. У вас должен быть перевес. Ибо сделать всё нужно бесшумно.

Порядок операции следующий. Ночи сейчас лунные, и на облака надежды мало. Поэтому команда, которую вы подберёте, пойдёт в воду через пушечный порт правого борта. Добираться до берега без малейших всплесков. Хотя бы и медленно. Будем надеяться, что ветер удержится и на воде будет рябь. Выбираться на берег, скрываясь за камнями.

Для большей надёжности часть вашей команды, Спири, остающаяся на корабле, устроит на носу "Морского ветра" какое-нибудь представление для отвлечения внимания. Сообразите сами. Какая-то беготня, суета, мелькание фонарей, падение чего-то в воду. Всё это на время, достаточное для пловцов,

чтобы достичь скалы. Мы будем ждать вашего сигнала со скалы, и, как только начнёт рассветать, пойдём на выход из бухты. Заберём вас со стороны моря, когда всё закончится. Пока идёт пальба, к берегу не приближайтесь — шальные ядра. Всё понятно?

– Да, сэр.

– Идите все.

– Меня занимает, почему они не шлют переговорщика? — прервал своё молчание Капитан. — Ведь именно для этого они нас заперли, раз ничего больше не предпринимают. Должны быть предъявлены какие-то требования.

– Предъявят, но не сегодня, - ответил Грегори. — Сегодня мы должны убедиться в полной безнадёжности нашего положения. Там, за скалой ждут, что мы будем активнее. Пошлём шлюпку на разведку. Отправим наблюдателей на скалу. Но на скале мы с самого начала людьми рисковать не будем, и это они могут допускать. А вот если шлюпку на разведку не отправим, то это будет подозрительно. Так что запустим. Будем тянуть время.

Шлюпка пошла, когда солнце уже начало склоняться к горизонту. Сначала быстро, а потом всё медленнее. Словно собиралась осторожно заглянуть за скалу. Метров за пятьдесят впереди шлюпки, ещё не дошедшей до линии выхода из бухты, возник водяной столб от упавшего ядра и послышался гром пушечного выстрела. Шлюпка повернула обратно и пристала к правому борту.

– Увидели чего-нибудь? — крикнул Грегори.

– Не дошли!

Ужинали опять в полном молчании. Потом долго сидели, не зажигая огня, в ожидании темноты. Постучал вахтенный матрос.

– Спири отправляется.

На нижней пушечной палубе у открытого порта горит фонарь. Шесть человек. Спири седьмой.

– С Богом! — напутствует Грегори.

Люди по очереди бесшумно соскальзывают по канату в воду. И тут же на верхней палубе начинается какая-то суета. Топот ног, крики. Быстро взбежав на капитанский мостик, застаём только мерцание фонаря и нескольких матросов, толпящихся у бушприта. С его конца какая-то фигура бросается в воду и плывёт к берегу острова. Пистолетный выстрел вслед. Ожидание. Смутная тень вылезает на берег и скрывается за деревьями.

– Целый спектакль разыграли, — восхитился Капитан. — Будем надеяться, поможет.

– Остаётся ждать сигнала.

В середине ночи на скале вспыхнул огонёк. Погас. Снова зажегся и погас. Через минуту всё повторилось. Все вздохнули с облегчением. От острова отделилась тень и поплыла к кораблю. С борта сбросили трап.

– Вахтенный, боцманов ко мне!

Через мгновение все были на капитанском мостике.

– Чтобы быстрее проскочить простреливаемое пространство, — начал Грегори, — нам нужно как можно больше разогнать корабль, а бухта для разбега невелика. Спускаем шлюпки и за корму оттягиваем "Морской ветер" в самую глубину бухты. Завести с кормы канаты и привязать к деревьям. Дальше всё будет зависеть от того, насколько быстро будут ставиться и спускаться паруса. Поэтому работа с парусами всей командой. Внизу остаются только плотники для срочной заделки пробоин ниже ватерлинии. Никаких дудок и колоколов. Взмах моей руки означает ставить все паруса. Когда выйдем из бухты в море, по моей команде паруса спустить и все к пушкам. Так что с подъёма и до спуска парусов всем оставаться на мачтах. Это хорошо ещё и тем, что стрелять в нас будут по корпусу и пушечным палубам, а там в это время никого не будет. Всем понятно? Отлично. Спустить шлюпки!

Корабль отбуксировали в самую глубь бухты. Два каната с кормы привязали к ближайшим пальмам на берегу. Шлюпки подняты. Вся команда у мачт. Луна почти зашла за горизонт. Ждём рассвета.

– Вахтенный!

– Да, сэр.

– Проводите женщин в носовой кубрик.

Ждём. Вот стало чуть светлее. Все напряглись. Ждём. Минут через двадцать окружающие очертания стали достаточно отчётливыми. Пора? Грегори взмахивает рукой, и матросы побежали по вантам. Мгновенно развернулись паруса. Корабль двинулся вперёд и застыл, удерживаемый канатами. Пальмы согнулись, но выдержали. Ещё момент.

– Рубить канаты!

"Морской ветер" рванул так, что трудно было устоять на ногах и, набирая скорость, понёсся к выходу из бухты.

– Левее. Ещё левее. Так держать!

Пролетаем линию выхода из бухты. Слева в полутора-двух кабельтовых два довольно крупных судна по пятнадцать-двадцать пушек с борта. Выстрелов нет. Пять секунд — выстрелов нет. Десять секунд — выстрелов нет.

Пятнадцать… Два выстрела. Поздно! Мы проскочили пристрелянное место. Двадцать секунд — залп с поправкой наводки. Несколько ядер врезаются в корму и ещё больше их пролетает мимо. Ещё тридцать секунд перезарядки пушек. Залп. Уже совсем поздно! Ядра не долетают. Проскочили!

– Лево руля! Паруса долой! К орудиям!

"Морской ветер" описывает широкую циркуляцию и медленно останавливается левым бортом к противнику. Команда уже у пушек. Ядра не долетают до нас метров сто-сто пятьдесят. Там началась суета подъёма парусов. На одном из судов вспышка огня. Доносится грохот.

– Пушку разорвало. Попытались увеличить заряд, — догадался Грегори.

– Черт, — раздаётся голос Капитана, — вот так Мадагаскар! Это же "Сцилла" и "Харибда" Ржавого Билла!

– Сейчас будет им и Сцилла, и Харибда вместе взятые! — откликается Грегори. — По первому беглый огонь — пли!

Дьявольская музыка сразу двадцати скорострельных пушек похожа на оглушительную, басовую пулемётную очередь с нарушенным ритмом. Если бы не ветер, сносящий дым, было бы невозможно прицельно стрелять. Пушки нижней палубы бьют настилом над водой, чтобы делать проломы борта ниже ватерлинии. Эти ядра как маленькие торпеды скользят по поверхности воды, поднимая брызги от сбитых гребешков волн.

Сто пятьдесят смертоносных ядер почти прямой наводки за минуту превращают цель в быстро погружающуюся кучу обломков с покосившимися мачтами. Пушки смолкают.

– Перенос огня! По второму беглый огонь — пли!

Опять тот же дьявольский рёв. Второй не выдерживает и половины минуты. Огромный столб пламени и дыма. Попали в пороховой погреб. Чёрное облако кольцом поднимается ввысь. Над поверхностью моря, словно ничего и не было. От обоих.

– Осмотреть судно! Шлюпки на воду! Абордажная команда!

У нас течей нет. Я с интересом слежу за шлюпками в подзорную трубу. Они приближаются к месту крушения. То там, то там вроде кто-то бултыхается, шевелится в воде. Подходит Капитан.

– Дай-ка, пожалуйста, мне трубочку. Без неё ты хорошо видишь?

– Да ничего не вижу!

– Вот и хорошо. Нечего и смотреть, — говорит Капитан, складывая подзорную трубу. — Зрелище не для слабонервных.

Издалека доносятся звуки нескольких пистолетных выстрелов. Немного погодя ещё несколько. Становится жутковато, если попытаться представить, что там сейчас происходит. Хотя разумом понимаешь, что иначе не могло и не должно тут быть. Все странно, страшно и вместе с тем до безобразия буднично. Никакой напряжённой погони. Никакой упорной перестрелки. Никакого залихватского абордажа. Единственное романтическое и киношное во всей истории — так это появляющаяся на сцене спасённая красотка, которую никак не сбыть с рук. Ай, чего это я разнылся! Солнце светит, волны качают, завтрак скоро подадут. Живи и радуйся!

Через полчаса шлюпки возвращаются. В них и семеро ушедших ночью на скалу. Ушли все с ножами. Некоторые вернулись с пистолетами или ружьями. Больше никаких трофеев. Всё пошло на дно.

Боцман абордажной команды поднимается на мостик.

– Ржавый Билл был? — спрашивает Грегори.

– Был. Как вы и велели, я ему посочувствовал, что он ошибся курсом, отправляясь на Мадагаскар. Судя по его выражениям, он очень обиделся на сэра Виктора в свой последний момент.

– Хорошо. Все свободны. Пока лежим в дрейфе. Вахтенный!

– Да, сэр.

– Проводите пассажирок в их каюту.

– Есть, сэр.

В капитанской каюте пробита стенка левого борта. Больше ничего. Ядро вылетело в открытое окно. Только собрались по рюмочке по поводу избавления, так помешали — Марта.

– Сэр Грегори, мисс Анабель спрашивает, не могли бы вы дать нам другую каюту. В нашей окно разбито. Спускаемся вниз. Окно вдребезги. Одно ядро разнесло шкаф, переборку и валяется в коридорчике. Второе влетело тоже в окно, вышибло середину двери и ушло через переборку в каюту напротив. Нетрудно представить, что было бы с красотками, если бы они тут остались. Заглядываем в дальние каюты. Всё в порядке.

– Мисс Анабель, можете выбирать любую из них, — предлагает Грегори. — У нас вам две новости. Первая приятная. На потопленном сейчас корабле был капитан пиратов, который прервал ваше путешествие к жениху.

– И он тоже утонул?

– Разумеется. Вторая новость не очень приятная. По причине, которую вы видели своими глазами, доставка заказанных вами вещей откладывается. Если вам не трудно, напишите, пожалуйста, список ещё раз.

– Что вы, капитан, я всё прекрасно понимаю. Благость первой новости покроет неприятности хоть сотни таких, как вторая. Я навеки ваша должница.

– Я счастлив, что вас обрадовал, — и мы вернулись наверх, к Грегори.

Графинчик всё так же на столе и рюмки тоже.

– За то, что легко отделались!

– Вообще-то это моя вина, что оказались в такой ситуации, — заявил Грегори. — Расслабился и не установил пост слежения за горизонтом на скале или хотя бы на марсе.

– Да и я тоже оказался не на высоте, — поддержал самобичевание Капитан, — ведь Ржавый меня словно предупредил своим вопросом о красном корабле. Надо отдать ему должное. Здорово сработал. Когда Квали входил в бухту, Ржавого же здесь ещё не было, а через три часа блокада была уже готова. Впредь нам наука.

– Жаль, что теперь мы никогда не узнаем, как он до нас добрался.

– У Ржавого, Грег, в каждом порту куча осведомителей. Там слух, здесь слух. Со временем может и картинка получиться. Хотя это довольно странно. Ко мне слухи о красном корабле не доходили. А ведь слухи — дело всеобщее.

Капитан немного помолчал.

– Вы знаете, Грег, с потерей Квали и его напарника у меня возникают серьёзные проблемы со свободой перемещения, присмотром за домом. Так вдруг надёжных людей не найдёшь ведь.

– Можете не продолжать, Вик. Ваши намерения ясны — ограбление "Морского ветра".

– Мне, правда, очень жаль.

Я встаю.

– Извините, господа, мне неинтересно будет слушать ваше препирательство по поводу того, что важнее — экипаж или частная обслуга. Всё равно сторгуетесь. Я пойду наверх погулять на свежем воздухе. А пока предложу вам вариант решения всех ваших сегодняшних проблем разом. Сэр Виктор забирает из экипажа "Морского ветра" двух самых захудалых матросов. А сэр Грегори, чтобы восполнить потерю, зачисляет в экипаж Анабель и Марту. И состав весь при вас, и секреты тоже, — и я закрыл за собой дверь. Было слышно, как они там просто покатились со смеху.

Поднявшись на капитанский мостик, я преследовал две цели: прогуляться и посмотреть, как приводят в порядок корабль после боя. О втором пришлось сразу забыть. Там были Анабель и Марта. Свесившись через перила мостика, они с удивлением прислушивались к всхлипывающему ржанию двух капитанов, доносящемуся из распахнутого окна капитанской каюты. Заметив меня, Анабель с беспокойством спросила:

– Серж, скажите, пожалуйста, там всё в порядке?

– В полном порядке. Сэр Виктор и сэр Грегори обсуждают моё предложение о том, что у вас, Анабель, и у Марты следовало бы получить согласие присоединиться к экипажу "Морского ветра". Разумеется, с полным матросским довольствием, обмундированием и жалованием. Будете стоять вахты, чистить пушки, а со временем научились бы и ставить паруса. Это решило бы все сегодняшние проблемы, — Марта прыснула от смеха, прикрыв лицо ладошками.

– Вы большой шутник, Серж, — улыбнулась Анабель

– Вот у вас и сменилось настроение, Анабель. Отрадно. Значит, вы на пути к выздоровлению.

– Знаете, Серж, что самое забавное в том, что вы сказали?

– Что?

– Вы в некотором смысле оказались совсем недалеко от истины. Ваше смешное предложение — это на самом деле способ сменить образ жизни. Чего мне очень хотелось бы, но, к сожалению, невозможно. Традиции английской аристократии, которым я вынуждена подчиняться, весьма тягостны, но обязательны. Да ещё и этот династический брак с Джозефом, который устраивают наши родители. Мало радости во всём этом, несмотря на внешнее великолепие.

– Вы, Анабель, нарисовали такую удручающую картину, что впору заплакать. Хотя на самом деле всё обстоит совершенно иначе. Ржавый Билл подарил вам совершенно полную свободу делать то, чего вам хочется.

– Я вас не понимаю.

– А тут и понимать нечего. Когда корабль, на котором вы плыли, не придёт в Англию, то всем станет ясно, что вас нет в живых.

– Но я ведь жива!

– Несомненно. Только вот теперь Ржавый Билл, мир его праху, предоставил вам самой выбор своего будущего. Вы можете заявить о том, что вы живы и продолжить аристократическое существование. Однако в вашей семье

горя в любом случае не избежать. Известие о вашей гибели уже в пути и на Ямайку, и в Лондон. Оно намного опередит известие о том, что на самом деле вы живы.

С другой стороны, вы можете и не заявлять о том, что живы, и по вам в семье объявят траур. Джозеф притворно погорюет немножко и раз уже готов к браку, то быстренько найдёт себе другую невесту. Или ему найдут. В этой ситуации вы совершенно вольная птица. Можете поселиться хоть здесь на архипелаге под другим именем и делать всё, что захотите. Правда, возникает вопрос обеспечения. Придётся либо всё равно выйти замуж, но уже по вашему собственному выбору, либо начать работать. Сэр Виктор — умный и щедрый человек. Учитывая ваши обстоятельства, он, конечно, поможет вам и с жилищем, и с работой. Это если вы захотите полной свободы.

Но у вас есть ещё и третий вариант. Комбинация первых двух. Отсрочить объявление о том, что вы живы. Свобода у вас остаётся. Джозеф женится на ком-то, и обязательства к нему вас уже не будут связывать. А ваши родители от радости, что вы живы, простят вам всё ваше своеволие. Если они вас любят, конечно. В этом случае у вас и желаемая свобода, и восстановленная связь с семьёй. Так что выбор будущего сейчас только в ваших руках, Анабель.

Воцарилось молчание. Марта стоит и хлопает глазами. Как, впрочем, и Анабель, а я спускаюсь на пушечную палубу.

Здесь рабочая горячка. Дымный порох сгорает не полностью, и стволы пушек всё равно требуется чистить. Хоть и не при каждом выстреле. Но пушки уже почистили. Теперь матросы по двое набивают снаряды. Один сидит у кучи стреляных гильз, железным стержнем выбивает изнутри гильзы отработанный капсюль, а потом на его место осторожным постукиванием деревянным молоточком вколачивает новый. Его товарищ в гильзу с новым капсюлем насыпает мерку пороха, закладывает пыж, ядро и втискивает ещё один пыж, чтобы ядро не выпало. Для разрывных бомб берётся пороховой пыж с дыркой в середине, и ядро своим запальным отверстием совмещается с дыркой в пыже.

– Не хотите попробовать? — спрашивает подошедший боцман.

– С удовольствием.

И вот я сижу прямо на палубе. Гильза стоит между ног. Выбил старый капсюль. Перевернул гильзу и вколачиваю новый. Немного перекосился и не

идёт. Стукаю чуть сильнее. Оглушительный грохот, а за ним оглушительный хохот матросов. В ушах звон.

– Вы аккуратнее. Нельзя сильно стучать, а если перекос, то выньте капсюль и начните снова.

Начинаю всё сначала. Теперь уже более внимательно и осторожно. Ничего не грохнуло. Второй тоже. Третий. А этот который? Уже последний? А я и не заметил. Решётка для снарядов вся заполнена. С мостика доносится голос Грегори:

– Серж, сегодня вы обед определённо заработали.

Девушек на мостике уже нет, а оба капитана осклабились, словно узрели что-то потешное. Поднимаюсь к ним.

– Сэр Грегори, я наотрез отказываюсь общаться с этой хитрой и коварной интриганкой Анабель, которую вы по доброте душевной подобрали где-то в море и пригрели на своём судне.

– А что произошло?

– Я, конечно, признаю, что, несмотря на аристократическое происхождение, характер у неё совсем не салонный. Не в пример другим, обычно капризным, истеричным девицам. Это настолько очевидно, что невозможно отрицать. Однако буквально не более часа назад она сообщила мне в приватной беседе, что её жених Джозеф — это для неё тягостная обязанность династических связей. Такая обязанность её совсем не радует. При этом Анабель — человек живого ума и не могла не понимать, что вы непременно выпытаете у меня содержание этого разговора. Зачем тогда говорить такое?

– Я? Выпытаю у вас, Серж?

– Конечно. Что вы и сделали. Иначе и нельзя расценивать ваш вопрос: "А что произошло?" Вы капитан. Мы на вашем корабле, и мне ничего не оставалось делать, как подчиниться и честно раскрыть всё, что мне пришлось услышать.

Похоже, сэр Грегори потерял дар речи. Стоящий рядом и ухмыляющийся сэр Виктор попытался выручить его, переведя разговор в другое русло.

– После обеда "Морской ветер" двинется к острову Альберта. Грегори высадит нас ночью на шлюпке. Так что у нас будет время вздремнуть.

Но я, тем не менее, закончил свой донос.

– Я, разумеется, не мог оставить такой выпад без ответа. И совершенно справедливо заметил, что пират Ржавый Билл на данный момент освободил её от какой-либо династической зависимости. Сейчас она мертва для внешнего мира, и

никто не собирается принуждать её воскресать немедленно, именно сейчас. Если она сама этого не захочет. Всё. На этом разговор был закончен.

Теперь и на челе сэра Виктора появилась некоторая задумчивость. Однако он благополучно пересилил её и, встрепенувшись, выразил желание всё же пообедать. Что мы все дружно поддержали действием.

Устраиваясь отдохнуть до ночи, в оставшейся свободной и целой каюте на пассажирской палубе сэр Виктор, наблюдая мои мучения с коротким диванчиком, заметил:

– Ты, конечно, мастерски гнёшь свою линию, Сергей. Мне нравится. Тебя бы за это даже следовало наградить кроватью, на которой лежу я сам.

– Так за чем же дело встало?

– Ты на диванчике хоть частично помещаешься, а я не помещусь совсем, — и мгновенно отключился, засопев носом.

Фиг, думаю, вам. Меня на кривой не объедешь. Меня уже когда-то награждали благими намерениями — видимостью королевских орденов. Сползаю с диванчика и с блаженством устраиваюсь на кровати в соседней каюте с пробитой ядром переборкой.

Грузимся в шлюпку среди ночи. Шестеро гребцов, мы с Капитаном и ещё два пожилых матроса. Они согласились сменить экстремальную службу у сэра Грегори на более спокойную у сэра Виктора. Остров Альберта почти не виден. Тем более, не может быть виден оттуда и "Морской ветер".

– Сэр Виктор, а почему у Грегори нет ни помощника, ни штурмана?

– Сам видишь, в каких обстоятельствах всё происходит. Почти невозможно найти людей, которым можно доверять, и при этом с необходимым опытом. Вот Грегори и за капитана, и за штурмана. А обязанности старпома, не касающиеся судовождения, разделили между боцманами. Что поделаешь.

Пристали к берегу, высадились. Шлюпка сразу же ушла обратно. Потихоньку добрались до дома. До рассвета ещё далеко, и спать не хочется. Капитан пошёл знакомить новых слуг со своим хозяйством. Я же вытащил на террасу кресло и принялся обстоятельно созерцать своё любимое небо. Оно, конечно, синее и со звёздами, но звезды какие-то не те и не там. Всё равно красиво и таинственно.

В "Раке" утром тихо.

– Здравствуй, Люк.

– Здравствуйте, сэр Виктор. Привет, Серж. О, кого я вижу! Питер, Макс, какими судьбами? Будете работать у сэра Виктора? — старые приятели обнимаются. — Вместо Квали и Мамбо? — и вдруг что-то поняв, Люк замолкает.

Марианна шуршит юбкой, обслуживая нас четверых. Новые слуги и одновременно матросы исподволь ласкают её взглядами. Всё как обычно. Седина в бороду — бес в ребро.

– Ваш завтрак, сэр Виктор. Ваше утреннее вино, Серж, — и все такое прочее.

Уходим после завтрака в контору к Люку, оставив остальных двоих за столом.

– Квали и Мамбо погибли вместе с яхтой.

– Жаль ребят, сэр Виктор. Толковые и надёжные, хоть и черные. И кто это их?

– Ржавый. Но и он сам после этого не долго прожил. Вздумал поохотиться за красным кораблём с тысячей пушек. На том и погорел. Ребята, видишь, есть. Нужна новая посудинка не хуже старой.

– Ржавый, Ржавый… Стало быть, мы ему так и останемся должны триста фунтов за ещё не сбытый товар.

– В отчёте укажешь их как возмещение пострадавшим от него.

Возвращаемся в зал ещё попить утреннего вина.

В таверну вошли двое. Огляделись и присели за стол в углу. Марианна побежала к ним.

– Этим-то что здесь нужно? Никогда раньше не заходили, — удивился Люк.

– А кто это? — спрашиваю я.

– Из губернаторской челяди. Не поймёшь кто. То ли слуги, то ли стряпчие. Подозрительно, что они явились сразу вслед за вами. Из дома губернатора в нашу таверну никто никогда не ходит. Предпочитают ту, которая в верхнем городе.

– Ладно, Бог с ними. Ты не в курсе, кто здесь может продать нам подходящую лодку?

– Да так что-то сразу на ум ничего и не приходит. Разве что вдова Хенкса. Славный был лодочный мастер. Я не слышал, чтобы его яхта к кому-то перешла. Можем сходить поговорить с ней. Это рядом.

– Отлично. Пойдём.

Двое из губернаторской челяди поднялись и исчезли за дверью. Марианна подошла к нам.

– Люк, эти двое, — она кивнула на дверь, — интересуются Ржавым Биллом.

– Что спрашивали?

– Кого он искал, с кем разговаривал. Не говорил ли, когда вернётся.

– А ты?

– Что видела, то и сказала.

– Ну и правильно. Многие видели то же, что и ты, — Марианна отошла.

– Чудеса. Губернатор ищет Ржавого Билла?

– Возможно, у них вчера была запланирована встреча. А Ржавый не пришёл, резко снявшись с якоря, — предположил Капитан. — Ему важнее было не упустить меня и добраться до красного корабля. Должен признать, что слежку он провёл безукоризненно.

– Ему удалось выследить "Морской ветер"? — забеспокоился Люк.

– Да, но удачи ему это не принесло. Никто не уцелел.

– В свете этих событий нужно ждать выхода на сцену самого губернатора, — присоединился к предположениям и я. — Он, видимо, что-то собрался делать или уже сделал, а Ржавый вдруг пропал и где пленницы, что с ними, неизвестно. Вряд ли сэр Хаксли станет что-то выяснять у сэра Виктора через подручных. Ведь многие знают или догадываются, что последним собеседником Ржавого был сэр Виктор. И губернатору об этом доложат.

– Не исключено, но пока губернатор ещё не наступает нам на пятки, пойдём и поговорим с вдовой Хенкса. Потом, Люк, подготовь на всякий случай людей к встрече губернатора. Сам знаешь, что это за крыса. Не к добру его активность. Разговор если и будет, то довольно щекотливого свойства. Для такой беседы в свою резиденцию Хаксли приглашать не будет.

Вдова Хенкса оказалась ещё не старой и сговорчивой женщиной. Яхту покойного Хенкса сэр Виктор приобрёл у неё за сорок фунтов. Дороговато вроде бы, но имя мастера… Осмотрев приобретение, Капитан довольно хмыкнул и выразил желание немедленно опробовать её на ходу. Погрузились. Резвая и лёгкая в управлении оказалась штучка. Питер и Макс мигом с ней освоились. Покрутились в бухте, вышли в море, вернулись и подогнали к причалу, где раньше стояла погибшая.

– Чудесная вещь! — заявил Питер, — вы видели, что она вытворяет, идя галсами* против ветра? Другая так и при боковом не сможет, сэр Виктор.

– Согласен. Приведите её в порядок. Не пришлось бы нам на ней в бега подаваться. Хотя нет. Хаксли трус, как всякая сволочь, но всё же может попытаться хотя бы чем-то нагадить.

Сидим на террасе дома, попиваем утреннее вино и обозреваем лазурные дали. В общем, ведём себя как люди, честно сделавшие все, что нужно, и теперь с чистой совестью свободные от забот. Вдруг сэр Виктор спохватывается:

– Черт, про тряпки-то совсем забыли! Где список-то? — и начинает шарить по карманам. — Ага, вот он. Так-так, ну, это, наверное, найдём. Это подберём. Это есть. А это что? И это, и это — понятия не имею. Серж, посмотри, — и тыкает пальцем в строчки.

– Может, лекарство? Нужна Марианна.

– Точно.

Опять спускаемся в порт, находим таверну "Рак", обнаруживаем Марианну, суём ей список, берём Люка и все тащимся на склад. На самом деле это не склад, а пещера Али-Бабы. Описывать бесполезно. Проще сказать, чего там нет. И это отсутствие немного погодя обнаружилось. Марианна отбирает несколько платьев и ворох ещё каких-то мелких предметов женского туалета.

– Нужно кое-где немного ушить, — говорит Марианна, сверяясь с запиской. — Это быстро, и швея тут неподалёку. Пойдём, — и запихивает все отобранное в мешок.

– А вот это, это и это? — мы оба тыкаем пальцами в список в руках Марианны.

– Этого здесь нет. Надо зайти в лавку рядом со швеёй.

– А что это, вообще, ты можешь хотя бы сказать?

– Вот это добавляют в воду для мытья, чтобы кожа рук приятно пахла. Вот этим подкрашивают брови и ресницы. А это для губ и щёк.

– Косметика, — ахнул Капитан. — Это заговор!

– Да, это уже подготовка диверсии против наших, — добавил я.

– Как ни называй, а до чего уже дошло!

– Чего вы так всполошились и что такое косметика? — заинтересовалась Марианна.

– Тебе не понять. Это военный термин. Пойдём, мы тебе донесём мешок до швейки. А это, — и Капитан брезгливо ткнул пальцем в строчки, — зайди и купи сама.

Говорить, что мы дотащили до швейки мешок, было бы явным преувеличением. Тащил я один. Вернувшись в кабак, долго сидели молча.

Наконец Капитан не выдержал:

– Ты только подумай, нет, мы, конечно, предполагали такое возможное развитие событий, но с такой стремительностью…

– Вот и оставляй их без присмотра, — посетовал я, — там, наверное, уже и сейчас черт знает, что творится. А если этой диверсантке ещё подвезут и боеприпасы, то спасения уж совсем никакого ожидать не придётся. Нужно её как можно скорее изолировать. Может, попросить Марианну взять к себе эту пару на время?

– Нет, есть идея получше. Да и оставшееся наследство Ржавого Билли правильно пристроим. Тут есть довольно толковый юрист-нотариус. Сходим к нему.

Вывеска "Королевский юрист и нотариус Перри Смит" обнаружилась выше по улице. Мистер Перри принял нас с просто невозможным почтением, рассыпаясь перед сэром Виктором в уверениях и изъявлениях. Сразу видно — та ещё шельма!

– Мистер Смит, — начал Капитан, — я ваш давний клиент и знаю, что к вам стекаются сведения о купле-продаже домов в Порт-Альберте. Мне нужен небольшой дом на четыре-пять просторных комнат, включая для прислуги, с кухней, террасой или большим балконом и живописным двориком. Найдётся что-нибудь такое?

– А на какую сумму, сэр Виктор?

– Не важно. Посмотрим и решим, стоит дом того, что за него просят, или нет.

Мистер Смит немножко скис. Не удастся какой-нибудь хлам подогнать к максимально возможной сумме, имеющейся у покупателя.

– Сейчас я взгляну бумаги. Вот, есть на продажу три дома примерно требуемого размера, а остальное нужно смотреть. Я вас сопровожу.

Мистер Смит запер контору, и мы двинулись в путь. Первый дом в центре города даже не стали смотреть. Сразу видно, что очень старый, неказистый. Второй оказался на окраине. На вершине холма, один незастроенный, пологий склон которого спускался к морю далеко за пределами порта. Расположение дома очень заинтересовало Капитана. И сам дом снаружи весьма миленький. Понятно, что и построен недавно, раз на окраине. Смит отпёр калитку. Есть и дворик, и терраса в сторону моря, увитая цветущими растениями. Четыре большие комнаты внизу и мансарда для прислуги. Кухня, само собой. Мебели немного, но самая необходимая есть. Даже постельное белье и посуду бывшие хозяева оставили.

– Мистер Смит, дом продаётся со всем, что в нем есть?

– Да, включая запасы в погребе.

– Что за запасы?

– Вино. К дому прилагается ещё и небольшой участок земли неподалёку с виноградником в четверть акра.

– И сколько за него хотят?

– Триста фунтов за дом и двадцать пять за виноградник.

Сэр Виктор изобразил на лице великое раздумье, а Смит затаил дыхание.

– М-м-да-а, виноградник-то вроде и ни к чему. Хотя с другой стороны, погреб вроде и не мешает. Но не хочу тратить лишнее. Я, пожалуй, возьму дом, если виноградник будет бесплатным приложением.

На физиономии Смита явное облегчение.

– Я уполномочен владельцем вести торг в пределах десяти процентов цены и оформить сделку от его имени.

– Я тоже уполномочен. В купчей должно быть не моё имя. Тут есть какие-нибудь сложности?

– Никаких. Только доверенность на совершение сделки от лица, на имя которого будет купчая.

– Но, мистер Смит, ведь эта доверенность к купчей потом не прилагается, как свидетельство верности сделки?

– Нет, конечно.

– А мы ведь с вами видели эту доверенность и знаем, что она была.

– Безусловно, была. Я могу это подтвердить хоть под присягой.

– Так что у нас всё отлично складывается. Мы с вами пойдём оформлять сделку, а мой помощник сходит за деньгами, — и уже мне на ухо: — В конторке справа — отсчитай. Вот ключ.

В конторке действительно оказалась вместительная шкатулка, доверху набитая золотыми монетами английского казначейства. Тут же и несколько пустых кошельков. Триста фунтов стерлингов даже золотыми монетами, оказывается, весьма прилично весят.

У мистера Смита по условиям сделки стороны уже пришли к согласию. Я положил мешок с деньгами на стол.

– На чьё имя, сэр Виктор?

– Анабель Чарльстон.

– Так и пишем: Анабель Чарльстон, — старательно выводит на бумаге мистер Смит. Но вдруг отрывает руку и поднимает голову:

– Это не та ли…

– Мистер Смит, — обрывает его Капитан, — мы ведь с вами давно сотрудничаем. Не так ли?

– Так, сэр Виктор.

– И вы знаете, что я человек слова, на которое можно положиться?

– Так, сэр Виктор.

– Я вам совершенно определённо обещаю, что с вами ничего не случится. И даже губернатор не потеряет в вашем лице карточного партнёра. Если вы не будете проявлять чрезмерной догадливости и интереса относительно этого имени и лица за ним. И, упаси Бог, неуместной разговорчивости о появлении этого имени в ваших бумагах, которых, кроме вас, никто и не видит.

Мистер Смит боязливо поёжился, несмотря на спокойный и вежливый тон клиента.

– Я только хотел заметить, что очень красивое имя у этой дамы, сэр Виктор.

– В этом вы совершенно правы. Заканчивайте, — и Капитан достал свой кошелёк. — Вот десять золотых за ваши труды.

Наконец все написано, проверено, нужные подписи и печати поставлены, деньги пересчитаны, документ свернут в трубку, перевязан лентой и вручён сэру Виктору.

Возвращаясь в таверну, заглянули к швейке, расплатились за работу и захватили с собой Марианну, мешок и боеприпасы, которые она там добыла в соседней лавке. Мешок, понятно, опять тащил я. Усадив меня за стол в конторе Люка, сэр Виктор достал перо и бумагу.

– Будем сочинять письмо. Пиши. Э-э-э…

– "Э-э-э" тоже писать?

– Не дури. Пиши: "Уважаемая мисс Анабель, ваш обидчик Ржавый Билл оставил после себя небольшое наследство, которое оказалось в нашем распоряжении. На компенсацию ущерба из этого наследства можете рассчитывать только вы с Мартой как единственные оставшиеся в живых пострадавшие.

Памятуя о вашем стеснённом и малокомфортном положении обеих в условиях военного судна, мы озаботились тем, чтобы передать вам всё это наследство с максимальной для вас пользой именно сейчас. Вступить в права владения им вы сможете в любой момент, когда пожелаете. Документы прилагаются и оформлены только на ваше имя.

Определить и выделить компенсацию Марте полагаем на ваше усмотрение, если вы вознамеритесь продать или передать кому-либо своё новое имущество.

Сэр Виктор и Серж".

– Что ж, вполне тактично и политично предлагаете убраться с "Морского ветра", сэр Виктор. Как раз в вашем духе. Всё — складываем в мешок и на почту?

– Складываем. Питер и Макс отвезут.

Но даже сложить не успели. Заглянул Люк и сообщил:

– Пришёл один из тех губернаторских, что заглядывали к нам утром. Просит вас, сэр Виктор.

– Скажи, что сейчас выйду, — и, повернувшись ко мне: — Началось. Пойдём отбиваться. Люк, приготовь на всякий случай для гостя стол в зале и вино. Не для этого слуги, конечно. Похоже, прибудет сам его хозяин.

Мы вышли в зал, где к нам сразу подошёл ещё довольно молодой человек, которого мы уже видели утром.

– Счастлив вас приветствовать, сэр Виктор.

– Здравствуйте, Стэтсон. У вас ко мне дело?

– Не у меня. Губернатор решил проинспектировать порт и случайно узнал, что вы в городе. Хочет попутно о чем-то с вами поговорить. Он скоро будет здесь.

– Буду рад принять его, Стэтсон. Как вы сами-то? Труден секретарский хлеб?

– Есть немного, но пока не жалуюсь.

– Серж, пойдёмте встречать гостя.

Выходим из таверны. Что-то больно людно стало вокруг неё. Матросы, горожане-мужчины стоят группками по два-три человека тут и там и о чем-то увлечённо болтают между собой. У многих странно оттопыривается в некоторых местах одежда.

По улице спускается процессия. Это нечто. Четыре здоровущих негра тащат на плечах кричаще расписанные и украшенные разными финтифлюшками закрытые носилки, позади которых, как на параде, вышагивает шестёрка английских солдат в красной форме с ружьями на плечах. Носилки останавливаются у входа в таверну. Один из солдат подбегает, отворяет дверцу носилок, и из них торжественно выходит фигура в белом камзоле и треуголке. Сэру Хаксли около шестидесяти. Одутловатое лицо с презрительной миной ко всему и вся окружающему.

– Сэр Хаксли.

– Сэр Виктор.

Рук друг другу не подают.

– Вы хотели со мной поговорить? Лучше это сделать за бокалом хорошего вина. Проходите, прошу вас.

Капитан пропускает губернатора вперёд, провожает до стола и пододвигает ему стул. Сам усаживается напротив. Я сажусь в двух шагах от стола. Марианна наливает бокалы и убегает.

– Я смотрю, сэр Виктор, у вас тут женская прислуга при довольно своеобразной клиентуре, от которой даже мне великие хлопоты.

– Времена меняются, сэр Хаксли. Да и с теми, кто нарушает правила заведения, долго не церемонятся, — и Капитан указывает на стену, где висит девиз: "Если ты что-то хочешь сказать, то прежде подумай, то ли нужно сказать. Если ты хочешь что-нибудь сделать, то прежде подумай, удастся ли тебе после этого вообще что-то делать".

Хаксли проглатывает намёк, приподняв бровь то ли в удивлении, то ли в пренебрежении.

– Остроумно. Кто этот человек и почему слушает нас? — спрашивает Хаксли, кивнув на меня.

– Это Серж, мой доверенный помощник. Знает всё, что знаю я, а иногда даже и больше меня. Очень полезен.

– Тогда вам повезло. У меня столь доверенных помощников нет. Предпочитаю не доверять никому.

– Оно и понятно. Среди окружающей публики и соблазнов трудно найти верных людей.

– Вот-вот, сэр Виктор, именно так. Да и не только верных, а хотя бы даже просто законопослушных. Ведь даже и вы, сэр Виктор, не безгрешны.

– Увы, увы, вы совершенно правы, сэр Хаксли. В этих краях безгрешных нет. Уж так угодно Богу и английскому казначейству. Наши грехи приносят Англии неплохой доход. Впрочем, и губернаторству тоже.

Сэр Хаксли берет бокал и пригубливает вино.

– М-м, недурно. Вы правы. Мы, наверное, все не без греха. Но вы, сэр Виктор, ещё к тому же и загадочны. В Англии никто вас не знает, а в геральдической палате нет никаких сведений о вашем роде.

– Ничего удивительного. Я не англичанин.

– Допустим, но есть и ещё более интересные вещи. Два года назад, когда я был по делам в Англии, то совершенно неожиданно увидел вас на верфи в Глазго. Уже готовое судно на стапелях называлось э-э-э… вроде какой-то ветер?

– "Морской ветер", сэр Хаксли.

– Вот-вот. А вы знаете, что по английским законам частному лицу запрещается владеть военным кораблём?

– "Морской ветер" — чайный клипер. То есть торговое судно.

– Оно было бы торговым, если бы и трюм для товаров не занимали пушки. Причём не видно и его самого, чтобы можно было убедиться в действительной принадлежности его к торговым судам. А два дня назад вы имели долгую беседу с самым опасным пиратом местных вод Ржавым Билли. После чего он моментально куда-то направился. Это наводит на размышления. Вполне достаточно, чтобы арестовать вас и начать следствие, если вы, сэр Виктор, воздержитесь от неофициальных объяснений.

– Ах, Сэр Хаксли, сэр Хаксли, — тяжело вздохнул Капитан. — Если бы было так просто меня арестовать. Мы ведь не в Англии.

– Что это значит?

– Если бы вы выглянули в окно, то увидели бы, что ваш военный эскорт под такой опекой, что никому из солдат не дадут даже рукой шевельнуть.

Сэр Хаксли побагровел и начал подниматься со стула. Вероятно, ещё не осознал ситуации, но, глянув вокруг, опять сел. В дверях стояли два здоровяка и пристально смотрели на Хаксли, явно ожидая только чьей-то команды. За столами вокруг нас сидели ещё несколько человек, не занятые ни выпивкой, ни едой, и тоже смотрели на нас.

– Вы не посмеете! — сдавленно взвизгнул мигом потерявший весь свой гонор губернатор. — Это, это… — искал он подходящее слово, — это не по-джентльменски!

Смотрите-ка, а ведь прав был Капитан, сказав, что Хаксли трус. Так оно и есть. Сейчас Капитан начнёт из него верёвки вить.

– Разумеется, сэр Хаксли, очень по-джентльменски угрожать арестом хозяину, сидя у него в доме. Причём за то, с чем вы прекрасно миритесь столько лет. Не беспокойтесь, вы спокойно уйдёте, закончив беседу, ради которой явились даже сюда. К чему угрозы? Взяли бы и просто спросили, если вас что-то интересует. Да полноте, сэр, что вы так переживаете. Выпейте. Вино для этих мест и в самом деле приличное.

Хаксли схватил бокал двумя руками и машинально осушил до дна. Затем, поняв, что никто его убивать не собирается, приободрился и начал собираться с мыслями.

– Извините, сэр Виктор, возможно, я действительно выбрал не совсем верный тон. Большие заботы, знаете ли, следить за некоторой публикой в колонии. Мне донесли, что Ржавый Билл что-то очень активно стал вести себя на

островах. Ходят слухи, что он вроде бы причастен к исчезновению английского судна с Ямайки. Вот решил спросить у вас, не известно ли и вам что-нибудь.

Капитан обернулся ко мне:

– Серж, нам известно что-нибудь о Билли?

– Известно, — ответил я.

– Нам что-то известно, — передал Капитан сэру Хаксли, — что именно вы хотели бы узнать?

– О чем вы беседовали с Ржавым Билли два дня назад? Куда он направился и зачем? Где он сейчас и что делает?

– Мы это знаем, Серж?

– Знаем.

– Вот видите, сэр Хаксли, мы, оказывается, и это всё знаем. Правда, о чем мы с ним беседовали, сказать не могу. Разговоры с клиентами не разглашаются. А что касается остального, то, Серж, выкладывай нам известное. Сэр Хаксли ждёт.

– Ржавый Билл получил от неизвестного нам лица сведения о каком-то красном корабле, принадлежащим сэру Виктору. Потом кто-то уже другой уведомил его о красном корабле с тысячью пушек, который будто бы нанёс ущерб Билли, потопив его "Чёрную звезду". Билли попытался и у нас выяснить что-нибудь по этому поводу, полагая, что в обоих случаях это один и тот же корабль. Однако мы ничем ему не помогли, сказав, что кораблей с тысячей пушек не бывает.

Тем не менее, он нам не поверил на этот счёт и сгоряча бросился искать красный корабль с тысячей пушек по окрестным водам. Ну, и наткнулся при этом на наш "Морской ветер", который и в самом деле покрашен в довольно тёмный оттенок красного цвета. Но на "Морском ветре" никогда не было и нет никакой тысячи пушек. Это обстоятельство не остановило Ржавого Билла, и он ни с того ни с сего принялся палить по "Морскому ветру". Капитану "Морского ветра" ничего не оставалось делать, как открыть ответный огонь. Через полторы минуты Билли ушёл на дно вместе со всей своей эскадрой и командами судов. Словно его и не было. Надо полагать, что в данный момент у него одно занятие — он кормит рыб. Что же ему ещё остаётся делать.

– Вот и всё, что мы знаем о Билли и его делах в последнее время, — сказал Капитан. — Мне бы вот ещё узнать, кто и зачем навёл его на "Морской ветер". Я бы с этим наводчиком серьёзно поговорил бы. Но, увы, Билли уже ничего никому не скажет.

Сэр Хаксли опустил глаза в бокал. Капитан воспринял это как признак внезапно вспыхнувшей жажды и налил вина. И оказался прав. Бокал мигом опустел. Воцарилось тягостное молчание вроде бы исчерпанной темы, которое я рискнул прервать первым.

– Есть ещё кое-какие сведения о некоем… м-м-м, так сказать, особом грузе с пропавшего английского судна. Груз пропал и от Ржавого после того как оказался в его руках. Что, собственно, очень его расстроило и именно это, скорее всего, подвигло Ржавого на всякие безумства. Эти сведения кому-нибудь интересны?

– Да, да, — встрепенулся Хаксли, внезапно оживая, — об особом грузе очень интересно. Мне предстоит написать письма на Ямайку и в Лондон о судьбе этого… э-э-э… груза.

– А вы ещё не писали, сэр Хаксли? — спросил Капитан. — Груз довольно своеобразный. Неосторожное обращение с ним может пахнуть виселицей для кого угодно, невзирая на титулы и должности. Лучше держаться от него подальше и сообщить, что вам о нем ничего не известно. Вероятнее всего, что груз не будет возвращён в ближайшее время на Ямайку или отправлен в Лондон. Может быть, несколько позже.

– Нет, нет, я ничего ещё не писал, — поспешно уверил Хаксли, — почтовой оказии не было. Я, пожалуй, действительно сообщу, что на сегодняшний день ничего не известно.

– Я бы даже по-дружески посоветовал бы вам, сэр Хаксли, ещё вот что. Если вам приходилось встречать сей груз где-нибудь ранее, то увидев его здесь, лучше всего сделать вид, что он вам не знаком.

– Я учту ваш совет, сэр Виктор. Мне бы хотелось откланяться — дела.

– Конечно, конечно, сэр Хаксли. Я вас провожу до носилок.

Когда встали из-за стола, то оказалось, что странные наблюдатели за нами уже незаметно испарились. А когда мы вышли из таверны, то толкавшиеся тут и там группы людей стали быстро расходиться. Сэр Хаксли втиснулся в носилки и негры, сопровождаемые солдатами, поволокли их вверх по улице. Подошёл Люк.

– Ну, как все прошло?

– Нормально. Мы, пожалуй, двинем домой.

Переть мешок с подарками для мисс Анабель опять пришлось мне. Питер и Макс приняли его вместе с устными инструкциями сэра Виктора.

– Когда сдадите мешок, то сразу обратно сами не отправляйтесь. Передайте сэру Грегори, чтобы он отправил вас, когда мисс Анабель посчитает себя готовой покинуть корабль. Доставите её сюда. Отплывать отсюда и приплывать сюда всегда будете ночью. Гибель Ржавого не отменяет необходимости в осторожности и секретности.

Снова располагаемся на террасе. Оставленное впопыхах на парапете утреннее вино нагрелось, но, тем не менее, и тёплое приятности не утратило. День клонится к закату, а неотложных дел никаких нет.

– Вот мы и знаем теперь, кто навёл Ржавого на "Морской ветер", — говорю я.

– Чёрт с ним. Все губернаторы друг друга стоят. Теперь этот хоть воздержится делать какие-нибудь глупости. Во всяком случае, надеюсь на то. Спокойнее будет. Должен же понимать, что запросто мог влезть в петлю. В метрополии ещё и не такие фигуры кончали на плахе. Одно дело — терпеть и использовать пиратов ради интересов короны, а другое — вступать с ними в преступный сговор из личной корысти.

– Капитан, поскольку тут наметилось затишье в событиях, я, пожалуй, покину вас. Хочу сходить и в свои владения. А вас приглашаю как-нибудь при случае посетить их со мной. Сейчас с собой не зову. Вам всё равно нужно дождаться развязки в заварившейся каше.

– Спасибо, как-нибудь сходим и к тебе ненадолго. Очень заинтриговало меня тамошнее винцо. Ты там дома поосторожнее. Постарайся выйти от меня незаметно.

– Если случится нами ожидаемое, то передайте поздравления и от меня.

Я удалился в предоставленную мне комнату и переоделся.

Дом, Дом, где ты, Дом…

ГЛАВА 5: Новелла не только о принцессе

Осторожно приоткрываю дверь в коридор. Вроде никого нет. Высовываюсь. Тихо. А ведь в капитанской коммуналке вроде бы все соседи должны быть уже дома. На цыпочках бегу к входной двери и выскальзываю на площадку, прикрывая дверь за собой. Тихо внутри щёлкнул замок. Не попался. Нет, все-таки попался. Сверху по лестнице как раз спускается Александр.

– Привет, а я думал, Капитана нет дома. Звоню по телефону. Он не отвечает.

– Так его и нет здесь. Он там.

– Он что, брал тебя с собой, что ли?

– Брал.

– Так, понятно. И чем ты его шантажировал для этого? Со мной такой номер не пройдёт.

– И не надо. Ты сам за мной будешь бегать с приглашением.

– Ага, жди.

– Саша, ты никуда не торопишься?

– Да вроде нет. Вот в магазин только собрался сбегать.

– Зайдём ко мне на минутку. Или нет, пойдём в магазин, а потом ко мне. У меня и перекусим чего-нибудь. Есть у меня одна идейка. Нужна помощь.

В магазине не протолкнуться. Так, хлебца, колбаски докторской, маслица, молока. Может, шпротиков взять? Возьмём. Пивка? С молоком-то? Нет, не надо. Печеньица к чаю. Вроде все.

Шпротики быстро кончились. Остаток колбаски, маслица и хлебца Александр заберёт с собой. Пьём чай с печеньицем.

– Так что за идея? — спрашивает Александр.

– Мне хотелось бы посмотреть на машину в работе в момент переноса.

Александр сразу схватывает, в чем проблема.

– Только на машину?

– Неплохо бы и на объект переноса в этот момент.

– Стало быть, мне нужно сидеть рядом с ней. А сработает ли при наблюдателе? Да и у тебя не сто глаз, чтобы одновременно смотреть и за объектом, и за машиной.

– Попробуем. Выйдет-не выйдет — уже другой вопрос. Ахмеда привлечём. Он будет смотреть за тобой, а я — за машиной.

– Ладно. Колбаску только вот домой отнесу, и встретимся у Ахмеда. Опасно её здесь оставлять, раз твои кормилицы в отъезде.

Ахмед дома и не против поучаствовать в эксперименте. Расставил чашки и на Александра тоже. Держит заварной чайничек, собираясь дозировать заварку по чашкам. Мой отказ от чаепития не принял. Сказал, что обидится. Придётся уважить, хочется того или нет.

Честно говоря, чем больше я его узнаю, тем меньше мне кажется, что он дворник и по складу ума. Скорее всё же себе на уме. А что там прячется за маской дворника, одному Аллаху известно. Рискнуть, что ли?

– Ахмед, а у тебя какая специализация?

– Ха, смешной ты человек, Серёжа. Понятное дело — дворник.

– Я не об этом. По образованию.

Чайничек замирает в воздухе.

– Как догадался?

– По взгляду бывало. Не дворницкому интересу, который иногда пробивается. Выпавшим невзначай словам, характерным лишь для весьма образованного человека.

– Философия, ЛГУ. Но очень давно. Ещё до войны. А ты очень наблюдателен. Надеюсь, настолько же и не болтлив. Меня нынешнее положение устраивает.

– Могила. Но с глазу на глаз-то можно будет говорить по-человечески?

– Разве что.

– Если ещё до войны, то сейчас тебе должно быть где-то около семидесяти, а выглядишь ты много моложе и физически очень крепок.

– Дворницкая служба нервы бережёт. А вообще-то мне ещё отец говорил, что у нас в семье меньше девяноста не живут. Сам он перевалил за девяносто, когда умер. Генетика уж такая. Хорош, Учитель идёт!

Александр вваливается, триумфально размахивая каким-то кульком.

– Вот, уверен был, что Ахмед принудит пить чай. Не исключено, что и под угрозой нанесения побоев, если попробуешь отказаться. Конфеты шоколадные. Выманил у соседки.

Чай у Ахмеда, конечно, знатный. То, что он, по его словам, комбинирует из магазинных отрубей нельзя назвать иначе, чем колдовство. Секрет никому не открывает, но мы-то догадываемся, откуда такой чай. Сидим и наслаждаемся напитком, посасывая конфетки. Благодать!

Однако и благодать не вечна. Открываем шкаф и заходим в тайник. Недолго стоим, не зажигая света, и любуемся переливами цвета и света, исходящими от машины. Щелкает выключатель. При свете очарование уже не то. Объясняю.

– Я пройдусь вдоль машины и постараюсь запомнить, что и как в ней в данный момент. Потом встану в середине и попробую, насколько возможно, проследить за поведением приборов и устройств в момент переноса. А ты, Александр, садись на стул и сам знаешь, что делать по моей команде. Задержись там минут на пять. Я пройдусь ещё раз и посмотрю, какие произошли изменения. Ахмед, ты смотри, что будет происходить с Александром. Вроде ничего сложного.

Так, на панели шариков-реле картина должна быть обычная. Нет, вру. Как раз не обязательно должна быть. Я и забыл, что Капитан-то там. Обычно

большинство шариков колеблется в центре групп контактов, не касаясь их. А сейчас в шести рядах контактных групп все шарики неподвижно замыкают какие-либо пары контактов. Как-то раньше не приходило в голову пересчитать группы. Считаю. Тридцать шесть на тридцать шесть. Значит, всего тысяча двести девяносто шесть. На Капитана работает шестая часть системы — двести шестнадцать реле с шестью вариантами замыкания контактов каждое. Астрономическое число комбинаций соединений!

Вариометры. Обычно они в одинаковом положении. Сейчас внутренняя катушка одного из них повёрнута иначе, чем другие. Обхожу все до конца. Больше ничего примечательного не заметил.

Занимаю позицию спиной к двери рядом с панелью реле. Слева стоит чёрный параллелепипед с шарами-ежами рядом.

– Поехали потихоньку!

Ничего пока не происходит. Но через некоторое время слышу лёгкое гудение этого чёрного столба слева. Вдруг все стеклянные элементы машины, содержащие жидкости, ярко, но не ослепительно вспыхивают. Краем глаза замечаю, как дёрнулся один из вариометров. Впереди окутывается красным, искристым свечением метровая гранитная полусфера. Все это длится не больше секунды и гаснет, принимая обычное состояние.

– Он пропал, — доносится сзади голос Ахмеда. — Превратился в серую фигуру и растворился.

Оборачиваюсь — Александра на стуле нет.

– Ладно, сейчас вернётся. Пройдусь, посмотрю, что изменилось.

Не изменилось ничего, кроме положения внутренней катушки ещё одного вариометра. И теперь включено уже двенадцать рядов контактных групп на панели реле, а не шесть. Подхожу к Ахмеду и вместе ждём возвращения нашего добровольца-естествоиспытателя. Опять вспышка. Серый стоящий силуэт, в одно мгновение превращающийся в тоже стоящего Александра.

– Ну, как? Удовлетворил своё любопытство? — спрашивает он.

– Вполне.

Отхожу к машине и убеждаюсь, что второй вариометр опять в исходном положении, а замкнутых реле опять только шесть рядов. Выключаем свет, выходим и закрываем дверь. Садимся за стол, а Ахмед опять начинает колдовство с чаем. Рассказываем Александру, что видели.

– Получается, что машина может работать с шестью людьми. Не больше. Нас пятеро. Стало быть, есть одно вакантное место, — заключаю я. — Однако

можно думать, что число новых миров каждый из пользователей может генерировать неограниченное. Машина допускает умопомрачительное множество комбинаций переключения в пределах работы с одним человеком. Можно было бы попробовать проверить это, но наблюдать при этом за машиной смысла нет. Всё равно не поймём, как она работает. Может, в ней циркулируют совсем не электронные токи или не только электронные.

– А какие же токи ещё могут быть? — встрепенулся Александр.

– Да мало ли в природе стабильных и нестабильных, заряженных и незаряженных частиц? Просто мы не знаем, как простыми средствами нестабильное стабилизировать или нейтральное сделать активным и привести в движение в проводниках и что от этого воспоследует.

Расходимся уже за полночь. Отправлюсь в Верн утром.

В Верне тепло и зелено. Совсем не чувствуется близящейся осени. Входит в привычку поваляться на скамейке во дворике. Уж очень обстановка к этому располагает. Может, вообще по ночам спать здесь? Чем бы заняться? Вот вопрос. Никакие дела меня с этим миром не связывают. Родственников нет. Близких друзей, к которым можно было бы завалиться просто так, от скуки, тоже не имеется. Любовницу не завёл.

Остаётся одно. Пойти в "Морского дракона", послушать сплетни. Может, по ходу дела случится что-нибудь такое интересное, во что можно было бы ввязаться. А нет ли смысла поискать какую-нибудь разовую работу? Нужен же какой-то источник местных денег. Те, что есть, когда-то все равно кончатся. Поднимаюсь наверх, переодеваюсь в портновское творение Льюиса, открываю шкатулку, кладу в карман пару монет и выхожу из дома.

На Рыночной улице оживлённо. Трудящийся народ снуёт туда-сюда, обременённый делами. Прогуливаются не обременённые. Что-то здесь не совсем так, как было в прошлый раз, а что именно — сразу не уловить. Ага, вот оно в чем дело! Навстречу идёт молодой человек, облачённый в джинсу. А вон ещё один. И ещё, и ещё... Льюис, судя по всему, развернулся вовсю. Правда, джинсой это можно назвать с сильной натяжкой. Материал не тот. Но покрой в общем соответствует. А так и скроено похоже из самого разного материала, и традиционной одежде отдаётся дань в разных цветах и добавлением всяких деталей, украшений в виде кружев, вышивки. Нет однообразия униформы этой

одежды, характерной для нашего мира. Всё-таки Льюис молодец. Своё дело хорошо знает.

Захожу в "Морского дракона". Оживлённо, но столы не все заняты. Знакомая фигурка обслуживает посетителей.

– Здравствуй, Жанна.

– Ой, синьор Серж, здравствуйте. Хозяин, хозяин, синьор Серж пришёл!

Колин выбирается из-за стойки. И этот туда же. В новомодных штанах.

– Кого я вижу! — и уже издалека протягивает руку. — Давай вот сюда, сюда, за этот стол. Надолго?

– Ещё не знаю. Посмотрю.

– А ты тут у нас стал знаменитой личностью.

– С чего бы это?

– Как же, как же, избавил город от морского войска. Даже главный министр Герц признает твои заслуги.

– Даже Герц? А мне почему-то казалось, что он был рад от меня избавиться как можно скорей.

– Герц не любит ничего неожиданного, странного. Но если странное приносит явную пользу, то и отношение у него к этому другое. Перекусишь за счёт заведения? Я уж про постой не спрашиваю. Ты ведь теперь домовладелец.

– Перекусить не прочь.

– И моего винца, конечно?

– И винца можно капельку. А если можешь, то и посиди со мной немножко, расскажи местные новости.

– Жанна, поднеси лёгкие закуски и моего вина! А главная новость такая. Мы теперь, наконец, уже как месяц с королевой.

– Казимир?

– Он самый. Праздник был великолепный. Весь город ликовал три дня и три ночи. Приглашённые гости потом ещё неделю разъезжались. Всем до смерти надоело за два года шатание неисчислимых толп женихов неведомо откуда. А тут свой король из вполне приличного рода. Все довольны. Первую скрипку играет, конечно, королева Виолетта. Да и её избранник совсем не против этого. Понимает, что по происхождению так и должно быть. Очень прелестная, милая пара. Поговаривают, что и ты к этому как-то руку приложил.

– Преувеличивают.

– Ну-ну, скромник. А у меня посетителей стало вдвое больше. После того как в городе прослышали, что королевский альянс возник за столом в "Морском драконе".

Жанна приносит на подносе что-то вкусненькое и выгружает на стол. Ставит тарелки, бутылку и два стаканчика. Колин разливает вино. Чокаемся. Какая прелесть! К ней невозможно привыкнуть.

– Я теперь королевский поставщик, — не без гордости сообщает Колин.

– И вполне заслуженно.

– Королева Виолетта востребовала вино, а король Казимир — окорока. Герц поначалу заартачился с оплатой. Мол, зачем новый поставщик, если королевское хозяйство и так даёт всё, что нужно. Потом утих.

– Наверное, довелось попробовать.

– Да, несколько раз заходил портной Льюис. Спрашивал тебя. Просил оповестить его, когда ты появишься в городе. Видно, дело у него к тебе серьёзное. Вот и мне обновку сшил. Удобно.

– Сам к нему загляну, — ответил я, энергично работая ложкой. — Ты лучше скажи: как это у тебя получается такая вкуснотища?

Колин заглянул в мою тарелку.

– Это рецепт Жанны. Вернее, её бабушки, но присматривает за приготовлением сама Жанна. Бесценная жена кому-то достанется!

– Бесценная, — согласился я, — и дерётся здорово.

Колин так захохотал, что сидящие за другими столами обернулись к нам.

– Это верно. За себя она тоже может постоять.

– А как поживает Жозеф?

– Нормально, наверное. О жизни королевского волшебника до нас мало что доходит. Есть слухи, что назревает что-то малоприятное с лесным народом, а разрешать задачу придётся Жозефу.

– Что это за лесной народ?

– Ты откуда свалился? Лесной народ — это эльфы, феи, гномы.

– Я почему-то думал, что гномы живут под землёй.

– Нет, под землёй они только работают. Во всяком случае, в наших краях.

– Крис часто наезжает?

– Да обычно через день. Может, завтра будет.

Наконец отваливаюсь от тарелки и лезу в карман.

– Ладно, пойду, прогуляюсь до Льюиса. Вот две дексты, Колин. Не за это королевское угощение, а в счёт будущих расходов. Чтобы каждый раз не возиться с расчётами. Да и вдруг внезапно придётся уехать. Не люблю оставаться должником. Скажешь, когда кончатся.

– Договорились.

Встаю из-за стола и выхожу на улицу. Красота! Солнышко припекает, с моря свеженький ветерок, в животе благость, в голове ясность и настроение слегка подогрето изумительным вином. Самое то, чтобы в гости сходить. Поворачиваю налево и иду, поднимаясь вверх по Рыночной улице. Вот и

поперечный переулок с ножницами на углу. Ателье Льюса. На другой стороне улицы длинная очередь за чем-то. Одни мужчины. Захожу к Льюису. Он мрачно сидит за прилавком с выражением безысходности на лице. Увидев меня, всплёскивает руками, вскакивает как на пружинах и прямо-таки бежит ко мне, огибая прилавок.

– Синьор Серж, синьор Серж, как вы вовремя! Мне так вас не хватает, так не хватает…

Льюис даже сбивается с голоса от избытка эмоций.

– Успокойтесь, Льюис, возьмите себя в руки. Может, пригласите меня куда-нибудь присесть, предложите кофе или чай.

– Ай, конечно-конечно, какой я остолоп! Давайте пройдём в дом. В столовой удобно поговорить. Присаживайтесь, пожалуйста, я сейчас распоряжусь, — и вылетает за дверь.

Буквально через полминуты влетает обратно с каким-то мешочком в руках. Грохает его со звоном на стол.

– Кофе сейчас будет. А это ваша бесспорная доля, синьор Серж, за два месяца. Двадцать процентов — сто тридцать декст. За третий месяц итогов ещё не подводили.

– За что?

– Как за что? — теперь уже Льюис, похоже, не понимает меня, — за использование модели. Какой успех, какой успех! Мы не справляемся с заказами.

– А я и забыл, — хотя на самом деле слегка ошарашен. Похоже, в этой стране устное согласие равносильно письменному договору. Вспомнил купчую на дом и прочее. Видимо не везде, но, тем не менее.

Служанка вносит поднос с кофейником и чашками. Льюис разливает душистый кофе.

– Вы знаете, синьор Серж, всё в прошлый раз произошло в такой спешке, что мы не оговорили распределение прибыли. Поэтому я позволил рассчитать вашу долю по обычной практике в таких случаях. Но такой успех, такой успех! Если вы захотите пересмотреть условия в сторону равных долей, то я протестовать не буду.

– Не нужно ничего пересматривать, Льюис. Ведь вся работа ваша.

– Спасибо, синьор Серж, спасибо. И вот теперь я в полной растерянности и панике. Всё рушится буквально из-за пустяков.

– Что рушится и почему?

– Я так взволнован, так взволнован. Вы видели очередь на той стороне улицы?

– Видел.

– Я снял противоположное здание и использовал его под расширение мастерской. Нанял ещё портных и швей, взял учеников, закупил ткани, нитки, пуговицы. И вдруг — бах, оказалось, что шить нечем. Пропали из продажи иголки и мелкий пошивочный инструмент. Есть от чего прийти в отчаяние!

Работникам приходится приходить утренними, дневными и ночными группами и передавать друг другу один и тот же инструмент. А иголки ведь ломаются. Сами понимаете, какое положение. Заказчиков всё больше и больше, а обслуживать мы можем всё меньше и меньше. Через несколько дней вообще всё остановится. Синьор Жозеф сказал, что вот если бы вы были в городе, то наверняка что-нибудь придумали бы. А вас всё нет и нет.

– Синьор Жозеф несколько преувеличил мои способности и возможности — вот уж спасибо скажу ему при встрече! Так куда же и почему пропали иголки?

– Иголки — инструмент тонкой работы, и наши городские кузнецы их делать не могут. Иголки и мелкий стальной инструмент нам поставляют гномы. А сейчас поставки прекратились из-за отказа гномов работать с людьми. Не знаю, какая история приключилась в лесу, но что-то серьёзное. У людей никогда не было разногласий с лесным народом.

– А в соседнем государстве не пытались разжиться иголками?

– Всё давно забрали. Рудные горы только у нас, и соседи покупают нужное им тоже у наших гномов.

– Да-а, беда. Покажите, Льюис, какими иголками вы пользуетесь и как.

– Спустимся в мастерскую.

В мастерской двое портных что-то кроят, а несколько швей что-то шьют. Подходим к одной из них. Какая она ловкая! Игла так быстро мелькает, что трудно уследить. Иголки как иголки. Средних размеров. На одном из пальцев женщины колпачок из толстой кожи. Беру её за руку и осматриваю пальцы. Кожаный колпачок истыкан и вряд ли всегда спасает, когда нужно проткнуть несколько слоёв ткани. Все пальцы исколоты.

– Понятно. Льюис, приходите к обеду в "Морской дракон". Может, что-нибудь и придёт в голову, — и быстро ухожу, прихватив с собой мешочек с деньгами. Исключительно ради того, чтобы Льюис не принял меня за забывчивого человека, у которого данные обещания могут не удержаться в голове.

Вот же напасть какая! Но деньги взяты, и тем признано состоявшееся партнёрство. Нужно выручать. Быстро добираюсь до дома, бросаю мешочек с монетами в шкатулку и переодеваюсь.

Дом, Дом, где ты, Дом…

Деньги у меня есть. Живём не роскошествуя. Зарплата у меня приличная. Так что залезаю в ящик письменного стола и без колебаний беру несколько ассигнаций государственного банка СССР.

Где у нас ближайшая галантёрка? Вроде на соседней улице, но маленькая. Лучше дойти до "Всё для шитья". Подальше, но надёжнее. Дохожу. Иголок всяких навалом. Выбираю средние и крупные иглы в полупрозрачных пакетиках из кальки. Без всяких заводских ярлыков. Средние для ткани — триста наборчиков, и крупные для кожи — сто наборчиков. Сто напёрстков разного размера и двадцать пар небольших ножниц для рукоделия. Большие ножницы для раскроя, думаю, у Льюиса в достатке. Продавщицы даже пожертвовали безликую коробку от обуви, чтобы всё сложить.

Чёрт, рядом стоит одна из тёток из нашего дворового флигеля и ухмыляется, глядя, как продавщица складывает товар в коробку.

– Ателье на дому открываете?

– Нет, хочу сам себе сшить пару брюк.

Продавщицы хохочут. Возвращаюсь домой. Прижимаю коробку к себе. Закрываю глаза.

Верн, домик, спальня…

Опять переодеваюсь. Умаялся я что-то с этой беготней. Может, вздремнуть? Взглядываю на стенные часы. Стоят. Правильно. Хозяина дома не бывает — зачем и заводить? Жанна, оказывается, малость рационалистка! Похвально. Беру подушку и спускаюсь в садик. Ух ты, какая хорошенькая скамеечка-то! Долго не могу заснуть. Наверное, минуты полторы, а то и все две.

Открываю глаза. Солнце заметно перевалило предосенний зенит. Лёгкость в желудке подсказывает о своевременности обеда. Надо подчиниться. Обрызгиваю из умывальника лицо для свежести и, захватив коробку, выхожу из дома. Уже который раз ловлю себя на мысли, что свой дом — ужасно замечательное дело.

Не я один вздумал пообедать. Посетителей полно. Где бы пристроиться? Оказывается, и искать не надо. Льюис уже здесь и машет мне рукой. Ничего не спрашивает, но взгляд настолько жалобно-вопросительный, что просто жалко мужика! Молча протягиваю ему коробку. Он нетерпеливо её раскрывает и слегка

обалдевает, перебирая пакетики с иголками. Когда дар речи к нему возвращается, спрашивает, вытащив напёрсток:

– А это что?

– Эта штука называется напёрсток. Она одевается на палец, а вот эти мелкие углубления не дают иголке соскальзывать.

Никелированные ножницы вообще чуть не доводят его до помешательства.

– Нет слов, нет слов, синьор Серж! — едва не плача от счастья, твердит законодатель мод. — Как вам удалось? Где?

– Это мой секрет. А вас, Льюис, портные и швеи, наверное, заждались.

– Бегу, бегу. Навеки ваш должник! — и рванулся к выходу.

Так, теперь и закусить спокойно не грех. Вон уже и Колин говорит что-то Жанне, указывая на меня пальцем. Кто-то пододвигает стул и молча садится за мой стол. Оборачиваюсь. Ну, разумеется, этого и следовало ждать.

– Здравствуйте, Серж.

– Здравствуйте, Жозеф, — оба, довольно улыбаясь, пожимаем руки.

– Как я вас здорово и неожиданно застукал в нашем городе, Серж!

– Это просто удивительно. Ведь я скрывался, как только мог, — и мы засмеялись.

Жозеф внимательно меня рассматривает.

– Нет, — говорю я.

– Что — нет?

– Жанна меня сегодня ещё не била.

– А не для этого ли она сейчас идёт к нам?

– Сейчас узнаем.

– Здравствуйте, синьор Жозеф.

– Здравствуй, здравствуй, Жанна. Чем нас угостишь?

– Есть суп с овощами.

– По бабушкиному рецепту? — спрашиваю я.

– Почти, — улыбается Жанна.

– Тогда тащи на двоих и что-нибудь мясное с картошечкой на второе. Что ещё нам понадобится, ты догадываешься, — и, обращаясь уже к Жозефу: — Должен предупредить, что в этом заведении все сидящие со мной за одним столом обслуживаются бесплатно.

– Согласен, согласен.

Молча поглощаем обед. Насытившись, расслабляемся, откинувшись на спинки стульев. Я цежу вино. Жозеф набивает трубку.

– Как там во дворце?

– Не нарадуются друг на друга.

– Приятно слышать. Жозеф, вы видели, что сейчас отсюда убежал Льюис? Зачем вы без моего ведома обнадёживаете людей возможностью моей помощи?

– Но по восторженному выражению его лица видно, что всё-таки помогли.

– Так-то оно так, но не увиливайте. Вы не ответили на мой вопрос.

– Хорошо. Отвечу. Рассуждение очень простое. Вы свободно появляетесь и исчезаете в ваши таинственные края, о которых предпочитаете не распространяться.

– Допустим.

– Вот я и подумал, что не может же быть везде такая катастрофа со швейными иглами, как у Льюиса. Вы непременно захотите помочь делу, с которым вольно или невольно оказались связаны. Характер у вас такой, а это неизбежность.

– У вас как-то всё действительно очень просто получается. Даже не рассердиться на вас. В наших краях не принято давать ручательство за кого-то другого за его спиной.

– Извините, надо было как-то поддержать Льюиса. Он очень хороший мастер. Больше ничего в голову не пришло.

– Только это вас и извиняет.

– Вы надолго, Серж? Есть какие-нибудь определённые планы?

– Не знаю. Есть у меня несколько свободных дней, но как буду использовать их, ещё не решил. А вот ваш вопрос о планах попахивает коварством. Похоже, это у вас в отношении меня какие-то планы. Но я не буду спрашивать, какие. И так достаточно ясно. Льюис — второй человек, который упомянул о каких-то больших проблемах с лесным народом. А первый информатор сказал, что решать их предстоит вам. Вы их до сих пор не решили. Следовательно, ваш дар тут бессилен. Как, впрочем, и в прошлый раз. Вот вы меня тут и постарались застукать.

– Мне нечего возразить.

– Должен вас огорчить, Жозеф, в прошлый раз публика была мне знакома. А вот эльфов, фей, гномов в наших краях не водится. Только в сказках. И даже как они выглядят на самом деле, я не знаю. А уж представления об их повадках — то вообще никакого. Так что тут я вам не помощник. Хотя, с другой стороны, я очень любознателен, и посмотреть на живую сказку мне было бы очень интересно.

– И почему бы вам, Серж, хотя бы и не посмотреть? Завтра утром я отправляюсь на переговоры с лесным народом. Можете составить мне компанию.

– Вот это я с удовольствием. Только расскажите мне поподробнее о том, что же произошло между людьми и лесным народом. Может, прогуляемся до порта и обратно?

– С удовольствием.

Мы выбрались из таверны и медленно пошли вниз по улице. Предвечерняя прохлада хорошо освежает после духоты заполненного людьми помещения.

– Люди сотни лет благополучно уживались с лесным народом, — начал Жозеф, — и с гномами, которые по сути своей упрямые, но не злые умельцы, и с эльфами — самовлюблёнными, но безвредными эгоистами, и с феями — добрыми, но не легковерными ведьмочками.

Гномы — большие мастера по части железа, сложных механизмов и огранки камней. Их изделия, например часы, иглы, оружие, ценятся больше, чем сделанные людьми. Меняются на ткани, выделанные кожи, всякие хозяйственные вещи и просто деньги для накопления. Самый старый гном у них главный.

Эльфы — большие мастера по части охоты, музыкальных инструментов. Их скрипки, флейты просто непревзойдённые. Меняются на ткани, украшения. Деньги им не нужны. У эльфов самый главный — это лучший охотник. Не обязательно самый старший по возрасту.

Феи ничего не делают, и от людей им ничего не нужно. Просто они мудрые, бесконфликтные существа, но враждебные к несправедливости. У них королеву фей слушают все. В том числе уважают и гномы, и эльфы.

Есть ещё дриады*, живущие то ли на деревьях, то ли в самих деревьях. Но они людям вообще никогда не показываются. Эти каждая сама по себе.

По древнему договору людям разрешается рубить деревья и охотиться только в строго определённых, но обширных частях леса. Вместо срубленных должны сажаться новые деревья. Точно оговорены места, куда людям заходить запрещено, и места обмена, торговли. Поэтому гномов и эльфов вы никогда не увидите в городе. Хотя никто не помешал бы им туда войти.

Все они без исключения поклоняются Священному дереву. Оно для них и место сбора для решения общих проблем, и место проведения ритуалов, праздников. Да и просто место отдыха.

А случилось вот что. Когда лесорубы углубляются в лес настолько, что деревья уже трудно вывозить с места рубки, то они возвращаются к краю леса и начинают оттуда. Причём выбирается место поближе к дороге. Место новой вырубки назначают в магистрате. Для этого там есть карты леса. По ним и назначают самое удобное и допустимое для вторжения место. Последнее место новой вырубки сейчас на карте указано верно.

Но дело в том, что дорога вдоль леса извилистая. Приближается к лесу и удаляется от него во многих, далёких друг от друга местах, и лесорубы ошиблись. Они вгрызлись в лес не от той ближайшей к лесу извилины, которая им была указана. То ли неправильно отсчитали место по извилинам, то ли неопытность нового старшего лесоруба. Ужасно то, что за несколько дней они углубились в недопустимое место настолько, что достигли поляны собраний, спилили Священное дерево и уже пошли дальше, но тут появились эльфы. Слава Богу, жертв нет, но некоторых рубщиков эльфы отлупили на славу. Теперь лесной народ заявил, что разрывает с людьми договор и прекращает торговлю. В любое место леса вход закрыт вообще, а не только с топором. Вот такие дела. Пока есть небольшой запас дров, но это ненадолго.

– Да, печальная история, — согласился я, — но ведь вы же волшебник, Жозеф. Почему бы вам не оживить Священное дерево?

– Я не некромант, и оживление мёртвых мне недоступно. Да и некроманты вовсе не оживляют, а просто заставляют мёртвых двигаться.

– Но ведь дерево не человек.

– Оно живое.

– Понятно. Как же вы намерены действовать?

– Не знаю. Нужно посмотреть на настроения. Удастся ли преодолеть упрямство гномов и возмущение фей? К решению гномов и фей эльфы просто присоединятся.

– Итак, на чём мы остановимся?

– Завтра утром встречаемся в "Морском драконе". Я приведу лошадь и для вас.

– Не приводите. Я не умею ездить верхом.

– Тогда придётся взять коляску у Герца.

– А даст?

– Ему некуда деться. Походит пешком.

– Тогда до завтра.

– До завтра.

Жозеф юркнул в ближайшую улочку, а я вернулся в таверну поразмыслить над тем, чем бы заняться до вечера. Стол ещё никто не занял. Но поразмыслить не удалось. В дверь вошёл человек, у которого всегда найдётся для кого-нибудь какое-нибудь дело. Обозрел зал и направился ко мне.

– Здравствуйте, синьор Серж.

– Моё почтение, синьор главный министр.

– У меня к вам поручение.

– Стоп-стоп-стоп. Прежде чем вести разговор о каких-то поручениях, давайте разберёмся со старыми делами.

– Какими ещё делами?

– Морские витязи ушли?

– Ушли.

– Принцесса Виолетта стала королевой?

– Стала.

– А где мой орден?

– Какой вы меркантильный, синьор Серж!

– Передо мной прекрасный образец для подражания.

– Вы бы подумали, в каком состоянии может быть казна после королевской свадьбы.

– В каком? И причём тут орден? Вы же не надеетесь, что я буду покрывать королевские расходы? Да и опять, наверное, преувеличиваете печальное состояние казны. Казимир не тот человек, чтобы при состоятельности своей семьи не внести лепту в свадебные затраты. Вы ведь хорошо его потрясли, синьор Герц?

– Ну, потряс, как вы это называете, — нехотя признался министр.

– Синьор Герц, у вас никто ничего лишнего не требует. Должен же всё-таки быть предел скаредности. Вы сами-то хоть замечаете, что превратились в ходячий анекдот? Не нужен мне никакой орден. Это я просто вас дразню.

Я только что разговаривал с Жозефом. Он предложил съездить с ним завтра в лес. Я с удовольствием, но не ради переговоров. Не моя компетенция — лесной народ. В моей стране их нет, но хотелось бы на них взглянуть. Однако я не езжу верхом, и Жозеф хочет взять вашу коляску. Вы не будете возражать?

– Буду или не буду — какая разница! Всё равно возьмёте. Берите и езжайте, куда хотите. Вот моё поручение, — и, положив на стол какую-то сложенную бумагу, встал и сделал шаг к двери. Потом обернулся и добавил: — Я не скаредный, а бережливый, — и вышел.

Так, посмотрим, что нам прислали. Надеюсь, не требование заплатить налог на недвижимость. Нет, приглашение. Причём написанное очень изящным, красивым почерком.

"Королева Виолетта будет весьма признательна, если синьор Серж почтит её дружеским визитом в любое время, которое синьор Серж сочтёт для себя удобным".

Все чин чинарём. И королевская корона, и завитушки с виньетками, и подпись "Виолетта Вернская" с росчерком. Надо почтить. Надо думать, что под "в любое время" не имеется в виду ночь или раннее утро, когда королева ещё в

неглиже. Стало быть, сейчас вполне подходящее время. Что ж, пойдём во дворец, раз призывают предстать. Было бы невежливо оттягивать. Я уж и не удивляюсь, что в этом городе слухи о событиях разлетаются со скоростью стрелы.

По поперечной улочке довольно быстро добираюсь до Королевской улицы и Ратушной площади. Знакомый бронзовый молоточек. Тук-тук-тук. Меня впускает служанка, провожает в уже знакомую гостиную и уходит доложить. Что-то здесь изменилось. Ага, добавилась новая картина. Большая. Виолетта в голубой амазонке, сидящая боком в дамском седле на вороной лошади. Красиво. Почти как у Брюллова.

– Здравствуйте, Серж, — раздался за спиной всё тот же ангельский голосок.

– Здравствуйте, Виолетта.

Честное слово, она ещё больше похорошела и даже слегка словно повзрослела.

– Нравится? — спросила, кивая на картину.

– Ещё бы.

– Вот и Казимиру тоже нравится, — и, слегка наклонившись ко мне, заговорщицки вполголоса добавила: — Вы не представляете, Серж, как я счастлива.

– А вот и нет, представляю, Виолетта. У вас всё на лице написано.

Она звонко рассмеялась, подошла к одной из дверей, приоткрыла и позвала:

– Казимир, а у нас гость.

За дверью послышалось недовольное бурчание человека, отвлечённого от какого-то важного дела. Тем не менее, новый король появился на пороге и, увидев меня, расплылся в улыбке, и поспешил ко мне с протянутой рукой.

– Серж, очень рад вас видеть. Чем это вы тут развлекали мою супругу? Я слышал смех.

Виолетта ответила за меня:

– Рассматривали твой подарок и обсуждали достоинства лошади.

Казимир подошёл к картине и озадаченно уставился в неё.

– Какие тут достоинства? Лошадь как лошадь. Словно больше и никаких достоинств нет?

Потом до него дошло, что его разыгрывают, и, обращаясь ко мне с деланной досадой, подыгрывая жене, произнёс:

– Вот видите, Серж, опять я попался на розыгрыш. И так буквально каждый день. Уж такая она игривая, игривая…

– Ты хочешь сказать — как лошадь?

Вместо ответа он прижал её к себе. Ну, просто королевская идиллия! Тут у меня мелькнула одна интересная мыслишка.

– Вы знаете, Казимир, несмотря на прелесть картины, мне внушает опасение дамская манера езды боком. Смотрите — ведь под спиной всадницы нет опоры. Резкий поворот влево — и нетрудно представить себе, что произойдёт. А если лошадь понесёт? Я не знаю, конечно: традиции традициями, а в наших краях в первую очередь думают о безопасности и удобстве. Любительницы конных прогулок уже давным-давно ездят только сидя верхом.

– Что вы говорите, Серж, какое может быть верхом в таком платье! — возразила Виолетта.

– А я ничего и не говорил о платье. В брюках. Или просто в мужских, или специально скроенных женских.

Повисло заинтересованное молчание. Виолетта, похоже, прикидывает, как может выглядеть на ней мужская одежда. Казимир, вероятно, кроме беспокойства за безопасность драгоценного создания прикидывает, какие соблазнительные обводы откроются взору с новой одеждой.

– Виолетта, а ведь в этом что-то есть, — прервал молчание заботливый супруг.

– Да ты что, — с не очень-то убедительной уверенностью возразила Виолетта, — королева в мужских штанах! А в ваших краях и королевы ездят верхом?

– И королевы. Правда, женщины довольно долго отстаивали своё право на безопасность и удобство. Всё осложнялось тем, что женщине надевать мужскую одежду запрещалось церковными канонами. Нарушение канонов даже каралось смертной казнью. Потом такое правило всё же отменили как недопустимое вмешательство в светскую жизнь, и всё встало на место. Так что если у вас в Верне нет законодательного запрета на ношение женщинами мужской одежды, то препятствиями будут только традиции и мода. То и другое меняется со временем.

– Знаете, Серж, вы меня смутили. Разумность доводов убедительна, но вот… Казимир, надо посмотреть законы. А?

– Пожалуй, надо. То, что сказал Серж, и мне кажется разумным. Я бы даже попросил тебя отказаться пока от конных прогулок. А я посоветуюсь со

своим портным. Сможет ли он на основе мужской традиции сделать изящный женский костюм для верховой езды?

– А кто у вас портной, Казимир?

– Льюис.

– Ну, этот всё может. Мастер! — уверенно сказал я.

Дальше я свою провокацию не стал развивать. И так толчок достаточный.

– Дорогая, — спросил Казимир, — а как ты насчёт того, чтобы устроить небольшой домашний праздник в честь гостя? Или даже не домашний, а просто дружеский. Мы с тобой всё в этих стенах да этих стенах. Правда, титул у тебя уже не тот, что раньше. Мы можем увязать с королевским этикетом развлечения не во дворце?

– Королевский этикет обязателен для официальных отношений и событий. На дружеские он не распространяется. Никак ты намерен заманить нас куда-то?

– Не куда-то, а в "Морского дракона", где для нас с тобой всё решилось.

– Тогда я пошла переодеваться, — и Виолетта испарилась.

– А я пошлю кого-нибудь занять для нас стол. Поскучайте здесь немножко, Серж.

– Нет, я, пожалуй, не буду скучать, а схожу, приглашу вашего брата. Компания так компания. Казимир, может нам взять с собой и Герца? Как вы думаете, он согласится?

Король задумался.

– Не знаю, Герц всегда и со всеми старается держаться сдержанно. Попробуйте сами спросить его. Его комнаты в первом этаже.

Спускаюсь вниз. Служанка указывает на апартаменты главного министра. Стучу. Открывает сам Герц, облачённый в домашний халат.

– Что вам угодно, синьор Серж.

– Синьор Герц, мы тут собираем компанию для кабацких развлечений.

– Кто это "мы" и, причём тут я?

– Мы — это их величества, я и, возможно, Жозеф, если он дома. Приглашаем и вас присоединиться к нам на площади, — я сделал паузу. — Должен признаться, синьор Герц, что сегодня во время нашей встречи у меня и в мыслях не было ни малейшего намерения хоть как-то оскорбительно задеть вас.

– Ну да, ну да, просто чувство юмора такое, — и, глядя мне в глаза, Герц начал стаскивать халат.

Жозеф оказался дома.

– Надо же, понятно, что от молодой пары ещё можно ожидать какого-нибудь сумасбродства. Но чтобы к этому присоединился ещё и Герц… Непременно нужно посмотреть. Идём!

Казимир и Герц уже стоят у дверей дворца и о чем-то переговариваются. Ага, вместо парадной кареты подъезжает коляска Герца. Ждём королеву. Вот и она — в простом темно-красном платье и чёрной накидке на плечах. В коляске совершенно без какого-либо препирательства мне, как почётному гостю, уступили и самое почётное место — рядом с кучером.

В "Морском драконе" вечерний аншлаг. Только в середине зала за пустым столом сидит всего один человек. Видимо, посыльный из дворца. Он встал, как только мы вошли, и не спеша удалился. Увидев августейшую чету, окружающие ведут себя с обычной учтивостью, а Виолетта и Казимир вежливо кивают в ответ на поклоны. Где-то в дальнем углу музыканты тихо наигрывают свои обычные, нудные мелодии. Ещё не сели, а хозяин уже тут.

– Сначала твоего винца, Колин, — распоряжается Казимир, — а немного погодя пусть несут, что найдётся вкусненького. Ты наши пристрастия знаешь.

– Я к вам Жанну приставлю.

– Отлично, а музыку повеселее твой оркестр может изображать? Эта только в тоску вгоняет.

– Попробую заставить.

Почти мгновенно появились вино и подходящая для него посуда. Музыка оживилась и стала весьма приятной. От такой неожиданности и гомон голосов в зале как-то поутих. А Герц несколько расслабился, и его лицо утратило невозмутимое и опасливое выражение. Виолетта подняла бокал.

– За встречу, дружбу и все такое! — и собутыльники дружно звякнули посудой.

– Всё-таки, как ни крути, а приятно убежать от дворцовой скуки и унылых разговоров о государственных заботах, — поделился Казимир.

– Брось, ты уже настолько втянулся в дворцовую рутину, что и не заметишь, как сам уведёшь любую беседу к своим будничным делам, — заметил Жозеф. — Спорим на золотой?

– Спорим, что не уведу.

– Вот человек, который свободен от такой опасности, — и Жозеф тронул за руку Жанну, расставлявшую тарелки. — У неё главная будничная забота — найти хорошего мужа. Правда, Жанна?

– Вы меня смущаете, синьор Жозеф, — ответила та, потупив глаза.

– Почему бы вам, Жанна, не посидеть с нами, между переменами блюд? — предложила Виолетта.

– Я не смею, ваше величество.

– Смеете, смеете, Жанна. Сейчас и здесь мы не величества и подданные, а просто компания друзей. Герц, вы не против, что я и вас причислила к нашей дружеской компании?

– Нисколько.

– Вот и хорошо. Так что и вы, Жанна, присаживайтесь, берите бокал. Выпьем за то, чтобы Жанна нашла себе достойного мужа, — и Жанна слегка зарделась от смущения.

– Жанна, — спросил Жозеф, с невинным видом разглядывая потолок, — а почему бы вам не выйти замуж за Сержа?

– Жозеф, — мгновенно пресёк я его наглые поползновения, — прекратите ваши провокации. Вы прекрасно понимаете, что у меня нет возможности стать оседлым гражданином Верна. Да к тому же вам известно, что она чуть что — так дерётся. Причём больно, обидно, а после расправы ещё и кулаком грозит на будущее, — и все весело рассмеялись, включая Жанну. Даже Герц не удержался от улыбки.

– А ведь, в самом деле, Серж, — заинтересовался Казимир, — почему бы вам не переехать в Верн? Вы же говорили, что вам здесь очень нравится. Вроде бы вы даже и дом купили. А мне, например, такой толковый помощник и советник во дворце был бы очень кстати.

– Я, Казимир, очень ко многому привязан с детства в своей стране. Так что не будем сейчас об этом говорить.

– Казимир, — подал голос Жозеф, — гони золотой.

Казимир раскрыл было рот, собираясь ответить. Потом закрыл и молча полез за кошельком.

– Жанна возьми это себе, — сказал Жозеф, отдавая девушке монету.

– Спасибо, синьор Жозеф.

Между тем в середине зала слегка раздвинули столы, расширив центральный проход. Начались танцы. Виолетта потащила туда Герца, а Казимир — Жанну. Мы с Жозефом остались вдвоём.

– Больше не делайте так, Жозеф.

– Не буду.

– Жанна — чудесная девушка, и незачем провоцировать у неё женский интерес ко мне. В таком возрасте они влюбчивы в кого угодно, а излечиться от такого увлечения не так-то просто.

– Согласен.

Обе пары вернулись запыхавшиеся. А Герц — даже уморённым. Свалившись на стул, он долго не мог отдышаться.

– Ну, ваше величество…

– Здесь просто Виолетта, — прервала она его.

– Ну, Виолетта, вы знаете, такому старику за вами не угнаться. Лет тридцать назад все эти притопы и прискоки давались мне не в пример легче. Но приятно вспомнить молодость. В следующем танце возьмите Сержа в оборот.

Часа через два умиротворённые дворцовые жильцы засобирались домой. Да и я после учебных плясок с Виолеттой и Жанной почувствовал себя усталым. Добравшись до дома, свалился на кровать и заснул как убитый.

Я ещё завтракал, когда за мной в "Морской дракон" прикатил на герцевской коляске Жозеф.

– Здравствуйте, Серж. Особенно рассиживаться здесь нельзя. Нас будут ждать на дороге до десяти.

– Здравствуйте, Жозеф. Я уже заканчиваю, — и действительно быстро свернулся.

За городскими воротами уже тоже оживлённо, как и в городе. Только оживление не пешее, а конное и тележное. Город требует снабжения. Не проехали и тысячи локтей, как навстречу попался Крис со своей гружёной телегой-фургоном. На ходу обменялись приветственными жестами. Немного погодя проехали ферму с галльским петухом. Он всё так же сидит на заборе и пронзительно рассматривает проезжающих. А вот и проскочили место первой встречи с принцессой. Дальше дорога безлюдна.

– А кто нас должен ждать?

– Эльф.

Я раньше и не заметил, что не весь лес такой уж и равнинный. Дальше в его глубину лес взбирается на пологие, не очень крутые горы. Похоже, очень старые, как Уральские в нашем мире. Лес повторяет контур подножия гор, а дорога почти повторяет контур края леса. Потому и виляет сильно растянутой кривой линией. Каждая последующая извилина по ландшафту почти в точности повторяет предыдущую. Если нам к десяти, то ехать ещё, наверное, не меньше получаса. Но уже минут через пятнадцать-двадцать кучер оборачивается к нам и указывает вперёд.

Эльф сидит на придорожном камне. Если бы не лицо взрослого, молодого мужчины, то эльфа можно было бы принять за худенького четырнадцати-пятнадцатилетнего юношу. Стройный, с длинными волосами, большими глазами и вытянутыми вверх остроконечными ушами. Тонкие черты лица приятны и симпатичны. Зелёная облегающая одежда. На поясе нож, а через плечо — лук и

колчан со стрелами. Он встал, когда мы выбрались из коляски, и оказался чуть ниже меня ростом.

– Идите за мной, — и направился через поле к лесу.

Мы последовали за ним. Чистый, словно специально ухоженный лиственный лес лёгок для ходьбы и полон звуков. Шелест листьев, перекличка птиц, скрип стволов, раскачивающихся под ветром, звучат вместе, как трогающая душу музыка. Эльф ступает совершенно беззвучно. Шум же наших шагов здесь чужероден.

Углубились в лес шагов на четыреста, и деревья начали редеть. Ещё немного — и мы перешли из леса разных пород деревьев то ли в рощу, то ли на поляну редко стоящих дубов. Многие не столетние, но мощные. Деревьев мало, места много. Посреди поляны, под свесом крон сразу нескольких дубов широким кругом разложены бревна и колоды для сидения. Почему именно для сидения, ясно — на них уже сидят некоторые из ожидающих нас.

Нас ждали с десяток гномов, одетых чисто, ярко, кто во что горазд. Выглядят и в самом деле, как на известных картинках. С бородами разной длины и безбородые. Самые высокие ростом мне по грудь, полноватые, но совсем не неуклюжие, как их представляют иногда в фильмах. Сразу обращаешь внимание на мощные и ловкие, привычные к труду руки. Сидят и стоят молча, с мрачными лицами.

С десяток эльфов обоих полов. Одетых почти одинаково — в лёгкие куртки и короткие штаны зелёного или коричневого цвета. Женщины, девушки одного с мужчинами роста просто прелестны и пластичны. Впрочем, как и мужчины. Все хоть чем-то, но вооружены. Оживлённо между собой беседуют.

С десяток фей, похожих на больших стрекоз. В общем-то, выглядят именно так, как представляют их в литературе, кино. Одеты в полупрозрачные балахончики разного цвета. Правда, ни одна из фей, наверное, ни на каком цветке не поместилась бы. Они сантиметров тридцати ростом. Удивителен голос у этих созданий. Характерен был бы какой-то писк из-за маленьких лёгких и микроскопического голосового аппарата. На самом же деле высоковатый, конечно, звук, но с приятным тембром. Очень хорошо различимый и за несколько метров. Кто из них королева, неясно. Может быть, та, которая выделяется непрозрачным красным платьицем?

Несколько позже я пересчитал всех присутствующих. Их оказалось по двенадцать. Мы с Жозефом вошли в круг, а наш провожатый присоединился к своим.

– Припёрлись, — неприязненно пробурчал старый гном.

– Арзон, держи себя в руках, — одёрнула его фея в красном. — Присаживайтесь, синьоры.

– Мне хотелось бы представить вам моего спутника, фея Роза, — начал было Жозеф.

– Не требуется, синьор Жозеф. Мы знаем, кто он. Синьор Серж, если не ошибаюсь, — сказала фея, обернувшись на мгновение ко мне. Стало быть, я угадал, кто из фей королева.

– Тогда я начну, — не стал оттягивать неприятный разговор Жозеф. — Событие, конечно, произошло ужасное, и я ни в какой мере не собираюсь приуменьшать вину людей.

– Ещё бы, — послышалось из группы эльфов.

– Но мне, — продолжил Жозеф, — хотелось бы знать и то, почему такое могло произойти. С одной стороны, наша ошибка определения места вырубки. Но с другой, непонятно, почему лесной народ позволил ей так далеко зайти и не остановил, как только вторжение началось?

– Мы все были в полях на недельном празднике окончания лета и сбора урожая и ни о чем слышать и подозревать не могли, — сообщила фея Роза.

– Вломились в чужой дом в отсутствие хозяев, — выкрикнул Арзон, перечисляя людские грехи. — Срубили и разделали на куски Священное дерево. Дриаду обидели, лишив её дома. Нельга, Нельга, ты где? Иди сюда!

Из-за ближайшего дуба нерешительно выглянула какая-то неясная зелёная фигура с огромными черными глазами. Потом приблизилась и встала за спинами гномов.

– Вот, пожалуйста, пострадавшая была так напугана, что забилась в самую чащу. Не сразу и отыскали её, дрожащую от страха. Нельга, скажи что-нибудь. Ты же свидетель.

– Все мои вещи пропали, — как ветер, прошелестела дриада.

– Вот видите, что с невинным существом сделали. До сих пор в себя прийти не может. Где ей жить-то теперь? Для дома дриаде не каждое дерево годится.

И тут началась кутерьма претензий о полученных от людей самых разных обидах. Гномы кричат о том, что они холят и лелеют каждое деревце, а люди истребляют их почём зря. Эльфы возмущены тем, что люди всё зверье в лесу распугали. Охотиться совершенно не умеют. В реках чуть не всю рыбу

повыловили. Да и у фей нашлись свои беды. Люди вместе с травой выкашивают и полевые цветы. Приходится за нектаром летать далеко в сады. А у садовых цветов качество нектара не то. Феи болеть начинают.

Жозеф стоит в растерянности. Фея Роза даже не пытается перекричать этот гвалт и, беспомощно оглядываясь по сторонам, случайно поймала мой вопросительный взгляд. Пожала плечами. Я протягиваю руку, и Роза, вспорхнув, усаживается мне на ладонь, ухватившись за мои большой и указательный пальцы. Я поднимаю руку выше. Лёгонькая. Не больше ста грамм. Узрев такую картину, Арзон замолкает, забыв закрыть рот. Гвалт от других тоже мгновенно стихает.

– Ну вот, — произносит фея Роза, — видите, синьор Жозеф, что и почему происходит. Сегодня мы ничего не решим. Лесному народу нужно успокоиться. Да и вам нужно осмыслить то, что услышали. Дело не только в Священном дереве, а и во многом другом. И вам, и нам нужно ещё между собой посовещаться, чтобы при следующей встрече хотя бы о чём-то договориться. Хотим мы того или нет, а существуем все на одной и той же земле, и другой не будет. Никто не возражает? Хорошо. До следующей встречи, синьор Жозеф. А вы, Серж, вижу, хотите что-то спросить?

– Да, фея Роза. Я ведь из других, очень далёких краёв.

– Знаю. Ну, и что?

– У нас нет ни фей, ни гномов, ни эльфов, ни дриад. Зато большой интерес вообще к природе. Вот и мне было очень интересно познакомиться с лесным народом. А услышанные проблемы так необычны. Хотелось бы задать, если можно, всем вам два-три вопроса. Потом я уйду.

– Два-три? Пожалуй, можно. — Арзон, задрав бороду вверх, недовольно зашевелил мохнатыми бровями. — Я сказала, можно, Арзон! Никто не уходит, — и Роза, опять вспорхнув, возвращается на бревно.

– Я буду ждать тебя в коляске, Серж, — сказал Жозеф и отправился в сторону дороги.

– Так что вас интересует, Серж?

– Я вот только что услышал из уст Арзона, что гномы берегут буквально каждое деревце.

– Да, берегут, — вызывающе заявил тот.

– Вот и вопрос в том, как это им удаётся? Ведь для выплавки металла и ковки нужны дрова. А это значит, что и гномам необходимо рубить деревья.

– Нам не нужно ничего рубить. Мы дрова не используем.

– Я так и подумал. Наверное, в горнах и печах используете черные горящие камни, которые добываете под землёй. В наших краях именно так и делают, а камни называются уголь. Они черные, как угли от дров, и так же пачкаются, — Арзон вытаращил на меня глаза.

– Черные камни — это наш секрет от людей. Потому наша сталь и лучше.

– Ваша сталь лучше, Арзон, не потому, что существуют черные камни, которые природа создала для всех, а потому, что у вас большое умение хорошо использовать то, что дано природой.

– Гномы свои секреты не выдают!

– А как же тогда твоя забота о лесе, Арзон? Больше половины деревьев, срубленных людьми, сгорает в горнах, печах, плитах. Если бы вы открыли доступ людям к чёрному камню или стали бы сами его им поставлять, то спасли бы от вырубки миллионы деревьев, — эльфы и феи вопросительно уставились на смешавшихся гномов.

– Что скажешь, Арзон? — с неожиданным железом в голосе спросила Роза. — Что важнее? Ваш секрет, который на самом деле только у нас и секрет? Или сохранение леса? Что на самом деле тебе дороже? Мёртвые камни или живые деревья?

– Так всегда было, — пролепетал поникший гном, прекрасно понимая, что оправдание нашёл слабое. Крыть нечем.

– Тогда больше так не будет, — решила Роза. — Предложим людям черные камни в обмен на уменьшение вырубок вдвое, а там дальше посмотрим.

Эльфы согласно загалдели, феи захлопали в свои крошечные ладошечки, а гномы сбились в кучу и принялись шептаться между собой.

– Арзон? Ты меня слышишь, Арзон!? — и тот обернулся.

– Мы… мы согласны. Но делиться с людьми секретами, как лучше использовать черные камни, мы не будем.

– Это верно, Арзон. Своим умением вы вправе не делиться ни с кем. Тогда преимущество в работе всё равно останется за вами.

– Какой у вас, Серж, ещё вопрос.

– О Священном дереве. Что оно такое? Почему священное? Оно хоть и священное, но, думаю, всё равно не вечное. Что должно происходить, когда оно умирает?

– Священное дерево — это символ-хранитель лесного народа. Мы сами его выбираем таким вот, как сегодняшнее, собранием от племён. Проводим по древней традиции обряд освящения. Устраиваем под ним свои праздники и разрешаем общие трудности. Это и символ единства, дружбы и взаимопомощи

всех лесных племён. С ними вы, Серж, сегодня познакомились. То дерево, которое мы утратили, было выбрано нашими предками лет триста тому назад. Никого из нас тогда и на свете не было. Хранителем же самого Священного дерева является дриада, которая в нём живёт.

– Тогда мне вот что непонятно. Почти неделю назад Священное дерево было безвозвратно утрачено. По вашей же традиции собрание от племён должно бы сразу найти ему замену. Вместо этого собрание созвано только сегодня и для того, чтобы разбираться с обидами на людей. И это разбирательство может затянуться. Фея Роза, тут ничего не напутано с порядком действий? Дриада-то без дома, а вы все без Священного дерева. По вашим же словам несколько минут назад я понял, что после ухода синьора Жозефа и собрание должно было разойтись. Почему? Хотя главная беда могла бы быть разрешена прямо сегодня. Люди-то здесь уже не причём ведь. Они не препятствуют выбору нового Священного дерева.

Королева фей задумалась, и все прочие замолкли, уставившись на неё.

– Вы опять правы, Серж. Обиды затмили разум. Объявляю поиск нового Священного дерева прямо сейчас. Нельга, ты как? — дриада что-то пискнула и подошла к одному из дубов. — Пойдёмте, Серж, это можно посмотреть, но обряд освящения для людей закрыт. Да и будет он не сегодня.

Если присмотреться, то Нельга — обычная стройненькая девушка. Только вся зелёненькая и словно чуть-чуть прозрачненькая. Прижалась ухом к дубу в полтора обхвата. Покачала отрицательно головой и пошла к другому. Тоже не то. И третье. Мимо четвёртого прошла не останавливаясь, что-то прошептав фее Розе.

– Слишком тонкое, — пояснила та. — Будет качаться от ветра, а от качания дриаде становится нехорошо.

Вот как — дриада страдает морской болезнью! Один толстяк дриаду всё же заинтересовал. Она прижалась к нему и исчезла в стволе. Вышла с другой стороны и пожала плечами. Так безуспешно обошли ещё несколько дубов, довольно далеко удалившись от начала поисков. В одном она задержалась. Изнутри послышался стук. Потом с другой стороны. Вышла. Задумчиво оглядела крону и пошла дальше. Ещё несколько отвергнутых деревьев — и Нельга вернулась к простуканному изнутри великану. Постояла, кивнула головой и

занырнула в ствол. Все облегчённо вздохнули. Фея Роза объявила Священное дерево выбранным.

– Ещё вопросы остались, Серж?

– Последний. И даже не вопрос. Учитывая ущерб, нанесённый людьми лесному народу, хочу предложить вам выкуп. Чтобы хоть как-то возместить утраты и горе.

– Денег у нас самих хватает, — заявил уже оживившийся Арзон.

– Я не о деньгах. Слышал, что вы все очень любите музыку, — эльфы мигом навострили и так уже заострённые уши. — А уж в том, что умеете делать сложные и хорошие вещи, то вам равных нет. — Арзон расплылся от самодовольства. — Я хочу предложить вам музыкальный инструмент, который может играть без музыкантов.

– Таких не бывает, — заявил один из эльфов.

– Бывает, но очень далеко. Я вам доставлю один такой инструмент, скажем, завтра днём прямо сюда. А вы решите, достоин ли он быть принятым как возмещение, выкуп. Если да, то я уверен, что сможете делать такие инструменты и сами. Договорились?

– Согласны? — спросила Роза гномов и эльфов.

– Пусть везёт – посмотрим.

– Значит, договорились, Серж. Завтра утром мы проведём здесь свой обряд и будем ждать вас после полудня.

Я попрощался и отправился следом за Жозефом. Вот, развалился в коляске и спит себе. И кучер вот-вот свалится с козел. Запрыгиваю в коляску с разбега, и оба просыпаются. Двинулись обратно в Верн.

– Узнали что-нибудь интересное? — зевая спрашивает Жозеф.

– Немножко. То, что в горах есть очень полезные минералы. Да кое-что интересное об обрядах лесного народа.

– Эти обряды нам ещё доставят хлопот. Вон сколько претензий! Я не говорю, что они несправедливы, но у них теперь есть дубина в виде утраченной святыни. Мы в очень уязвимом положении при переговорах. Правда, сельские покосы, скорее всего, можно отодвинуть подальше от леса. Да и охоту упорядочить тоже можно, но вот главное…

– Ну, насчёт дубины — так это как повернётся вопрос. Я им напомнил, что за обидами они забыли о замене утраченного. Они тут же под руководством феи Розы разыскали и выбрали себе новое Священное дерево.

– Ого! Вы не зря там задержались, Серж.

– Вероятно, на переговорах лесной народ потребует сокращения вырубок пока что вдвое, — Жозеф аж подскочил от неожиданности.

– Это невозможно! Зимой город замёрзнет.

– Соглашайтесь, Жозеф, соглашайтесь. Они предложат взамен кое-что получше дров.

Жозеф задумался.

– Горящие камни?

– Они самые.

– Какие-то туманные слухи о них до меня доходили, но ничего определённого в Верне о горящих камнях никто ничего не знает. Считают гномьей легендой. Думаете, стоящая вещь?

– Не думаю, а знаю. Нужно будет соразмерить возможную добычу камня с потребностями города. Хочу попросить вас, Жозеф, об одолжении.

– Всё, что в моих силах.

– В ваших, в ваших. Никогда не изображайте меня гением решения проблем. Многие из ваших трудностей уже были в нашем мире и решены давно и не мной. А заслуга повторить уже известное не так уж велика.

– Вы, помнится, Серж, как-то обмолвились, что я кладезь мудрости?

– Вроде что-то было.

– Так вот, вы кладезь скромности. Принести полезное туда, где оно неизвестно, — в любом случае заслуга немалая.

– Да ладно вам. Компанию за обедом мне составите?

– Нет. Меня ждут во дворце с докладом.

Я вышел у "Морского дракона", а коляска двинулась во дворец. Обед, как всегда, был выше всяких похвал. Так и растолстеть недолго! Крис со своими новостями и слухами был тут как тут. Всё пытался выведать, куда это и зачем мы ездили с Жозефом. Не вышло. Стало быть, появятся ещё и новые слухи.

Завтра, завтра… Удастся ли найти нужное к этому сроку? Время ещё только около трёх. Комиссионки работают до семи. Могу ещё успеть что-то сделать и сегодня. Если не всё успею, то ещё утром будет время.

– Колин, если меня будут спрашивать, то я буду только завтра.

– Понял.

Поднявшись в своей сказочной избушке в опочивальню, подумал: а на черта мне переодеваться-то? Старушек моих все равно дома нет. А другим, какое дело, во что я одет? Отправлюсь-ка я домой в Льюисовом костюме.

Дом, Дом, где ты, Дом…

Так, взять денежки. Забираю почти всё. Где у нас ближайшие комиссионки? На соседней улице есть. А если в другую сторону, то через две

улицы ещё одна. На Садовой имеется большая. Начну с ближайшей. Вылетаю на улицу и натыкаюсь на Александра, мирно беседующего с Ахмедом на тему отсутствия благовоспитанности у современной молодёжи. Встречаясь иногда случайно около нашей парадной, они всегда с каким-то изощрённым смаком обсасывают почему-то именно эту тему и только её.

– Эй, ты куда это собрался в таком виде? — окликнул меня Александр. — Окрестные модники и стиляги озвереют и разденут тебя прямо на улице. Не рискуй понапрасну.

– Да нет, сейчас не посмеют, — успокоил Ахмед, — ещё светло. Вот все встречные девки — труп! Что ни шаг, то труп. Что ни шаг, то труп. Резкое падение численности населения будет.

– Да ну вас на фиг! — отмахнулся я и пронёсся мимо.

В первой комиссионке неудача. Аппарат есть, но замызганный, побитый. Не годится для подарка сказочным существам. Бегу в другую. Есть! Даже два. Один тоже не ахти какой. Зато второй — просто сама сказка. Словно и не под сотню лет ему. Но вот цена… Пересчитываю наличность и несусь обратно домой. Коллеги по двойной жизни ещё у парадной.

– Что, уже гонятся?

– Саша, срочно нужно сто пятьдесят. Когда отдам, не знаю.

Посерьёзнев, он не стал даже ничего спрашивать.

– Пойдём.

После Александра зашёл опять домой и забрал всё, что оставалось. Отложил только пятёрку на хлеб. Теперь должно на всё хватить. Возвращаюсь в магазин и подхожу к скучающему, одетому с иголочки, похожему на меня телосложением ещё молодому продавцу. Небрежным и тоскующим тоном заявляю:

– Мне бы вон тот граммофончик, который посвежее. Уж очень он подошёл бы к моему интерьеру.

– Сей момент, — а сам, поставив аппарат на прилавок, с завистью пожирает глазами мой джинсовый, кожаный прикид.

– Недурно, недурно, — внятно бормочу я, осматривая вещь. — Пластиночку будьте любезны приспособить.

Звук, понятно, граммофонный, но ничего говорящего о нехарактерной дефектности нет. Не вытерпел он всё-таки. Вкрадчиво так и просительно поинтересовался:

– Такие джинсовые костюмчики, как у вас, наверное, редки и далеки?

– Да уж, — отвечаю со вздохом, — совсем не близки. И охота на них многотрудная. А уж поголовье совсем на штуки считают. Решается вопрос о занесении этой разновидности в Красную книгу.

Это его добило окончательно.

– Не уступите?

– Да что вы! Тут только одна пуговица с этот граммофон стоит, — попытался я взять его на испуг. — Индивидуальный заказ.

Не тут-то было. Выстоял, не моргнув глазом. Опытный, видно, добытчик модных шмоток.

– Ну, граммофон можете считать уже своим и..., — потянул из кармана пиджака бумажник, — шестьсот рублей. Больше с собой нет, а из кассы не имею права брать.

– Вы, наверное, смеётесь надо мной, — с досадой в голосе обрываю я его. — А ещё я домой голым пойду?

– Упаси Бог, вот, английская работа, чистая шерсть с синтетическим волокном. Видите, как отливает? — демонстрирует он рукав своего костюма. — А покрой-то! Садится на фигуру, как влитой. Тем более что и фигуры у нас с вами одинаковые.

Изображаю сомнение, колебание и раздумье.

– Ну, право, не знаю, как-то внезапно, неравновесно ваше предложение.

– Так что же нам мешает уравновесить?

– Ну, скажем, если ещё коробку бы подходящих пластинок, иголки, то…

– По рукам!

– По рукам, — с унынием обманутого в голосе даю, наконец, уговорить себя.

Пластинки отобраны. Иголки изысканы. Аппарат удобно упакован.

– Ключи бы от дома не забыть, — словно про себя бормочу, опустошая карманы в подсобке магазина.

У мужика чуть глаза на лоб не полезли, когда он узрел связку черных, замысловатых ключей тонкой кузнечной работы. Костюмчик действительно сел как влитой. Забираю товар и удаляюсь. Неплохая негоция за доставшуюся даром псевдоджинсу из сказки! И новый цивильный костюм, и аппарат с прикладом, и денег стало вдвое больше, чем было. Отношу кладь домой и поднимаюсь к Александру.

– Вот, возвращаю. Обстоятельства так сложились, что не понадобились.

– Раздели-таки. Предупреждал ведь! — не сразу сообразил он, почему деньги целы, а когда догадался, то выкрикнул: — Фарцовщик!

Время ещё только начало шестого. Не поздно поискать сведения о звукозаписи на пластинки. Магазин "Старая техническая книга" неподалёку, на углу Литейного проспекта и улицы Жуковского. Оказывается, там есть, и немало. Так, заводские технологии не подходят. Хотя в части некоторых моментов изготовления форм могут что-то подсказать. А вот любительская запись на рентгеновских снимках в самый раз. А также и история вплоть до восковых валиков. Как изготовить дома аппарат и резцы для нанесения дорожек — тоже сюда. Журнал "Юный техник"? Отлично. Скверно то, что везде привод электрический. Хотя пусть гномы сами голову ломают, если захотят наладить производство граммофонов у себя в лесу. Водяные мельницы им известны. Могут дать достаточно равномерное вращение.

Дома передо мной встала проблема: в чем отправляться в Верн? Один костюм — джинсовый — остался там. Какой смысл тащить туда ещё и другой? Отправился в трусах. За два раза перетащил в Верн весь багаж, оделся и потопал в "Морской дракон".

Конец рабочего дня. В таверне народу столько, что некуда и присесть. Все словно ждут, что король с королевой будут приходить сюда каждый день, чтобы откалывать танцевальные номера. Не беда. Можно поужинать и дома. Подхожу к стойке.

– Колин, когда у тебя Жанна уходит домой?

– Да вот как только придёт вечерняя подавальщица. Уже должна бы прийти.

– Раньше Жанна вроде допоздна тут крутилась.

– Так и народа было много меньше — легче. Теперь пришлось взять ещё трёх работниц, а они уж между собой договариваются, когда и сколько работать. Одной весь день не выдержать.

– Жанна! — остановил он пробегавшую мимо девушку, — Серж интересуется, когда ты идёшь домой.

– Анита вот-вот должна прийти.

– Жанна, — спрашиваю, — тебе не трудно будет захватить чего-нибудь мне на ужин и занести по пути?

– Не трудно. Сегодня жареная рыба хорошая.

– С картошечкой?

– С картошечкой.

– Отлично. Колин, у меня к тебе дело.

– Да?

– Мне завтра к полудню нужно будет добраться до лесного народа. Нужна повозка с возницей.

– Возьми коляску. У меня есть одна на мягком ходу для развозки гостей.

– Отлично. Ну, пока, Колин, до завтра.

Сижу дома в столовой внизу. Граммофон на столе. Жанна копошится на кухне. Запускаю танго. В кухне сразу затихло. Жанна появляется в дверях. Вроде хочет что-то спросить и замирает с раскрытым ртом. Тихонько подходит к столу и садится, уставившись в рупор граммофона. Протягиваю через стол руку и аккуратно закрываю ей рот, нажав пальчиком на подбородок. Какая же она все-таки ладненькая, миленькая! Просто глаз не оторвать.

– Что это, Серж? — спрашивает она, когда музыка затихает.

– Такая музыкальная шкатулка. Называется граммофон.

– Грамфон?

– Граммофон.

– Поняла — граммофон. А ещё можно.

– Тащи рыбу. Будем есть и слушать.

Едим и слушаем оркестрованные песни. Жанна время от времени даже жевать забывает. А иногда и тихонько подхватывает припев. Голос у неё и в самом деле как колокольчик. И слух отменный.

– У нас, — говорю, — под такую музыку даже танцуют. Хочешь попробовать?

– Хочу.

Опять запускаю танго. Показываю движения. Она сразу схватывает и через минуту в паре уже не сбивается с ноги.

После ухода Жанны выхожу во дворик. Ух ты, какая хорошенькая скамеечка-то! Смотри-ка — и подушечку кто-то на ней забыл! Тепло. Может, и в самом деле ночевать на воздухе? Тащу небольшую перинку, обнаруженную в шкафу, одеяло. Сколько можно повторять одно и то же? Сказано: благодать — значит, благодать и есть!

Проснувшись под открытым небом, ещё долго лежу, блаженствуя под лучами утреннего солнца. Спешить вроде некуда, но не валяться же до бесконечности. Бр-р-р, какая вода холодная! А вместо мыла — какая-то серая смесь. Слышал, что в средние века вместо мыла использовали золу. Она, наверное, и есть с чем-то ещё. Чёрт, а ведь побриться-то нечем! Как же я об этом заранее не подумал? И зубы нечем почистить. Надо будет в следующий раз

озаботиться доставкой сюда туалетных принадлежностей. Чищу зубы пальцем с золой.

Выбираюсь на Рыночную улицу. Где-то тут я видел заведение брадобрея. Ага, вон чуть подальше. За один солентино меня обработали по высшему разряду. Можно идти завтракать. Подходя с разных сторон, у дверей таверны сходимся с Жозефом. Молча здороваемся. Молча заходим. Молча садимся. Просто молчим. Подходит незнакомая подавальщица и молча стоит, ожидая заказа.

– Две яичницы. Жозеф, молоко будете?

– Да.

– Молока тоже два и ягодный пирог, — подавальщица улепетнула.

– Когда у вас очередные переговоры с лесным народом?

– Скорее всего, дня через два. Уточним во дворце, как и на какие пойдем уступки. Хоть стало ясно, чего от нас потребуют, и появилась надежда на благополучный исход. Герц доволен, что пока чересчур обременительных требований нам не выставили. Но ждёт требований гномов о компенсации ущерба. Решили, что нужно предложить какое-то более тесное сотрудничество с лесным народом. Нельзя более допускать, чтобы некоторые возможные разногласия вырастали до больших проблем.

– Пожалуй, разумно. Самый весомый аргумент для лесного народа — это сохранение леса и живности в нем. Удачи вам!

Яичница у Колина всегда отменная, а пироги выше всяких похвал. Покончив с этим, расходимся. Жозеф в дверь на улицу, а я в дверь во двор. Коляску уже выкатили и запрягли. Возница готов. Выезжаем и сворачиваем к моему дому. Выношу и загружаю багаж. Поехали!

Едем потихоньку, прогулочно для приятности времяпрепровождения. Спешить некуда. Протолкнулись через городские ворота. Поругались со встречными возницами. Попеняли стражникам на отсутствие порядка. В общем, маленько размялись перед дорожной скукой. Хоть и красота вокруг, но однообразие пути всегда навевает тоску. Вон и даже этот галльский воображала с придорожного забора опять не сказал ни слова. Мог бы и ругнуться хоть разок для разнообразия.

– Онемел, чучело, что ли? — поприветствовал я петуха. Смолчал, зараза, и на такую провокацию. Только глазом презрительно зыркнул.

К камню подъехали рановато. Солнце хоть и почти в зените, но ещё никого нет. Ждать пришлось почти час. Я даже погрузился в лёгкую дрёму, как Жозеф в прошлый раз. Сонное место?

– Здравствуйте, синьор Серж, — пробудил меня звонкий голос давешнего эльфа.

– Здравствуйте, э-э…

– Везер.

– Здравствуйте, Везер. Помогите мне немножко. Возьмите вот эту коробку, — указал я ему на пластинки, а сам взял свёртки с аппаратом и граммофонной трубой.

В дубовой роще перестановка мебели. Брёвна и колоды для сидения переместились под новое Священное дерево. Все в сборе. Сразу со всеми и здороваюсь. Только гномы бурчат что-то неразборчивое в ответ. Остальные отвечают вполне вежливо и благожелательно. Разворачиваю пакеты, ставлю аппарат на колоду, прилаживаю трубу, завожу механизм, ставлю пластинку — и вот в колдовском лесу зазвучала волшебная мелодия "Сказок Венского леса".

Аудитория замерла, внимая необыкновенным для этого мира частотным колебаниям. Интересный эффект производят они на лицевые мышцы и лесного народа. Но не будешь же обходить их всех, закрывая им рты! Это было бы недопустимой фамильярностью. Критически настроенные гномы, и те явно вовсе не враждебно поражены. А некоторые феи даже покачиваются в такт музыке. Про эльфов и говорить нечего. Известные меломаны просто затаили дух. Дриада — и та по пояс высунулась из дерева и хлопает большущими глазами.

Пластинка кончилась. Всеобщий вздох сдерживаемых эмоций. Ставлю танго — и опять тишина и внимание. Похоже, танго больше всех пришлось по душе гномам. Некоторые из них полуприкрыли глаза, а Арзон явно озадачен и удивлён. Быстрый фокстрот вызвал у эльфов всплеск активности. Они завертелись, задёргались, пихая друг друга, а потом словно дети с хохотом затеяли между собой потешную потасовку.

Закончился фокстрот, и я отступил на несколько шагов. Все, кто только мог хоть как-то толпиться, вмиг, галдя, столпились вокруг невиданной машинки.

– Ах, Серж, Серж, — растроганно обратилась ко мне фея Роза, — мы никак не могли и ожидать такого богатого подарка. Арзон, Арзон, остановитесь, не смейте этого делать! Ну, что ты скажешь, вот уж неуправляемое племя!

И действительно, эта деловая компания, не обращая внимания ни на что, оттеснила всех от аппарата. В мгновение ока пластинка снята, заводная ручка выдернута, труба аккуратно вытащена. Корпус быстро осмотрен и с возгласом "Ага!" моментально вскрыт. Компания коротышек погрузилась в профессиональное созерцание внутренностей диковинного музыкального инструмента. Краткий обмен мнениями среди специалистов и быстрый диагноз:

– Там внутри всё проще, чем в наших часах!

Один из гномов, отойдя немного в сторонку и присев, изучает свою добычу — грампластинку. Посмотрел на свет — не прозрачная. Поковырял ногтём этикетку — не отковыривается. Поводил мизинцем по поверхности — по кругу гладкая, а поперёк слегка шершавая и пищит при быстром движении пальца. Это его очень озадачило. Явилась на свет и вставлена в глазницу лупа часовщика. Подхожу.

– Ну, как? — спрашиваю исследователя.

– Не мешай, человек, я думаю!

– Думай, думай. Вот тебе и некоторые сведения для размышления.

Бросаю ему на колени добытую и прошедшую мою цензуру вырывания страниц литературу о грамзаписи. Гном быстро листает, задерживаясь на картинках. Затем уставился на меня. Видимо, соображает: говорить спасибо или нет. Однако всё-таки переборол свою натуру и признал, вроде бы сам себе удивившись.

– Может быть очень полезным.

Я, в свою очередь, устно проинструктировал его о необходимости смены иголок время от времени.

Между тем граммофон уже восстановлен в своё работоспособное состояние и Арзон роется в пластинках, стараясь понять, о чем идёт речь на этикетках. Выбор пал на фрагменты первого концерта для фортепиано с оркестром Чайковского. Во времена граммофонов долгоиграющих пластинок ещё не было. Музыка опять заворожила всех. Помолчали немного.

– Ну как? — заговорила фея Роза. — Принимаем выкуп? Арзон?

– Согласны. Всё, что из металла, мы сможем сделать. А вот такую тонкую каменную пластину с дыркой — ещё не знаю. Надо пробовать.

– Везер?

– Мы, эльфы, тоже согласны. Очень интересный и приятный музыкальный инструмент. Мы можем делать само вместилище для механизма и этот большой рог, из которого исходят звуки.

– Вы слышали, Серж? Мы принимаем принесённую вами вещь в качестве полной компенсации ущерба, понесённого с утратой Священного дерева и вырубкой в запретном месте. Но только этого. Об остальном нужно ещё договариваться, — королева фей немного помолчала и добавила:

– Вы знаете, Серж, ваш подарок нам очень по душе, и я сделаю вам ответный. Отныне и навсегда вам разрешается входить в любое время, в любое место нашего леса, а также присутствовать на наших праздниках. Любой представитель лесного народа будет обязан посильно помочь вам, если в этом у вас возникнет когда-либо нужда. Помолчи, Арзон! Что за манера перебивать королеву! Когда-нибудь я тебя накажу всерьёз.

Но вы, Серж, должны взять на себя обязательство, что и словом не обмолвитесь с другими людьми о том, что увидели или услышали в нашем лесу, — Арзон согласно и успокоенно кивнул. — Принимаете такое условие, Серж?

– Принимаю.

– Тогда так тому и быть.

На обратном пути я выпрыгнул из коляски на Портновской улице и зашёл к Льюису. Вчерашнего уныния как не бывало. Впрочем, очередь на другой стороне улицы вовсе не стала меньше.

– Синьор Серж, синьор Серж, как же я рад приветствовать нашего спасителя! Мы теперь сможем обслужить всех желающих. А уж как вам благодарны швеи за ваши напёрстки, то и не описать! Что я могу для вас сделать?

– У вас, Льюис, ещё сохранились мои мерки?

– Конечно.

– Сшейте мне ещё один костюм. Такой же, как и был, но немного посветлее.

– Так давайте выберем кожу, — и мы подошли к полкам с образцами.

– Пожалуй вот эта подойдёт, — указал я на нечто среднее между коричневым и светло-коричневым.

– Завтра будет готово. Я сам займусь.

– Если меня не будет в Верне, то передадите Жанне из "Морского дракона". Она в моё отсутствие занимается делами по дому.

– Хорошо.

– А теперь мне нужно ещё поговорить с вами, Льюис, об одном деликатном деле.

– Прошу в столовую. Я на секунду. Распоряжусь, чтобы принесли кофе.

Кофе принесли.

– Я весь во внимании, синьор Серж.

– Скажите, пожалуйста, Льюис, вы ведь не только мужской портной?

– Нет, конечно, мы шьём для всех. Просто мастерская для женщин в другом доме — чуть дальше по улице.

– Понятно. А как часто меняется в Верне женская мода? — тут Льюис сильно задумался.

– Не знаю даже, что и сказать. Когда не меняется и года три-четыре, а когда сменится и дважды в год. Невозможно предсказать. Многое зависит от того, в чем появляются у нас приезжие дамы из других стран. Вот ваша модель, — оживился Льюис, — обречена на многолетнюю моду среди мужчин.

– А если возникнет мода на брюки среди женщин?

– Что вы, что вы! Как можно! Никто из женщин не рискнёт облачиться в мужские штаны или брюки! Засмеют в лучшем случае, если в суд не потащат за оскорбление нравственности. Вы шутите, синьор Серж. Такого быть не может. Я ещё могу допустить, что с пришедшего судна попытается сойти иностранка в мужских штанах, но ей не позволят даже спуститься по трапу.

– Первый заказ на брюки для женщины может последовать из королевского дворца.

– От самой королевы? — поражённо удивился Льюис.

– От короля.

– И королева публично выйдет в мужской одежде? Как можно!

– Не в мужской, а в женской. Наличие двух ног вовсе не исключительная особенность только мужчин, а и женщин тоже, — и я объяснил Льюису отличие в покрое женских брюк, исходя из физиологического строения женского тела.

– Так-то оно так, — согласился Льюис, — но всё равно такой крутой поворот в традициях одежды…

– Как вы думаете, Льюис, мужское население будет бурно возражать против такого зрелища? Что тут больше сыграет: мужские страсти или дань женской традиции?

Он опять задумался, что-то прикидывая и временами улыбаясь своим мыслям.

– Я понял, что вы имеете в виду. Все мужчины будут поражены, но большинство не будут возмущаться. Во всяком случае, не станут возражать. Зрелище-то обещает быть восхитительным. А это означает хотя и молчаливую, но поддержку.

– Совершенно верно. Добавьте сюда ещё и женщин-подражательниц, для которых авторитет — королева, а не традиции. Шум, споры, конечно, будут, но

когда их не было в моде? Я хочу, чтобы вы были готовы к такому повороту событий в своих делах. Если заказ из дворца поступит, то и мерку будете снимать только вы и шить сами. До первого выхода королевы на публику в женских брюках никто ничего не должен даже подозревать.

– Здесь не может быть возражений. Но всё равно такой резкий поворот…

– Попробуем сделать его не резким, а плавным и неизбежным, продиктованным заботой о женщине.

– Как это?

– Новая одежда представляется как одежда узкого применения — костюм для верховой езды. Вы же понимаете, что всадник, сидящий верхом на лошади, гораздо прочнее, устойчивее держится в седле, чем сидящий боком, свесив ноги на одну сторону. В платье верхом не сядешь.

– Конечно. Я понял вашу мысль. Довольно сильный аргумент, а потом уже никакие аргументы для более широкого использования женских брюк и не потребуются. Вы меня почти убедили. Дело за дворцом. Попробуем. Какие интересные и обширные возможности открываются!

– Есть ещё одно дело по вашей части, Льюис.

– Нет-нет, синьор Серж, — и Льюис заразительно рассмеялся, — не буду даже и слушать пока мы не договоримся об увеличении вашей доли. Ваши предложения, помощь очень дорогого стоят, и меня совесть начисто загрызёт, если всё останется, как вы пожелали.

– А меня совесть загрызёт, если я буду получать за идеи столько же, сколько и тот, кто работает над воплощением идей. Создание вещей — гораздо более весомый вклад. Давайте договоримся так. Всю прибыль после уплаты налогов вы делите со мной пополам.

– Это я и предлагал!

– Подождите. Это не всё. Из моей доли вы отдаёте мне половину, а вторую половину вы распределяете между закройщиками и швеями. Это будет им поощрение за хорошую работу. Лучше работа — больше прибыль. Больше получится и поощрение. Понимаете?

– Понимаю. Так вообще-то не принято, но не могу сказать, что неразумно. Если это приведёт к более продуктивной работе, то и я приму в этом участие. Договорились, — и мы пожали друг другу руки.

– Теперь ещё об одном деле. Вы не задумывались, Льюис, чтобы расширить своё дело в другие города и страны?

–Это заманчиво, но сложно. Я не могу присутствовать сразу везде, а индивидуальность подхода к каждому клиенту именно этого требует. Конечно, можно найти и в отдалённых местах хороших портных-организаторов. Но всё равно много времени требуется на прививку им нужного стиля работы.

– А ведь конечная цель у вас, Льюис, чтобы из каждой вашей вещи был виден ваш стиль. Я правильно вас понял?

– Совершенно правильно.

– Тогда проблема только в одном. Чтобы вещи с вашим стилем появлялись сколь угодно далеко без вашего присутствия в этом самом далеко. Верно?

– Вроде бы по логике да, — как-то раздумчиво и неуверенно протянул Льюис, — но в практике одно исключает другое.

– Не исключает. Тут может быть два пути. Вы ведь берете на обучение швейному мастерству мальчиков и девочек?

– Конечно, беру. Как же без этого!

– А почему бы не брать взрослых и опытных, талантливых швей и закройщиков из очень отдалённых мест и других стран на обучение уже не просто шитью, а вашему стилю и организации дела. После завершения обучения остаётся лишь снабдить новых специалистов деньгами на открытие ваших дочерних предприятий в отдалённых местах. Вы станете владельцем множества швейных мастерских вашего стиля по всему миру. При этом сидя дома.

– Поразительно. У меня уже нет сил восторгаться течением ваших мыслей, синьор Серж. А каков второй путь?

– Льюис, а как долго ваши закройщики хранят записи с мерками клиентов?

– Долго. Не меньше года, наверное.

– Возьмите, пожалуйста, все записи у двух-трёх закройщиков и свои захватите.

– Сей момент! — и минут через пять Льюис приволок целый ворох бумажек с таинственными циферками. — Вот.

– Теперь сделайте вот что. Рассортируйте записи по курткам и штанам. Потом выберите из них такие, которые совпадают, почти совпадают и очень не намного различаются друг от друга. Критерий один. Любой из заказчиков из выборки может без потери комфорта надеть вещь другого заказчика. Это могут быть или куртка, или брюки — и ничего физически стеснять клиента не будет.

Эта задачка оказалась для Льюиса посложнее, но и с ней он справился чуть поболее, чем за полчаса. На столе оказались разложенными примерно на два десятка стопочек обрывки разных бумажек. В одних две-три бумажки, а в других — с десяток и более.

– Льюис, я не подсматривал, что вы там делали. Однако полагаю, что если я возьму две самые многочисленные стопки бумажек, то в одной окажутся брюки, а в другой — куртки. Верно?

– Верно.

– В нашей стране это называется статистикой. С её помощью можно легко количественно определить нужды и предпочтения больших масс людей. Давайте опять присядем и порассуждаем.

– Вы меня опять заинтриговали, синьор Серж.

– Вот две выбранные кучки. Брюк двадцать шесть, а курток… двадцать три. Стало быть, подходящую пару верха и низа могут одеть двадцать три человека. Теперь нам нужно выяснить, сколько всего было по всем запискам обслужено людей, — мы принялись считать все бумажки. — Так, сто пятнадцать человек. Таким образом, мы выяснили, что примерно пятая часть ваших заказчиков обладает очень близким сходством фигур. А поскольку ваши заказчики и есть обычные горожане, то мы вполне можем полагать, что пятая часть взрослого мужского населения города обладает сходными фигурами либо в части выше пояса, либо в части ниже пояса. Понимаете, к чему я веду?

У Льюиса заблестели глаза.

– Начинаю понимать. Можно шить без снятия мерки для множества людей по одному и тому же крою. И можно открыть магазин готового платья, где можно купить одежду, просто выбрав по фигуре.

– Совершенно верно. Ничего нового тут по сути нет. Люди часто меняются одеждой. Но мы можем внести сюда свою лепту. Одежда-то будет новая, гарантированно продающаяся, а не кем-то уже ношенная. Её можно делать крупными партиями и рассылать по миру с ярлыком "Льюис из Верна". В пределах сходства фигур людей очень большие возможности. Вот и второй путь распространить по всему миру свой стиль, сидя при этом дома.

– Очень заманчиво, синьор Серж, но теряется творческое начало работы.

– Вот тут вы не правы, Льюис. Только начинается. Своими руками лично вы, конечно, творчески многих обеспечить не можете. Но ведь суть вашего творчества для клиента вовсе не в конкретно ваших, приложенных к клиенту руках. А в стиле, удобстве вещи, которую он получает. Чем больше людей будут востребовать вещи вашего стиля, тем выше для всех сам стиль. И тем самым выше и ваш личный творческий вклад.

– Сдаюсь, сдаюсь. Вы, синьор Серж, не оставляете неразбитых возражений, и это почему-то не огорчает. Будем пробовать.

Распрощавшись с Льюисом, почти бегом направляюсь в "Морского дракона". Обед пропущен, а сейчас уже вечереет. Есть хочется просто ужасно. Вот будет фокус, если в таверне уже и свободных мест не будет. Однако нашлось. За моим привычным столом, хотя уже и сидят, но их всего двое — Жозеф и Герц.

– Так, — поздоровавшись с Герцем, начинаю я их подкалывать, — как услышали, что за моим столом обслуживают бесплатно, так и зачастили сюда. Ну, от синьора Герца можно было бы ожидать стремления к экономности. Но ведь вам, Жозеф, такая мелочность не свойственна. Вы только не учли одно обстоятельство, что бесплатно действительно только в моем присутствии, а я вот возьму и сяду за другой стол. И горели синим пламенем ваши мечты о даровой закуске и выпивке.

– Здравствуйте, здравствуйте, Серж, — произнёс Герц, — вы уж не оставляйте нас возможностью поживиться за ваш счёт. Да и сесть вам больше некуда. А мы вам место держим.

И действительно — свободных столов вроде как и опять нет. Изображая мимикой и телодвижениями великую досаду и муки жадности, присаживаюсь к этой компании. Мигом появляется Жанна и ставит передо мной тарелку с жареными куриными ножками. Хищно впиваюсь в них зубами.

Понятно, что эта пара уже прослышала о моем визите к лесному народу и пришла на разведку. Их можно понять. Государственное дело, как-никак. Но я не государственное лицо и даже не тутошний подданный. Стребовать с меня ничего невозможно. Вот и приходится терпеть мои выходки. Этим я и не преминул воспользоваться.

– Представьте себе, синьоры, а этот галльский петух на заборе у дороги так при мне не разу и не кукарекнул. Странная птица, не находите? Вокруг такая природа, что петь хочется, а он молчит. Кстати, а у Жанны, оказывается, такой прелестный певческий голосок, что можно заслушаться. А вот Льюис, похоже, петь не мастер, но зато каков портной! Я, например, не устаю восторгаться. Опять у него какие-то новые идеи…

– И, скорее всего, ваши, Серж, — заметил Герц, начиная нервно барабанить пальцами по столу.

– Не буду отрицать, что портняжное искусство в Верне почему-то становится мне всё ближе и ближе. Я даже подумываю: а не открыть ли мне в вашем городе большую лавку по торговле бантиками? Вы только подумайте! Бантики для женщин. Бантики для мужчин. Бантики для лошадей, кошек и собак. Можно даже попробовать продавать бантики для домашних мышей. До такого ещё никто не додумался. Синьор Герц, а вы любите бантики? Как вы считаете, будет спрос на бантики для мышей?

– Шут гороховый, — процедил сквозь зубы главный министр.

– Не нервничайте, Герц, — начал успокаивать его Жозеф. — Ему скоро надоест дурака валять. Это он таким оригинальным образом берет с нас плату за свои услуги по решению наших проблем.

Мы все трое переглянулись и дружно, включая и Герца, рассмеялись. Напряжения как не бывало. Умница все-таки Жозеф!

– Часа два назад, — сообщил Герц, — пришло известие, что лесной народ готов к переговорам.

– А мы вот не готовы, — добавил Жозеф.

– Вот это-то как раз очень и странно. Когда мы с вами, Жозеф, возвращались из леса, то вы продемонстрировали прекрасное понимание того, что от вас потребовали. И даже решение вам было ясно. Сами же говорили, что полевые покосы можно перенести дальше от леса. И тогда проблема фей решена.

А если упорядочить охоту, введя определённые правила и следить за их соблюдением, то и проблема эльфов уже не проблема. Эльфы сами будут присматривать за порядком в лесу. Гномы же предложили или, скажем так, согласились на замещение вырубки поставками или доступом к горящему камню. У вас всё было почти готово. В чем дело?

– Все дело в главной проблеме, — озабоченно посетовал Герц, — Священном дереве. Мы до сих пор не имеем представления, что с нас потребуют в возмещение ритуально-духовной утраты такого масштаба. Для лесного народа это то же самое, что для нас было бы разрушение и осквернение городского собора. Да и потрава леса в запретном месте вдобавок.

– Да, был я сегодня в лесу со своим личным интересом. Очень уж публика там занятная. Но у меня сложилось такое впечатление, что никакой проблемы Священного дерева уже нет и в помине. Во всяком случае, на переговорах никто

из лесного народа не собирается упоминать ни Священного дерева, ни лесной потравы в запретном месте. Так что и вам не следует даже заикаться об этом.

– Это точно? — недоверчиво спросил Герц.

– Точнее не бывает. Моё слово — кремень! Давайте лучше ещё поговорим о бантиках для мышей. У меня в связи с ними возникли ещё некоторые мысли. Черт, я ещё про тараканов забыл…

– Мы, пожалуй, пойдём, — мгновенно засобирались мои сотрапезники. — Нам утром выезжать, а ваше известие нужно ещё обсудить. До свидания, Серж. Мы очень вам признательны за помощь, — поблагодарил Жозеф.

Герц, тряся мне руку, так расчувствовался, что, похоже, потерял дар речи. А я посидел за столом ещё немного, потягивая винцо Колина. Полюбовался, как порхает Жанна между столами, и отправился восвояси.

Ух ты, какая хорошенькая скамеечка-то во дворике с ангелочком! Да на ней ещё какой-то чудак разложил матрасик, подушечку и одеяльце. Мне это подходит. Брык под одеяльце! Вроде мне гулять ещё четыре дня. Нет, пять. Здесь, похоже, пока никаких интересных событий не назревает. С утра вернусь домой и посмотрю, что там делается. Да, не забыть бы зарисовать Арзона, фею Розу и других. Очень уж колоритные существа. Звёзды-то надо мной какие…

ГЛАВА 6: Новелла о Багдаде: Зубейда

Дома тоже никаких событий. Капитан ещё там. Александр по уши в делах нового учебного года. Анна Петровна не тот человек, к которому внезапно завалишься просто поболтать. Вот Ахмед — теперь другое дело. Поскольку удалось уличить нашего тайного философа в сокрытии профессии, то и поболтать с ним не грех. Спускаюсь вниз, захожу во двор и стучу в дверь.

– Здравствуй, Ахмед.

– Здравствуй, милок, здравствуй. Как ма… Тьфу ты чёрт, вот, что называется, привычка — вторая натура. Заходи.

– Нет, ты мне сначала скажи, сколько можешь терпеть гостя. Не занят ли.

– Не занят.

– Тогда ставь свой чайник, а я покуда в магазин сбегаю.

В гастрономе беру маленький фруктовый тортик. Точно замечено, что от фруктового тортика Ахмед добреет. Беру ещё пряничков триста грамм и двести грамм "Белочки". Ахмед хоть и старик, но сластёна редкий. А зубы, тем не менее, — как у молодого. Выгружаю гостинцы на стол, а сам иду полюбоваться нашей

машиной. Заворожённый, стою несколько минут, не зажигая света. Сзади подходит Ахмед и тоже некоторое время молча созерцает небывалое творение.

– Притягательная штука, — наконец произносит он. — Я теперь почти каждый день сюда заглядываю. Как присяду на стул, так время словно останавливается. Мысли начинают течь плавно и приятно.

И тут светящиеся при переходе элементы машины вспыхнули, и через секунду погасли. Кто-то ушёл туда или вышел оттуда. Зажигаю свет и подхожу к панели реле. Да, кто-то ушёл туда. Капитанские ряды замкнуты, и теперь ещё шесть рядов сработали, но не те, которые срабатывали на Александра.

– Анна Петровна куда-то пошла, — констатирую я.

И только поворачиваюсь, чтобы отойти, как опять вспышка. Контакты Анны Петровны разомкнулись.

– Пришла обратно.

Опять не успел отойти — как ещё вспышка. Снова Анна Петровна. Но я успел уловить положение пары угловых шариков при прошлом переходе. Сейчас оно иное.

– Анна Петровна, но в другое место.

– Да, — подтвердил Ахмед, — у неё не один мир. Наверное, ошиблась в первый раз и забежала не туда, куда хотела попасть.

Закрываем дверь и садимся за стол. Пошли в ход чайники. Сначала заварочный, а потом большой.

– Ты ведь с ней ходил, Ахмед? И по моим наблюдениям, наверное, не раз. Я понимаю, что о том, куда ходил, может рассказывать только хозяин своего мира. Просто сам факт группового ухода и возвращения сам по себе интересен. Ведь мир придуман не тобой, а погружаешься в него как в свой.

– Анна Петровна иногда просит меня там чем-нибудь помочь. Женщина всё-таки. Не всё может сделать сама. А ты-то откуда знаешь о чувстве чужого мира?

– Капитан на днях взял меня с собой.

– Да ну!? Интересно было?

– Очень. Слушай, Ахмед, совесть-то поимей. Мне-то хоть кусочек тортика оставь! Что ты, в самом деле, навалился на него так.

– А ты не зевай. Ладно, забирай свою долю. Я пряничками утешусь.

– Утешься, утешься и "Белочку" не забудь. Я сегодня добрый.

– Понятно. Доброта у тебя, разумеется, самая что ни на есть бескорыстная. Не иначе как что-то выпытать хочешь. — Ахмед такой простак, что за половинку крошечного тортика и пару пряников выдаст любую дворницкую тайну. Дёшево меня купить хочешь. Вот если бы торт был большой, как в

прошлый раз, и при этом на одного, а пряников — целый килограмм, то тогда у тебя шансы ещё какие-то были бы. А так…

– Ни фига, мой интерес большого торта не стоит. А если без трёпа, то вот что я хотел бы узнать. Ты опытом умудрён по самые завязки. Понимаешь, есть некоторые трудности незаметного входа в другой мир. Мы с Капитаном не придумали ничего другого, как приобрести там для этого свои дома. Это, конечно, в какой-то степени снимает проблему. Но всё равно существует странность внезапного появления человека в доме, если знаешь, что недавно его там не было, а прибытия откуда-то снаружи не наблюдалось. У капитана есть слуги, которые держат язык за зубами и присматривают за хозяйством. А у меня нет и того. Приходящая экономка, но рано или поздно я столкнусь с ней при появлении из ниоткуда. Будет ли она молчать об этом или распсихуется? Может, у тебя есть какие-нибудь свои идеи, опыт по этой части?

– М-м-да-а, спросил бы что полегче. Сам мучаюсь с такой же проблемой. У меня для появления дом — не дом, но разница, по сути, не велика. Там наготове человек, который меня прикрывает. А дом и у меня есть, но только далеко от места входа. Так что в свой дом я прибываю совершенно естественно.

– А поподробнее, что и как ты делаешь не секрет?

– Да вроде и секретничать особенно смысла нет. Мы ведь, получается, не чужие друг другу люди, хотя и не родственники, — немного подумал и добавил, — а может, и больше, чем некоторые родственники.

У меня в Багдаде времён Гарун-аль-Рашида есть дом неподалёку от дворца халифа. А вхожу я в Басре. В Басре есть один содержатель курильни опиума, который обязан мне своей не отрубленной головой. Вот на задворках курильни, куда имеют доступ только хозяин и я, есть всегда запертое помещение. Вот там я и вхожу. Хозяин курильни принимает и чтит меня как незлого колдуна. Побаивается, конечно, тоже. Тем и обеспечивается его верность и молчание. Колдуны и джинны там понятны каждому. Хотя и не каждый их видел воочию.

Ну, а из Басры я за два дня на судне по Тигру или за четыре дня с караваном по дорогам добираюсь до своего дома в Багдаде. В том мире я богатый торговец, который редко и недолго бывает дома. Вот такая у меня легенда. Так что обычно получается побыть в Багдаде всего лишь день-другой. Путь из Басры съедает почти всё доступное время. Разве что во время отпуска

удаётся побыть в Багдаде подольше. С выходом всегда проще. Можно прямо из Багдада. Сказал, что уезжаешь, нашёл безлюдное место и уходи. А вот появление из ниоткуда просто не объяснить. Вот и приходится мудрить.

– Понятно. Может, поразмышляем на эту тему? Ты ведь философ. Стало быть, не чужд логике. Вдруг и придумаем что-то стоящее хотя бы для Багдада. Тогда и другие ситуации будет освоить проще.

– Да я разве против рассуждений и размышлений? Не раз думал об этом. Но всегда наталкиваешься на необходимость иметь того, кто тебя встретит и прикроет. Либо возникают проблемы со странностью ситуации, когда появляешься среди людей. Постой, а как мы до сих пор не допёрли до такой простой мысли, что войти можно в любое место, где ты уже побывал, а не только, где начинал? Так же как и с выходом.

– Вот это верно и мной уже как-то случайно испытано. Появляюсь не там, где в первый раз, но глубоко об этом не задумывался. Давай поразмышляем детально о разных условиях внезапного появления среди людей. Мы все, как я понимаю, опираемся на безлюдье места входа. Но это безлюдье как раз и играет злую шутку незаметности момента входа, но заметности внезапного появления нового лица на месте событий. Пожалуй, что единственным по части безлюдности идеалом может служить только лес. Никто не может ручаться, что ты в него откуда-то не вошёл, как все. Так что не странно и выходить из леса когда и где угодно. Здесь возникает лишь вопрос, какого черта тебя носит по лесу, если, например, не охотишься, не рубишь дрова или не собираешь грибы-ягоды? А охота и прочие лесные дела подразумевают, что совсем недавно, а не несколько месяцев назад ты вышел из дома. То есть нужна хорошая лесная легенда и средства передвижения от леса к людным местам.

– Да, — согласился Ахмед, — лесное появление хорошо покрывает и момент входа, и странность появления оттуда возникает не для всех наблюдателей со стороны и не всегда. Неподалёку от Багдада есть лесные массивы. Можно подумать над лесной легендой и её обеспечением.

– С другой стороны, — продолжил я, — эффект толпы. Чем больше вокруг незнакомых людей, тем естественнее среди них появление нового человека, исключая сам момент его материализации из ниоткуда. То есть ситуация совершенно противоположная лесной. Однако имеющая свои достоинства. Сразу происходит внедрение в толпу — и никаких проблем с транспортом, но нужно

как-то скрыть от глаз толпы момент входа. Где в Багдаде постоянно образуются скопления людей?

– В мечети, на базаре и, пожалуй, у городских ворот. Но это, конечно, днём, — ответил Ахмед. — Ночью-то можно появиться где угодно. Хоть посреди любой улицы, но ночное появление само по себе неестественно. Как объяснить, например, дома, где ты болтался весь день? Ночью же городские ворота заперты, и ты не можешь попасть в город.

– В чем дефектность наших любимых миров, — размышляю я вслух, — так это в отсутствии железнодорожных вокзалов. Из кабинки вокзального туалета можно входить в мир совершенно без каких-либо проблем и противоречий в любое время.

– Да, за исключением того, что в момент перехода нужно, чтобы для тебя заведомо была бы свободная кабинка. Понятно, чем будет сопровождаться твоё внезапное появление в занятой кабинке. Хорошо, если человек перед тобой уже будет сидеть на горшке! А если нет?

– Ну вот, что за привычка у философов осквернять цинизмом даже самые блестящие идеи! Хотя постой! Как ты сказал? Заведомо была бы? Так ведь Дом-то как раз и создаёт заведомо предсказуемые ситуации. Это же очевидно. Инертность нашего мышления просто поразительна. Мы ситуации управляемого Домом переноса в другие миры противопоставляем типичную ситуацию нашего родного мира, которой управлять не можем. А это ошибка рассуждений. Что мешает переноситься в специально подготовленные условия? Ничего!

– Подожди, подожди, дай-ка сообразить, — заинтересовался Ахмед. — Если скопление людей — наиболее подходящее с точки зрения удобства место появления, то нужно всего лишь, чтобы в момент переноса на точку входа просто никто со стороны не смотрел. А как только ты в толпе нарисовался, то ты уже часть её и никто не обратит внимания, что секунду назад тебя тут не было и в помине. Ты это имеешь в виду?

– Именно.

– Слушай, а ведь это очень интересно. Например, если появляться в толчее у городских ворот, то достаточно быть заслонённым на момент от чьих-либо глаз хотя бы какой-то повозкой. А если на базаре, то за какой-нибудь лавкой или за завесой выставленного, развешанного товара. А в мечети можно

материализоваться за любой колонной, углом и выйти оттуда, словно только что за них зашёл.

– Верно. Да хоть просто у всех за спиной. Важно только, чтобы в момент входа в твою сторону никто не смотрел. Это в беспорядочной толпе нужно за что-то спрятаться. А вот в мечети, как я понимаю, во время молитвы все смотрят исключительно в сторону Мекки, а не озираются вокруг себя.

Всегда спокойный и уравновешенный Ахмед просто заёрзал на месте от возбуждения.

– Это надо немедленно проверить, — заявил он. — Посиди тут. Я сейчас, — и вылетел во двор.

Вернулся минут через десять.

– Порядок. Сегодня четверг. Отпросился на пару дней. Так что у меня в распоряжении будет четыре дня. Можем отправляться в Багдад.

– Постой, постой! Это что, приглашение?

– А что ещё может быть после нахального подкупа тортиком и пряниками? Я просто вынужден тащить тебя с собой. Не думаешь же ты, что причина — это твои собственные хилые логические рассуждения. Не подкреплённые никакой систематизацией, диалектикой, обращением к печатным источникам и авторитетам?

– Ахмед, притормози. Ты же не собираешься идти в Багдад прямо так, в дворницком комбинезоне? Да и проинструктировать меня о тамошних порядках и обычаях не мешало бы. А от Багдада Гарун-аль-Рашида я отказаться просто не в силах.

– Ну вот, всю ажитацию* сбил! — посетовал Ахмед, оглядывая свою рабочую амуницию. — Давай-ка я чайничек подогрею. "Белочка" ещё не освоена, а в Багдаде её не водится.

Горячий чайник снова на столе. Посасываем конфетки и прихлёбываем божественный ахмедовский чай.

– Стало быть, так. Багдад в основном как раз такой, как в преданиях. Только избавлен от некоторых досадных пороков, которые в натуральном мире есть до сих пор. Мой арабский мир терпим к остальному внешнему миру. Нет религиозного психоза ни в отношении самих арабов, ни в отношении иностранцев. Если какому-нибудь маньяку вздумается объявить газават против неверных, то у него большие шансы кончить свою жизнь на плахе по приказу халифа.

Женщины достаточно свободны. Хотя многожёнство, гаремы никуда не делись. Запрет для женщин на открытое лицо больше традиционный, чем религиозный, и касается только появления на улице. В помещении закрывать лицо или нет — её личное дело. Традиции затворничества женщин и беспрекословного подчинения мужу тоже нет. Грамотность женщин не порицается, но и не славится.

Рабство как было, так и есть. Правда, по формам может быть довольно разнообразным. И довольно безобидное волшебство тоже имеется, и жить людям не мешает.

Смертная казнь существует, но только за очень серьёзные провинности. Супружеские коллизии, воровство к таким не относятся. Вот, в общем-то, и всё, но из этого многое вытекает. Например, иноверец или безбожник может беспрепятственно войти, осмотреть мечеть. Или даже встретиться в ней с кем-то для беседы. Там даже есть специальные уголки для этого. В караван-сарае или порту к иностранцу всегда отнесутся как к гостю, а не врагу или конкуренту.

– Учить арабский язык надо или ты будешь переводчиком?

– А с чего ты взял, что мне, прожившему всю жизнь в СССР, и притом в Питере, могут быть известны древние арабские языки? Там как-то сама получилась смесь русского с вкраплениями арабских слов и понятий.

– Тогда нам остаётся только определиться, где в Багдаде мы сейчас появимся. Вернее — тебе решить, Ахмед. Ты в курсе ситуации.

– Я думаю, чтобы особо не искушать судьбу, попробуем в уголке мечети. И полюбуешься на неё изнутри, и базар рядом, куда мы пройдёмся в первую очередь. Давай собираться.

Ахмед раскрыл стоящий в углу комнаты сундук и извлёк из него всякое шмотьё восточного происхождения.

– Вот тебе тюбетейка. Иначе голову напечёт. Больше ничего для пришлого и не требуется. Только со своей европейской внешностью не вздумай изображать из себя араба.

– Зачем? Я всегда свой собственный Серж, — отпарировал я, разглядывая богато расшитую тюбетейку.

Когда снова обратил свой взор на Ахмеда, то просто поразился произошедшей метаморфозе голубого комбинезона в цветастый халат и белую чалму.

– Ну, как?

– Нет слов. Вылитый Хоттабыч. Только вот борода длиной подкачала.

– Борода — ерунда. Мой умище при мне, и этого достаточно. Сядем на дорожку, — и мы присели за стол.

– Сними башмаки и положи вот в этот мешок. В мечеть нельзя в обуви.

И сам Ахмед, смотрю, уже босиком. Ахмед взял меня за руку и, закрыв глаза, мы полетели на сказочный Восток…

Мечеть. Вернее, какой-то её кусочек со стенами с трёх сторон. С четвертой ничего нет. То есть, конечно, имеется, но что-то очень обширное, откуда гулко доносится хор голосов, повторяющих одни и те же слова молитвы. Если взглянуть вверх, то разукрашенный изразцами потолок где-то на совершенно недостижимой высоте. Напротив, на низенькой лавочке сидит Ахмед и подо мной такая же, а между нами — резной с инкрустацией столик. Наверное, это и есть упомянутый им уголок для беседы в мечети. Получилось! Никто не стоит рядом и не глазеет на нас как на диво дивное.

– Смотри-ка, как всё просто оказывается. Очень удачная мысль пришла тебе в голову. Пойдём, — предлагает Ахмед и встаёт, прихватив мешок с нашей обувью.

Выходим из закутка в молельный зал с грандиозным куполом и поразительной стереоакустикой. Молящихся не так уж много, но звуки их голосов, отражаясь от купола и стен, идут со всех сторон. Здесь не задерживаемся и выходим наружу. Жарко. Ахмед вытряхивает из мешка башмаки и облегчённо вздыхает. Обуваемся. Перед нами большая площадь с разбегающимися во все стороны улицами, окружённая одно- и двухэтажными глинобитными домами. Чуть правее — мощное и вместе с тем изящное сооружение, блистающее на солнце мраморной белизной и обнесённое крепостной стеной.

– Дворец халифа, — говорит Ахмед, — а нам вон туда, — и тянет меня в какую-то улицу левее дворца.

Идём хоть и не спеша, но не долго. Воздух становится какой-то тяжеловатый, насыщенный вовсе не амброзией.

– Базар близко, — объясняет Ахмед. — Жарко, и как торговая стража ни следит за чистотой лавок и караван-сараев, запаха животных и отбросов не избежать. Канализации европейского типа здесь нет, но сточные каналы вдоль улиц всё-таки есть. Их постоянно проливают водой из Тигра для очистки и тем самым спасают город от смрада и заразы.

Вот и добрались до базара. Шум есть, да ещё и какой! Колорит имеется, и при этом совершенно невообразимый. Товаров завались и ещё трижды по столько. Порядка, на первый взгляд, никакого. Толчея интенсивная и совершенно беспорядочная. Многокрасочно пёстрые лавки, палатки расставлены, как кому в голову взбредёт. Не сразу замечаешь, что они кучкуются по товарному признаку. Вот кучка медников и чеканщиков. А вот гончары. А чуть дальше — сапожники. О, а вот и уголок европейцев. Чем торгуют, издали не разобрать. Просто видно группу людей в средневековой испанской и итальянской одежде.

Но Ахмед даже не приостанавливается нигде, пробираясь к только ему известной цели. Цель приближается. Об этом можно судить по тому, что всё чаще встречаются люди, здоровающиеся с Ахмедом.

– Салям алейкум, Ахмед-ага.

– Салям, Джафар.

– Салям, Махмуд.

– Салям, Ибрагим…

Да сколько же их тут — Махмудов и Ибрагимов? Этак Ахмед со всем базаром перездоровается, если дня хватит. Бег замедлился. Видно, мы уже почти достигли цели. Останавливаемся. Все тот же "салям".

– Как здоровье, хозяин? — пришли, стало быть.

– Спасибо, как торговля, Мустафа?

– Хвала Аллаху, хорошо идёт.

– Завтра поговорим.

Батюшки, китайский фарфор! Как ему не идти-то хорошо! Какая прелесть, изящество, тонкость работы! Особенно это видно в искусно и любовно сделанных статуэтках. Просто как живые. Век бы любовался. Но оказывается, что в какие-то владения Ахмеда мы пришли, но до конца ещё, как видно, не дошли. Он тянет меня за рукав дальше. Останавливаемся на минуту у большой ювелирной лавки, где Ахмеда тоже признали хозяином. Глаза опять разбежались, созерцая сокровища. Не богатство поражает — в пещере Капитана его намного больше. Поражает человеческое искусство, безграничная фантазия придания форм. Разговор со своим приказчиком Ахмед и здесь отложил на завтра.

Уже медленно идём среди лавок тканей и ковров. Здесь Ахмеду знакомы все поголовно. Мне кажется, он уже устал от бремени ритуала арабской вежливости. Однако нарушать его не собирается. Слава Богу, что он меня не представляет никому. Иначе вообще стояли бы на месте. Тем не менее, до

финиша всё-таки добрались. Это уже не базарная лавка, а целый магазин ковров и тканей в одном из окружающих базарную площадь домов. Заходим.

– Салям алейкум, Ахмед-ага, — подскакивает к нам молодой человек немногим старше меня, а ещё двое молча кланяются хозяину из-за прилавка.

– Алейкум салям, Али-Баба. Познакомься. Мой гость Серж. Очень издалека.

– Салям.

– Салям, — соприкасаемся мы с Али-Бабой по восточному обычаю двумя руками.

Проходим внутрь дома. Красиво и уютно. Ноги утопают в таких коврах, что ходить по ним кажется кощунством. Большая комната с большим, но низким столом, и вокруг него расставлены несколько оттоманок. На одну из них, скинув у двери башмаки и бросив чалму в угол, немедленно заваливается Ахмед. Я тоже разуваюсь и располагаюсь напротив.

– Ахмед, а почему мы не разулись при входе в дом, а только здесь? — спрашиваю я.

– Там торговое помещение для всех, а здесь жилое. Моя как бы домашняя штаб-квартира. Не устраивать же её в своём семейном доме.

– Семейном?

– А что ты удивляешься? — улыбается он. — Восток — дело тонкое. Советую тебе на время пребывания здесь забыть обо всех привычных условностях и традициях. Попробуй поступать так, как все, и снищешь доверие и понимание окружающих. Не надо быть белой вороной. Вот я отдохну немного, и сходим купим тебе рабыню, которая будет тебе прислуживать, пока ты здесь и, если появишься ещё, то и потом.

– Рабыню!? Мне? Да ты что, Ахмед! Что я с ней буду делать-то?

– Да что хочешь. Твой ужас лишь от незнания местных законов и обычаев. Я тебе потом всё объясню. Ограниченная свобода здесь вовсе не означает полного отсутствия прав. Али-Баба, где ты застрял?

– Бегу, бегу, хозяин. Вот попить и закусить слегка, — Али-Баба ставит на стол поднос со всякой всячиной.

– Скажи-ка, любезный Али-Баба, твоя жена Марджана рабыня?

– Рабыня. Моя, конечно.

– Она горюет об этом.

– С чего бы ей горевать?

– Да вот Серж что-то испугался, когда я предложил купить ему рабыню для прислуживания.

– И что тут страшного? Она ведь войдёт в вашу семью.

– Ладно, проехали. Расскажи-ка, что у вас тут новенького произошло, пока меня не было.

– Всё можно рассказывать? — спросил Али-Баба, покосившись на меня.

– Всё. Серж достоин доверия.

– Тогда ладно. Халиф наш тут выкинул недавно славненькую штуку. Отпустил на волю половину своего гарема. Представляете, сколько раз ему пришлось трижды повторять каждой: "Я развожусь с тобой"? Женский рёв стоял на весь Багдад. Хотя им предоставлялся выбор: брать или не брать с собой детей. А также давались немалые деньги на обзаведение своим домом, хозяйством. При этом совсем забыли о том, что закон не позволяет бывшим жёнам халифа снова выходить замуж и вступать в связь с мужчинами. Причём под угрозой охолащивания нарушивших закон мужчин.

Пришлось издать фирман*, снимающий относительно уже разведённых жён халифа означенный запрет и наказание. Тогда уже не во дворце, а в городе начались беспорядки. Сюда нахлынуло неисчислимое количество желающих взять в жены особу из халифского гарема. Даже с детьми. Ведь дело-то небывалое! Не мужчина платит калым за жену, а жена приносит в дом большие деньги. Возникало столько драк между претендентами, что стража не успевала разнимать. В конце концов, объявили, что выбирать мужей будут сами женщины. Беспорядки в городе прекратились. В два дня женщины пристроили сами себя и всё вроде бы успокоилось. Лишние женихи убрались из города.

Однако когда подсчитали, во что всё это обошлось казне, то оказалось, что втрое дороже, чем содержание всех бывших жён в гареме до конца их жизни. Трое визирей, включая главного, лишились должностей. Ведь этот массовый развод был их советом халифу по уменьшению государственных расходов.

Ахмед, а за ним и мы с Али-Бабой от души расхохотались.

– Видишь, Серж, — чуть не сквозь слёзы проговорил Ахмед, — какие чудеса тут происходят. А мы пропустили.

– Но на этом история ещё не закончилась, — продолжил Али-Баба, — так что ещё есть возможность понаблюдать за её развитием и повеселиться.

– И что же ещё произошло, когда уже всё кончилось?

– Оставшиеся жены все вместе потребовали от халифа, чтобы с ними тоже развелись и притом на тех же самых условиях, что и с предыдущими. И даже в

старых законах вроде нашли установление их права на такое требование. Халиф и его советники в полной панике, — и мы опять дружно захохотали.

– Давненько я так от души не смеялся. Да, попал наш Гарун-аль-Рашид в переделку. Как он будет из неё выбираться, наверное, и Аллаху неизвестно, — подытожил Ахмед. — Что ещё интересного?

– Вчера приплыл Синдбад. Доставил кашмирские платки, китайский фарфор и шелка.

– Фарфор мы с Сержем видели — очень хорош. А ткани?

– Ещё тюки не открывали.

– Пойдём, посмотрим. Что за вино? — спросил Ахмед, наливая себе и мне.

– Местное. Взял на пробу. Мне понравилось.

– В самом деле, неплохое вино. Но мне доводилось пробовать и намного лучшее, — подмигивая мне, осушил кубок Ахмед.

Вышли во двор. Али-Баба отпёр склад и вскрыл один из тюков с шелками и один с кашмирскими платками. Я ничего в тканях не понимаю, но Ахмед остался очень довольным.

– Думаю, пойдут хорошо, и надолго торговли ими не хватит.

– Да, пожалуй, — согласился Али-Баба.

– Закажи Синдбаду двойное количество. Когда он собирается опять отплыть в Китай?

– Говорил, что недели через две. Хочет корабль подремонтировать. Бурей потрепало.

– Значит, можем сегодня вечером собраться у него на судне. Он ещё не знает, что я в городе. Нужно предупредить его и остальных. Надеюсь, Синдбад не будет против, что соберёмся опять у него. Бочонок вина ему доставь и копчёного мяса. Остальное он сам сообразит. Вроде пока всё. Отправляйся. А мы с Сержем пойдём покупать ему красавицу, а потом домой. Да, деньги принеси. У меня с собой ничего нет.

Через полминуты Али-Баба приносит два мешка с деньгами и развязывает их. В одном серебряные монеты самого разного размера, а в другом — золотые. Ахмед отсчитывает с горсть серебра разного достоинства, добавляет к нему несколько золотых и пододвигает ко мне.

– Это тебе на всякий случай. Без денег в кармане здесь нельзя. Мало ли что и вообще на текущие расходы. Серебро больше в ходу, чем золото. Если вдруг не хватит — скажешь.

Себе он тоже тщательно отсчитывает. Только больше золото.

– Али-Баба, запиши расход в семьдесят золотых динаров.

Выйдя из этого оплота торговли Ахмеда, мы направились в дальний конец рынка, где шла торговля рабами. С Ахмедом бесполезно спорить. Не зря говорят, что не лезь в чужой монастырь со своим уставом. Он здесь хозяин положения по всем статьям. Пусть и делает, как знает. Наша мораль для здешних обычаев смешна и нелепа. Слепо придерживаться её вряд ли разумно. Никто не оценит. Скорее, как минимум, глупцом посчитают.

Так это и есть рабский рынок? Ну и дела. Никаких клеток. Никаких плёток. Никаких ошейников, верёвок и цепей. Сидят себе детишки, молодёжь и взрослые рядками, группками или поодиночке. Чистенько и по-разному все одеты. Явно своевременно накормлены. Аккуратно причёсаны. Кто молчит и смотрит по сторонам, а кто оживлённо болтает с товарищами по несчастью. По несчастью? Как-то не заметно несчастья в глазах. Возмутительно! Рабы должны быть битыми, грязными и испуганными. Иначе что ж это за рабы будут? Этак и бунтовать, бежать не захотят. Всё тут как-то неправильно.

– Что? Не похожи на рабов? — спрашивает Ахмед. — Что поделаешь, такой уж здесь товар. Разный и не весь подневольный. Давай смотреть.

Не подневольный раб? Что это за диво такое? Но на девушек приятно посмотреть. Лица открыты. Только мало их. Пять штучек всего, если считать их как товар. Совсем даже не дурнушки. А одна — так вообще картинка! Волосы длинные, черные как смоль. Стройная и высокая. Немного ниже меня. Выступает хорошо сформировавшаяся грудь. Тонкая талия. Губки поцелуя просят. Или обещают? Глаза синие, как у Жанны. Но черты лица совсем другого характера — восточного, но тоже тонкие и мягкие, как у Жанны. Что это я всё про Жанну, да про Жанну? Хорошая девица — и всё тут. Во взгляде ни страха, ни стеснения, ни забитости.

– Ну, что? Берём эту? — спрашивает Ахмед. — Как тебя зовут?

– Зубейда.

– А что ты умеешь?

– Всё по дому — готовить, шить и вышивать, за огородом и цветами ухаживать.

– А за детьми?

– И за детьми, и за больными тоже.

Ахмед протянул руку и приподнял девушке подол, открыв до середины плотно сомкнутых бёдер стройные, как у Жанны, красивые ноги. Девушка покраснела, но не шелохнулась и промолчала.

– Видел?

– Видел, — отвечаю я.

– Если хочешь осмотреть её всю, то это можно сделать вон в той палатке. Разрешается.

Я повернул голову и встретил умоляющий взгляд девушки.

– Не надо.

– Берём?

– Берём.

– Сколько ты хочешь, Зубейда?

– Пятьдесят динаров.

Вот так фокус. Рабы сами себя торгуют!

– Давай-ка отойдём, — берет меня под руку Ахмед. — Понравилась?

– Понравилась, а что?

– Девица хорошая, но она столько не стоит на здешнем рынке. Что-то здесь не так. Она может стоить не больше сорока, и это если ей просто повезёт. Но смотри, это ведь для тебя. Если скажешь, то отдадим ей пятьдесят. Мне просто интересно. Похоже, что она не первый день здесь стоит и цены знает, но её никто не берет из-за высокого запроса. Наверное, очень нужны именно пятьдесят динаров.

Возвращаемся к девушке, и Ахмед начинает торг.

– Скажи, Зубейда, а сама как ты думаешь, за сколько можно купить здесь девушку вроде тебя?

– За тридцать пять динаров.

– Я тебе предлагаю сорок.

– Мне нужно пятьдесят.

– Сорок пять.

– Мне нужно пятьдесят.

Ахмед искоса взглянул на меня — я кивнул.

– Где твой договор, Зубейда?

Девушка подняла руку вверх, и подбежал писец с уже почти готовой бумагой и чернильницей.

– Ты умеешь писать, Зубейда? — спросил Ахмед.

– Умею.

– Впиши своё имя, цену и приложи палец.

Она так и сделала, передав бумагу Ахмеду, который как покупатель вписал и своё имя. А получив деньги, облегчённо вздохнула, виновато взглянув на нас. Писец получил свою серебряную монетку и, расписавшись на договоре как свидетель, ушёл.

– Сколько времени тебе нужно, Зубейда?

– Часа два.

– Придёшь на улицу Ткачей в дом старого Ахмеда. Смотри не перепутай. А то на этой улице есть ещё и дом молодого Ахмеда. Если меня и его, —

продолжил Ахмед, кивнув на меня, — дома не окажется, то скажи любому, кто ты. Я предупрежу домашних, что придёт новая прислуга.

– Я не перепутаю.

– Очень хорошо. Вот возьми ещё два риала. Вдруг понадобятся дома.

– Спасибо, — как-то нерешительно и недоверчиво произнесла девушка, забирая с ладони Ахмеда две серебряные монеты. Повязала на лицо платок, повернулась и разве что только не побежала от нас.

– Зачем ты ей дал два риала, если у неё в руках пятьдесят золотых?

– В руках-то в руках, да мне кажется, недолго будут у неё в руках. Пятьдесят золотых динаров — обычный выкуп за неопасного преступника. Какая-нибудь несчастливая случайность, вынужденные долги. В общем, всякая мелочь, но за которую в зиндане можно просидеть очень долго. Может быть, отец или брат. А поскольку ей требовалось именно пятьдесят динаров, то значит, дома денег нет совсем. Пойдём-ка к моему жилищу. Давно обедать пора.

И вот тебе ещё один совет. Не пытайся применять нашу отечественную мораль к этому случаю. Я имею в виду, что, мол, нельзя пользоваться чьим-то затруднительным положением и всё такое прочее. В первую очередь тебя не поймёт сама Зубейда. Она совершенно сознательно пошла на это на всю жизнь, и попытку не принять её обязательства, включая физические, сексуальные, она не поймёт и сочтёт за оскорбление. Таковы здесь законы, традиции и воспитание. А поскольку она и писать умеет, то, похоже, что хорошо воспитана. Ведь пошла же на такую жертву. По договору родственники могут её выкупить обратно за двойную цену, но мне о таком событии где-нибудь слышать не приходилось.

– Хорошо, учту твои советы, Ахмед.

– А вот и улица Ткачей. А вот и мой дом.

Мы останавливаемся у довольно большого для этого места и времени каменного дома. Именно каменного, а не глинобитного, каких в Багдаде большинство. Два этажа, фасад длиной локтей пятьдесят, высокая и тоже каменная глухая ограда внутреннего двора, рельефный, украшенный изразцовым орнаментом фасад. Всё говорит о богатстве хозяина. Не так уж и далеко, казалось бы, локтях в двухстах-трёхстах за домом высятся ажурные формы дворца халифа.

На стук в дверь нам навстречу как пуля вылетает девчушка лет семи-восьми и с визгом виснет на шее у Ахмеда.

– Бабушка, бабушка, мама, папа, дедушка приехал!

– Ты что, ты что, Джамиля, меня, старого, чуть с ног не сбила!

– Не ври, дед. Ты не старый, а старший, и я не слезу с тебя. Поехали в дом. Кто это с тобой?

– Наш гость.

– Ничего, дед, не расстраивайся. Гостей мы тоже любим.

Между тем, видимо, вся или почти вся наличная семья Ахмеда столпилась внизу. С десяток взрослых обоего пола и дюжины две детей от мала до велика. Я ткнул Ахмеда в спину пальцем и на ухо шепнул:

– Ну, Ахмед, ну, Ахмед, слов моих нет. Бес тебя в ребро! Надо же наплодил сколько и главное где!

Со всей галдящей компанией Ахмед справился в два счета.

– Подайте нам обедать в угловой комнате для гостей. Наш гость там остановится. Приготовьте рядом комнату для прислуги. Она скоро придёт. Не мешать нам, — и уже обращаясь ко мне: — Пойдём.

Большая комната со всем набором необходимой мебели на втором этаже. Окна на дворец халифа, терраса, с которой можно войти в почти привычный и довольно большой, совмещённый санузел с каким-то подобием унитаза, раковиной, но почему-то без умывальника, и ёмким, выложенным изразцами углублением в полу. В углублении дырка с затычкой. Прототип ванной? Чувствуется влияние более поздней цивилизации. Рядом с санузлом, на террасе — дверь в комнату прислуги. Дальше ещё двери куда-то.

Садимся за стол и вкушаем, что Аллах послал. А послал он, разумеется, бесподобный плов, пару жареных куриц и густую, наваристую и остренькую похлёбку. Это не считая ещё всякой другой съестной мелочи. Вино мне не нравится, но молчу. Люблю сладкие, а не сухие вина. Ахмед просто наслаждается пловом, да и я тоже. Интересно, а Зубейда сможет такой плов приготовить?

– Сможет, — произносит Ахмед.

– Ты что, умеешь мысли читать?

– Нет, читать не умею, но твои мысли в данный момент вычислить несложно.

– Брось, как это?

– Зубейда хорошая девушка. Не зря же ты её выбрал. Учитывая же твою молодость и недавность покупки Зубейды, ты не можешь не думать о ней. Плюс видно, что плов тебе очень понравился. В сумме, так или иначе, склеится применение Зубейды к приготовлению плова. Так что всё очень просто. Если у неё сразу не получится, то мои жёны её научат.

– И сколько у тебя их?

– Четыре. Причём две куплены, как и Зубейда.

– А детей?

– Одиннадцать. Здесь живут две дочери и три сына со своими семьями. Остальные уже давно отделились.

– Уживаются те, что здесь?

– Я их не распускаю. Если что, то любой получит на всю катушку за действительную вину. Но и балую я всех очень и очень. Только Джамиле спускается буквально всё. Уж такая бесовка, что сердиться на неё невозможно. Но поразительная умница в свои почти восемь лет. На Востоке терпимо, но всё равно с предубеждением относятся к грамотным женщинам, и будет трудно дать Джамиле хорошее образование. А она к знанию стремится. Родилась на тысячу лет раньше времени.

– Скорее родилась-то вовремя, но не там, где нужно. Твоя ведь внучка, а не торговца Ибрагима, с которым ты здоровался на базаре. Так что, сам понимаешь, ей бы ещё года три назад оказаться в Питере, а теперь уже поздновато. На дошкольницу не очень сложно сделать фальшивые документы, а на школьницу уже почти невозможно. Хотя с другой стороны, восьмидесятые годы кончаются. Видишь, что вокруг происходит? Дальше, наверное, беспорядка будет ещё больше. А в беспорядке многое можно провернуть. Только вот как родители Джамили отнесутся к её исчезновению отсюда?

– Да, ты, пожалуй, прав. Путного с документами сейчас ничего не выйдет. Пока нужный беспорядок в Питере назревает, Джамиля, находясь здесь, станет по современным меркам неграмотным переростком.

– Ты попробуй посоветоваться с Анной Петровной. Вроде бы у неё есть какие-то связи относительно документов. Если Джамиле почти восемь и есть талант, то за год-два начальных классов она легко наверстает пропущенное.

– Точно! Анну Петровну можно спросить. Как я сам об этом не подумал раньше! Дочь с мужем я как-нибудь уломаю. Они сами видят, какой чертёнок растёт. Ладно, это всё потом. А нам с тобой нужно отдохнуть. Вечером встреча с друзьями. Надеюсь, что они и тебе станут друзьями.

– А кто это — "они"?

– Увидишь.

Осторожный стук в дверь. Заглядывает, видимо, старшая из жён Ахмеда.

– Что тебе, Гюльнара?

– Зубейда пришла.

– Покажи ей наше хозяйство, её комнату, объясни обязанности. Нас не беспокойте. Мы с Сержем отдохнуть приляжем, — и Ахмед ушёл.

Я не стал сопротивляться послеобеденной истоме и утруждаться раздеванием. Всё равно переодеться пока не во что. Как есть, скинув куртку, в брюках, завалился на оттоманку, подтащил пару подушек, укрылся зачем-то в такой жаре какой-то мохнатой шкуркой, попавшейся под руку, и мгновенно отключился.

Я еду, лёжа на сидении в трясучей карете. То ли сплю, то ли не совсем. Черт, неужели нельзя ехать ровнее? Вот-вот, так-то получше будет!

– Хозяин, хозяин, вас зовут, — и тряска возобновляется.

Вот я сейчас задам этому кучеру! Только почему у кучера женский голос?

– Ну, что там за беда с дорогой? — спрашиваю я, раскрывая глаза.

Надо мной стоит Зубейда и трясёт за плечо.

– Чего тебе, кучер?

– Я не кучер. Я Зубейда. Вас старый хозяин зовёт.

Принимаю сидячее положение, ещё слегка обалделый от сна.

– А-а, ну да, Зубейда. Воды и полотенце.

– Всё есть в умывальне.

– Умывальня, умывальня… Что ж, пойду в умывальню. И не зови меня хозяином. Лучше как-нибудь по-другому.

– А как по-другому? У нас иностранцев называют "сахеб".

– Не знаю. Я ведь не здешний. Моё имя — Серж. Вот и обращайся ко мне, скажем, Сержи-сахеб, что ли. Так у вас можно?

– Можно.

– Зачем ты меня разбудила?

– Старый хозяин вас зовёт.

– Ладно, подожди. Я сейчас ополоснусь, — и направился в умывальню. Зубейда за мной, — а ты куда?

– Я вам воду полью.

Ясно. Водопровод остался в Питере. Досюда так и не дотянули.

– Подожди здесь. Я позову, — захожу в умывальню, совмещённую с писальной, и освобождаюсь от лишней влаги в организме. — Заходи!

Зубейда поливает из кувшина, а я споласкиваю физиономию. Вода прохладная и хорошо освежает. Просыпаюсь окончательно. Да, вот теперь замечаю, что девушка переоделась, заменив бесформенную, базарную хламиду на что-то лёгкое, весёлое, обливающее фигуру. Платье? Не знаю, как это здесь называется. Может, и платье. А мне почему-то казалось, что девушки Востока дома ходят в шальварах. Или это только одалиски? Или шальвары у неё под платьем? Ладно, потом выясню.

– Ты свои вещи перенесла или нужно кого-нибудь послать за ними?

– Принесла. У меня их немного.

– Ну и ладно, если чего-нибудь будет не хватать, то купим. Вот возьми на свои расходы, — выгребаю из кармана половину наличного серебра и пересыпаю в её ладонь.

– Тут много, хоз… Сержи-сахеб.

– Если много, то и не трать лишнего. Только и всего. Как сказал Ахмед-ага, немножко денег в кармане на всякий случай всегда иметь хорошо. Покажи, где его комнаты, — и мы куда-то пошли. — Да, меня сегодня ждать не надо. Вернёмся поздно, а может, не вернёмся и до утра.

– Поняла, Сержи-сахеб. Вот сюда, — указала она на дверь.

Стучу и захожу. Просто арабская идиллия старого и малого. Малая сидит на коленях у старого и терзает того детскими вопросами.

– Нет, дед, ты, конечно, у нас главный и хороший, но ничего не понимаешь в куклах. Кукла — это вовсе не игрушка, а образ жизни. Ты сам так говорил о своих лавках. А чем моя кукла хуже твоей лавки? Отвечай!

– Во, видал, Серж?

– Серьёзный ребёнок — серьёзный и вопрос. Нужно отвечать.

– Вот видишь, дед, отвечать всё равно нужно. Ладно, раз ты не знаешь, то я за тебя отвечу. Моя кукла хуже лавки потому, что в лавке кукол больше. Вот! Эх, ты! Такой простой ответ. Сразу видно, что ты никогда в куклы не играл. Отдай меня, — и она соскальзывает с колен деда. — Пойду к маме. Не ждать же, когда вы меня сами выставите за дверь, — и Джамиля убежала.

– Нам пора к Синдбаду.

– Далеко идти?

– С четверть часа. Нужно обогнуть дворец халифа — и выйдем к причалам.

– Так пойдём. Мне с Синдбадом не терпится познакомиться. Это тот самый Синдбад?

– Тот самый, но не перевранный писателями и режиссёрами. Более прозаичный, но всё равно до сих пор хулиган своего рода.

– Стало быть, с ним скучно не будет?

– Вот уж это точно. С ним иногда даже очень не соскучишься. Двинули.

*

Уже вечереет. Молча лавируем в узких улочках.

– Что это ты такой сосредоточенный? — спрашивает Ахмед.

– Да вот посмотрел сейчас на Зубейду, и я в каком-то сомнении.

– А именно?

– Хороша, очень хороша, но всё равно мне как-то не по себе.

– Издержки этики и морали современного общества. Здесь они очень мешают. Нужно время, чтобы у тебя в голове всё утряслось.

– Понимаю, но всё равно…

– Ты можешь отдать Зубейде её договор, если хочешь, но она сама всё равно никуда не уйдёт. А если выгонишь, то сломаешь ей жизнь.

– Почему?

– А я тебе ещё на базаре втолковывал, что если она себя продаёт, то прекрасно понимает, что это на всю жизнь. Она берёт на себя обязательства и будет их выполнять независимо от того, есть договор на бумаге или нет. Деньги она взяла. Теперь и окружающие знают, что сделка заключена. Если она вернётся домой, то либо она нарушила обязательство и тем нечестна, либо по какой-то причине от не неё отказались, даже не потребовав обратно денег. Это позор. Её уже никто замуж не возьмёт, а презрением и сплетнями изведут. Так что не мучайся понапрасну. Договор может оказаться очень нужным в суде, если кому-нибудь взбредёт в голову Зубейду обидеть, а ты обидчика покалечишь. Защита своей собственности. Ага, вот мы и пришли.

У-у, кораблик-то немаленький! Разве что поменьше "Морского ветра" и сколочен грубее, тяжеловеснее, а мачт две. Видно, непросто провести его досюда по извилинам Тигра, не посадив на мель. Капитан встречает нас у сходней. Мускулистый и широкоплечий, смуглый мужчина с волевым лицом, как у нашего Капитана. И возраст, похоже, тот же. Видно, профессия накладывает на людей один и тот же отпечаток во все времена и страны. Или это Ахмед так постарался когда-то. Приветливые объятия старых друзей.

– А это кто с тобой, Ахмед? Али-Баба упоминал, что ты придёшь не один.

– Знакомься, это Серж. Очень толковый и надёжный человек. Не смотри, что молодой. Авантюрист вроде тебя, но только очень осторожный и изобретательный.

– Ты что, Ахмед, — одёргиваю я его, — я сейчас покраснею.

Синдбад захохотал.

– Вот такие мне нравятся! Твой друг, Ахмед, — наш друг. Возраст тут ни при чем. Проходите в каюту. Уже все собрались.

Все — это ещё четверо. Али-Баба кивнул нам, а другие двое мужчин обнялись с Ахмедом. Женщину Ахмед просто поцеловал в щеку. Потом Синдбад представил меня.

– Знакомьтесь, это Серж. Очень издалека и при этом, несмотря на молодость, друг нашего почтенного Ахмеда. Стало быть, другом будет и нам. А

наша компания, Серж, вот такая. С Али-Бабой ты уже знаком. Вот этого проныру с хитрющими глазами зовут Абу. Хотя он больше известен под именем "Багдадский вор". Ему уже за третий десяток перевалило, но до сих пор его таланты так никто и не превзошёл.

А это Аладдин. Да-да, тот самый. Но только вот сказки врут. Лампу с джинном он когда-то видел и держал в руках, но долго ею не владел и до дочери халифа до сих пор пока не добрался. Но ещё не поздно. Видишь, он не так уж намного старше тебя.

А это…

– Подожди, Синдбад, — остановил я его, — я попробую сам догадаться. Шехерезада?

– Честное слово, — поспешил вмешаться Ахмед, — я ему ни о ком заранее не говорил.

– Значит, я и в очень далёких краях известна. Очень тронута твоей догадливостью, Серж. Ахмед говорил, но я не так уж верила.

Хотя ей уже явно за тридцать, но женщина красоты необыкновенной. Не хуже Жанны или Зубейды. А обаяние — и в жесте, и в голосе, и в каждом слове.

– Ещё как известна, — подтвердил я.

– Это очень приятно. Как только ты сказал, что попробуешь догадаться, я почему-то сразу вспомнила историю о догадливом сапожнике. Так вот…

– Шехи, — прервал её Синдбад, — ещё не время историй.

– Извини, уже в привычку вошло. С тех пор как всё-таки умер своей смертью султан Шахрияр, меня и приглашают лишь ради моих историй. Только вы ради дружбы.

– Ладно, — подытожил Синдбад, — познакомились и теперь располагайтесь, кому, где нравится. Я сейчас распоряжусь, — и, приоткрыв дверь каюты, кому-то сказал:

– Заносите.

Только тут я обратил внимание, что просторная каюта обставлена как-то странно. Всё на восточный манер, а вот посередине — вполне европейские большой круглый стол и с десяток стульев. Синдбад перехватил мой удивлённый взгляд.

– Ахмед посоветовал. И, знаешь, довольно удобно оказалось. Всем понравилось.

Между тем состоялся внос яств. Бутылки и графинчики. Тарелки, блюда, кастрюльки и подносы, источающие аппетитные мясные и рыбные запахи и ароматы. Стаканы, бокалы, кубки и прочая сервировка, включая ложки и вилки.

– Ребята, я голодна как джинн после тысячелетнего заточения, — сообщила Шехерезада и вгрызлась в жареную ножку фазана. — Налейте мне греческого.

Ребята последовали её примеру и несколько минут молча устраняли ощущения острого, мешающего приятной беседе голода.

– Шехи, — через некоторое время нарушил молчание Ахмед, — какие новости во дворце? Я слышал что-то про бунт в гареме, — и, обернувшись ко мне, пояснил: — Шехерезада — рассказчица сказок при детях халифа. Да и при самом халифе тоже.

– М-м, подожди. Вот сейчас расправлюсь с этими чудными солёными грибами и расскажу. Уф-ф, какая прелесть! Ладно, слушайте, но не говорите, что услышали. То, что оставшиеся жёны халифа требуют с ним развода, известно всем. И то, что условий развода требуют тех же, что и для уже разведённых жён, — тоже не секрет. Да, и есть закон, позволяющий им такого требовать. Но…

Как говорится, палка о двух концах. С одной стороны, зависть существующих жён к бывшим жёнам, которые многое обрели, чего у них раньше не было. И не потеряли во дворце ничего, кроме постоянных гаремных интриг и склок.

С другой стороны, и это пока строгий секрет — вдруг выяснилось, что изгнанные трое визирей проводили махинации с деньгами для разведённых жён. Ведь была паника, что женщинам снова не выйти замуж. Запрещено законом, как бывшим жёнам правителя. Так эти трое умников обошли всех разведённых жён и договорились, что каждая отдаст им четверть полученных при разводе денег. При условии, что они уговорят халифа выпустить фирман, дающий им свободу снова выйти замуж. Это огромные деньги.

Фирман вышел. Бакшиш получен. Халиф, узнав об этом, взбесился. Палач, конечно, топор уже точит. Но этого мало. Халиф хочет вернуть выплаченные бывшим жёнам деньги в казну. И по закону может это сделать. Сделки ведь опорочены мошенничеством. Но есть о чём задуматься. Мошеннической может признаваться только вся сделка, а не какая-то её часть. Тогда отменяется и развод. Бывшие жены возвращаются в гарем, опять садятся на шею халифу, а в городе начинается бунт по причине разрушенных семей и хозяйств.

Халиф не знает, что делать, и ситуация напоминает собой бочку с китайским порохом, к которой вот-вот кто-нибудь поднесёт огонёк. Так что больше новостей никаких. Всё замерло в ожидании.

– Да-а, тяжела жизнь монархов, — оценил ситуацию Аладдин. — Но почему наш с лёгкостью избавляется от жён, позволяя им снова выходить замуж даже за простолюдинов? Странно как-то. Ведь сами-то эти женщины совсем не простолюдинки и даже они не возражают. А часто, я слышал, и сами выбирали простолюдинов в новые мужья. А, Шехи, ты знаешь объяснение?

– Ой, Аладдин, прошу тебя, не надо забивать себе и другим голову всякой ерундой. Ты опять ведёшь к одному и тому же. Почему бы халифу не отдать за тебя дочь? Ну, видел ты как-то раз случайно Будур, когда она отправилась в баню, и влюбился. Но она-то тебя не видела. А я тебя знакомить с ней во дворец не потащу. Меня саму быстро оттуда выпрут за такие фокусы.

Девица она, конечно, внешне очень завидная, да и неглупая, незлая. Но у тебя лампы-то нет, чтобы с ней познакомиться. А без знакомства нет и любви. Халиф Гарун не дурак и не будет запрещать своей дочери любить кого угодно. У него этих дочерей куча. Ну, а отдал бы он Будур за тебя или нет, то кто может знать, какие сложатся обстоятельства? Сам-то Гарун-аль-Рашид вовсе не королевской крови, если верить слухам.

– Стало быть, нужно достать лампу.

– Слушай, — вступил в разговор Абу, — достать всегда что-то можно. Важно знать, где, а ты не знаешь. Лампа как-то на миг попала тебе в руки, но ты её упустил. Магрибский* колдун, к которому она перешла, теперь сам мёртв. Где лампа, неизвестно. А Око Света* я уже давно продал халифу. Так что искать пропажу нечем.

– Шехи, — подал я голос, — а нет ли у тебя в памяти какой-нибудь истории про магрибских колдунов?

– Была вроде бы. Сейчас поищу, — и погрузилась в раздумье. — Вот, пожалуй, только эта подходит. Она называется "Притча о страхе быть обворованным".

"Однажды султан Стамбула спросил заезжего магрибского колдуна:

– Молва людская говорит о несметных богатствах, которыми обладают черные колдуны. У тебя они, наверное, тоже есть. Как ты их охраняешь?

На что колдун ответил:

– Свои богатства охраняет тот, кто боится их потерять. Воров не страшится тот, для кого и любая охрана не помеха. Кто боится за своё, тот охраняет и моё".

– Вот и всё, — закончила Шехерезада. — Что это значит, я не знаю. Я ведь рассказчица, а не отгадчица загадок.

Все уставились на Ахмеда.

– И что скажет наш наимудрейший Ахмед-ага по этому поводу? — с провокационной улыбочкой произнёс Багдадский вор.

– Наимудрейшему не пристало толковать такие пустяки, — и Ахмед повернулся ко мне. — Кто помоложе, то тот пусть этим и займётся.

Теперь все уставились на меня. Вот же хитрый старикан! И от ответа увильнул, и мне испытание на сообразительность перед своими друзьями устроил. Ладно, я сейчас Ахмеду нос утру!

– Правильно говорит наимудрейший. Пустяки недостойны его утруждения. Султан боится за свои богатства и их охраняет. Колдуну султанская охрана не помеха. Так что он может свои богатства прятать в султанской сокровищнице.

– Вот как всё просто оказывается! — и Шехерезада от избытка эмоций хлопнула в ладоши. — А сокровищница поблизости только одна.

– Шехи, ты что — предлагаешь ограбить сокровищницу халифа? — поинтересовался Синдбад.

– Зачем грабить? Ведь лампа халифу не принадлежит. Просто зайти и взять только её.

– Только вот одна незадача, — заметил Ахмед. — Точно не известно, там ли на самом деле что-то хранил магрибский колдун и была ли в этом хранении лампа. Взломаете сокровищницу, как минимум поднимете всех на ноги, если сразу на месте не попадётесь, а лампы нет. Здорово будет. Оправдаться нечем.

– Тогда задачу пока меняем, — заявил Али-Баба. — Не похищение лампы, а проверка: там ли она.

– Задачу ты можешь менять, сколько хочешь, — охладил его Абу. — Необходимость взлома от этого никуда не уйдёт.

– Перестали бы галдеть без толку, — вмешалась Шехерезада. — Вопрос только один. Помогаем Аладдину получить лампу или нет. Вот и всё. Остальное ерунда. Что скажет наимудрейший?

– Наимудрейший скажет, что это чистой воды авантюра. Впрочем, как и очень многое, что мы до сих пор вытворяли. Но я по стенам лазать не буду. Уже возраст не тот.

– Не только ты не будешь, — заметил Багдадский вор. — Всем там толкаться незачем. Важно, что все согласны рискнуть. Я возьму Синдбада, Аладдина и нашего нового друга. Пусть опыта набирается. Где сокровищница, я знаю сам. Шехи, сможешь скинуть нам верёвку?

– Со стороны малого сада. Там стена выше, но зато охраны нет. Синдбад, дай, чем писать. Я нарисую, где за малым садом стоит наружная охрана. Внутренней теперь нет — экономия, — и Шехерезада старательно начертила план нужной части дворца.

– Когда идём? Шехерезада, ты как?

– Лучше бы, конечно, завтра. Спокойнее. Хотя и сейчас тоже подходящее время. Ночь только началась. Во дворец и из дворца я могу ходить свободно в любое время. Луны нет, а мне нужен всего час, чтобы попасть во дворец и спустить верёвку. Решайте сами.

Абу – Багдадский вор спросил:

– Вы как? Выпитое вино не помешает? Нет? Тогда идём сейчас. Может, оно и к лучшему. Замечено, что чем больше готовишься, тем меньше успех. Я немного с Шехерезадой пройдусь. Инструмент из дома захвачу. Нам немного по пути. Шехи, идём!

– Ребята, вы уж, пожалуйста, поаккуратнее. Верёвочную лестницу захватите. Я привяжу. Легче взбираться будет.

– Уже когда они были на пороге каюты, я окликнул:

– Шехи!

– Да?

– Если удастся за этот час узнать хоть малость о прошлом Гарун-аль-Рашида, то будет очень здорово. Полезно хоть что-то представлять о том, с кем или чем можно столкнуться.

– Попробую, — и сходни заскрипели под этой парой.

– Чем займёмся этот час? — спрашивает Аладдин. — Я что-то нервничаю. По дворцам ещё не лазал и халифских сокровищниц не грабил.

– Ну, тогда сиди и дрожи или ещё вина выпей, — ответил Синдбад, — а я своё оружие приготовлю.

– Не думаю, что нужно готовить оружие и тем более брать его с собой.

– Серж прав, — поддержал меня Ахмед, — наличие оружия у тебя может побудить стражу применить своё. А это совсем ни к чему. Если поймают, нужно сдаваться без сопротивления.

– Да вы что, сговорились, что ли? Как это так? Попасться и не подраться!

– Пойми, Синдбад, не следует понапрасну рисковать жизнью. Стража всё равно окажется сильнее. А она сейчас очень злая. Ты слышал, что сказала Шехи?

Стражников разгоняют из экономии. Остающиеся не будут просто драться, если их спровоцировать. Они будут убивать, чтобы показать свою нужность, незаменимость.

– Ладно, уговорили. Но я уязвлён до глубины души. Слушайте, а этот-то спит, — и Синдбад ткнул пальцем в сторону Али-Бабы. — Тут зреет опасный заговор против царственной особы, а ему хоть бы что. Хотя да, он ведь здесь отсиживаться будет. Ну, ничего, если нас схватят, то я непременно выдам его, как участника и организатора. За то, что храпит!

– Не ври. Я вовсе не храплю, — не открывая глаз, произнёс Али-Баба. — А в благородном преступлении я всей душой с вами. Даже когда вы будете на стенах дворца или в лапах стражи. Здесь будет гораздо тяжелее, чем там. Мы с Ахмедом исстрадаемся от неизвестности, пока вы будете веселиться при грабеже халифа.

– Мы идём не грабить, а за своим, — заметил Аладдин.

– Вот-вот, — раздался с порога голос Абу, — конечно же, за своим. Только таким и должно быть всегда настроение для любого благородного разбоя. Кончайте спорить. Пора двигать потихоньку.

Идём гуськом чуть ли не ощупью по замершему городу. Впереди Абу с его кошачьим зрением. Всё время что-то, где-то или у кого-то бренчит. Спрашиваю:

– Синдбад, ты что — всё-таки захватил с собой свои железки?

– Нет, это у Абу его воровской инструмент нас выдаёт. У меня только лестница и факелы.

– Абу, давай поделим между собой твои орудия труда. Тише будет.

Дальше идём уже бесшумно вдоль дворцовой стены, пытаясь руками на ощупь наткнуться на свисающую верёвку. Свет от звёзд позволяет только смутно видеть белую стену.

– Есть! — тихо сообщает Абу.

Синдбад привязывает лестницу к верёвке и дёргает пару раз. Лестница поползла наверх. Тихий свист сверху. Дёргаем теперь лестницу — держится. Синдбад натягивает её и наступает на нижний конец ногой.

– Пошли!

Абу взлетает наверх, как обезьяна. За ним карабкается Аладдин, как мешок с опилками, и я в том же стиле. Переваливаюсь через край, и ждём Синдбада. Вот и он. Шехерезада подходит ко мне и вполголоса говорит:

– Мало что удалось узнать среди ночи. Почти все спят. Старая служанка, которая, наверное, уже больше пятидесяти лет живёт во дворце, говорит, что будто бы дед Гарун-аль-Рашида был кузнецом, а отец — пиратом.

– Ну, что ж, и то хлеб, — и мы пошли, оставив Шехерезаду в саду.

Абу повёл нас известным ему путём, сверяясь по рисунку Шехерезады с расстановкой стражи. На стене светлее, чем под стеной. Цветы, фонтанчики, скамейки. Кое-где в больших чашах на ножках что-то горит. Масло или нефть? Когда вошли внутрь, стало ещё светлее. На стенах факелы. Красота интерьеров фантастическая, но это не трогает. Сердце ёкает при каждом шорохе.

По лестницам спускаемся всё ниже и ниже. Вдруг шум шагов и звук голосов. Вжимаемся в стену за колонной. В пяти шагах проходят, о чем-то споря, двое мужчин в богатых одеждах. Не стража. Оказывается, не все во дворце спят. Как я понимаю, нам нужно будет тихо открыть две двери. В подвал и непосредственно в сокровищницу. Вроде уже и спустились ниже некуда. Нет ни факелов, ни окон, ни мрамора — серые камни голых стен. Останавливаемся и с помощью кремня зажигаем свои факелы. Там и там мощные, окованные железными полосами двери. Которая?

Абу останавливается у той, что в тупике. Замок внутренний или накладной изнутри. Нет, два замка. Абу забирает у нас свой инструмент, и начинается колдовство медвежатника. От волнения начинаю отсчитывать про себя секунды. На сороковой открыт верхний замок. На семидесятой — нижний. Дверь беззвучно распахивается. Видимо, петли хорошо смазаны, и сюда часто заходят.

Абу предостерегающе поднял руку и, глядя на потолок впереди, начал ощупывать стену справа за дверью. Один из камней оказался фальшивым и повернулся. Абу запустил руку в щель и за что-то потянул. Какая-то ловушка.

– Можно заходить.

Камера где-то десять на десять локтей. В противоположной стене ещё дверь. Железная полностью. Замок тоже не висячий. Абу провозился минуты две. Помещение за дверью тоже локтей десять в ширину, но в длину уже локтей пятьдесят. В самом деле, похоже на сокровищницу. Не как в сказках, конечно, но, тем не менее, на полностью истощённую казну не похоже. Есть и сундучки с золотыми и серебряными монетами. Есть ларцы и ларчики с каменьями. Есть и другие ёмкости с ювелирными изделиями. Есть и небольшие груды золотой и серебряной посуды. В общем, свистнуть есть что.

– Вот она, — восклицает Аладдин, — подбирая лампу с пола у стены.

– Замечательно, — облегчённо реагирует Синдбад. — Теперь поскорее сматываемся.

– Абу, положи обратно, — говорю я.

– Что?

– То, что взял слева. Если нас на обратном пути застукают, то вряд ли мы все удерём. А может быть, и никто не удерёт. А ты в карман положил виселицу для тех, кого поймают.

– Привычка, — и он бросает обратно что-то изукрашенное каменьями.

– Всё?

– Всё.

– Прекрасный совет тебе дали, Абу, — раздался позади нас от дверей хорошо поставленный голос. Мы замерли от неожиданности. — А я стою и думаю: возьмут что-нибудь или нет. Не взяли, и это очень интересно. Салам алейкум, Синдбад.

– Салам, Гарун.

– Салам, Абу.

– Да ну тебя! Око Света?

– Как хочешь. Да, оно.

– Вот эта физиономия мне откуда-то вроде бы знакома, — указывая на Аладдина, сказал Гарун-аль-Рашид. А вот этого в не нашей одежде не знаю. Что-то раньше я его в вашей компании не видел.

– Только утром прибыл, — признался я.

– Надо же, а к ночи уже оказался в банде грабителей. Видно, специально их искал. Так что вам здесь нужно, раз ничего не взяли?

– Так, кое-что из своей посуды, — мрачно пробурчал Синдбад.

– Своей?

– Своей, своей.

– И нашли?

– Нашли.

– Тогда берите с собой и пойдём выяснять, ваша ли посуда на самом деле. Только не дурите. Сами понимаете, бежать бесполезно, раз я вас узнал. Найдут. Абу, запри обратно двери.

Поднимаемся, как понимаю, в покои халифа. Он усаживается в кресло с высокой спинкой, стоящее на небольшом возвышении, а мы — на оттоманки перед ним. Зал с тонкими изящными колоннами просто великолепен. Ажурные окна, орнаменты стен и потолка поражают неназойливой яркостью и колоритом.

– Ну, так что вы своего откопали в моей сокровищнице?

Аладдин показывает лампу.

– Только и всего?

– Она нам нужна, — ответил Абу и, кивком указывая на хозяина лампы, добавил: — Лампа принадлежит Аладдину.

– Неужели? И он может это доказать?

– Точно так же и ты не можешь доказать, что лампа твоя. Позови казначея и посмотрим: если она есть в счётных книгах, как сокровище, то она твоя. А если нет, то тогда ещё неизвестно чья, и будем определять владельца. Тебя никогда не интересовало, как она попала к тебе, а что у тебя из сокровищницы пропало?

– Как попала, не знаю, но всё-таки держал её в руках и думаю, что она не стоит никакого разбирательства. Хотя когда-то и была волшебной.

– Была?

– Попробуйте сами.

– Аладдин, потри лампу!

Тот попытался потереть и вскрикнул, отдёрнув руку. На ладони возникла набухающая кровью царапина. Я взял лампу и осмотрел. От частого трения одна из стенок оказалась протёртой до дырки. Дырка залеплена чем-то изнутри. Однако истончившийся до остроты бритвы металл кое-где на крае дырки отогнулся наружу. Не мудрено порезаться. С другой стороны лампы металл ещё крепок. Я потёр ладонью это место. Внутри что-то зашуршало, и из горловины высунулась голова джинна.

– Шайтан вас забери! Сколько можно говорить, что лампа сломана, не работает. Вон какую дырищу протёрли! — и голова втянулась обратно в лампу. Затем опять высунулась: — Идите к морю бутылки с джиннами собирать, — и снова втянулась внутрь.

– Вот видите. Уже не годится эта посуда для исполнения желаний. В другое время я просто сказал бы, что, мол, забирайте этот хлам и проваливайте. Но вы неудачно попали. Настроение у меня отвратительное. Хочется на ком-то отыграться, сорвать злость. В сокровищницу вы влезли без ведома и согласия хозяина. А это о-го-го какое преступление! Так просто вы отсюда не уйдёте.

– И чего ты от нас хочешь? — поинтересовался Синдбад.

– Для начала расскажите, что у меня из сокровищницы пропало.

– А для конца?

– Для конца? — задумчиво повторил вопрос халиф. — Для конца вы попробуете решить мою проблему с гаремом. Тогда отпущу вас. А может, ещё и награжу. Я ведь наблюдаю за вашей бандой. Вас бы уже давно разогнали, если бы не довольно странное дело. Вы иногда вытворяете черт знает, какие вещи и выбираетесь из вроде совсем безвыходных положений. На первый взгляд, вам

всем место в зиндане. А как начнёшь разбираться, то оказывается, что никому никакого несправедливого вреда нанесено не было. И даже больше. Каждый раз от вас получается что-то очень полезное. Удивительно умно действуете. Хочу этим воспользоваться.

– Слушай, Гарун, а почему ты тогда нас бандой зовёшь? Если от нас никакого вреда, кроме пользы. А?

– Не знаю. Может, от досады, что у меня самого никогда так не получается. Да и обидно. Шехерезада — острого разума женщина, и та к вам примкнула. Не без её помощи ведь во дворец-то проникли?

– Недооцениваешь, наверное, — заметил Абу. — Вот ей и скучно у тебя. Зря я тебе все-таки продал Око Света. Слишком много через него ты знать стал.

– Сделка есть сделка, и обратно ты Око Света не получишь. А что это ваш новый приятель в разговоре не участвует? — спрашивает халиф, оборачиваясь ко мне.

– Жду, когда вы все исчерпаете свои застарелые притязания и обиды.

– Ишь ты, значит, тебе есть, что сказать, э-э-э…

– Серж, или Сержи-сахеб, ваше величество.

– Не надо усложнять. Серж так Серж. Как и меня — в домашней обстановке просто Гарун. Не обидно. Это для толпы и льстецов я великий правитель, свет очей и всякое такое прочее. С Синдбадом мы давно и по-хорошему знакомы. А Абу смеет грубить мне потому… Нет, лучше промолчу. В общем, причины есть, но кроме нас двоих, о них никто знать не будет. Я тоже кое-что о нем знаю и могу напомнить. Вот так и живём, досаждая друг другу.

Да, теперь я вспомнил, где видел вашего Аладдина. Какое-то время назад мне на него указывали в медресе как на самого пытливого читателя книг. Гончар вроде бы. Так что ты хочешь сказать, Серж?

– Гарун, вы же, конечно, понимаете, что запереть нас в зиндане можно, но удержать там — вряд ли.

– Допустим. Что из этого.

– И у вас, и у нас есть свои трудности. Ваши связаны сейчас с гаремом и утраченными деньгами. Наши трудности были связаны с отсутствием вот этой лампы, когда-то похищенной у Аладдина магрибским колдуном. Но поскольку оказалось, что лампа неисправна, то теперь разрешить нашу трудность может только халиф. Предлагаем сделку. Мы избавляем вас от сегодняшних забот, а вы — нас.

– Интересно и заманчиво. Только вот я не знаю, равновесный ли будет обмен. О своих заботах я сказал, а вот о ваших ещё ничего не слышал. В чем ваша забота?

– Аладдин хочет жениться на вашей дочери Будур.

– Только и всего? Халифу породниться с гончаром? Ничего себе!

– Не совсем так нужно ставить вопрос.

– А как же его ещё поставишь?

– Сын гончара ничем не хуже внучки кузнеца.

– Но-но, ты полегче там с кузнецом-то! Это давно быльём поросло.

– Мы могли бы купить Аладдину какой-нибудь подходящий титул. Это сгладило бы формальные противоречия. Но лучше, если бы халиф сам наградил его титулом за государственные заслуги.

Халиф задумался.

– Мне вот не понятно, как Аладдин собирался решить свою проблему с помощью лампы? Трахнуть лампой Будур по голове, и пока она в беспамятстве, утащить её к себе?

– Джинн должен был помочь Аладдину и Будур встретиться. Аладдин Будур видел, а она его нет.

– Ах, вон оно что! Они ещё и не знакомы. Понятно. А если Аладдин не понравится моей дочери?

– Он не будет настаивать на женитьбе.

– Хорошо. Молодой человек достаточно симпатичный, чтобы понравиться девушке. Ситуация понятна, и я допускаю, что всё так или иначе можно устроить. Даже больше. Я могу согласиться с вашим предложением при условии согласия Будур и разрешения моих упомянутых проблем. Но не значит, что я уже согласился.

– Справедливо. Но вы, Гарун, конечно, понимаете, что ваши проблемы решать будем не мы, а вы сами. Мы только подскажем, как их можно решить.

– Согласен. Выкладывай, Серж, что там у вас в головах.

– Сначала о том, что пропало из вашей сокровищницы. Аладдин, когда пропала лампа и погиб магрибский колдун?

– Уже почти два года.

– Дело в том, Гарун, что у магрибских колдунов была привычка хранить свои богатства в сокровищницах правителей. Очень удобно. Войти туда колдун может когда угодно, и тратиться на охрану не нужно. Нужно только нанести на свои богатства заклятье отвода глаз казначея и правителя. Ведь больше никто не знает, что на самом деле должно быть в сокровищнице.

И вот магрибский колдун, который обитал в Багдаде, погиб два года назад после того, как похитил у Аладдина его лампу. Доказательством того, что свои богатства он хранил в вашей сокровищнице, как раз и является найденная там лампа. Раз лампу видно, то значит, чары отвода глаз пали со смертью колдуна. А где тогда его остальные богатства? Обнаружить, что внезапно в сокровищнице появилось что-то лишнее, могли только вы и ваш казначей. Вы видели?

– Нет.

– Около сокровищницы год-два назад происходило что-нибудь необычное?

– Раньше дверь была деревянная, — подал голос Багдадский вор.

– Точно, — подтвердил халиф, — уж побольше, как года полтора назад казначей заявил, что нужно поменять замок. Да и дверь заодно. Он сам надзирал за работами.

– Стало быть, богатства добавились немалые. В карманах было не унести, и потребовались помощники. Дальше сами думайте, как вытрясти украденное теперь уже из вашего же казначея. Колдуны, наверное, ставили свои метки на редкие вещи. Всё уже не найти, но любая найденная вещь колдуна будет доказательством кражи.

– Ах, мошенник! Ну, я с ним разберусь!

– Теперь давайте поговорим о вашем гареме. Там ведь сейчас бунт. Так?

– Так.

– Вопрос в том, чего вы сами хотите, халиф. Избавиться от оставшихся жён без дорогих издержек или оставить их, успокоив страсти? Или вы мечтаете получить за них выкуп? Разного можно достичь. Одного не надо делать — пытаться вернуть потраченное на развод с самих уже бывших жён. Дороже развода обойдётся. Сами понимаете, что взятое в казну имущество проворовавшихся визирей покроет весь ущерб, нанесённый казне вашим разводом с множеством жён.

– Конечно, покроет. Но обидно баб-мошенниц оставлять с деньгами.

– Нет уже этих денег. Ушли на хозяйство. Да и вам-то какая разница? Они же деньги у вас мошенничеством не выманивали. Вы сами ведь дали. Бывших жён уже после этого вынудили часть денег отдать мошенникам, и только. Обстоятельства так сложились. Так что оставьте бывших жён в покое. Не в них ваши беды.

– Не могу не признать, что пока у тебя довольно убедительно получается.

– Ну вот, видите, как хорошо. Части проблем уже нет. Так вы решили, чего хотите относительно оставшихся жён?

– Даже затрудняюсь, что выбрать. И того хотелось бы, и того. А если всё сразу? Я уже понял, что голова тут ты, Серж, а не все вы вместе.

– Жадничаете, халиф. Ишь ты — сразу всё. Но давайте попробуем поговорить о том, что вы огласили в условиях сделки с нами. Итак, ваши нынешние жёны требуют и развода, и выкупа, и отмены запрета на повторный брак одновременно.

– Именно.

– Но, как я понял, ваш фирман о снятии запрета на повторный брак касался только уже разведённых с вами жён. Надеюсь, там не было оговорено, что и любая в будущем разведённая с вами жена будет иметь право на повторный брак?

– Нет. К чему это ты клонишь?

– К тому, что нынешние ваши жёны с вами ещё не разведены и фирман на них вообще не распространяется. Следовательно, вы можете и даже по закону обязаны удовлетворить их требование о разводе и выкупе. Но вовсе не обязаны, если не хотите выпускать ещё один фирман о повторном браке ещё каких-то разведённых с вами жён. То есть бунт сразу должен прекратиться. Ваши беспокойные жёны не полезут в петлю будущего безбрачия ни за какие деньги.

– Так-так-так, а разве они с момента развода не попадают под действие первого фирмана?

– Нет, фирман касался конкретного события и с момента выхода замуж вашей последней бывшей жены исчерпал себя и стал недействительным впредь. Ваши нынешние жёны неверно и слишком вольно с выгодой для себя толкуют ситуацию. А их ошибку им никто не объяснил.

– Здорово! У меня среди советников одни идиоты. Не понять такую простую вещь!

Синдбад громко хмыкнул, а халиф сердито покосился на него.

– Ты что, Синдбад, и меня считаешь идиотом?

– Что ты, что ты, Гарун! Просто я представил рожи твоих визирей, когда ты их уличишь в идиотизме.

– То-то же. Однако, Сержи-сахеб, старый закон говорит, что я должен удовлетворить интересы любой разведённой последующей жены не хуже разведённой предыдущей. А в их интересы входит и снятие запрета на повторный брак, которого добились предшествовавшие разведённые жёны. Заколдованный круг.

– Нет никакого заколдованного круга. Интересы могут быть, какие угодно, а права — только прописанные законом. Старый, прошлый закон не может быть указанием выпустить в будущем какой-либо новый закон с конкретным содержанием. Старый закон указывает, что вы должны соблюсти имущественные права разведённых жён, и вы от этого не отказываетесь. Но старый закон не может обязать вас выпустить фирман с новыми правами для разведённых жён. Фирман с новыми правами — это ваша добрая воля. Хотите — издаёте. Хотите — нет.

– Всё понял. Это просто здорово! Теперь я их всех прижму. Против кого бунтовать вздумали! Против хитроумнейшего Гарун-аль-Рашида! Сегодня же объявлю решение.

– Ну а как на самом деле нужно с выгодой для казны разводиться — то это ещё проще.

– Вот-вот, как? Это был бы бесценный совет.

– Нет, почему бесценный? Как раз цена тут понятная. Брак Аладдина с Будур. Разумеется, если она будет не против этого. Ваше согласие — и совет будет дан просто как благодарность за взаимопонимание.

– Так, давление какого-то неизвестного иностранца на правителя страны. Некрасиво.

– Очень даже красиво. Как решить ваши трудности, мы с вами теперь представляем. Условия сделки уже исчерпаны. Последний совет я давать не обязан. Согласие на брак Будур вы и так должны огласить.

Гарун-аль-Рашид заёрзал в своём кресле.

– С вами, Сержи-сахеб, трудно спорить. У вас на всё готов ответ. Не хотите стать моим главным визирем?

– Нет, не хочу. Меня дома ждут. Не увиливайте, Гарун.

– Что делать, что делать, вы меня прижали к стенке! Ладно, Аладдин, у тебя есть моё согласие на брак с Будур. Только не надо представления с паданием на колени и целованием моих рук. Ах, ты и не собирался? Нахал! Каким титулом тебя наградить и нужно ли это вообще, я подумаю после согласия Будур. Обещаю, что никак не буду пытаться повлиять на её решение. Но и ты должен пообещать, что не будешь давить на неё моим согласием. Ну? Да? Вот и хорошо. Давайте ваш последний на сегодня совет, Сержи-сахеб.

– Любая разведённая с вами жена уже не является для вас родным человеком. Она просто женщина, каких великое множество. Но свобода её ограничена законом, с одной стороны. А с другой стороны, если бы и была

свободна, как любая другая женщина и при этом без денег, то и тут ничего особо завидного в ней для мужчины нет. Иными словами, халиф, с разведённой жены выгоды вы никогда не получите.

Но можно сделать её свободной для повторного замужества, не нарушая закона и не издавая фирманов. А также очень просто лишь по вашему желанию сделать её настолько привлекательной для будущих женихов, что они будут готовы платить за неё именно вам.

– Я в нетерпении, а вступление слишком длинное, — прервал меня халиф.

– Да просто удочеряйте разведённых с вами жён, Гарун. Вот и всё. На дочь уже не распространяется запрет на повторное замужество. А за жену — дочь халифа — многие заплатят вам баснословный калым. Даже если она уже однажды и побывала замужем.

Халиф раскрыл рот и так надолго застыл.

– Вот это фокус! — только и смог произнести он минуту спустя, ошеломлённый открывающимися перспективами.

– Нам уже пора, — напомнил Абу. — Светать начинает.

– И договориться бы насчёт встреч с Будур, — добавил Аладдин.

– Ты уж только оденься поприличнее. Всё-таки с моей дочерью собираешься встречаться. Вашими свиданиями пусть ваша подруга и занимается. Сейчас распоряжусь её позвать.

– Не нужно меня звать. Я вас подслушивала, — Шехи выскользнула из-за колонны и подошла к нам.

– Вот, видали, Сержи-сахеб, в моем дворце не только стены, но и колонны имеют уши. Будете уходить…

В зал, громыхая железной амуницией, ворвался здоровенный мужик.

– Ваше величество, ваше величество, во дворец проникли чужие! — и, бросив на пол нашу верёвочную лестницу, с удивлением уставился на нас. — Вот, я объявил тревогу.

– Объяви успокоение, — распорядился халиф. — Видишь, я уже их всех захватил. Отдай им то, что притащил, и проводи к воротам, чтобы их ещё раз не поймали, — и уже когда мы были на пороге, окликнул:

– Серж!

– Да?

– Ты заходи, если что. Ну, там, если помощь, какая потребуется, деньги в долг или ещё что. Для твоей головы у меня работа всегда найдётся.

– Спасибо, Гарун. Если что — зайду.

На корабль Синдбада возвращались молча. Только Шехерезада поделилась своими страхами.

– Ребята, я уж думала, что всё. Это уж когда увидела, что он тащит вас с собой. Гарун, конечно, душка, но когда он вот так спокойно и проникновенно начинает с кем-то говорить, то жди беды. Злой уж очень он ходит последние дни. Но потом поняла, какую ловкую надежду на устранение забот дал ему Серж. После он уже просто играл с вами, чтобы не показывать, как доволен. Он бы за такие советы не только Будур отдал.

Ахмед и Али-Баба ждали нас у борта. Шехи приветственно помахала им ещё издалека. Вваливаемся в каюту — и сразу за бокалы. И пить хочется, и выпить за то, что пронесло.

– Я вижу, вы с добычей, — констатирует Ахмед, разглядывая поставленную на стол лампу.

– Не только, — отвечает Синдбад. — Ещё и с новоиспечённым женихом для Будур.

– Как? Уже? Ну и дела!

– Только вот сама Будур ещё не знает, что у неё появился жених, одобренный халифом, — добавила Шехерезада. — Застукал их Гарун прямо в сокровищнице.

– Но, тем не менее, выкрутились как-то.

– Это Серж нас всех как-то выкрутил. Да притом так, что халиф начал ему в друзья набиваться, — и Шехерезада, как свидетель, описала Ахмеду и Али-Бабе всё течение событий. — Пожалуй, я сделаю красивую историю про это приключение.

Ахмед рассмеялся и сказал:

– Я же говорил, тебе, Синдбад, что привёл с собой очень талантливого авантюриста. Думаю, он ещё не раз выручит нас. Что с лампой-то будем делать?

– Как что? — ответил Абу. — Раз она теперь не волшебная, то нальём масла и будем освещаться.

– Я вам налью! — угрожающе пообещал высунувшийся из лампы джинн. — Ишь, что удумали! Не для этого она делалась.

– Мы знаем, для чего она делалась. Я полагаю, что ты просто саботажник, а дырка в лампе — просто предлог, чтобы тебе ничего не делать. Может, ты сам её специально и провертел.

– Ах ты, ворюга несчастный, думай, что и кому говоришь! — запинаясь от возмущения, вскричал ламповый сиделец. — Да я из тебя котлету сделаю! Имею я право отдохнуть на старости лет или нет?

– Эй, эй, прекратите сейчас же! — вмешался я в перепалку. — Конечно же, уважаемый джинн, имеешь право на спокойную старость. Тебе уж, наверное, за две тысячи перевалило.

Джинн задумался:

– Да, пожалуй.

– Выпить хочешь?

– А что у вас есть? — и джинн, высунувшись уже по пояс, начал внимательно оглядывать стол.

– Сладкое греческое вино.

– Не диковинка. У меня его хоть залейся. О, солёные грибочки из северных стран! И вы их оскверняете сладким вином?

– Оскверняем?

– Конечно. Грибки требуют особого напитка. Бражка называется. Только на севере и делают.

Синдбад со вздохом поднялся, порылся в одном из шкафчиков и поставил на стол корявую стеклянную бутылку с какой-то мутной жидкостью.

– Она? — спросил джинн.

– Она, — подтвердил Синдбад.

– Тогда я выхожу. Поставьте лампу на пол. Я выберусь без дыма и огня.

Поставили. И действительно — словно вытек из лампы, превратившись в благообразного старика среднего роста. Отодвинул ногой лампу в сторонку и устроился за столом.

– Кто-нибудь ещё будет? — берясь за бутылку с брагой, спросил джинн. — Нет? Ну, тогда я один. Грибочки пододвиньте, пожалуйста. Далековато за всем этим добираться на север. Сейчас даже мне тяжело стало. Устаю быстро. Так что спасибо за угощение. Ваше здоровье!

– Уважаемый джинн, — полюбопытствовал пытливый Аладдин, — а не будет нескромным как-то взглянуть на ваше жилище изнутри? Интересно, какая у вас там обстановка?

– Взгляни. Чего уж там. Как я понимаю, опять я тебе в руки попал. Не хочу портить отношения. Отойдите от лампы. Я её сейчас увеличу.

И лампа стала быстро разбухать, став даже выше стола. Аладдин подошёл к ней и по плечи склонился в горловину. Изнутри послышался женский визг и плеск воды. Аладдин отпрянул и обернулся к нам с мокрым лицом.

– Так они у него там голые! А обстановочка шикарная.

– Понятно, что у каждого своё представление о спокойной старости, — сказал Ахмед. — Так что всё же будем с лампой делать? Опасна она для

каждого обладателя. Заманчивая штука для всяких махинаций. Аладдин свою проблему решил и без неё. Я бы советовал избавить мир от неё раз и навсегда.

– Это ты к чему клонишь? — подозрительно спросил Ахмеда джинн, перебегая глазами по нашим лицам, и не переставая при этом дожёвывать грибочки.

– Оставим её Синдбаду. Пусть завезёт на какой-нибудь необитаемый остров и засунет подальше в какое-нибудь потайное место. Или, может, бросить тебя в море, где поглубже? — спросил Ахмед у джинна.

– Нет, лучше на остров. Сырость не люблю. А вы не глупые ребята. И не жадные. Полезу домой. Да пребудет вам всем счастье! — и джинн влился в свою уже уменьшившуюся до обычных размеров посудину.

– Синдбад! — скомандовал Ахмед.

Тот взял лампу и спрятал в шкаф. Никто даже не попытался что-то возразить или спросить. Вот что значит понимать друг друга даже без слов! А Аладдин, вытирая лицо развязанной чалмой, попросил совета:

– Как мне одеться-то на свидание с Будур? — и все в ожидании квалифицированных рекомендаций заинтересованно уставились на Шехерезаду.

Она немного подумала и начала повествовать самую подходящую случаю историю.

– Однажды известный парижский модельер Жан-Поль Готье*…

Тут её голос стал падать, а лицо приняло удивлённое выражение.

– Нет, это что-то не то. Откуда взялось? Не понимаю. Виновата… Да одевай, что хочешь, Аладдин! Было бы только чисто и аккуратно. Побрякушками всякими не злоупотребляй.

– Я вижу, все уже устали, — подвёл итог ночи Ахмед. — Давайте расходиться по домам.

В каменном доме на улице Ткачей уже обычная дневная суета. Не успеваю открыть дверь в свои гостевые апартаменты, как навстречу из комнаты выходит Зубейда, держа под мышкой брыкающегося чертёнка с обиженной физиономией.

– Меня уносят, — увидев меня, деловито сообщает Джамиля. — Говорят, что нельзя заходить к гостю, когда его нет дома, — и, обращаясь уже к Зубейде, — Поставь же меня, наконец! Ты же меня уже вышла. Чего вы смеётесь? Подумаешь, нельзя так нельзя. Зайду в другой раз. Свои колени для моего сидения приготовь, Сержи-сахеб. Я тебя ещё ни разу не сидела, — и, окинув взглядом Зубейду с ног до головы, о чем-то понимающе хмыкнула и испарилась.

– Спать, спать и только спать, — говорю я Зубейде, упреждая всякие вопросы. — Чертовски устал. Или как нужно у вас говорить? Может, иначе — устал как шайтан?

– Все равно, Сержи-сахеб. Чёрт и шайтан одно и то же.

– А здравствуйте и салям алейкум?

– Тоже так и так у нас говорят. "Здравствуйте" обычно говорят, когда в разговоре участвует иностранец.

– А ты умница. Грамоте как училась?

– У меня отец учитель в медресе. Может быть, Сержи-сахеб хочет, чтобы я его помыла перед сном? Гюльнара-ханум говорит, что я должна и это делать.

Да-а, вот задачка-то. Это значит раздеваться догола, а Зубейда будет мне всё мыть. Как-то стеснительно. С другой стороны, заманчиво. В этой жаре у меня одежда уже к телу липнет, и кожа не дышит. Эх, была-не была!

– Ты знаешь, Зубейда, у меня на родине мужчины моются сами. Здесь другие порядки, к которым придётся привыкать. Мыться-то всё равно надо.

– Тогда я пойду, скажу, чтобы принесли побольше тёплой воды. Я вас позову. Вон там, — Зубейда указала на угол комнаты, — разная одежда. Гюльнара-ханум принесла, чтобы вы себе что-нибудь выбрали.

Иду в угол. Чего тут только нет! И всякие штаны. И всякие рубахи. И всякие халаты. Выбираю пока тонкий и лёгкий явно не для улицы халат. Раздеваюсь догола и набрасываю халат. Отлично. Свободно и по полу не волочится. С террасы заглядывает Зубейда.

– Всё готово, Сержи-сахеб.

Выхожу на террасу и сворачиваю в туалетную комнату. Несколько бадей с водой. В имитации ванной стоит скамеечка, на которую, скинув халат, я и сажусь. Зубейда уже в надетом прямо на платье длинном кожаном фартуке, полив водой, намыливает мне голову. Долго и привычно теребит волосы пальцами, моет лицо и споласкивает. Затем ещё раз. К телу она приступает с самой что ни на есть настоящей морской губкой. Всё шло хорошо до пояса. Потом мне пришлось встать для продолжения. Вот тогда и начались трудности. Со спиной и ниже Зубейда справилась в два счета. Но когда я повернулся к ней лицом, то ниже живота начались какие-то странные и нерешительные манёвры. В конце концов я забрал у неё губку и сам обработал свои интимные места.

– Спасибо, извините, — виновато пробормотала Зубейда, принимая обратно губку.

С ногами покончено быстро. Несколько кувшинов воды сверху — и я чист. Процедура помывки завершилась. Выбираюсь из "ванной". Мне накинули на голову огромную простыню и осушают через неё волосы. Затем простыня оказывается обёрнутой вокруг меня. Зубейда присаживается на корточки и вытирает мне ноги ниже колен. Затем снимает фартук, забирает мой халат и распахивает дверь, приглашая выйти и переместиться в жилище.

Обработка поверхности организма после мытья, оказывается, — тоже процедура не простая. Это одновременно и вытирание, и растирание, и массаж. Но и это, в конце концов, закончилось. Правда, опять не без некоторых проблем в нижней части главного фасада, вызванных стыдливостью банщицы. Освежающее обмахивание простыней завершает банное обслуживание. Ощущение заново родившегося. В организме небывалая лёгкость и нега.

Зубейда подносит мне сзади распахнутый халат, помогает попасть в рукава и, ничуть не подозревая о нависшей угрозе, опрометчиво и простодушно заходит спереди, чтобы завязать кушачок халата. Но сделать этого не успевает, поплатившись за свою доверчивость.

Мои руки внезапно отключаются от центральной нервной системы и начинают действовать совершенно самостоятельно, отдельно от головы, быстро раздевая Зубейду. Причём совершенно автоматически и мгновенно определяя, что именно нужно расстегнуть, а что развязать.

Так, непревзойдённые по форме и стройности ножки есть. Прелестный втянутый животик с венчиком волос внизу на месте. Упругие на ощупь очаровательные груди там, где и должны быть. Однако, похоже, что чего-то по ходу дела явно не хватало. С великим удивлением понимаю, что не было ожидаемых шальвар! Она теперь совершенно голая и беззащитная в своей обнажённости. Что же теперь делать? Решение приходит моментально. Как честный, цивилизованный и интеллигентный человек, я аккуратно укладываю девушку на спину на ближайшей оттоманке и своим телом прикрываю сверху от чьих-либо нескромных глаз её наготу. Мои шаловливые и нахальные, вышедшие из повиновения руки теперь уже почти ничего бесстыдного не могут сделать. И только тихо и ласково поглаживают оставшиеся открытыми части тела Зубейды.

Время словно останавливается на ближайший час. А когда снова возобновляет своё течение, то я, утомлённый всеми сегодняшними событиями, мгновенно словно проваливаюсь в сонное нигде и никуда.

Опять я еду, лёжа на сидении в трясучей карете. Но теперь уже, ещё не открыв глаз, прекрасно соображаю, что, а вернее — кто меня трясёт за плечо. Резко выбрасываю вперёд руки, хватаю Зубейду за талию и тащу к себе. Она взвизгивает от неожиданности и со смехом падает на меня. Мои шаловливые ручки почему-то опять оказываются у Зубейды под юбкой. Против чего она, вообще-то, и не возражает, а напротив, прижимается ко мне всем телом. Нет ничего прекраснее, когда в такой ситуации оба хотят одного и того же.

Через полчаса я лежу на боку и любуюсь огромными синими глазами Зубейды. Время от времени притягиваю её к себе и дарю её нежным губам осторожный, но достаточно страстный поцелуй. Такой же подарок получаю и в ответ.

– Помнится, ты хотела мне что-то сказать?

– Я принесла обед, Сержи-сахеб. Теперь уже всё остыло.

– Ничего, съедим и не горячий.

– Прислуге положено есть на кухне или у себя в комнате.

– Я тебя не выдам. Давай вставать. Действительно, есть очень хочется.

Смотреть, как красивая девушка раздевается, всегда очень здорово. А как одевается — ведь тоже ничего! Откровенно упиваюсь зрелищем второго типа. Зубейда ещё немного стеснятся. Однако чувствуется, что одновременно ей и приятно такое моё внимание.

– Зачем есть холодное? Я сейчас спущусь в кухню и всё подогрею. Это недолго.

Через десять минут сидим за столиком и вместе уплетаем всё, что опять послал Аллах. Спрашиваю:

– Не знаешь, Зубейда, что сейчас делает Ахмед-ага?

– Его дома нет. Уже давно ушёл на базар по своим торговым делам. Ещё до обеда ушёл.

Зубейда унесла пустой поднос. А моя джинса куда-то испарилась. В стирку или чистку, наверное. Денежки из карманов лежат на подставке для цветов. Начал опять рыться в вещах, которые принесла Гюльнара-ханум. Хотя я и так почти полностью одет на восточный манер. Тюбетейка-то у меня есть. Халат носить как-то не по душе. Синие штаны — шальвары — с завязкой на поясе и голубая рубаха вроде в цвет. Есть ещё что-то вроде жилеток. Красную, чёрную или коричневую? Чёрная, расшитая серебром, к голубому вроде лучше подходит. Интересно, а есть ли разница в названии между мужскими и женскими

шальварами или разница только в покрое, материале? Надо будет спросить у Зубейды? Она всё знает — грамотная.

Напялив выбранные шмотки на себя, гляжусь в мутноватое зеркало. Ну как есть — турецкий басурман! Но удобно и приятно. Когда шагаешь, то колыхающаяся ткань широченных шальвар обдувает ноги, и они вроде не должны потеть, как в брюках. Карманов мало. Во всей одежде обнаружилось всего два. Ладно, для денежек хватает. Спускаюсь вниз и у порога обуваю свои кроссовки. Интересная штука — серые кроссовки. Годятся буквально к любой одежде. Если уж и не гармонируют полностью, то, во всяком случае, не кричат о дисгармонии. Теперь бы не заблудиться на самом базаре! Как пройти до него по улицам, запомнил вчера.

В головном магазине Ахмедовой торговой фирмы здороваюсь с Али-Бабой.

– Хозяина не видел?

– Он пошёл по лавкам. Если не боишься заблудиться, то попробуй сам поискать. Давай я тебе прямо отсюда подскажу. К посудной лавке выйдешь, если будешь держаться в направлении левого минарета мечети, а к ювелирной держись правого минарета.

– Слушай, Али-Баба, а как ты оказался в приказчиках у Ахмеда? Ведь как я слышал, ты был дровосеком. Да и про пещеру разбойников тоже рассказывают.

– Совершенно случайно. Только вот рассказы врут. И Шехерезада историю обо мне тоже приукрасила. Не было никакой пещеры. Да и разбойников тоже. Просто в дупле срубленного дерева оказался кем-то спрятанный клад. Очень даже немаленький. Когда тащил его домой, то пробирался мимо рабского рынка. И так мне их стало жалко, что весь клад я и отдал за выкуп тех, на кого клада хватило. Со всего базара сбежался народ, чтобы посмотреть на сумасшедшего, который скупает и отпускает рабов на волю. Тут Ахмед и оказался среди зрителей. Так что от всего богатства мне досталась одна Марджана. Её я не отпустил, и не жалею. И она тоже не жалеет ни о чем. Вот уже четвёртый год мы с ней вместе. А Ахмед разыскал меня на следующий день и предложил у него работать.

– Интересные у вас события происходят. Не скучаете. Ладно, пойду поищу Ахмеда.

Выбрал курс на ювелирную лавку. И правильно сделал. Он оказался там. Сидят с приказчиком в глубине лавки и чаёвничают, а помощник приказчика присматривает за товаром. Присоединяюсь к чаёвникам. Приказчика зовут Али.

– Вот, теперь ты хоть стал похож на нормального человека, — заметил Ахмед.

– А до сих пор был похож на ненормального?

– Был. Тебе бы ещё головной убор сменить на чалму или феску, бороду отрастить — и получился бы заправский перс или турок.

– Ничего, мне и в тюбетейке уютно. Ахмед, чем бы заняться? Работа есть какая-нибудь?

– А что, Зубейда уже наскучила? Ты с нами вчера ночью наработал на год вперёд.

– Зубейда — не работа. Наскучить не может. Но и заменой работе не является.

– Мудро. И возразить нечего. Нет у меня пока для тебя ни работы, ни развлечений. Поищи сам. Сходи к Синдбаду или Абу. У них всегда какие-нибудь дела есть. А тебе моя торговля будет скучна. Слушай, а не выбрать ли тебе здесь в лавке украшения для Зубейды? У неё, по моим наблюдениям, своих побрякушек вроде как никаких и нет.

– Знаешь, Ахмед, а это заманчиво. Только думаю, выбирать должна она сама. Как-нибудь потом мы с ней вместе зайдём.

– Зачем потом? Сейчас. Пошлём за ней Махмуда. А, Али?

– Почему бы и не послать? — ответил Али. — Махмуд!

– Я тут, Али-ага.

– Сходи домой к Ахмеду-ага и передай Гюльнаре-ханум, что её муж приказал привести сюда служанку Зубейду.

– Слушаюсь, — и Махмуд растворился в толпе.

Мы не успели освоить и по третьей пиале ароматного чая с какими-то тягучими сладостями, когда Махмуд в лучшем виде уже доставил в лавку закутанную в лёгкую накидку Зубейду.

– Зубейда, — обратился я к ней, — Ахмед ага предложил мне выбрать для тебя украшения. Но потом мы решили, что ты сама сделаешь это гораздо лучше. Ты мне нравишься и без всяких украшений. Так что главное, чтобы они понравились тебе самой.

– Спасибо, Ахмед-ага, спасибо, Сержи-сахеб, но я не достойна такой вашей доброты.

– Достойна, достойна. Я уверен. Выбирай, что тебе по душе. Серж, прикажи ей. Ведь это твоя служанка.

– Зубейда, ты хочешь обидеть меня и Ахмеда-ага?

– Я никогда не посмею, Сержи-сахеб.

– Тогда не стесняйся, — и девушка, сопровождаемая Махмудом, принялась рассматривать выставленные в лавке ювелирные чудеса.

– Интересно, что она выберет? — вполголоса сказал Ахмед. — Берусь спорить, что она нас удивит.

– Тебе спорить не с кем, — ответил я. — Я уверен, что удивит.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец Зубейда окончила свои изыскания и подошла к нам. Махмуд выложил перед нами отобранные вещи.

– Зубейда, одень, пожалуйста, — попросил я. И вещи перекочевали на предназначенные для них места.

Широкий браслет — на запястье, два браслета-змейки — на предплечья, поясок из скреплённых между собой прямоугольных элементов — на талию, кольцо — на безымянный палец и кулон с голубоватым камешком — на шею.

– Поразительно, Зубейда! — воскликнул Ахмед. — Впервые вижу женщину, которая при свободе выбора богатству золота предпочла ажур и изящество серебра! Как ты поняла, что серебро тебе идёт больше золота?

– Не знаю, Ахмед-ага. Вы же сказали взять то, что мне больше нравится. Я и взяла.

– Понятно. Все выбранные тобой вещи лежали в разных местах. И самое удивительное — то, что выбирая их порознь, ты выбрала вещи одного и того же мастера из Дамаска. Другого такого мастера по серебру на всем Востоке нет. Али, где та вещь, которую я велел никому не продавать?

– Сейчас, Ахмед-ага, — и Али принялся рыться в одном из сундуков. — Вот, нашёл! — воскликнул он, передавая Ахмеду небольшой мешочек.

На свет появилось и было разложено на столе неширокое серповидное серебряное ожерелье сказочной красоты и изящества. Огромный каплевидный сапфир в центре и два чуть поменьше, но круглых по бокам от него, и густая россыпь более мелких, а также и крошечных сапфиров по всей вещи.

– Тот же мастер. Оно твоё, Зубейда. Молчи! Серж, пристрой его на место.

Я снял с девушки выбранный ею кулон и заменил его на ожерелье. Попутно снял и платок с её лица. Али и Махмуд очарованно вздохнули. Нам-то с Ахмедом легче. Мы лицо Зубейды уже когда-то и где-то вроде видели. Но три сапфира на груди и два сапфира глаз на лице девушки делают поразительным даже для нас такое сочетание. Лучшего места для ожерелья и не найти!

– Редкое чувство гармонии и тонкого вкуса у тебя, Зубейда. Садись вот сюда, — указал рукой Ахмед.

Она немного поколебалась и нерешительно присела рядом со мной.

– Меня уже и не удивляет, что ты умеешь читать и писать. Что само по себе редкость среди женщин.

– Её отец учитель в медресе, — вспомнил я. — Подозреваю, что она продала себя, чтобы выручить его. Это так, Зубейда?

Девушка кивнула, не поднимая глаз. Ахмед подал ей пиалу с чаем и о чем-то задумался, словно что-то вспоминая и сопоставляя.

– Ты дочь Бахтияра-хаджи из медресе Акбара?

– Да, — Зубейда вскинула глаза на Ахмеда. — Вы его знаете?

– Знаю. В том-то и дело, что знаю. И при этом очень хорошо. Только давно мы с ним не встречались. Вот что, идите-ка вы домой. А мне нужно подумать.

Зубейда повязала на лицо платок, и мы отправились обратно на улицу Ткачей.

Тюбетейка и жилетка полетели в угол. Я развалился на оттоманке, а Зубейда, сняв с лица платок и сбросив накидку, устроилась у меня на коленях. Я прижал её к груди и поцеловал в носик.

– Всё равно ты мне больше нравишься без всяких украшений.

– Тогда я не буду их одевать.

– Нет, лучше ты их будешь просто снимать, когда мы вдвоём.

Она не успела ответить. Требовательный стук в дверь — и в комнате нарисовался чертёнок.

– Так я и подозревала! Моё место уже занято. Зубейда, нельзя так нахально тебе одной пользоваться нашим гостем. Он всехний гость.

– Пользуйся, пользуйся, Джамиля, — Зубейда, улыбаясь, соскользнула с моих колен и села напротив.

Джамиля по-хозяйски устроилась у меня на коленях. Поёрзала, устраиваясь поудобнее.

– Зубейда, тебе нужно кормить его получше. Жёстко сидеть.

– Я постараюсь, Джамиля. Я ведь только недавно…

– Я знаю и потому прощаю тебя.

– Спасибо, Джамиля. Ты добрый и справедливый человек.

Девочка задумалась.

– Правда? Мне почему-то тоже так кажется. Когда я уйду, то ты можешь вернуться обратно. Разрешаю. Вот, совсем отвлекли меня от дела, и я забыла, зачем пришла. Нет, вспомнила. Сержи-сахеб, бабушка мне по большому секрету сказала, что Зубейда очень хорошая девушка.

– Согласен с ней. А ты сама как думаешь?

– А мне и думать не надо. Я вижу, что хорошая. Да и ты вроде ничего себе. Так что не обижай её, — и Джамиля кряхтя начала слезать с меня.

– Тяжело мне с вами со всеми, — с глубоким вздохом произнесла она. — Не говорите никому, что меня видели, — и унеслась куда-то через террасу.

Мы с Зубейдой от души рассмеялись.

– В самом деле, на это чудо невозможно рассердиться!

Опять стук в дверь. Заглядывает Гюльнара-ханум.

– Джамиля не у вас?

– Нет, — отвечаем мы хором.

– Гюльнара-ханум, хочу поблагодарить вас за одежду. Я выбрал, что мне нужно. Остальное можно забрать.

– Подошло? Зубейда соберёт лишнее. Вы, Сержи-сахеб, довольны ей?

– Доволен.

– Старательная и внимательная девушка. Скоро ужин будет готов, — и Гюльнара-ханум ушла.

– Чем это ты всех обольстила в этом доме всего за один день? — спросил я Зубейду, опять усаживая её себе колени и целуя во всё тот же носик.

– Не знаю, — прижимаясь ко мне, отговаривается Зубейда.

– Будем ужинать или сделаем что-нибудь ещё до ужина? — шепнул я ей на ухо.

– Как скажете, Сержи-сахеб.

– Или, может, не до, а после ужина?

– Как скажете, Сержи-сахеб.

Мы не были уверены в правильности выбора из "или — или" и поэтому сделали это "что-нибудь" до ужина. А потом, на всякий случай, чтобы уже точно не допустить ошибки в выборе, сделали "что-нибудь" ещё и после ужина. И только успели привести себя в относительный порядок, как к нам пожаловал Ахмед-ага и тяжело опустился на оттоманку напротив меня. Зубейда мгновенно поставила на столик поднос с фруктами и сластями.

– Чай или кофе, Ахмед-ага?

– Надо поговорить, — хмуро произнёс он. Зубейда поклонилась ему и направилась к двери. — Зубейда, останься. Разговор будет о тебе. Сядь рядом со мной.

– Что случилось? — поинтересовался я.

– В общем-то, ничего. Кроме одной досадной ошибки, которую мы все невольно совершили вчера с покупкой Зубейды. Конечно, кто мог знать, но, тем не менее, проблема возникла, и довольно запутанная. Я один без вас разрешить её не смогу.

– Ахмед, не говори загадками.

– Сейчас, соберусь с мыслями. С Бахтияром-хаджи — отцом Зубейды — я знаком очень давно и многим ему обязан. Правда, встречаемся мы очень редко, а дома у Бахтияра я был всего раз где-то лет десять назад. Ты, Зубейда, была тогда крошкой, как Джамиля, и помнить меня не можешь. Хотя и крутилась около

нас. А я тебя узнать на рабском рынке тоже никак не мог. Ты ведь выросла и изменилась. Последний раз мы с твоим отцом, Зубейда, разговаривали в медресе Акбара где-то с год назад. Как и за что он угодил в зиндан, я не слышал. Иначе просто внёс бы выкуп, и тебе, Зубейда, не пришлось бы стоять на рабском рынке.

– Ахмед-ага, так вы тот, кого мой отец называет Ахмед из ниоткуда? — воскликнула Зубейда.

– Вот именно. И получается, что в то время, когда мой хороший товарищ попал в беду, я покупаю его дочь в рабыни для своего молодого приятеля.

– Вот так каша заварилась, — только и смог промолвить я.

– Но вы же ни в чем не виноваты, Ахмед-ага, — попыталась успокоить его Зубейда, взяв за руку. — Это я что-то не так сделала. Мама, наверное, вас знала, но она весной умерла. Когда отца схватили, я осталась одна с младшей сестрой. Мне нужно было как-то разыскать друзей и знакомых отца. Правда, как? Он о них говорит мало. Вы же знаете его, Ахмед-ага. Затворник, молчун и бессребреник. Умрёт, а никого о помощи просить не станет. Всё сам и сам. Что мне оставалось делать, когда его кинули в зиндан? Мы с сестрой оказались как в пустоте, и денег в доме ни куруша. А визиря Джафара все боятся.

– А Джафар-то тут причём?

– Причём его сын Саид. Когда я как-то зашла к отцу в медресе, то Саид меня там увидел и воспылал. Проходу от него не стало. Очень наглый и самовлюблённый. Недавно Саид дождался меня около нашего дома, схватил меня за руку и пытался обнять. В это время вышел отец. Его разговор с Саидом кончился тем, что Саид унёсся с воем и сломанной рукой. Вы же знаете, Ахмед-ага, какой отец здоровяк. Вот и вся история. На следующий день пришли стражники и забрали отца.

– Да, по слухам, Джафар — ещё тот фрукт. Мстительный и злобный, — задумчиво произнёс Ахмед. — Но не в этом проблема. Джафара укротить мы как-нибудь сможем. А вот между нами самими возникла запутанная история. Как её распутать? Отца-то отпустили? Что он тебе сказал, когда узнал, почему?

– Отпустили, Ахмед-ага. Сразу, как только я внесла выкуп. Мне он ничего не сказал. Погладил по голове и молча поцеловал. Ходит мрачный.

– Да, — согласился я, — довольно-таки запутанное положение создалось. Но вопрос-то не в этом.

– А в чём же?

– Создаёт ли эта запутанность кому-то какие-то тяготы? Если создаёт, то имеет смысл что-то попытаться изменить. А если тягот нет, то не надо эту запутанность и трогать. Всё само распутается со временем. Это моё мнение.

– Зубейда, а ты что скажешь? — спросил Ахмед.

– Я в растерянности. Но и отказываться или просить освободить меня от моих обязательств я не буду.

– Понятно. Дочь своего отца. Принципиальная и щепетильная. Что эти слова означают, представление имеешь?

– Первое знаю. Щепетильная — это как?

– Честная, обязательная в мелочах. Что-то в этом роде.

– Спасибо.

– Не за что. Вот твой договор, — и Ахмед передал бумагу Зубейде. — Делай с ним, что пожелаешь и поступай, как помыслишь. Но нам не хотелось бы, чтобы ты от нас ушла.

Зубейда молча и задумчиво, довольно долго рассматривала бумагу. Потом, словно решившись на что-то неминуемое, без слов протянула её мне и вопросительно уставилась на меня своими синими глазищами. Я тоже прочёл бумагу.

– Ну, что же, документ составлен правильно. Со знанием дела. Но поскольку сейчас он передаётся из рук в руки с явным намерением передачи и прав, то это должно быть соответствующим образом оформлено. Ахмед, ты должен сделать на этом договоре передаточную надпись в пользу Зубейды. Потом Зубейда сделает надпись уже в мою пользу. Иначе я не смогу продать Зубейду кому-нибудь, когда она мне наскучит. Где чернила? Нет? Что это за дом, где нет чернил! Возмутительно! Тогда, чтобы никто не имел возможности изменить свои намерения, сделаем вот это, — и я разорвал бумагу на мелкие клочки.

– Я не уйду от вас, — тихо сказала Зубейда, и Ахмед облегчённо вздохнул.

– Я же говорил тебе, Серж, что она хорошо воспитана и будет выполнять свои обязательства даже без всякой бумаги. Мы обречены, Серж.

– Обречены? На что?

– Нам теперь никогда от неё не избавиться. Без договора её не перепродать, — и Ахмед заразительно рассмеялся.

Глядя на него, засмеялись и мы с Зубейдой. Словно гора спала с плеч. Отсмеявшись, Ахмед обратился к Зубейде:

– Сходи, пожалуйста, с утра домой и попроси отца встретиться со мной в моей ковёрной лавке завтра после вечерней молитвы. Как бы он каких-нибудь

глупостей не натворил. А ты, Серж, сходи к Синдбаду и попроси его поговорить с Джафаром. Синдбад знает, как всё устроить. Ещё передай, что послезавтра мы с тобой уезжаем. Пусть все приходят завтра вечером ко мне. Посидим.

– Послезавтра? — упавшим голосом переспросила Зубейда. — Так скоро?

Солнечный луч уже давно поднявшегося светила через открытую дверь террасы упал мне на лицо. Отвернуться и поспать ещё или открыть глаза и пробудиться? Выбрал второе. Рядом, уткнувшись своим очаровательным носиком мне в плечо, тихо посапывает Зубейда. Осторожно поворачиваюсь, чтобы не разбудить её. Волна её роскошных черных волос прикрыла лицо и плечо. Бережно сдвигаю пряди, чтобы полюбоваться тем, что под ними.

Всё-таки она что-то почувствовала сквозь сон. Зашевелилась, обхватила меня рукой и придвинулась ближе. Зря. Попала под тот же солнечный луч. Потянулась с дремотным, носовым мычанием и открыла глаза. Какая же у этой сонной тетери всё-таки обворожительная улыбка! Но это не извиняет её безобразного поведения. Её хозяин уже давным-давно бдит, а она ещё только глазки продирает! Надо её наказать. И долго наказываю. Просто не оторваться от таких губ! Так и задохнуться недолго.

Взгляд Зубейды падает на окна и высоко стоящее солнце. Она отстраняется и вскакивает, словно подкинутая пружиной. Забыв при этом, что на ней ничего нет. Какая картина! Потом, поняв, что стесняться уже поздно, она заливается звонким смехом.

– Проспала. На кухне меня уже, наверное, ругают. Нужно бежать.

Что-то накидывает на себя и несётся в умывальню. Возвращается. Надевает остальное и выскакивает за дверь. Значит, скоро будет завтрак. О-хо-хо, вставать всё равно надо! Голубые шальвары ждут. Залезаю в них, а умывшись — и во все остальное. Опять забыл выпросить у Ахмеда что-нибудь для бритья. Двухдневная щетина портит всю мою неотразимую красоту.

– Завтрак подан, Сержи-сахеб. Гюльнара-ханум разрешила мне завтракать, обедать и ужинать вместе с вами. Оказывается в этом доме очень свободные порядки. Главное, чтобы всем было удобно и приятно, а стесняющие это традиции как-нибудь потом.

С удовольствием вкушаем дары, посланные Аллахом, не забывая попутно поедать глазами и друг друга. Закончив, спускаемся вниз и разбегаемся в

разные стороны. Зубейда к отцу, а я — к Синдбаду. Время, похоже, уже часов десять-одиннадцать. Всё-таки пораньше бы нужно было встать.

Издалека видна рабочая суета на корабле. Что-то пилят, что-то тянут, что-то приколачивают и что-то непонятно что делают с парусами. Синдбад с деловым видом обсуждает какой-то вопрос — похоже, что с подрядчиками. Подрядчики изъясняются на торговом языке: "это есть — этого нет". Синдбад же на техническом: "вобью в землю — оторву голову". Как они друг друга понимают, совершенная загадка. Синдбад, кивнув мне, протягивает руку и быстро говорит:

– Извини, занят. Нужно подождать. Вон составь компанию Абу. Он со скуки сюда забрёл.

И действительно — наверху на капитанском мостике Багдадский вор рассматривает окрестности в какую-то странную штуку. Видимо, прототип подзорной трубы. Надо будет в следующий раз захватить сюда с собой морской бинокль и презентовать Синдбаду.

– Здравствуй, Абу.

– Салам, Серж. И тебе дома не сидится?

– И не говори. Ищу какую-нибудь разовую работу для души и тела. Да, и вот возникла у нас с Ахмедом одна трудность. Нужно как-то разрешить.

– Разрешение трудностей — это по нашей части. Освободился, наверное, наш капитан. Сюда идёт.

И действительно — Синдбад уже поднимается по трапу.

– Что это вы в разгар дня решили ко мне завалиться? У меня же ремонт корабля. Все на ушах стоят. Может, вечером придёте?

– Ахмед попросил заглянуть к тебе с утра. Наверное, есть причина.

– Проблема у них какая-то возникла, — добавил Абу.

– Ну, если Ахмед побеспокоил в такое время, то, наверное, не так просто. В чём дело?

– Знаете визиря Джафара?

– Да как его не знать! Всем известная сволочь.

– А Бахтияра-хаджи из медресе Акбара?

– Слышали что-то. Говорят, достойный человек. Что между ними может быть общего?

Оказывается, может. У Бахтияра есть дочь Зубейда, а у Джафара — сын Саид. Зубейда приглянулась Саиду, и он, наверное, решил побаловаться с ней. Подстерёг её у дома и взялся тискать. Тут из дома вышел Бахтияр и увидел такую картину. Разумеется, как отец, он решил побеседовать с Саидом о его невоспитанности и недопустимости такого поведения. В результате Саид убежал домой со сломанной рукой. На следующий день явилась стража и бросила

Бахтияра в зиндан. Зубейда осталась одна с младшей сестрой. В отчаянии она пошла на рабский рынок, продала себя и этими деньгами внесла выкуп за отца. Его отпустили.

– В чем трудность-то? Всё ведь разрешилось, — спросил Абу.

– Ахмед считает, что не разрешилось, а только начинается, учитывая репутацию Джафара.

– Очень может быть, — подтвердил Синдбад.

– Ахмед полагает, что раз сейчас Бахтияр от Джафара ускользнул, то Джафар непременно постарается устроить ему ещё какую-нибудь подлость, и это нужно предотвратить.

– Мне приходилось сталкиваться с Джафаром, — сказал Синдбад, — он плохо поддаётся убеждению. Но, тем не менее, всё же иногда можно уговорить его не делать глупостей или подлостей. Мне как-то удавалось. Наверное, у меня врождённый дар красноречия.

– Ага, знаем мы твоё красноречие! — воскликнул Абу. — А что это Ахмед вдруг принял такое участие в интересах Бахтияра? Джафар гадит многим, а не только ему. Или Ахмед имеет какое-то отношение к этой истории?

– Имеет. Бахтияр — хороший знакомый Ахмеда, и Ахмед ему чем-то издавна обязан. С другой стороны, когда Зубейда продавала себя, на рабский рынок зашли мы с Ахмедом, и Ахмед купил Зубейду для меня, не зная, что она дочь Бахтияра. Это выяснилось позднее. Получается, что и я сюда тоже замешан.

– Разрази меня гром, — заорал Синдбад, — ну и каша заварилась! Как мне такие вещи нравятся!

– Жаль, что здесь нет сейчас Шехерезады, — поддакнул Абу. — Она сказала бы: "Какая романтическая история!" И непременно сочинила бы из этого сказку.

– Поговорить с Джафаром, конечно, надо срочно, — в раздумье согласился Синдбад. — Только вот подходящее место и время не так просто найти. Про дворец и думать нечего. В свой дом Джафар никого не пустит. И в чайхану для беседы не пойдёт — побережётся. Мне в голову приходит только одно. Перехватить Джафара по дороге от его дома к дворцу халифа и побеседовать прямо на улице, — Синдбад взглянул на небо. — Сейчас около полудня. Дворцовая знать не утруждает себя ранним пробуждением. На малый

диван собираются много позже дневной молитвы. Так что Джафар двинется во дворец часа через два-три. Успеем подготовиться.

– Самый короткий путь от дома Джафара до дворца — по Соломенной улице, — напомнил Абу. — Где-нибудь там его и нужно ждать. Только вот визирей всегда сопровождают не меньше четырёх стражников. Нужен перевес, чтобы всё обошлось тихо, если Джафар заупрямится и не захочет поддержать разговор.

– Перевес — это моё дело, — ответил Синдбад. — А тебе, Абу, я дам быстроногого мальчишку. Сходи и посмотри, где бы нам удобнее встретить Джафара. Соломенная улица рядом, да вот дом Джафара не очень близко. Отсюда его не увидишь. Мальчика поставишь наблюдать за домом. Пусть бежит сюда, когда Джафар направится во дворец. Пойдём.

Через несколько минут Абу с каким-то шустрым мальчонкой сошли на берег и скрылись в улицах. А Синдбад, собрав своих матросов, что-то им старательно втолковывает. Я же пока обследую капитанский мостик. Штурвала нет. Вместо него — огромное бревно-правило, идущее от рулевого пера. Верёвки с петлями, удерживающие правило в среднем положении. Если их снять и волна грохнет по рулевому перу, то бревно трудновато будет удержать.

На низком столбе перед правилом примитивный компас — игла, залитая воском и плавающая в покрытой стёклышком медной лоханочке. Воск не даёт игле утонуть. Прототип подзорной трубы — это две не очень хорошо отшлифованные открытые линзы, подвижно укреплённые на планке. Приближают. Но и даже настроенные в фокус заметно искажают изображение. Но всё равно лучше, чем вообще ничего. Да, тяжеловат труд навигатора тысячу лет назад!

– У меня всё готово к мирным переговорам, — сообщает поднявшийся на мостик Синдбад. — А вон и Абу возвращается. Прикажу-ка я, чтобы нам перекусить принесли прямо сюда.

Перекусываем стоя и ждём мальчика. И в самом деле, проходит почти два часа унылого обмена фразами между собой, прежде чем он выскакивает из одной из улиц и машет рукой. Короткая команда — и восемь живописно одетых матросов с сабельками и ножичками топают по сходням вслед за нами.

Да, Соломенная улица, действительно, всего в пяти минутах ходьбы. Команду матросов во главе с Абу оставляем за углом какого-то проулка, по

которому пришли. А мы с Синдбадом вышли на саму Соломенную и встали в сторонке. Прохожих немного, а процессия визиря уже показалась вдалеке.

Четверо здоровяков волокут носилки, а впереди и позади них — по два вооружённых стражника. Мы готовы их встретить. Из-за угла проулка торчит нос Абу, наблюдающего за ситуацией. Когда процессия почти поравнялась с нами, Синдбад вышел на середину улицы и поднял руку. Носилки остановились, а стражники насторожились, схватившись за рукоятки сабель.

– Спокойно, спокойно, — ровным голосом, но громко и внушительно произнёс Синдбад. — Никакой опасности нет, — стражники замерли в напряжённом ожидании.

Мы с Синдбадом подошли к носилкам. Синдбад постучал по крыше.

– Салям алейкум, Джафар.

– Салям, Синдбад, — донеслось изнутри, — что тебе надо?

– Поговорить хотим.

– Мне некогда с тобой говорить. Спешу во дворец.

– И всё-таки поговорить придётся. Может, тебе даже расхочется идти во дворец.

– Ты наглец, Синдбад. Отойди, или тебе придётся иметь дело со стражей!

– Какой же ты всё-таки несговорчивый, Джафар! — со вздохом сожаления и укоризны произносит Синдбад.

Он протягивает руку и, как пушинку выволакивает из носилок богато одетого, слегка рыхловатого мужчину лет пятидесяти с одутловатым лицом и бегающими глазками. В то же время из-за угла стремительно вылетает гурьба матросов. Три-четыре секунды — и все стражники прижаты к стене, а их оружие валяется на земле. Носильщики, бросив свой груз, в знак повиновения присели на корточки и закрыли головы руками. Джафар словно потерял дар речи от неожиданности. В глазах испуг.

– Начинай, Серж.

– Уважаемый Джафар-ага, — выступаю я на сцену, — ваш сын Саид позволил себе нанести недопустимое оскорбление очень уважаемому в Багдаде Бахтияру-хаджи и его дочери. За что Аллах и наказал его сломанной рукой. Это меньшее, чего Саид мог бы ожидать. Если бы Бахтияр-хаджи не был бы так добросердечен, то мог бы просто свернуть Саиду шею и любой суд оправдал бы отца, защищающего честь своей семьи. Однако от вас, Джафар-ага, не последовало никаких извинений за оскорбление. Наоборот, Бахтияр-хаджи почему-то оказался в зиндане. Мы подозреваем, что, выбравшись оттуда, он

может подвергнуться ещё каким-нибудь недопустимым преследованиям с вашей стороны. Поэтому предостерегаем вас от необдуманных действий и надеемся, что нанесённое вашим сыном оскорбление семье Бахтияра-хаджи будет справедливо возмещено. Я понятно выразился?

– Понятно, понятно, — подтвердил Синдбад. — Мне, во всяком случае. И как проникновенно! Я чуть не прослезился. Джафар, а тебе-то понятно?

Судя по всему, Джафар приободрился, сообразив, что его никто прямо сейчас убивать не собирается.

– Что вы лезете не в своё дело! Я как-нибудь сам разберусь с Бахтияром и вы мне не помешаете. А халифу я пожалуюсь на ваше нападение.

– Да-а, пожалуй, он так ничего и не понял или просто не хочет понимать, — констатировал я. — Зря я рассчитывал на его разумение. Попробуй теперь ты, Синдбад. Может, твоё хвалёное красноречие окажется более доходчивым.

Последовал короткий и мощный удар в левый глаз. Джафар влетает в свои носилки и застревает там, дёргая ногами. Синдбад рывком извлекает его оттуда и держит за халат, не давая рухнуть на землю.

– Ты, Джафар, наверное, просто забыл, чем кончились твои жалобы на меня халифу в прошлый раз. Могу напомнить для освежения памяти. Лучше всего, думаю, подействует приложение по зубам. С одного удара я вряд ли тебе их все вышибу, но за половину ручаюсь. А если ещё халиф узнает, что ты из-за своего крысёныша Саида вытворяешь с уважаемыми в городе людьми, то моё красноречие тебе райским наслаждением покажется.

– Я, я, я…, — пытается что-то плаксиво выдавить из себя Джафар.

– Да, ты, — подытоживает Синдбад, — отправишься сейчас не во дворец, а домой, ставить примочки на глаз. Немедленно напишешь Бахтияру-хаджи письмо с извинениями. Вернёшь ему деньги, потраченные на выкуп его из зиндана, и добавишь ещё двадцать золотых динаров, как возмещение за беспокойство. И не рискуй снова нарваться на моё красноречие!

Синдбад бесцеремонно запихнул Джафара в носилки, дал знак отпустить стражников и жестом указал двигаться с носилками обратно. Стражники подобрали своё оружие и, опасливо оглядываясь, поплелись за носилками. Мы ещё немного постояли, глядя процессии вслед, и вернулись на корабль.

– Где это ты, Серж, научился так ловко изъясняться? — поинтересовался Абу. — Я прямо заслушался.

– Природный талант и чтение книг, — скромно потупив взор, ответил я. — Но зато Синдбад просто ошарашивает своими очень весомыми аргументами. У

меня никогда не получится так быстро и так убедительно. Ребята, мы с Ахмедом завтра уезжаем. Поэтому он просил передать, что сегодня вечером все собираемся у него. Предупредите Шехи и Аладдина.

– Ладно, сделаем. Зубейду-то покажете? Стоит она войны с Джафаром?

– Стоит.

В доме на улице Ткачей все уже давно отобедали. Но и мне всё же что-то перепало. Официантка принесла пищу и теперь сидит напротив, с улыбкой наблюдая сапфировыми глазами, как я с аппетитом всё уплетаю. Наконец отваливаюсь от стола. Вздремнуть, что ли, маленько? Я подбираюсь к Зубейде и принимаю горизонтальное положение, положив голову ей на колени. Нет, лучше не так. Поворачиваюсь на бок и устраиваюсь поудобнее, уткнувшись носом в её живот. Под щекой — тёплое и упругое бедро девушки, а её пальцы ласково ворошат мои волосы.

– Интересно, Зубейда, а райские гурии очень похожи на тебя? — спрашиваю я и засыпаю, так и не дождавшись ответа.

Я и не заметил, как из-под моей щеки утянули тёплое и упругое, а заменили на рыхлое и душное. Подушка никогда не заменит девичьего бедра. Сны ими навеваются разные. От девичьего бедра исходят сладострастные сны, а от подушки — романтические. Солнце уже склоняется к вечеру, а я ещё валяюсь на оттоманке. Не сразу, конечно, а проснувшись и ополоснувшись, выбираюсь из дома и топаю на рынок. Ахмед, как и предполагалось, сидит в ковёрной лавке и мирно распивает чаи с Али-Бабой и кем-то ещё. Оказывается, со своим давнишним приятелем Бахтияром-хаджи. Ахмед нас знакомит и подсовывает мне пиалу.

– Давай-ка догоняй.

– И далеко вы оторвались?

– На два часа. Тут, понимаешь, какая-то странная история, — украдкой подмигивая мне, говорит он. — К Бахтияру сегодня после обеда пришёл гонец с письмом и мешком денег от визиря Джафара. Джафар извиняется за поведение сына и просит не держать зла на их семейство. Мол, произошла досадная ошибка, и просит принять возмещение за нанесённый ущерб и хлопоты. Бахтияр не может понять, что такое произошло с Джафаром. Притащил сюда деньги и пытается всучить их мне. Помоги мне от него отбиться. Бахтияр хоть и приятель

мне, но иногда до ужаса въедливый и занудливый, когда дело касается его принципов.

– Я не знаю, как вас рассудить. Вы давние приятели, а я человек посторонний для Бахтияра-хаджи. Какой из меня судья! Но давайте хотя бы разберёмся в ситуации. Может, всё дело не в принципах и отношениях, а просто в неверно истолкованных событиях.

Начнём с Джафара. Конечно же, он причастен к неприятностям с Бахтияром-хаджи. Я, Синдбад и Абу встретились сегодня с Джафаром в дружеской обстановке и попытались выяснить, что произошло. Джафар оказался на редкость приятным и понимающим человеком. Оказалось, что его обманул собственный сын. Не на Саида напали, как он сообщил отцу, а Саид напал на дочь Бахтияра-хаджи. За что и пострадал. Узнав это, Джафар, как всякий честный и разумный человек, поспешил исправить свою ошибку. Отменив свой визит во дворец, он бросился скорее домой и по невнимательности споткнулся, упал и сильно ушибся. Однако, как я понимаю, своё намерение искупить вину постарался выполнить как можно быстрее.

Ахмед и Бахтияр переглянулись и дружно расхохотались.

– Сержи-сахеб, — отсмеявшись, сказал Бахтияр, — я ещё ни разу не встречал такого бесстыдного и складного вранья. Джафар, стало быть, упал и ушибся? Ахмед верно описал вас как очень находчивого человека.

– Спасибо. Что там ещё, Ахмед? Твой друг хочет навязать тебе какие-то деньги? Сколько и за что?

– Пятьдесят динаров выкупа почему-то хочет вернуть мне.

– Вот это очень странно, Бахтияр-хаджи. Выкуп за вас кто вносил?

– Зубейда.

– Это были её деньги или чужие?

– Её.

– Тогда почему вы пытаетесь вернуть их не дочери, а совсем другому человеку?

– Но…, — и Бахтияр замолк на полуслове.

– Вот именно — "но". Может быть, вы сомневаетесь в источнике денег? Ведь Зубейда была сегодня дома и наверняка рассказала, какой странной связью мы все совершенно случайно оказались опутаны.

– Рассказала.

– Вы не думаете, что в произошедших событиях со стороны кого-либо из нас было сделано что-то нечестное?

– Упаси Аллах! Нет, конечно. Но всё как-то странно, необычно. Как реагировать на всё это?

– Никак. Ситуация необычная и путанная. Тут я согласен с вами. Сложилась она в результате беды. Это невозможно отрицать. Но сами подумайте, есть ли в этой путанице хоть какое-то положение беды сейчас для кого-нибудь из нас? Кто-нибудь жалуется? У нас в стране есть народная поговорка: "Не было бы счастья, да несчастье помогло". Самым пострадавшим человеком два дня назад была Зубейда. А сегодня она себя считает страдающей? Что она говорит?

– Она не хочет ничего менять.

– Вот вам и ответ. Смиритесь с тем, что получилось, и не пытайтесь изменить принудительно. Со временем всё само встанет на своё место. Ну, а что делать с деньгами, посоветуйтесь с Зубейдой. В доме Ахмеда-ага они вряд ли ей понадобятся. У неё всё необходимое есть. Вас, наверное, больше всего беспокоит получившаяся несвобода вашей дочери.

– Ещё как беспокоит!

– Напрасно. Нет никакой несвободы даже формально. Договора покупки на бумаге уже нет, и она совершенно свободна. Но она — дочь своего отца и свои обязательства никогда не нарушит. Не надо её к этому подталкивать. Странное положение Зубейды известно только нам. А внешне соответствует законам и традициям вашей страны. В силу обстоятельств она оказалась в чужой семье не как чья-то жена, чего вам, Бахтияр-хаджи, наверное, хотелось бы, но она и не рабыня. Пусть она сама выбирает свою судьбу. Мне почему-то кажется, что Ахмед-ага склонен относиться к Зубейде, как и к своей, а не только вашей дочери, и в обиду её никому не даст. Что поделаешь, раз уж так нескладно всё получилось.

– Вот видишь, Бахтияр, как этот стервец всё здорово излагает. Соблазнил нашу общую дочь, а теперь уговаривает нас ничего не делать. Хотя, насколько я его знаю, у него наверняка уже созрел какой-нибудь коварный план на будущее. Но сейчас он прав. Не нужно пытаться что-то распутывать, чтобы чего-то случайно не испортить. Тем более что, похоже, они с Зубейдой влюблены друг в друга. Сам понимаешь, соваться сюда никому не следует.

– Одурманили вы меня своими разговорами. Хотя и возразить трудно. Я так и этак прикидываю. Что ни попытайся зацепить — получится только хуже. Раз Зубейда не хочет ничего менять, то пусть так и будет.

Мы просидели вместе ещё часок, болтая о разном, и разошлись вполне довольные друг другом. Бахтияр отправился к себе домой один, а мы — на улицу Ткачей втроём.

– Слушай, Ахмед, может, посиделки устроим у меня в гостевой комнате? Синдбад и Абу жаждут увидеть, за кого сегодня воевали. Пусть лопнут от зависти.

– Зачем? В гостевой и тесновато будет, и угощение, наверное, уже начали расставлять у меня. Просто возьмём прислуживать Зубейду.

– Ладно, как скажешь.

Шехерезада уже пришла и болтает о чем-то с Гюльнарой-ханум, зашедшей в комнату мужа проверить, всё ли готово к приходу его друзей. Прикладываемся по очереди к щёчке сказочницы, и я на минутку забегаю к себе. Зубейда скучает в своей комнате.

– Зубейда, — прошу я, присасываясь ненадолго к её губам, — сейчас у Ахмеда соберутся наши друзья. Помоги их обслужить. Тебе нужно хоть немного с ними познакомиться. В наше с Ахмедом отсутствие ты всегда сможешь обратиться к ним за помощью, если возникнет необходимость.

– Поняла, Сержи-сахеб. Сейчас переоденусь и приду. Нужно ещё спросить у Гюльнары-ханум, что и когда подносить.

Вернувшись к Ахмеду, обнаруживаю, что все уже в сборе. Рассаживаемся и, балуясь лёгким винцом, ждём вноса яств. Зубейда правильно уловила не высказанное мной пожелание. Первое же вплывшее в комнату блюдо — это просто предлог для явления собравшемуся обществу женской красоты и совершенства. Уж на что Шехерезада искушённый и всё повидавший по части женских прелестей человек, но и она не сдержалась.

– Ахмед, откуда у тебя это чудное создание? Прячь скорее. Если халиф прослышит о такой красоте в твоём доме, то не миновать беды, — и, подумав, добавила: — Кому-нибудь.

– Это не моя красота, — ответил Ахмед. — Её обладатель Серж.

– Так это и есть Зубейда? — чуть не в один голос восхищённо ахнули Синдбад и Абу. Переглянулись между собой, и Синдбад пообещал:

– Прибьём Джафара.

– Аладдин, — скомандовала Шехеризада, — закрой рот и смотри перед собой. А то я всё скажу царевне Будур.

– Брось, Шехи, — ответил тот, — восхищение красотой и измена — не одно и то же.

– Небывалая удача тебе выпала, Серж, — признал Али-Баба.

И, действительно, Зубейда, зардевшаяся от комплиментов, как майская роза, ужас как хороша! Мне даже стало завидно самому себе. Вишневое ниспадающее платье с ажурным серебром украшений, сапфир глаз и каменьев, совершенство черт лица, пластичность и стройность фигуры создают поразительное по гармонии, безукоризненности сочетание.

А Зубейда между тем, похоже, решила пошалить, раз представился такой случай. Поставив поднос с пловом и мясом на стол, она не ушла, а отступила на три шага назад и, сложив перед собой опущенные руки, застыла, словно в ожидании распоряжений. Трапеза началась, но в поведении гостей чувствуется какое-то замешательство. Только Ахмед посмеивается себе в бороду. Правда, Шехерезаду не так просто провести женскими уловками. Она всё поняла и моментально исправила неловкость положения.

– Зубейда, иди садись рядом со мной. А то кто-нибудь из присутствующих подавится невзначай или вывихнет себе шею, оборачиваясь к тебе.

– Я не смею, Шехи-ханум. Только если Сержи-сахеб разрешит.

– Зубейда, не позорь меня перед друзьями. Ты прекрасно знаешь, что тебе никто ничего не запрещает. Стало быть, и разрешений никаких не надо.

– Тогда я сяду рядом со своим повелителем, — улыбнулась она.

– Вина выпьешь?

– Спасибо.

Между тем Ахмед на минуту вышел и вернулся с другой служанкой, уже нагруженной всяким разным. Что она и принялась расставлять перед гостями.

Шехерезада тяжело вздохнула:

– Счастливая ты, Зубейда. Тебе не нужно никому никаких сказок рассказывать по ночам. Ты сама сказка. Я бы с радостью приняла тебя в нашу компанию.

Багдадский вор мечтательно и завистливо сказал:

– А вот мне бы для отвлечения внимания такую напарницу, как Зубейда. Пока все, раскрыв рот, пялятся на неё, я мог бы вернуть себе не только Око Света. Дворец халифа разобрал бы по кусочкам, и никто ничего бы не заметил.

– Брось, — отмёл такую возможность Али-Баба. — Зубейда не создана для воровских махинаций. Вот если бы взять её к нам в лавку, то продавать стали бы

вдесятеро больше. Весь базар сбегался бы к нам, чтобы полюбоваться на такое диво.

– Блестящая идея, — воскликнул Ахмед, — и спасение от домашней скуки. Ты как, Зубейда?

– Я не знаю, Ахмед-ага.

– Ладно, потом обсудим.

– А мне бы от неё ничего кроме вреда, — посетовал Синдбад. — Матросы посходят с ума. Обидно.

– А мне, а мне…, — начал было Аладдин.

– А тебе ничего, — оборвала его Шехерезада, — ты уже продан царевне Будур. Вы только представьте себе, какая история произошла сегодня во дворце…

– Шехи, совсем не обязательно всем об этом рассказывать, — забеспокоился Аладдин.

– Как это не обязательно? Сам знаешь, что у нас друг от друга секретов нет. Так вот, явился Аладдин во дворец, разодетый, как модник на базаре. Пришлось даже кое-что тут же снять, чтобы не позориться. Провела его в верхний сад, где обычно гуляет Будур. Усадила на скамейку и настрого велела ему ни в коем случае рта не раскрывать и только вежливо поклониться, если Будур его заметит. Очень важно, чтобы она первая проявила интерес и начала расспрашивать у кого-нибудь о нем. У "кого-нибудь" — это, значит, у меня. Сама я спустилась в нижний сад и села у фонтана, словно совершенно ни при чём. Только прислушиваюсь.

И дослушалась. Буквально через четверть часа из верхнего сада донеслись истошные вопли Будур "Стража, стража!" Взбегаю наверх. Стражники уже тут и держат нашего Аладдина вполне надёжно. С Будур чуть ли не истерика. Упала мне на грудь и всё повторяет: "Это он, это он!" Больше ничего не может промолвить. Я распорядилась стражникам пока не уводить Аладдина из сада никуда, а привязать к колонне и присматривать. А Будур я увела к себе.

Когда Будур немного поуспокоилась, то выяснилась очень интересная вещь. Оказывается, что Аладдин кое-что утаил от нас. Будур его видела раньше. И при очень интересных обстоятельствах. Как я понимаю, имело место следующее событие.

Аладдин положил глаз на Будур, когда она шествовала в баню. Он последовал за процессией, проник в баню и стал подсматривать, как Будур раздевается. На этом сама Будур его и застукала. Конечно же, вопли, паника,

стража. Аладдину удалось удрать только потому, что стражники, преследовавшие его, поскользнулись на мыле.

Повествование пришлось прервать из-за жуткого хохота охватившего всех.

– А мне было не до смеха, — обиженно проговорил Аладдин, когда все немного поуспокоились.

– Да ладно тебе, — смахивая набежавшие слезы, отмахнулся Ахмед. — Шехи, продолжай, пожалуйста. Только поосторожнее. У меня сердце может не выдержать.

– А дальше вот что. Когда истерика кончилась, то началось обсуждение того, какой казни потребовать у отца для наглеца. Нужно так, чтобы помучился, но без крови и хрипов. Будур очень впечатлительна и не выносит крайностей, а понаблюдать за жертвой ей хочется. Я ей сказала, что всё это можно устроить. А одновременно и получить большую пользу для себя. У тебя, мол, Будур, куча старших, ещё незамужних сестёр. Когда тебе выпадет черед выйти замуж, одному Аллаху известно. Тебе представилась возможность опередить всех и избавиться от дворцовой скуки. Нужно только наглеца поставить перед выбором. Или женитьба на Будур, или топор палача. Понятно, что он выберет. Ну, а пытку ты уже после свадьбы устроишь ему сама. Главное, чтобы отец не узнал о преступлении наглеца. Тогда и твои просьбы о помиловании не помогут, а безголовых мужей не бывает.

Тут Будур и призадумалась. А потом высказалась, что наглец, вообще-то, недурён собой. Поинтересовалась, кто он. За что отец собирается наградить его титулом. Какой у него дом. Ну, и всё такое прочее. Осталось только передать наглецу наши условия. За тем я и вернулась в верхний сад.

– Ну, ты и дипломат, Шехи, — восхитился Синдбад. — Раз Аладдин здесь, то значит, твоя миссия увенчалась успехом. И как удивительно просто у тебя всё получается. Восхищаюсь.

– Ты подожди восхищаться простотой. Во дворце её не бывает. Там на каждом шагу возникают неожиданные сложности. Так получилось и на этот раз. Поднявшись наверх, я застала в саду халифа. Гарун стоял напротив привязанного Аладдина и о чем-то расспрашивал стражников. Увидев меня, Гарун оставил стражников в покое и между нами состоялся примерно вот такой разговор:

"– Шехерезада, что это значит? Почему он тут привязан? Стражники говорят, что Будур истошно кричала "Это он, это он!". Что происходит?

– Просто Будур признала в Аладдине человека из своих снов. И это её так возбудило, что она и начала кричать, а стражники подумали, что на неё напали, и схватили парня.

– А зачем он привязан? Стражники говорят, что это ты приказала.

– Будур попросила как-нибудь задержать его. Она застеснялась своих чувств и убежала. А этот вот претендент на её руку тоже норовил удрать. То ли испугавшись криков Будур, не поняв их значения. То ли испугавшись стражников. Не могла же я разорваться надвое. Бежать за Будур и стеречь этого парня. Вот и сказала, чтобы его здесь придержали.

– Да? А можно было бы подумать, что виной всему вспыхнувшая с такой силой страсть, что предмет страсти приковали поближе к себе, чтобы удобнее было пользоваться. Но тогда нужно было бы этот предмет утащить в комнату Будур. Здесь её сёстры быстро парня растерзают.

– Ваше величество, очень хорошо, что вы оказались тут. Не уходите. Сейчас я приведу Будур, и всё разъяснится.

– Веди. Посмотрим, как она выкручиваться будет. Знаю, что тебя-то на обмане так просто не поймаешь.

Прибегаю к Будур.

– Всё, нас накрыли! Твой отец наверху и пытается выяснить, почему парень привязан. Ты врать, как я, не умеешь. Поэтому на любые вопросы отвечай, что хочешь выйти за него замуж. Только это и больше ничего. Поняла?

– Поняла.

– Побежали!

Наверху всё та же картина.

– Будур, что всё это значит?

– Папа, я хочу выйти за этого человека замуж.

– А почему тогда он привязан?

– Я хочу выйти за него замуж.

– Ты его знаешь?

– Хочу выйти за него и всё тут!

– А он хочет взять тебя в жены?

– А мне плевать, — заявила Будур и получила от меня больный щипок пониже спины. — Ой, я хочу выйти за него замуж! Чего тут непонятного?

– Сил у меня нет с вами ладить. Вретё вы всё! Сговорились, — заявил Гарун и повернулся уходить. — Не забудьте отвязать парня и готовьтесь к свадьбе".

– Вот, собственно, так, наконец, мы и продали Аладдина в мужья. За избавление от топора.

– Ловко, — заметил Синдбад. — А ты, Зубейда, не хочешь рассказать нам какую-нибудь историю?

Зубейда прижалась к моему плечу и помотала головой.

– Я ещё ни одной истории не прожила, — звонким, как серебряный колокольчик, голосом призналась Зубейда.

– Ничего, у тебя в семнадцать лет ещё всё впереди, — обнадёжила Шехерезада.

Так за разговорами и шутками разошлись уже только после полуночи.

В гостевой комнате только мы с Зубейдой. Она сидит у меня на коленях и, склонив голову на плечо, дышит мне в шею. Весь дом уже спит, а мы никак не можем оторваться друг от друга.

– Какие у вас хорошие друзья, Сержи-сахеб, — промурлыкала Зубейда.

Она где-то в оборудовании моего организма отыскала правую руку, разогнула пальцы и прижала мою раскрытую ладонь к своей груди. Я и не подумал сопротивляться такому бесстыдству.

– Наши друзья, Зубейда, наши. Теперь они и твои друзья тоже, — шепчу ей в маленькое ушко, ласково поглаживая упругую округлость, к которой мне открыли доступ. — А не пора ли нам ко сну? Как ты думаешь?

– Наверное, пора. Я пойду, переоденусь.

– Зачем? Снимай своё парадное платье прямо здесь.

– Как скажете, Сержи-сахеб.

Какая прелесть это парадное платье! Его приходится очень долго снимать. Откровенно любуюсь сложной процедурой. Зубейда уже не стыдится свой наготы, а, закончив процесс и тряхнув своими роскошными волосами, ныряет под покрывало нашего ложа.

Хорошо быть хозяином, не обременённым заботами. Хотя бы даже хозяином только самому себе. Когда хочешь, тогда и просыпаешься. Просыпаюсь, когда солнце уже довольно высоко. Вокруг на всём ложе ни души, кроме меня. Бросили меня одного без зазрения чего бы то ни было! Время, наверное, где-то между пора вставать и пора завтракать. Намного ближе ко второму. Черт, задумавшись, чуть не вылетел на террасу в чем мама родила, а там, у дверей уже ждёт засада. Едва успел прикрыться какой-то салфеткой, сдёрнутой на лету со стола.

– Сержи-сахеб, а чего ты такой голый? Зубейда ограбила? Ну, я ей задам! Хотя нет, вон твои штаны позади тебя лежат.

Подлетает мать Джамили. Смеясь и отводя от меня глаза, хватает дочь.

– Сержи-сахеб, меня опять уносят! Да вы что, сговорились все, что ли? Каждый день одно и то же…, — доносится уже откуда-то издалека.

Полить некому. Так что моюсь одной рукой, в другой держа кувшин. Хорошо хоть, что вчера Ахмед снабдил меня безопасной бритвой. Скребусь. Вроде ничего рожица в мутном зеркальце. В меру смазливая, в меру мужественная, а вообще-то ничего особо примечательного. За что она меня любит? Загадка. Семнадцать лет, как заметила Шехи? Или восемнадцать? Сам как-то стесняюсь спросить. Наверное, всё же не больше. Почти крайний срок девичества на Востоке.

Прибыл завтрак, а с ним и гость.

– Сегодня я позавтракаю с вами, — говорит Ахмед, — поговорим заодно о некоторых делах в наше отсутствие.

Все трое расселись и принялись вкушать.

– Я, собственно, больше по поводу Зубейды. Неизвестно, сколько мы будем отсутствовать, а ей нужно будет чем-то время занять. Гюльнара, конечно, может её чем-нибудь загрузить по дому, но для молодой девушки это скучно. Али-Баба вчера хорошую мысль подал. А, Зубейда? Не хочешь торговлей тканями заняться или фарфором? Интересно, весело и время незаметно летит.

– Спасибо, Ахмед-ага. Я подумала. Наверное, интересно. Но я ведь не умею торговать. Да и этим обычно мужчины занимаются. Как смотреть на нас будут? Что скажут?

– Да пусть говорят, что хотят. Поговорят и перестанут. Мы убедились ведь, что чувство красоты у тебя есть, и при этом изрядное.

– Вот-вот, — поддержал я, — взять, скажем, торговлю тканями. Что может подсказать торговец-мужчина женщине о ткани на платье, которая была бы ей к лицу? Ничего. А ты можешь, и со стороны женщин к тебе будет больше доверия. Тем более что у тебя теперь есть новый друг — Али-Баба. Он как начальник тебе поможет, научит. Ну что — попробуем?

– Как скажете, Сержи-сахеб.

– Ну вот, опять то же самое. А свои-то желания у тебя есть?

– Я согласна. А вдруг не получится?

– Вот и хорошо. Всё у тебя получится, Зубейда,— Ахмед поднялся, — собирайся, и пойдём учиться продавать ткани и ковры. А ты, Серж, чем займёшься? Не забудь, что днём мы уезжаем.

– Не знаю, пойду прогуляюсь. Потом зайду к вам в лавку. Оттуда и двинемся.

Захватил мешок со своей отстиранной, отглаженной джинсой и зашёл попрощаться с Гюльнарой-ханум.

– Очень благодарен вам, Гюльнара-ханум, за кров и пищу.

– Да что там, Сержи-сахеб. Мы всегда вам рады. Ахмед сказал, что угловая комната навсегда ваша. А за Зубейдой я присмотрю. Не беспокойтесь. Очень хорошая девушка, — помолчала и, вздохнув, добавила: — Мы с Ахмедом встретились почти сорок лет назад. Он и тогда был взрослым мальчишкой. Таким и остался до сих пор — старый мальчишка. А я так и не могу привыкнуть к его внезапным появлениям и исчезновениям. Хотя и ни о чём не жалею. С ним интересно и покойно, когда он здесь. Вы ведь, Сержи-сахеб, тоже оттуда, куда он исчезает? Конечно же, оттуда. И характер у вас похожий. Почему-то думаю, что Зубейда тоже ни о чём жалеть не будет. Возвращайтесь. Здесь вас всегда ждут.

Бреду потихоньку к базару и размышляю. Почему-то во всех мирах, которые я посетил, нас — пришельцев — воспринимают одинаково. Как сказала Гюльнара-ханум: "С ним интересно и покойно". Несмотря на сумасбродства. Наш Дом отобрал схожих по характеру, морали людей? Как это ему, Дому, а, вернее — Генриху Швейцеру, удалось?

Теперь я начинаю понимать, почему там, у себя в Питере, мы обречены на самоизоляцию. Это вовсе не только ради свободы перемещений. А потому что создали в другом мире то, что больше нигде повторять нельзя. Во всяком случае, по нашим собственным моральным принципам. Зубейда — это хотя мне и очень дорогое, но ещё не неповторимое, хотя может им стать. А вот семья Ахмеда — уже то неповторимое, которое нельзя множить. Думаю, что если Ахмед почувствует, что его время на исходе, то он уйдёт сюда насовсем. А что касается меня, то всё-таки Багдад — это не мой мир. Чёрт, а что может помешать перетащить Зубейду в свой мир? С её согласия, разумеется. Надо же, какая мыслишка любопытная проскочила!

Шумит и суетится восточный базар. Карманные деньги, которыми меня обеспечил Ахмед, так все и не потрачены. Бренчат и оттягивают карман. Интересно, а то чудное вишнёвое платье Зубейды, которое я назвал парадным, уже было у неё или куплено на деньги Ахмеда? Тащить монеты с собой в Питер не стоит. Стало быть, надо спустить всё здесь. А на что? Кого это я пытаюсь

надуть таким вопросом? Когда ясно заранее, на что — на подарки. Причём и известно кому.

Так, где тут европейцы? Вон они, держатся особнячком. Чего это они на меня с таким интересом уставились? Ну да, конечно — физиономия европейская, а штаны турецкие. А вот и лавка венецианского купца. Торговец очень похож на персону с портрета руки Леонардо. Зеркала? Пожалуйста. Ого! Настенное стоит двадцать золотых динаров. Это нам не по карману. А ручное? Да-да, вон то — овальное. Четыре? Это нам подходит — беру! Очень даже миленькое, чистое зеркало в изящной оправе. И низенький ларчик для него. В мешок! Куда дальше?

Вспоминаю о китайском фарфоре в одной из лавок Ахмеда. Пробираюсь к ней сквозь базарную толчею. Приказчик узнает меня. Дружелюбно здороваемся. Как же его зовут? Ага, вспомнил.

– Мустафа, покажи, пожалуйста, китайские статуэтки. Все, какие есть.

– Люди, животные или растения? Их много всяких, Сержи-сахеб.

Смотри-ка, и он меня по имени знает! Хотя в прошлый раз Ахмед нас не знакомил.

– А вот об этом-то я как раз и не подумал. Пожалуй, люди.

– Таких в этот раз привезли немного, и все женщины.

– Давай всех их и посмотрим.

Мустафа вытаскивает изделия из разных углов. Некоторые приходится распаковывать. Помогаю расставить их на одном из сундуков и начинаю рассматривать. Разные. Есть грубоватые, а есть и тщательно сделанные. Одна сразу привлекает внимание. Большая фигурка девушки — наверное, сантиметров тридцать пять в высоту. Идеальная, тонкая работа! Складки одежды. Гармонично подобранный, сочный колорит. Изящная поза и жест рук. Тончайшие пальчики и нежнейшие цветочки. Тщательно прорисованные мельчайшие детали лица совсем вроде бы не китаянки. Или китаянки, похожей то ли на индианку, то ли на персиянку. Слегка подрумяненные щёчки. И во всём вместе что-то неуловимо похожее на Зубейду. Восхитительно!

– Вот эту возьму. Сколько?

– Полтора динара.

Высыпаю на сундук всю наличность.

– Давай считать, Мустафа, хватит ли?

– Хватит, и ещё останется. Вот один золотой динар есть, и серебром отсчитаем остальное. Вот это остаётся.

– Понимаешь, Мустафа, мне ещё нужен гребень. Лучше из слоновой кости и красивый. Этого хватит?

– Должно хватить.

Статуэтка завёртывается в ткань, потом в циновку и укладывается в специально для неё сплетённую корзиночку. Мустафа объясняет, как добраться до изделий из кости.

Гребней и гребешков просто завались. Из слоновой кости тоже немало. Объясняю торговцу, для кого гребень и показываю, сколько есть денег. Оказывается, на такие деньги можно получить даже набор резных гребней из слоновой кости. Выбираю. Вот набор из пяти предметов разного размера и частоты зубьев. Недурно, недурно — беру. Всё! Пустой. Можно идти в лавку к Ахмеду.

Смотри-ка ты — у Зубейды уже клиент. Вернее, клиентка. Первая? Стоят у полок с пёстрыми тканями и, вытащив концы нескольких рулонов, что-то оживлённо вполголоса обсуждают. Али-Баба с помощниками внимательно за ними наблюдают из-за прилавка. Какой-то мужик в богатом халате с унылым видом сидит в сторонке и пялится на Зубейду. Наверное, он кошелёк клиентки и скучает уже давно. Не хочу мешать и, скинув в нужном месте башмаки, тихо проскальзываю во внутреннее помещение. Ахмед тут.

– Что это ты набрал, — наблюдая за выгружаемыми свёртками, подозрительно спрашивает он.

– Наши подарки для Зубейды.

– Наши?

– А ты как думал? Деньги-то твои. Да и вообще — ты меня втянул в рабовладение и теперь думаешь в стороне остаться? Дудки! Последствия делим по справедливости. Мне радости — тебе траты.

– Ну-ну. Видел, что там творится? Зубейда прямо слёту уже вторую покупательницу обрабатывает.

– И как?

– Предыдущая модница пришла купить головной платок, а ушла с ним и ещё с материей на три платья, — со смехом говорит Ахмед.

– Ты знаешь, Ахмед, у меня в моем мире хорошая доля в модельном, пошивочном деле. Если что, можешь советоваться. Тут же можно так развернуться! А если наладить обмен опытом между мирами? Модник — он всегда и везде модник.

– Что-то ты городишь про обмен опытом между мирами? Обмен опытом хорош при личном ознакомлении, а не по переписке или с чужих слов

– Видимо ты, Ахмед, не до конца меня понял. Что, например, мешает нам ту же Зубейду в два приёма перекинуть отсюда в мой мир, а потом вернуть обратно. Вот тебе и личный обмен опытом. В моем мире есть чему поучиться. Я уж не говорю о нас самих.

– Знаешь, в этом что-то есть. Заманчиво. И новые приключения притом, — тут у него загорелись глаза. — Подумаем. А вот насчёт Зубейды, то я тебя насквозь вижу. Уж очень это смахивает на переманивание кадров. Вот она возьмёт и не захочет сюда возвращаться. Жулик! Из молодых, да ранний! Ай-ай-ай, старого Ахмеда решил вокруг пальца обвести!

Нашу пикировку прервало появление в комнате Зубейды и Али-Бабы. Зубейда довольно улыбается.

– Её и учить ничему не надо, — заявляет Али-Баба. — Покупатели-женщины — это её стихия и талант. Тут скорее нам есть чему поучиться. Только вряд ли. Я послушал, о чём они говорят. Мне бы такое никогда и в голову не пришло. Чтобы понять женщину, нужно самому быть женщиной. Давно нам надо было это усвоить и брать женщин на работу. Плевать на всякие торговые традиции, если они делу мешают. Пожалуй, надо присмотреть ещё одну такую работницу.

– А тебе, Зубейда, понравилось торговать?

– Понравилось. Только я не торгую. Я обсуждаю и советую, а торгуется уже Али-Баба. Мы решили, что так лучше будет.

– Замечательно. Нам с Сержем пора в путь, и он тебе на прощание подарки приготовил. Посмотри. Али-Баба, пройдём-ка в лавку.

Зубейда извлекает вещи на свет.

– Какая красота, Сержи-сахеб! И это всё мне?

Такое ощущение, что девушка вот-вот расплачется. Я обнимаю её, глажу по волосам, целую в лобик, носик, губки…

Пробираемся с Ахмедом сквозь базарную толпу.

– Откуда будем уходить?

– Эх, была не была! Давай рискнём.

Ахмед хватает меня за руку и втаскивает в проход между лавками. Потом сворачиваем и оказываемся позади двух рядов лавок. Поблизости никого. Закрываем глаза…

Каморка Ахмеда. Холодный чайник. Недоеденная "Белочка". И чуть ли не ошеломительное падение в тишину.

– Вот так, — нарушает молчание Ахмед, — что называется, применили и испытали новый метод.

– Сбегаю-ка я в магазин за фруктовым тортиком! — Ахмед вопросительно взглядывает на меня. — За большим, за большим. Надо нервы успокоить. А ты пока чайник ставь.

– Сбегай, сбегай. Тортик — дело богоугодное. Только шальвары смени на что-нибудь другое. А то мне тортика будет не дождаться. Вместо магазина в психушке окажешься!

ГЛАВА 7: Игры кардинала Ришелье

Я стою тёплым, ещё светлым сентябрьским вечером на верхней площадке башни старого замка в пригороде Парижа и внимательно разглядываю в подзорную трубу отдалённую картину французской столицы времён Людовика XIII. Льё — это сколько? Вроде бы четыре километра. Пожалуй, от подзорной трубы и до Парижа столько и есть. Или, может быть, чуть больше. То есть не так уж и много. Во всяком случае, контуры Нотр Дам де Пари как на ладони. Лувр тоже вполне узнаваем. Крепостная стена кое-где обветшала и позеленела, но всё же внушает почтение. Сена блестящей лентой проходит среди улиц и домов. Какой же это всё-таки маленький город по меркам нашего родного мира! Мрачно высится твердыня Бастилии. И я сам столь же мрачно созерцаю издалека эту главную тюрьму королевства, не имея ни малейшего представления, как штурмовать этот оплот монархии. А ведь именно за тем меня сюда и затащили. Имею в виду этот мир. На башню-то я уже сам залез. Поразмышлять, с какого конца браться за дело, в которое меня втравили Ахмед с Анной Петровной. А может, лучше не Бастилию штурмовать, а Лувр? Взять там всех в заложники — и дело с концом. Во всяком случае, хотя бы попытаться и бесславно пасть от руки мушкетёра короля или гвардейца кардинала.

Не прошло и недели с того момента, как я вернулся из Багдада — позвонила Анна Петровна и попросила почтить её визитом.

– Здравствуйте, Серёжа, ваша мама сказала, что вы у Капитана. Вы не смогли бы, когда будет удобно, заглянуть ко мне? Нужна ваша помощь.

Мне вполне было удобно прямо в этот момент.

– Здравствуйте, Анна Петровна. Сейчас приду.

Мы с Капитаном, сидя у него вечером, как раз заканчивали обсуждать, что подарить Анабель и Грегори к свадьбе. Сошлись на большом маникюрном наборе для Анабель и двенадцатикратном морском бинокле для Грегори. Ни на что другое фантазии не хватило.

Как рассказывал Питер, передавший Анабель мешок с затребованными ею вещами, всё решилось мгновенно и вроде бы без малейших колебаний с обеих сторон. Грегори капитулировал ещё до того, как Анабель применила свои косметические боеприпасы. Стоило только Питеру передать капитану "Морского ветра" просьбу сэра Виктора сплавить поскорее Анабель со служанкой в Порт-Альберт. А крепость Анабель пала в тот же момент, как девушка прочла письмо сэра Виктора о том, что ей, как тактичному гостю, уже пора бы и честь знать, покинув поскорее "Морской ветер". Оба события совпали с точностью до нескольких секунд, а может быть, и ещё скорее.

– Не знаю, приврал мне Питер или нет, — рассказывает Капитан, — но он утверждает, что "Да" от Анабель последовало, когда Грегори успел произнести только "А не согласились бы вы, Анаб…?" Купленный домик Анабель с Мартой довольно быстро освоили с помощью Марианны. Теперь они уже и сами, без Марианны, ходят на местный рынок и сами обслуживают себя. День и место свадьбы ещё не назначены, но никакого шума вокруг этого не предвидится. Как, впрочем, не будет и затяжки с оформлением брака по закону и церковным канонам. Я уже договорился с кем надо, чтобы действо провели без публичной огласки. Можешь радоваться. Всё получилось по-твоему. Интриган!

– А вы, Капитан, тогда не меньше чем первый пособник интригана, — отпарировал я. — Ладно, я пойду. Анне Петровне что-то надо от меня.

– Я видел её утром. Перекинулись парой слов во дворе, когда она выходила от Ахмеда. Чем-то очень обеспокоена наша аристократка.

Анна Петровна сегодня необычно суетлива и рассеянна. Села напротив меня за стол. С минуту помолчала, собираясь с мыслями. Не собралась. Внезапно вспомнила, что гостю надо предложить чай или кофе. Принесла чайник. Присела. Вспомнила, что чай обычно разливают в чашки. Побежала за чашками. Присела. Пролила чай. Вспомнила, что где-то должно быть печенье. Собралась его искать. Пришлось мне самому попробовать прервать эти мучения.

– Анна Петровна, успокойтесь, пожалуйста. Сядьте и расскажите, что случилось.

– Да-да, вы правы, Серёжа, нужно сесть и успокоиться. Сесть и успокоиться. Что это я так распустилась? Нервы, видно, уже не те. Сегодня вот посоветовалась с Ахмедом, и он предложил обратиться к вам. Да и я к тому же склонялась. Вы молоды, энергичны, не по годам сообразительны и всегда готовы выручить, если что. Ахмед восторгается, с какой ловкостью вы прямо на ходу выпутываетесь из сложных ситуаций. А у меня положение уж сложнее некуда. Прямо не знаю, с чего начать.

– А вы начните с того, что попроще, Анна Петровна. Сначала — сама суть ситуации, а уж потом по отдельности всякие сложности.

– Да-да, ситуация, значит… Если только сама суть, то у меня сын попал в тюрьму.

– Я и не знал, Анна Петровна, что у вас есть сын. Родной?

– Родной. Вы и не могли знать. У меня сын не здесь, а там.

Я просто опешил от неожиданности. Час от часу не легче! Ахмед наплодил в воображаемом мире кучу детей и внуков, а Анна Петровна в детище своего воображения даже умудрилась когда-то забеременеть и родить. Что же остаётся мне? Следовать примеру? Ну и повороты! И просто от неожиданности я ляпнул первое, что пришло в голову:

– Взрослый? В Крестах?

– Ему уже скоро двадцать шесть. Нет, не в Крестах. В Бастилии.

– И давно? Я имею в виду, что сейчас-то Бастилии уже нет.

– Сейчас там 1632 год.

– Стало быть, Людовик XIII и Ришелье. А также толпа д'Артаньянов, туча Атосов, сонм Арамисов и скопище Портосов.

Анна Петровна печально улыбнулась.

– Да, Людовик и Ришелье есть, а вот мушкетёрские персонажи Дюма не скажу, что отсутствуют, но просто мне их встречать не довелось. Нет, конечно, королевские мушкетёры там существуют, но не как герои действия в моих пристрастиях, а просто как королевская охрана. Или события, описанные Дюма, ещё не наступили. Время любопытное, но, сами понимаете, Серёжа, что у женщины в нём совсем другие интересы, нежели у мужчины. И круг знакомств, характер связанных с ними событий совсем иной. Хотя некоторые имена и персонажи от Дюма есть и в круге, в котором я вращаюсь.

– Понимаю насчёт разницы интересов. Не мальчишеское увлечение дуэльными потасовками и случайным участием в чьих-то интригах, а девчоночья склонность к устройству самих интриг.

– Ну, что-то вроде того. Да и пышность светской жизни тоже очень привлекательна.

– Теперь вопрос о том, за что ваш сын попал в Бастилию?

– Вот это как раз и не совсем ясно. Арестован будто бы за участие в заговоре против государства и короля. Но он ни в каких заговорах не участвовал. За это могу поручиться.

– А какое положение, Анна Петровна, вы с сыном занимаете во французском королевстве? Я имею в виду сословия или иерархию в титулованной знати.

– По геральдическим записям я графиня Аманда де Жуаньи, а мой сын — виконт Антуан де Го. Причём мы прямые вассалы самого короля. Поэтому со своими трудностями мы можем обращаться прямо к королю, а арестовать кого-либо из вассалов короля не может даже принц крови.

– Обращались?

– Ещё нет. Приказ об аресте подписан королём, но ведь не он его писал. К королю нет смысла идти, не зная, кем и за что арестован Антуан. Приказ — всего лишь распоряжение, и там указан предлог для ареста, а не действительный мотив.

– То есть вы ещё даже не знаете, кем инспирирован арест?

– Не знаю. При таких условиях на риск ложного обвинения не каждый может пойти. А возможность ареста по указанному в приказе обвинению не многим доступна. Таких лиц кроме самого короля всего трое. Кардинал Ришелье, начальник дворцовой стражи де Линь и капитан королевских мушкетёров де Тревиль. Представленные этими троими приказы и ордера король подписывает, не задавая никаких вопросов. Правда, ходят слухи, что у кардинала есть уже подписанные королём приказы и ордера с ещё не внесёнными в них именами.

Я уже хотела было пойти на крайность и вытащить Антуана из Бастилии с помощью Дома. Но тогда неизвестно, сколько ему придётся быть беглецом. Может, всю жизнь.

– У вас бы ничего не вышло, Анна Петровна.

– Почему? Я водила людей и туда, и оттуда. Всё было благополучно.

– Если вы имеете в виду перенос с вашим сопровождением, то в сегодняшнем случае вам нужно было бы оказаться в одной камере с сыном. Дом вас перенести туда не может. Вы там никогда не были, и вообразить в памяти вам нечего. В лучшем случае Дом создаст какую-нибудь новую камеру. В ней и окажетесь.

– Об этом я как-то не подумала.

– Чего-нибудь странного, необычного не наблюдалось в этой истории?

– Сама я уже с давних пор очень редко бываю в Лувре. Только на церемониях, для которых присутствие вассалов короля обязательно. Так что тамошние слухи и сплетни до меня доходят лишь через подруг. У Антуана дворцовой должности нет, но он часто заходит в Лувр к друзьям. Живёт в своём доме в Париже, а не в замке со мной. Странным мне показалось то, что Антуан был арестован дворцовой стражей при выходе из Лувра. Хотя внутри дворцовыми делами занимается Ришелье, а де Линь больше опекает и сам Париж. Начальник городской стражи у него в подчинении.

– Значит, не исключено, что Ришелье приложил сюда руку. Просто не стал раньше времени афишировать своё участие в аресте, привлекая к нему своих гвардейцев. Это могло быть?

– Могло. Де Линь зависим от Ришелье, как от первого министра, и старается не портить с ним отношений. Тревиль намного более самостоятелен.

– М-м да-а, Арман-Жан дю Плесси, герцог де Ришелье… Серьёзная фигура и, насколько известно из истории, ничего просто так, не обдумав, не делает. Да и в средствах особо не стесняется. Один только его серый кардинал — отец Жозеф — с его любовью к тайным кинжальным расправам и удушениям чего стоит.

– Серёжа, вы меня пугаете!

– Да нет, Анна Петровна, полагаю, ваш сын вряд ли попадёт в руки отца Жозефа. Вашего сына арестовали публично, как я понимаю. Стало быть, не нужно было, чтобы об этом никто не знал. А "клиенты" отца Жозефа исчезают в неизвестность тайно. Так что я думаю, что арест вашего сына больше связан с какой-то интригой, а не с преступлением Антуана. Но это в том случае, если он действительно не участник заговора против короля. Вдруг вам, Анна Петровна, всё же что-то не известно? Но если тут интрига, то вряд ли жизни вашего сына что-то угрожает. Мёртвые для интриг почти никогда не годятся. В интригах нужны арестанты, как разменная монета для шантажа. Может быть, вы, Анна Петровна, сами что-нибудь натворили? Или вас заблаговременно хотят нейтрализовать, чтобы чему-то не помешали. Ситуация слишком туманная, со многими неизвестными. Непонятно, что и как следует предпринять. Но вы правы. К королю сейчас идти не с чем. Можно только ухудшить положение.

– Вот мне, Серёжа, и пришла в голову мысль: а не согласились бы вы отправиться со мной в Париж? С вашей логикой и живостью ума помощь в возникшей проблеме была бы неоценимая.

– Анна Петровна, я, конечно, отказать вам не могу. У нас пятерых вроде бы как некое братство идолопоклонников таинственной машины сложилось. Но, сами посудите, какие сложности нужно решить прежде, чем двигаться в старую Францию? Иначе можно всё провалить. Сколько времени нам потребуется на освобождение вашего сына? Неделя? Месяц? Я же не могу просто так взять и бросить работу. Правда, у меня отпуск по графику через две недели. Но это ведь не завтра же.

С другой стороны, мама здесь, и объяснять ей своё исчезновение я не берусь. Хотя она опять собирается в Новгород. Бабушка ведь там осталась. Возможно, они обе насовсем туда переедут. Там ведь дом, огород, хозяйство, за которым надо присматривать, а для пенсионерок это самое то, что надо — занятие и отдых на природе. Но неизвестно ещё, когда и как произойдёт переезд.

Следующая сложность — в том, какой легендой будет обеспечено моё появление в вашем парижском круге. Мне ведь необходимо оказаться в гуще связей и событий. Иначе бессмысленно вообще там появляться. Но и легенда не решает всего. Я не умею ездить верхом и орудовать шпагой. Не говорю уж о знакомстве с изысками французского этикета. Как быть? Лошадь, шпага и этикет — непременные атрибуты того времени и места.

Пока что единственным для опоры обстоятельством может быть только надежда на арест Антуана в результате какой-то интриги. Разумеется, в случае, что он сам ни в чём не замешан. Тогда его взяли не для того, чтобы с ним что-то сделать, а просто для содержания в заточении, пока в отношении кого-то другого будет что-то делаться. Это даёт какое-то время на сборы, подготовку. Да и пока я работаю, а моя мама здесь, то можно использовать хотя бы выходные. Я ей чего-нибудь совру.

– Я была уверена, что вы, Серёжа, не откажете. Сегодня среда. Давайте встретимся в это же время завтра. Я подумаю над вашей легендой.

Завтра принесло некоторое разнообразие с уходом в отпуск. Мой начальник не против, если я уйду насколько мне нужно ранее или позднее. Отпускные можно будет получить и после возвращения. Мама собирается в

Новгород во вторник или среду следующей недели. Раньше не утрясти перевод пенсий в другой город. Сообщил ей, что в пятницу после работы смоюсь с друзьями на их дачу в Карелии. Получил благословение и предостережение от безумств. При таком нахальном обмане моя совесть даже не пискнула. Видно, она уже на пути к полной деградации. Вспомнил Зубейду. Вру. Я её и не забывал. Как она там? Тоскую по этому чуду.

У Анны Петровны тоже кое-какие новости.

– Я сходила туда и послала со слугами несколько писем с приглашениями своим близким друзьям. Тем, которые недалеко и смогут в пятницу вечером составить нам компанию в моем замке. Вас, Серёжа, я представлю как виконта де Бурже. Сына моего дальнего родственника. Вы только что из России, где родились, и во Франции впервые. В России не обязателен французский этикет и владение шпагой. Так что держите себя свободно. Вам это простительно. Тем более что в узком кругу друзей мы этикета и сами не придерживаемся. И обращаемся друг к другу просто по именам, без всяких церемоний.

Подходящую одежду вам уже приготовили. Что же касается верховой езды и, если захотите, фехтования, то мой управляющий шевалье Гийом де Брие вас всему научит. В моём владении при замке Жуаньи в пригороде Парижа есть, где поноситься на лошадях. Да, де Брие тоже принадлежит к кругу моих друзей. Наиболее доверенных.

– Ну, что ж, начало есть. Тогда до завтра, Анна Петровна. Я постараюсь удрать с работы на часок-другой пораньше. Чтобы вы ввели меня в курс дел прямо на месте. Ещё до того, как прибудут ваши гости.

Вот так я и оказался вечером в пятницу на башне замка Жуаньи близ Парижа — города из нашего литературного детства. Или города, чем-то похожего на Париж д'Артаньяна по Дюма. До этого мы с графиней Амандой и управляющим Гийомом прошлись по замку от подвалов, кухни и конюшен до верха крепостных стен. Скелетов фамильных узников в подвале почему-то не обнаружилось. Или мне не показали? А вот бочки с вином есть. Большие и много. Вообще-то домик в жилой части очень впечатляет. Просторно и роскошно. Явно не хуже, чем у меня в Верне. Картины, скульптуры, гобелены, камины, серебро буквально везде. Оружие и охотничьи трофеи на стенах в изобилии. Паркетные

полы красивее, чем в Эрмитаже, а ковры столь же шикарные, как и в лавке Ахмеда в Багдаде.

Комнатку, в которой я сразу же и переоделся, мне предоставили скромненькую. Размером всего в половину моего дома в Верне. Но, в общем, жить можно. Притом, что и прислуги достаточно. Пожалуй, даже много больше, чем в таверне "Рак" в Порт-Альберте.

Неплохо устроилась наша графиня де Жуаньи! Так и устраивалась-то, наверное, не один десяток лет. Раз и сыну уже двадцать шесть. Как ей это удалось в давнее время при живом-то муже в Ленинграде? Или он умер вскоре после переезда из Москвы? И как ей удалось здесь легализоваться с таким титулом и положением? Ведь всё на виду. С такими беспардонными вопросами не полезешь ни к французской графине из Парижа, ни к русской переводчице из Питера. Даже при отсутствии каких-либо представлений об этикете. Если захочет, то сама расскажет.

Сейчас больше занимает вопрос, как меня воспримут друзья графини Аманды? От этого зависит, насколько они будут откровенны и насколько энергичную помощь окажут. Гийом принял хорошо, без насторожённости. Наверное, наша хозяйка его уже подготовила. Гийому лет сорок пять. А за добродушным, приветливым характером чувствуется изрядная порция силы воли и решительности.

Из-за деревьев, скрывающих дорогу, выехала карета, запряжённая четвёркой вороных лошадей и загрохотала по опущенному подъёмному мосту. Через минуту у меня за спиной послышались шаги.

– Монсеньор, графиня просит вас в зал приёмов, — оповестил слуга.

Раз просят, то нужно идти. Спускаюсь на второй этаж. Шевалье Гийом уже здесь. Приехавшая женщина буквально буравит меня пытливым взглядом, пока я иду от дверей зала.

– Моя лучшая подруга герцогиня де Шеврез, — говорит хозяйка замка.

Герцогине на вид нет и сорока. Приятное, свежее, весьма молодое лицо и умные, внимательные с некоторым вызовом глаза.

– Луиза, — представляется та сама и протягивает мне руку, к которой я насколько возможно элегантно прикладываюсь губами. — Аманда, ты зря меня напугала в письме своим родственником из дикой России. Можно было бы подумать, что он медведь, а оказывается, вполне обходительный и приятный

молодой человек. А если ещё он и говорить умеет, то это было бы вообще выше всяких похвал.

– Умеет, — отвечаю я. — Так что все ваши высокие комплименты приму, не покраснев. Серж де Бурже. Для вас просто Серж. Вообще-то, Луиза, первым представиться следовало бы мне, но у вас, я вижу, просто терпения не хватило этого дождаться. Приношу извинения за свою провинциальную неповоротливость.

– Поосторожней, Луиза. Серж за словом в карман не полезет, — предупреждает подругу Аманда. — Если будешь его задирать, то он тебя саму краснеть заставит.

Герцогиня звонко рассмеялась.

– Нет, мы с вами, Серж, определённо подружимся. Аманда хотя мне и подруга, но её чрезмерная манерность подчас навевает такую скуку, что я злиться начинаю. С вами, Серж, чувствую, злиться не придётся.

В зал вошёл слуга.

– Граф Арман де Гиш и маркиз Пьер де Моль, — оповестил он.

Эти оба — бодрые, а по сложению довольно атлетического вида мужчины. Де Гишу лет сорок, а де Молю лет сорок пять. Хозяйка представляет нас друг другу. Оба гостя с любопытством разглядывают меня. Интересно, что это такое графиня Жуаньи написала им обо мне в своих письмах-приглашениях? Не успели начать светскую беседу, как прибыла ещё одна гостья.

– Баронесса Катрин де Бово — виконт Серж де Бурже, — представила нас Аманда.

Баронессе Катрин лет тридцать или чуть больше. Хорошенькая.

– Катрин, — предупредила Луиза, — не засматривайся на Сержа. Мы тут по делу, в котором, как говорит Аманда, Серж тоже будет участвовать. Твоя любвеобильность будет мешать.

– Луиза, — не осталась в долгу Катрин, — по этой части мне далеко до тебя. Но я так же, как и ты не путаю дело с развлечением. Ты сама учила меня холодному разуму.

– Девочки, мальчики, прошу к столу, — прервала Аманда обмен шутками между приятельницами. — Там и поговорим.

Все перешли в столовую и во главе с хозяйкой расселись в одном из концов длинного обеденного стола. Звон посуды, бренчанье вилок и ложек, плеск наливаемых напитков совсем не мешают течению разговора. Начала совсем не Аманда, как я ожидал, а Луиза.

– Вы все уже знаете об аресте Антуана. Странная история. И это притом, что при дворе не слышно ни о каких заговорах против короля. Странность ещё и в том, что такой внезапный арест, похоже, не единственный. Вчера мне сообщили, что на охоте в своих владениях гвардейцами кардинала схвачен маркиз Александр де Грамон.

– Ты напрасно полагаешь, Луиза, — вставил слово Пьер де Моль, — что нет никакого заговора. По крайней мере, один заговор против короля существует постоянно.

– А, ну да, Гастон Орлеанский. Неприкосновенный братец Людовика XIII и постоянный источник козней и коварства во французском королевстве. Уже столько его друзей отправилось на плаху в результате заговоров Гастона, что всех и не упомнить. А ему всё неймётся. Но Антуан-то какое может иметь к этому отношение?

– Для того чтобы быть втянутым в интриги Гастона, вовсе не обязательно иметь отношение именно к Гастону, — пояснил Арман де Гиш. — Достаточно иметь отношение к другой стороне — королю.

– Аресты без шумных и внятных обвинений, похоже, начались довольно давно, — в размышлении произнёс Гийом, — и не с Парижа. По слухам, в провинциях уже не первый месяц то тут, то там что-то такое происходит. Я вот сейчас прикинул в уме, из каких мест приходили известия, и получается, что почти из всех отдалённых и не отдалённых мест Франции.

– Значит, — заключила Аманда, — арест Антуана может оказаться лишь какой-то мелочью в неизвестной нам чьей-то крупной игре. Раз эта игра охватывает всё королевство. Но что это за игра?

– Тогда круг влияния сокращается до двух лиц, — подытожила Луиза, — короля и Ришелье. Король такими делами не занимается. Остаётся Ришелье. Но каков мотив у кардинала хватать везде и кого попало? Притом, что поддержка всей Франции нужна кардиналу в грядущей войне с гугенотами.

– Может быть, арестовывают именно потому, что война близка, — рискнул я вступить в разговор.

Все с любопытством обернулись ко мне.

– Ну-ка, ну-ка, Серж, — поощрительно поддержала Луиза, — что вам пришло в голову? Аманда упоминала о вашей не по годам развитой сообразительности, а в её мудрость мы верим безоговорочно. Хотя наличие ума и таланта не зависит от возраста. Они либо есть уже от рождения, либо нет и в

старости. Так что мы не станем глупо противиться очевидности, если ваши способности и в самом деле окажутся лучше наших.

– Во-первых, и до России доходят известия о событиях во Франции. А во-вторых, мы с вами даже из того немногого, что сказано за этим столом, можем сделать некоторые выводы.

Какие факты у нас есть? Гастон Орлеанский — коварный интриган и всегда плетёт заговоры против короля. Ибо сам хочет сесть на трон. Этому мешает Ришелье, который раскрыл прошлые заговоры Гастона и не исключено, что будет раскрывать новые и впредь. При этом Ришелье не меньший интриган, чем Гастон. Аресты по всему королевству может организовать только Ришелье. Возможна война с гугенотами. Таковы факты.

Теперь о том, что может из них вытекать. Гастону не стать королём, пока существует Ришелье. Значит, возможен очередной заговор Гастона уже не против короля, а против кардинала, и наверняка Ришелье это понимает. Если начнётся война, то Гастон непременно воспользуется ситуацией. Войска будут далеко. Возможно, и кардинал тоже. Гастон наверняка сможет по всей Франции понемногу стянуть к себе достаточно сторонников, чтобы свергнуть короля. Или, во всяком случае, попытается это сделать. Да и в отсутствие Ришелье Гастон может разрушить всю систему защиты и сыска кардинала. Ведь она останется в Париже, а не уйдёт с войсками драться с гугенотами.

– И как это может быть связано с арестами? — поинтересовалась Катрин.

– В самом деле, причём тут те, кто к Гастону Орлеанскому никакого отношения не имеет? — поддакнул ей Арман.

– Мне кажется, что Ришелье просто подстраховывается на случай войны и очередного заговора Гастона. Аманда, у вас есть связи, родственники в доме Гастона Орлеанского или среди его преданных вассалов?

– А у кого их нет! Орлеанский дом — старейший во Франции, и нет, наверное, ни одного известного дворянского рода, который бы с Орлеанским домом не пересекался хотя бы и очень отдалённым родством, дружбой или обязательствами.

– Вот, пожалуйста, а что бы вы стали делать, Аманда, если бы кардинал поставил вас перед выбором? На одной чаше свобода и жизнь сына, а на другой — помощь кардиналу в разоблачении козней Гастона. Мне почему-то кажется, что вы бросились бы в объезд всей страны, убеждая известных вам лиц не участвовать в заговорах Гастона Орлеанского. И, думаю, преуспели бы. Ближние

родственные и дружеские связи всегда дороже очень отдалённых, хотя бы и королевских.

– Наверное, бросилась бы. Тут вы правы, Серж.

– Вряд ли кардинал подозревает вас саму, Аманда, или Антуана хоть в какой-нибудь причастности к заговорам. Так что как только война с гугенотами будет объявлена, то предложение от Ришелье о сотрудничестве сразу же поступит. А вы не сможете от него отказаться. Таким образом, кардинал обезопасит свою жизнь, короля и Париж от посягательств Гастона Орлеанского. Причём вы, Аманда, и близкие других арестованных сделаете это лучше самого кардинала со всей его командой шпионов и убийц.

Если я прав, то распространив влияние не только на вас, а и на других по всей Франции, Ришелье в любой момент может создать вокруг Гастона такую пустоту, в которой невозможен никакой заговор. Кардинал взял заложников, чтобы гарантировать чьё-то нужное послушание. С точки зрения морали ход гнусный, но очень мудрый по эффективности. Очень опасно иметь такого противника, как Ришелье. Поэтому нужно постараться избежать прямого конфликта с ним.

– А что, вполне возможная вещь, — согласилась Луиза. — Как раз в духе Ришелье. Только вот родственники арестованных — немалая сила. Могут, собравшись вместе, доставить большие неприятности кардиналу.

– Вряд ли, — ответил Арман, — тайно собраться со всей Франции не получится. Это означало бы также и заговор против короля. Ведь приказы-то подписаны им. У Ришелье тогда будет на выбор два действия. Либо ликвидировать уже наш заговор, либо ликвидировать заключённых. Кто из близких арестованных на такое пойдёт? Никто! Нет оснований думать, что жизни заключённых сейчас что-то угрожает. Вместе с тем, никто не может и утверждать, что за родственниками арестованных сейчас не установлена слежка для выяснения их намерений.

– Так что же будем делать?

– Я думаю, нужно собрать сведения в подтверждение наших догадок. Вслепую нельзя ничего предпринимать.

– Серж, а вы что думаете по этому поводу? — спросила Луиза.

– Прежде всего, важно знать, все ли присутствующие и безоговорочно ли готовы на любые действия ради освобождения сына Аманды, — я обвёл взглядом друзей хозяйки замка, сидящих за столом. — Все? Хорошо. Тогда я

согласен, что как можно скорее нужно получить сведения в подтверждение или опровержение наших догадок. Кто за это возьмётся?

– Наверное, я, — ответила Луиза. — Всё-таки королева Анна тоже моя подруга. Хотя сам король меня и на дух не переносит! А уж о Ришелье и говорить не приходится. Он прекрасно знает, как я отношусь к его методам управления государством.

– Так, отлично. Нужно собрать все сведения о кардинале. Вам всем что-то уже может быть понемногу известно, но сегодня это может оказаться недостаточным. Нужно выяснить все сильные и слабые места Ришелье и его подручных. Пристрастия, пороки, предпочтения, любовь, обязательства, страхи, родственные отношения. Всё как можно подробнее. Кто возьмётся?

– Пожалуй, я, — не очень уверенно произнесла Катрин. — Я почти всё время во дворце как воспитательница при дочерях короля. Есть возможность прислушаться и расспросить людей. А Пьер и Арман попытаются узнать что-нибудь в своём кругу.

Катрин вопросительно взглянула на них, и те согласно кивнули.

– Так, дальше. Ни в коем случае нам не следует искать сторонников в решении нашей проблемы. Это самый простой способ привлечь внимание Ришелье и усугубить положение. На приступ Бастилии всё равно никто не пойдёт. Силой ничего хорошего не добиться. Поэтому круг заговорщиков из нас семерых увеличивать не надо. Выбор возможностей повлиять на ситуацию у нас невелик. Воевать с кардиналом Ришелье в открытую мы не можем, но можем попытаться переиграть его.

– Как?

– Интриге кардинала с арестами нужно противопоставить другую интригу, в результате которой узники будут освобождены. Здесь мне видятся два одновременных пути. Интрига против Ришелье лично, как инструмент влияния на него, а для этого нам и нужны подробные сведения о его жизни и окружении. Вторая интрига — против Гастона Орлеанского. Нужно отбить у него охоту к заговорам хотя бы на время. Такое обстоятельство должно оказаться известным Ришелье. Смысл заточения арестованных сразу теряется, и они будут отпущены. Что известно о Гастоне, мне хотелось бы услышать от вас прямо сейчас.

– Вот видите! — воскликнула Аманда. — Мне не зря описали Сержа как своего рода молодого гения по разрешению сложных ситуаций. Поэтому он здесь. И, как видите, сразу понял суть дела. А мы сами, я боюсь, наверное,

бросились бы собирать армию для штурма Бастилии и сами попали бы в неё. Что же касается Гастона Орлеанского, то…

По своим апартаментам разошлись далеко за полночь.

Утром за завтраком договорились, что все вместе опять соберёмся в следующую пятницу. А также о том, что Пьер и Арман будут неотлучно опекать меня, как не сподобившегося в России приобщиться к французской науке фехтования и галантного поведения. Это так, для досужих любопытных. На самом деле они будут как бы моими консультантами и защитниками до завершения нашего заговора. На этом настояла Аманда при поддержке Луизы. Впрочем, Граф Арман и маркиз Пьер даже и не пытались возражать. Похоже, только одна Катрин была недовольна, что я окажусь под постоянным надзором. Что очень позабавило Луизу.

Все дамы в карете Луизы покатили в Лувр на разведку. Гийом остался в замке, а я с Пьером и Арманом в карете Аманды двинулся знакомиться со светскими и злачными местами Парижа.

– Интересно, — произнёс Арман, время от времени оборачивавшийся назад, — из замка за нами никто не выезжал, а на парижскую дорогу вслед нас выбрался какой-то всадник.

– Думаешь, ты оказался прав насчёт слежки?

– Не знаю, посмотрим, что будет дальше. При въезде в Париж замедлимся и попробуем незаметно разглядеть преследователя.

Но рассмотреть никого не удалось. Как только крепостная стена Парижа показалась вдали, следовавший за нами всадник пришпорил коня, пронёсся мимо нашей кареты как ветер и скрылся за городскими воротами.

– Значит, не шпион, — заметил Пьер.

– Скорее всё же шпион, — возразил я. — Случайный путник непременно посмотрел бы на тех, кого обгоняет. А этот, наоборот, отвернул от нас лицо, чтобы его не увидели. Скверно, если слежка за замком началась сразу после ареста Антуана. Тогда шпионы могли заметить странность. В замок въезжали двое гостей-мужчин, а выехали трое. Я-то въехал в замок тайно — ночью. Не следовало этого делать. Не додумали мы с Амандой.

Мои спутники переглянулись.

– Знаете, Серж, — обратился ко мне Арман, — пожалуй, Аманда и Луиза правы. Ваша голова стоит того, чтобы её охранять.

– У кого-то из вас есть знакомцы, родственники из свиты, службы кардинала?

– У меня есть пара собутыльников из гвардейцев кардинала, — сказал Арман. — Вполне нормальные ребята.

– Кузен моей жены ведёт какие-то дела у Ришелье, — добавил Пьер. — Я не интересовался, какие именно, но вроде бы что-то связанное с поставками для королевского двора. А что?

– Не удивляйтесь, если кто-то из них внезапно вынырнет и начнёт расспросы. Ведите себя свободно, открыто.

– Понятно. Выдадим и вас, и себя, как договаривались, — со всеми потрохами с первых же слов. Вот и Париж.

– А это что за здание?

– Аббатство Сен-Жермен де Пре. Так же называются и эти ворота в город. Мы на прогулке. Так что тебе, Серж, решать, что хочешь посмотреть. Если дворец королей, то едем прямо, а если дворец Бога, то направо.

– Всё интересно. Давайте сначала прямо. Я взгляну на Лувр снаружи. Заходить-то мы туда не собираемся. Потом проедемся к Нотр-Дам. А дворец Тревиля? Посмотреть бы и на него.

– Тогда налево, а потом Лувр и остальное.

Через решётку ворот дворца Тревиля и в самом деле можно убедиться в существовании мушкетёров в голубых плащах с крестами. Немало их. Только во дворе человек сорок группками заняты болтовнёй между собой. Одна пара упражняется в фехтовании. Да ещё несколько человек увлечены метанием кинжалов в доску. Где-то здесь неподалёку жили или живут и д'Артаньян с Атосом.

По Королевскому мосту пересекаем Сену и проезжаем мимо Лувра по набережной Тюильри. Дворец особо не впечатляет. На современных фото всё гораздо шикарнее. Напротив Лувра дворец кардинала — Пале-Кардиналь. Набережная забита каретами и лошадьми на привязи. Наш кучер едва протискивается между ними. Бог с ним, с Лувром. Понадобится — заглянем.

Опять по набережной на остров Сите. Нотр-Дам — это нечто. Но прелести культуры сейчас как-то не занимают. Голова забита другим, и наша прогулка по Парижу — на самом деле моя рекогносцировка сцены действия. Нужно же хоть как-то на ней освоиться. Экзотика экзотикой, романтика романтикой, но в натуре затеяно дело, из которого хотелось бы все же выпутаться живьём, а этого как раз никто и не гарантирует. Способность мгновенно исчезнуть не спасёт от выстрела из-за угла.

Впечатление от состояния улиц не очень благостное. Дома красивые, но вот мостовые… Это сейчас сухо, и поэтому терпимо. Представляю, в какое грязное болото превращаются проходы и проезды после дождя! Да и отсутствие канализации приятности не добавляет. Надо срочно учиться верховой езде. То ли дело — чистенький, ухоженный Верн.

– Серж, нам теперь сюда, — слышится голос Пьера, словно откуда-то издалека. — Вы уставились на собор так, словно ушли в другой мир.

– А, что? Какой другой мир? Просто задумался. Куда нам теперь?

– Вот сюда! — и приятели тянут меня в заведение напротив Нотр-Дам. На заведении вывеска "Сосновая шишка".

– Обедать пора, а в этой таверне неплохо готовят.

Таверна как таверна, но, судя по запахам, чреву тут угодить можно. Чистенько. Вино неплохое и мясо достойное, а курочка превосходная. Немноголюдно. Троих мужчин типичной торговой наружности со старанием обслуживает дородная подавальщица, а вокруг нас суетится мальчик лет четырнадцати. За столом в углу у окна сидит молодой человек лет двадцати с небольшим и что-то старательно пишет гусиным пером.

– Жан, — окликает его Арман, — идите к нам, выпейте за здоровье короля.

– Здравствуйте, Арман. Здравствуйте, Пьер. Не могу. Заказ нужно закончить. Я так, без вина пожелаю здоровья его величеству.

Арман наклоняется ко мне и вполголоса сообщает:

– Жан пишет любовные стихи, четверостишья для кавалеров. Тем и живёт. Сейчас мы его всё равно заманим за свой стол, — и уже во весь голос: — А перекусить, Жан? Сейчас рагу принесут.

– Вы подлый искуситель, Арман. Знаете, чем взять бедного поэта. Иду, иду. Жан-Батист Поклен, — представился он мне.

– Серж де Бурже.

Вот так знакомство! Будущий знаменитый поэт и драматург? Но в истории нашего земного мира ему в это время должно быть ещё только лет десять.

– Так, где же обещанное рагу, Арман?

– Вон уже несут. Как успехи, Жан?

– Неважно, — с аппетитом уплетая поданное блюдо, ответствовал будущий мэтр. — Вы же знаете, что основные мои клиенты — это королевские мушкетёры. А они сейчас вместо любовных похождений заняты обновлением экипировки. Верный признак близкой войны. Как заметили ещё когда-то давно итальянцы: "Когда говорят пушки, музы молчат". Правда, пушки ещё не заговорили, но музы

уже замолкли. Печально всё это. Я лишился доходов. Что делать — не представляю.

– Жан, — вступил в разговор Пьер, — когда падает спрос на любовные стихи, растёт требование на политические пасквили. Вы не пытались писать сатиры на известных государственных деятелей?

– Что вы, Пьер! Какие страсти вы говорите! Этак вместе с потерей доходов можно потерять и голову, — и, осмотревшись по сторонам, тихо добавил: — Мне на днях предложили написать пасквиль на кардинала Ришелье, но я ведь не сумасшедший. Денег предложили столько, что можно было бы год прожить. Однако если бы я его написал, то не прожил бы и недели. С отцом Жозефом шутки плохи! Хотя, как я понимаю, и несостоявшийся заказчик — тоже не добряк. Если он подумает, что я догадываюсь, кто он, то…

– Можно скрыться под вымышленным именем, — предложил я, — и тогда опасность со стороны обиженного лица для вас может уйти. Что вы скажете о таком псевдониме для вас, как, например, Мольер?

– Мольер, Мольер, — словно пробуя слово на вкус, пробормотал поэт. — Неплохое имя. Я подумаю. Может, и в самом деле когда-нибудь пригодится, но не сейчас. Никакое ложное имя не спасёт от обиженного, если подлинное имя автора известно хотя бы заказчику.

– Это очень интересно, Жан, — продолжил я. — Мне только сейчас довелось впервые оказаться во Франции. Мне так любопытны все эти хитросплетения, что я готов возместить вам утрату доходов. Расскажите нам, кто заказчик пасквиля и чего он хотел получить. А может, он и сам что-нибудь вам рассказал? Ведь для пасквиля нужна хоть какая-то суть. Вам сколько платят за четверостишье?

– Пять су.

– А мы вам за интересный рассказ о вашей несостоявшейся работе заплатим гораздо больше.

Жан опять боязливо огляделся вокруг.

– Не пугайтесь, Жан, — поощрил его Пьер. — Вы же знаете, что мы на службе кардинала не состоим. И могу вас уверить, что и заговоров против короля тоже не устраиваем.

– Ладно, только вот доем это чудесное рагу. Пять ливров меня устроят.

– Если рассказ будет интересным, то вы получите двадцать ливров, — пообещал я, и у поэта округлились глаза.

– Тогда я быстро доем.

И в самом деле, очистил тарелку в мгновение ока. Успокоил пищу добрым глотком вина и приступил к повествованию.

– На днях сюда, в "Сосновую шишку", заглянула молодая служанка и сообщила мне, что её родовитая госпожа хочет встретиться со мной в Люксембургском саду, чтобы заказать стихотворный текст к музыкальному рондо. Понятно, что знатные дамы по тавернам не ходят. И действительно, в Люксембургском саду меня ожидала какая-то дама в маске. Лица я, понятно, не видел, но голос показался знакомым. Она извинилась, что пришлось прибегнуть к такой уловке, и тут же объяснила, что речь вовсе не о стихах к музыке. От меня требуется сочинить политическую сатиру. Если не полностью, но хотя бы частью в стихах настолько простых, что были бы понятны любому горожанину.

Сатиры могут быть разные. От шутливых до издевательских и от лживых до обличительных. Поэтому я попросил даму объяснить, о какой форме пойдёт речь. Вместо слов она мне протянула листок с перечислением того, что должна содержать сатира, и сказала, что за эту работу я получу десять пистолей. Я был так ошарашен названной суммой, что чуть тут же не согласился с предложением, не ознакомившись, на кого сатира и о чем.

Прочтя написанное, я оказался не в пример ещё более ошарашенным, нежели мгновение назад был удивлён размером оплаты моих услуг. У меня в руках оказался перечень пороков и преступлений кардинала Ришелье. Причём любовная связь кардинала с мадам де Пуатье или присвоение денег, предназначенных для ремонта крепостных стен Лиона, — это самые безобидные деяния из описанных в листке. Насколько они правдивы, судить не мне, но нетрудно понять, насколько опасно для меня участие в распространении этого. Тем более в такой издевательской форме, которую потребовала незнакомка.

Я отказался наотрез. Началось препирательство и надбавка оплаты. Когда я отказался и от двадцати пистолей, то дама возмущённо обозвала меня упрямым ослом и чуть ли не бегом удалилась. Скомканный в процессе спора листок остался у меня зажатым в кулаке. От страха я не появлялся здесь в таверне три дня. Думал, что листок будут искать и придут сюда. Но ещё неделю назад у меня здесь была назначена встреча с заказчиком стихов, и сегодня пришлось преодолеть страхи. Впрочем, если кому-то очень было бы нужно найти меня, то нашли бы и дома. Вот такая произошла история.

За столом воцарилось минутное молчание, которое нарушил Арман:

– Любезный Жан, стало быть, листок можно посмотреть. Не окажете нам такое одолжение?

Несчастный поэт снова оглянулся вокруг, пошарил в кармане и положил на стол сложенный вчетверо, измятый лист бумаги. Арман развернул его, прочёл и передал мне. Я тоже прочёл и передал Пьеру.

– Ого, — присвистнул он, — если хотя бы четверть из этого правда, то нашего кардинала ждёт в аду горяченькая сковородка.

– Жан, — обратился я к будущему Мольеру, — ваш рассказ стоит двадцати ливров. А вот если вы ещё отдадите нам и эту бумагу, а также назовёте имя незнакомки в маске, голос которой показался вам знакомым, то получите в награду ещё двадцать ливров.

– Мне показалось, что это был голос графини Камиллы де Буа. Не так давно меня с ней знакомили как с поклонницей драматургии Пьера Корнеля. А бумагу, ради Бога, берите. Она жжёт мне руки.

Я достал кошелёк, которым дальновидно и щедро снабдила меня графиня Аманда, и отсчитал поэту сорок серебряных монет. Только мы покончили с расчётами, как скрип двери возвестил о двух вошедших мушкетёрах. Жан, увидев их, подскочил как ужаленный и устремился в свой угол у окна. Там вошедшие заказчики любовных виршей к нему и присоединились.

– Все думают то же, что и я? — спросил Арман.

– А что тут думать, — ответил Пьер, — надо листок показать всем. Может, удастся по почерку узнать, кто писал. Рука явно не дамская. Заказчик не Камилла де Буа. Это же надо как нам случайно повезло! Ясно, что какой-то заговор зреет, и понятно, против кого. А вы, Серж, что мыслите по этому поводу?

Ответить я не успел. Опять заскрипела дверь, и в таверну ввалилась гурьба человек в восемь военных в коротких красных плащах с крестами на груди и спине. Вот, пожалуйста, — гвардейцы кардинала. Не обращая ни на кого внимания, компания словно случайно заняла пару столов между нами и дверью, потребовав себе мяса и вина. Мушкетёры лишь на мгновение досадливо обернулись на шумливых посетителей и вернулись к своим делам с Жаном.

– Вы, Серж, как в воду глядели, — вполголоса произнёс Арман, — один из моих собутыльников здесь. Наверняка подойдёт к нам.

Пьер без суеты сложил бумагу, сунул её за пазуху и произнёс:

– После знакомства с твоим собутыльником мы с Сержем спокойно выходим из заведения и как можно скорее удираем в замок Аманды. Твоя задача — не дать твоему приятелю и его спутникам выйти вслед за нами.

– Понятно.

– Пожалуй, так просто нам отсюда не уйти, — заметил я, — через окно видно, что и у нашей кареты околачиваются какие-то два типа. Правда, без шпаг.

– Пустое. Для кучера Аманды двое — это просто лёгкая закуска, — произнёс Пьер. — Выберемся, если что-то заварится.

– Однако я полагаю, что если они в таком множестве всё же по нашу душу, то просто на всякий случай. Драка вряд ли кому-то нужна. Так же как и пленники. Иначе набросились бы на нас сразу. Не будем спешить. Сначала выясним, что от нас нужно. Вот один из гвардейцев идёт к нам. Это ваш знакомец, Арман?

– Он самый, — и Арман воскликнул: — Кого я вижу! Бурвиль, вот так встреча! Давненько вас не видал. А где ваш товарищ?

– Готье в карауле. Очень рад вас видеть, Арман. Познакомьте меня с вашими спутниками.

– Пьер де Моль и Серж де Бурже. А это Мишель де Бурвиль. Один из самых славных гвардейцев. Присоединяйтесь к нам, Мишель!

– Да полноте вам, Арман, какой из меня один из самых славных, — поскромничал де Бурвиль, устраиваясь напротив меня. — Вот господина де Моля я раньше видел в вашем обществе. Правда, издали. А вот господина де Бурже встречать не доводилось.

– Вы и не могли его видеть. Он впервые во Франции. Серж — дальний родственник графини де Жуаньи. Родился и всю жизнь провёл в дикой России. Графиня попросила нас с Пьером некоторое время опекать его и обучить этикету, которого не знают в этой северной стране. Давайте выпьем за встречу, Мишель. Хозяин, ещё вина!

– Давайте, давайте выпьем. На это я всегда согласен. Россия… Это же надо, куда людей заносит из благодатной Франции! Господин де Бурже, а это правда, что в русских городах медведи ходят по улицам? А чтобы их отпугивать, на перекрёстках разжигают костры?

– Полноте, господин де Бурвиль! Какие там медведи на улицах — выдумки! Там очень холодно зимой, и костры в городах разводят, чтобы любой прохожий в любое время мог подойти и обогреться. Иначе было бы много обмороженных и замёрзших совсем. Конечно, дикости в России много, но не до такой степени, как иногда представляют. По рассказам, и во французских провинциях нравы вовсе не дворцовые. Я вот погощу недельку-другую у тётушки в замке и отправлюсь в

родные края в Шампани, где никакого этикета нет. Так что воспитательные труды Пьера и Армана будут потрачены даром. Скажите, господин де Бурвиль, а очень сложно поступить на службу гвардейцем или мушкетёром?

– Не просто. Обычно нужна протекция. Однако вы упомянули о своей тётушке — графине Жуаньи. Я слышал, у неё сын пропал. Известно, куда?

– Вообще-то известно, но тут Арман и Пьер больше меня в курсе. Они из-за этого к графине и приехали.

– Виконт Антуан арестован, — вступил в разговор Арман, — и графиня пригласила нас с Пьером и пару своих подруг, чтобы посоветоваться, как поступить. По слухам, арест произошёл по обвинению в каком-то заговоре, и графиня Аманда склонна обратиться с прошением к королю. Только не может понять, с прошением чего обращаться. Мы пока что отговорили её идти к королю. Непонятно, участвовал ли Антуан действительно в каком-то заговоре или тут ложное обвинение, или просто какая-то ошибка. Это нужно сначала выяснить, а уж потом обращаться к королю. Вот графиня и попросила нас разузнать, не участвовал ли её сын в каком-нибудь заговоре. Сколько у нас это займёт времени, одному Богу известно. Может, вам, Мишель, известно о каком-то заговоре?

Гвардеец заметно смутился своим вопросом о сыне графини, поставив самого себя в щекотливую ситуацию. Но его выручили сослуживцы, окликнув по имени.

– Нет, мне известно только о том, что он внезапно пропал. Извините, меня зовут. Был очень рад встрече и знакомству.

Помолчали. Пьер кликнул хозяина и рассчитался с ним. Увидев нас спокойно выходящими из таверны, типы, стоявшие у нашей кареты, не спеша куда-то двинулись. Забравшись в карету, тронулись домой и мы.

– Эти двое без оружия, наверное, подручные отца Жозефа, — в раздумье произнёс Арман. — А почему вы, Серж, решили, что драки скорее не будет? Обложили-то нас довольно плотно, но почему-то отпустили. По вопросам Бурвиля понятно, что им нужны были именно мы.

– Попытался принять в расчёт ум Ришелье. А может, некоторую роль сыграло и присутствие мушкетёров, которые могли вмешаться. Если бы началась драка, то это было бы враждебное действие непосредственно против Аманды. Тогда можно было бы потерять её как послушное орудие против Гастона Орлеанского. Кардиналу же важно знать её намерения. Возможно, ему

интересно и что это за неизвестная фигура неведомо откуда под именем Сержа де Бурже появилась у неё в замке. Теперь он будет всё это знать от Бурвиля. Не думаю, что он полностью поверит в нашу сказку. Но то, что это точно сказка, знаем только мы. Для кардинала из неё вытекает, что Аманда никаких решительных действий пока предпринимать не собирается. Только её друзья будут что-то вынюхивать. Ну и пусть вынюхивают в отношении Антуана то, чего нет. Мы же с вами не будем оповещать Ришелье, что нас интересует он сам.

Когда мы прибыли в замок, Аманда была уже там.

– В Лувре мы пока ничего толком не узнали. Может быть, к следующей пятнице Луиза и Катрин соберут что-нибудь стоящее. А вы как прогулялись? Сержу Париж понравился?

Пьер подробно рассказал о случившемся.

– Да-а, — протянула Аманда, разглядывая переданную ей бумагу, — Камилла де Буа, значит. Вот оно что. Бывшая любовница Гастона Орлеанского. Я её хорошо знаю. Запросто ходим друг к другу с визитами. Заказчик вроде ясен, и намерения его тоже. Вы многое узнали. Нужно эту бумагу показать Луизе. Может, почерк ей знаком. Завтра же съезжу к ней. Пьер, Арман, возвращайтесь домой и действуйте, как мы договорились. Серж пока из замка выходить не будет. Ждём вас в пятницу.

Половину следующего дня Гийом обучал меня премудростям верховой езды. Вопреки представлениям, самым трудным оказалось легко и с достоинством сесть на лошадь и соскочить с неё. Если слабо оттолкнуться от земли, то непременно носом уткнёшься в седло. А если очень сильно, то перелетишь через животное и уткнёшься носом в землю с другой стороны лошади. Доказано практикой. Лесенку бы сюда… После всех этих упражнений и тряски в седле я, отобедав, с трудом переставляя ноги, отправился в свои апартаменты и переоделся.

Дом, Дом, где ты, Дом! Ох, как болят бедра и ягодицы…

В следующую пятницу я опять стою на башне и, вдыхая ещё не осквернённый плодами промышленной цивилизации воздух, с удовольствием любуюсь начинающей готовиться к осени природой. Тепло и тихо. Зелень деревьев уже кое-где начала сменяться лёгкой желтизной. По-вечернему сонно, и всё ленивее гомонят и перекликаются птицы. Едва ощутимый ветерок ласкает щеку. Лёгкий запах прели скорее приятен, чем раздражающ. Благодать!

Два всадника показались из-за деревьев. Арман и Пьер. Приветственно машут руками. Отвечаю тем же. Подъёмный мост перед ними опускается и, пропустив внутрь, поднимается вновь. Мост, поднятый круглые сутки, — это ещё с прошлой недели посоветованная мной Аманде предосторожность от непрошенных визитёров. Дам ещё не видно. Хотя нет — подкатила карета Катрин. Впустили.

На башню поднялись Арман и Пьер. Пожали мне руку и вместе со мной стали любоваться открывающейся вокруг панорамой.

– Велика и красива Франция, — с пафосом произнёс Пьер и с досадой добавил: — Не будь в мире проходимцев вроде Ришелье, Гастона Орлеанского и монстров вроде отца Жозефа, то только и живи в своё удовольствие!

От дороги, скрытой деревьями, послышался какой-то тревожащий шум. Через мгновение на открытое пространство перед замком прямо-таки вылетела карета с герцогской короной на дверце, мчащаяся просто с невообразимой скоростью. Размахивающий кнутом кучер стоит на полусогнутых ногах и свистом подбадривает распластавшуюся в невиданном беге четвёрку породистых, вороных лошадей. Луиза!

Оторвавшись от неё метров на тридцать, во весь опор несётся четвёрка преследователей в красных плащах гвардейцев кардинала. Если карета замедлит ход перед замком, то её мгновенно настигнут. Если же не сбавит скорость, то мост не успеют опустить — и лошади с каретой полетят в ров. Но, похоже, шевалье Гийом де Брие своё дело хорошо знает и слуги замка вышколены на совесть. Мост не просто опускается, а почти падает прямо перед каретной запряжкой и начинает подниматься, когда карета ещё не съехала с него в ворота. Преследователи чуть не врезались в край поднимающегося моста, осадив лошадей так резко, что на камнях мостовой от подков полетели искры.

Протягиваю Арману подзорную трубу.

– Чего это они вдруг вздумали гоняться за Луизой? Её выручили только лошади, каких, возможно, нет даже у самого Ришелье. Не говоря уж о его гвардейцах. Посмотрите, Арман, нет ли среди всадников вашего собутыльника Мишеля или его приятеля.

– Я и так вижу, что нет. Не нравится мне это. Луиза ведь особа из королевского дома. Обычно Ришелье старается не связываться с членами

королевской фамилии. Даже с отдалёнными по родству. Что-то гвардейцы не собираются уходить. Не к добру.

Один из всадников что-то прокричал. Через бойницу над воротами кто-то ему ответил. Не слышно, что. С минуту переговаривались. Затем мост опустился, говоривший всадник спешился и вошёл в замок. Мост поднялся. Мы втроём поспешили вниз. Во дворе Гийом, Луиза, Катрин и несколько вооружённых слуг наблюдают, как Аманда разговаривает с непрошенным гостем.

– …Нет, лейтенант, похоже, вы плохо представляете себе, куда вторглись. А ваше заявление, что речь всего лишь о невинном приглашении герцогине де Шеврез посетить Пале-Кардиналь, вообще нелепо.

– Но, мадам, у меня приказ кардинала…

– На землях вассалов короля действуют только приказы короля. Вам это понятно, лейтенант? Заручитесь таким — и тогда сможете чего-то требовать. Только и тогда не означает, что госпожа де Шеврез будет вас здесь дожидаться. Гийом, прикажите опустить мост, — и уже вслед уходящему гвардейцу добавила: — И не оставляйте своих людей где-нибудь за деревьями в моих владениях. Иначе я прикажу посадить их в замковые подвалы.

В столовой уже накрыто на ужин. Рассаживаемся.

– Что произошло, Луиза? — спрашивает хозяйка.

– Сама не знаю. Я ведь прямо из Лувра. Как водится, сегодня при встрече с Ришелье обменялись колкостями. Все как обычно. Правда…, — тут она замолкла и задумалась.

– Что — "правда"?

– Как-то странно он на меня взглянул. С мрачной, а сейчас я даже думаю, что и с угрожающей улыбкой. Я не придала значения. Теперь вот думаю: а не донесли ли ему о том, что я в последние дни интересовалась таинственным исчезновением герцога Кайенского два года назад? Его вражда с Ришелье ни для кого не являлась секретом. Было много шума. Король назначил расследование, которое кончилось ничем. Так герцог по дороге в Нормандию и испарился бесследно вместе со всей сопровождавшей его свитой.

Мой кучер заметил, что от королевского дворца за нами поодаль следует четвёрка гвардейцев. Перед поворотом на дорогу к твоему замку они пришпорили коней. Я приказала гнать во весь опор. Думаю, они выжидали безлюдного места, чтобы захватить меня без свидетелей, но чуть запоздали. А как вылетели к замку, то им ничего не оставалось делать, как раскрыться.

– Скверно, — произнёс Арман. — Как я понимаю, никакого письменного приказа гвардейцы не предъявили.

– Не предъявили, — подтвердила Аманда.

– Значит, охота за Луизой может продолжиться, и ей нельзя появляться в безлюдных местах. Жаловаться не на что. Кардинал отговорится, что речь и в самом деле шла о неверно понятом невинном приглашении по пустяковому поводу. Ещё одна проблема на нашу голову.

– Всё не так уж плохо. Нет худа без добра, — сказал я. — Ришелье, затеяв большую интригу с арестами, похоже, сам начал нервничать, наблюдая за вызванными им же событиями. Вряд ли он ожидал, что кто-то вдруг начнёт интересоваться им самим. Погоня за Луизой может означать, что Ришелье действительно имеет отношение к исчезновению герцога Кайенского. Стало быть, пасквильная бумага, которая попала нам в руки, в этой части не врёт. Нужно ещё больше вывести его из равновесия, но так, чтобы самим не засветиться. Что удалось узнать за прошедшую неделю? Может, Луиза и начнёт? Только без мелких подробностей. Они понадобятся, когда начнём составлять план действий. Сейчас важно понять, есть ли у нас на что опереться.

– Ну, я так я. А начну как раз с упомянутой бумаги, которую мне показала Аманда. Я заметила, что последняя её часть, касающаяся исчезновения герцога Кайенского, написана не той рукой, что весь предшествующий текст. Вот почерк этой приписки мне очень знаком. Писем Гастона Орлеанского в моем архиве достаточно, чтобы сравнением убедиться в этом. Кто писал основное, мне неизвестно. Да это и не так уж важно. Причастность Гастона как заказчика здесь явная. Поэтому судьба герцога Кайенского меня больше всего и заинтересовала. Всё остальное в бумаге — просто злоупотребление кардинала положением и естественные пороки. Плохо, беззаконно, конечно, но не необычно для нашего королевства.

Что касается арестов по всей Франции, то королева Анна говорит, что за последний год Людовик не раз подписывал Ришелье приказы на аресты довольно родовитых дворян. Странным ей показалось то, что за этим не следовало ни разбирательств, ни судов. К королю жалобщики приходили не раз. Все получили уверения, что идёт всего лишь какое-то расследование и не обязательно арестованные в чём-то виновны, но пока следствие не закончится, никаких освобождений не будет. Стало быть, мы верно всё предположили. Есть

и заговор против Ришелье, и какая-то интрига Ришелье. Но насколько это связано, знает только сам кардинал. Мы же будем считать, что связано. Признаков чего-то другого нет.

Наверняка Ришелье известно и то, что приближенные Гастона вроде Камиллы де Буа зачастили в Париж и подолгу задерживаются здесь. Это настораживает, но заговор в Париже ещё не сложился и разоблачать нечего. У меня пока всё. Вот у Катрин улов, наверное, побогаче.

– Не знаю, насколько у меня богаче, но всё равно хотелось бы поймать ещё больше, чем удалось, — ответила Катрин. — Однако у меня ведь королевы в подругах нет. Есть только вредная и язвительная единомышленница — подруга королевы.

Для начала о любовнице Ришелье. Это маркиза Сюзанна де Пуатье. Похоже, что это, в самом деле, обоюдный и прочный любовный роман, а не случайная и временная связь. Маркиза не бывает ни в королевском дворце, ни в Пале-Кардиналь. Раз в неделю вечером кардинал посещает её в доме на площади Сен-Сюльпис. Обычно это начало недели, но не понедельник. У маркизы от кардинала есть сын двух лет. Сюзанна де Пуатье с сыном — наиболее уязвимая слабость Ришелье. Однако я не позавидовала бы тому или тем, кто рискнул бы воспользоваться этой слабостью.

– Мы, возможно, рискнём. Только очень осторожно и не обременительно для маркизы, — пообещал я. — Что ещё, Катрин?

– Это не афишируемая, но всё-таки видимая сторона личной жизни кардинала. О ней многие знают.

– А есть ещё и невидимая сторона?

– Во всяком случае, Ришелье полагает её невидимой.

– Ну-ка, ну-ка, это очень интересно.

– Не только очень интересно, но и очень опасно для осведомлённого. Уже как минимум два человека поплатились жизнью за эту тайну кардинала. Вы не поверите, но, оказывается, кардиналу не чужды и некоторые другие острые развлечения кроме политических интриг. Он, переодетый и в маске, тайно посещает приют девочек-сирот при аббатстве капуцинок на улице Капуцинок. Причём это развлечение его настолько притягивает, а свидетели настолько нежелательны, что кардинал отправляется туда каждую последнюю среду месяца совершенно один. Если не считать кучера кареты, два предшественника

которого внезапно умерли во цвете лет. Приходит кардинал туда под покровом темноты и уходит через три-четыре часа.

– Это тот приют, где попечителем королева Анна? — спросила Луиза.

– Тот самый.

– Ну, Катрин, мне с подругой-королевой не переплюнуть тебя по части богатства улова. Преклоняюсь. Если это правда, то какой получается крючок для Его Преосвященства! Уж насколько в Лувре свободные нравы, но подобное падение даже самому завзятому развратнику и в голову бы не пришло. Как только такое станет известно хотя бы королеве, то Ришелье мгновенно перестанет быть и первым министром, и Его Преосвященством.

– Вот его отставки нам как раз совсем и не надо, — заметил я. — Отставка Ришелье означает начало переворота Гастона Орлеанского. А это ничем хорошим для Франции не обернётся. Насколько можно доверять этим сведениям, Катрин? Источник надёжный?

– От кого получены такие сведения, я, пожалуй, воздержусь разглашать. Однако человек, достойный доверия. Не подумайте чего. Не из окружения кардинала. Там это вряд ли кто знает. Просто я обещала никому о нем не говорить. Никому — значит никому, — Катрин тяжело вздохнула. — Дороговато и трудновато досталась мне эта история.

– Трудновато в чем? — ехидно спросила Луиза.

– Да ну тебя, Луиза. Тебе везде чудится одно и то же.

– Ладно, какие и о ком у нас ещё появились сведения? — поинтересовался я.

– Наверное, теперь моя очередь проявлять хоть какую-то осведомлённость, — вступил в разговор Арман. — Мы с Пьером занялись ближайшим окружением Ришелье. А это ближайшее окружение — всего один человек, отец Жозеф. В миру самого близкого и неразборчивого в средствах помощника и советника Ришелье зовут Франсуа Леклерк дю Трамбле. Оба знают друг друга с молодости и прекрасно ладят между собой. Мы думаем, что между Ришелье и Жозефом есть и дружба, и соперничество одновременно. Соперничество не в положении, а в том, кому из них первому придёт в голову наиболее удачное решение какой-нибудь задачи. Очень часто Жозеф оказывается впереди.

У Жозефа есть свои апартаменты в Пале-Кардиналь, но он предпочитает свой дом на Вью-Коломбье. Это недалеко от дворца Тревиля.

По Парижу передвигается без опаски в карете даже ночью в сопровождении лишь кучера и слуги. Значит, не трус. Ведь зуб на него имеют очень многие.

Отец Жозеф принадлежит к ордену капуцинов. Хотя со времени работы на Ришелье совершенно пренебрегает обетом своего ордена. Я вот сейчас подумал, послушав Катрин: а не через него ли Ришелье нашёл своё развлечение в приюте для девочек-сирот?

Камеры для допросов и пыток у отца Жозефа есть и в Бастилии, и в тюрьме Консьержери, и в подвалах Пале-Кардиналь. Сена с последними рядом. Что позволяет легко избавляться от трупов. Говорят, что от Пале-Кардиналь к Сене есть подземный ход как раз для этих целей.

По поводу женщин отца Жозефа ничего не известно. То ли их нет совсем. То ли никто не рискует совать сюда свой нос. Нам же с Пьером показался странным подбор служанок в доме Жозефа. Все слишком молодые для опытных работниц и чем-то похожи друг на друга. Как капуцин, отец Жозеф должен бы пользоваться только мужской прислугой.

Аманда тяжело вздохнула.

– Негусто у нас набралось. За исключением пасквильной бумаги и приюта на улице Капуцинок, ничего тайного и сильно компрометирующего. А уж как отца Жозефа можно было бы использовать, то вообще не представляю. Против Ришелье и думать нечего — они друзья и соратники. Против Гастона? Так между ними нет никакой связи. Серж?

– При определённых условиях против Гастона Орлеанского можно использовать и отца Жозефа.

– При каких это условиях?

– Если, так сказать, в какой-то момент отец Жозеф вдруг покинет этот мир.

– Но мы же не можем столько ждать. Жозеф в расцвете сил.

– Ей-богу, Аманда, — воскликнула Луиза, — ты самая старшая среди нас, а как ребёнок. Серж говорит о том, что мы сами должны убить Жозефа.

За столом воцарилось гнетущее молчание. Мух нет. Иначе стало бы слышным их жужжание. Гийом напрягся, Арман и Пьер переглянулись, а Катрин застыла с открытым ртом. Тишину нарушила Луиза.

– Наверное, давно это нужно было сделать. Всегда ждём, что грязную работу кто-то совершит за нас. Только вот Аманда у нас уж очень чувствительная.

– Что Аманда, что Аманда? Правда, не по душе мне такой оборот дела, но если необходимость заставляет… Серж, в самом деле, необходимость?

– В самом деле.

– Аманда, перестань причитать и пытаться переложить ответственность на что-то или кого-то. Тебя-то мы за этим не пошлём.

– Гийом! — окликнул Арман управляющего.

– Я с вами.

– Катрин!

– Страшно-то как! Но я согласна с Луизой. Отец Жозеф давно просится в ад. Надеюсь, что не только Аманду, но и меня не будете подсылать к Жозефу с ножом или ядом. Луизу, Луизу пошлите. Она отважная. Ножик я ей найду, а яд и искать не надо. У неё духи подходящие есть — убийственные.

Луиза возмущённо надула губы.

– Подруга называется!

– Утихомирьтесь! — прервал их Пьер. — Справимся и без вас. Что делаем, Серж?

– Что делаем? Прикидываем план действий. Хорошо, что все понимают, какую границу мы сейчас переступим. От простых разговоров к тому, за что полагается плаха. Поэтому двойная и тройная осторожность. Аманда права. Козырей у нас немного. Так и времени, чтобы их набрать, у нас нет. Так что придётся использовать то, что есть.

Пасквильная бумага. Очень хороший козырь против Гастона. Будем использовать. Только нужно спрятать поэта, от которого мы её получили. Хотя бы на месяц, пока всё не утихнет. Если до него кроме нас кто-нибудь доберётся, то это может спутать все карты. Нельзя допустить, чтобы кто-то узнал, что бумага была у нас. Кто может спрятать Жана у себя?

– У меня в поместье никогда не будут его искать, — живо сообщила Катрин.

Луиза, опоздав перехватить инициативу в этом вопросе, возмущённо сверкнула глазами, но промолчала.

– Хорошо. Тогда, Арман, вам нужно завтра же отыскать Жана и, слегка припугнув, уговорить его скрыться на время. Может быть, я составлю вам компанию.

– Дальше. Сюзанна де Пуатье. Совсем не причастное ни к чему лицо. Никак пострадать не должна. Вместе с тем — неплохой козырь, чтобы вывести Ришелье из равновесия, сделать уступчивее. Даже при том, что он может очень разозлиться. Нужно сделать так, чтобы она на несколько дней внезапно исчезла

из дома неизвестно куда. Катрин, перестаньте мечтать о поэтах! Поручим это вам.

– Мне?

– А кому же ещё? Придумайте, как, через кого к ней подойти. Сюзанну де Пуатье нужно убедить срочно покинуть Париж вместе с сыном, никому не сообщая, почему и куда. Впрочем, она на это не согласится. Она никуда не поедет, не уведомив кардинала.

– Именно.

– Но можно предложить ей написать Ришелье письмо, взяться передать и как-то забыть об этом. Задача в том, чтобы, приехав к ней, Ришелье бы не застал ни её, ни сына, и никто бы из слуг не знал, где они. Но, пожалуй, лучше всего, если дом вообще окажется запертым, и спрашивать было бы некого. Разве что соседей. Соврать можно что угодно. Например, что есть заговор против кардинала и заговорщики, чтобы повлиять на него, могут взять Сюзанну с сыном в заложники или даже убить. Понятно, Катрин? Врите, что хотите, но Сюзанна должна исчезнуть с горизонта.

– Понятно-то понятно, да вот с какого конца взяться? Я же с ней не знакома. Луиза, ты знаешь де Пуатье?

– Знаю немножко и могу познакомить. Сюзанна каждый день ходит к обедне в церковь Сен-Сюльпис. Уж так и быть, составлю тебе компанию. Сюзанна — женщина приятная и непременно пригласит нас на чашку чая.

– Вот и хорошо, — порадовался я, — начните вдвоём. Посетуете, что, похоже, назревает какое-то беспокойство, а о заговоре или чем-то другом уже, когда подойдёт время. Нужный момент нужно будет точнее рассчитать.

Так, идём дальше. Приют на улице Капуцинок. Козырь очень сильный. Пожалуй, даже слишком. Используем не все его возможности. Нам нужно освободить арестованных, а не свергать Ришелье.

Луиза, не возмущайтесь. Ваше личное отношение к кардиналу может нам помешать. Равновесной Ришелье фигуры, способной заменить его, сейчас во Франции нет. Во всяком случае, нет на виду, и вы это прекрасно знаете. Свержение же Ришелье вовсе не означает освобождения нужных нам узников. Постарайтесь это понять.

– Попробую. Может, вы и правы, Серж.

– Вам, Луиза, в нашем плане предстоит немалая и тонко разыгранная роль. Кроме вас, больше некому рассказать в нужном свете королеве Анне о визитах кардинала в приют. Нужно внезапно закрыть ему доступ туда. Чтобы он явился,

а его не пустили. Можно объявить какую-нибудь болезнь, но тогда есть опасность, что кто-то проговорится. Лучше, если Анна, как королева и попечительница, без шума сменит аббатису и персонал приюта, загнав всех под охраной в какой-нибудь отдалённый монастырь с крепкими замками и стенами. Может она такое сделать, чтобы кардинал ничего не пронюхал?

– Думаю, да, — смеясь, ответила Луиза. — Представляю себе удивлённую и разъярённую физиономию кардинала.

– Но это только первая часть спектакля. Арман, Пьер, Гийом, нам с вами нужно в это же время оказаться там, на улице Капуцинок. В тот момент, когда кардинал отойдёт от дверей приюта. Нам нужно вынудить его открыть лицо. Может быть, сделать это под видом ночной стражи? При этом ваши лица не должны быть видимы. А вот моё лицо он должен увидеть, чтобы позже узнать. После этого мы кардинала отпускаем.

– Что-то уж очень сложное и хитрое задумали вы, Серж, — заметил Гийом. — А для себя и опасное.

– Пока Ришелье знает только лицо, но не знает имени, то опасности нет. Имя он узнает, когда в этом возникнет необходимость у нас, а не у него.

Луиза, нужно будет составить черновик письма королевы к кардиналу о том, что ей всё известно об улице Капуцинок, но она пока в раздумье о том, до каких последствий это довести. Хотя он и сам сразу поймёт, что что-то вдруг очень изменилось. Но пока королева не подтвердит этого, он не будет знать, есть тут ему какая-то угроза или нет. Он же не может приказать своим подручным разобраться, в чем тут дело. Несколько дней неизвестности сыграют в нашу пользу. Это письмо, но уже написанное рукой королевы, должно попасть к Ришелье в точно определённый момент по моей команде. Как вы уговорите королеву сделать именно так — ваше дело. Сможете?

– Думаю, да. А вы, Серж, коварный тип. Хотите взять Ришелье за горло?

– Что-то вроде этого.

– Многие до вас пытались. Да вот где они теперь?

– У меня есть поддержка, которой у них не было — вы все. Ладно, поехали дальше. Есть ли какие-нибудь дворцовые праздники в начале октября?

– В первый день октября в Лувре бал провинций, — подала голос Аманда. — Моё присутствие обязательно и Луизы тоже.

– Очень хорошо. Это, получается, через неделю в понедельник. Возьмёте меня с собой. Письмо королевы разыграем во время бала. Надеюсь, что на этом благополучно закончится проблема с Ришелье и узниками. Правда, до этого нам

предстоит ещё разрешить проблему с Гастоном Орлеанским. Сегодня пятница. На всё у нас девять дней.

Арман, Пьер, Гийом, вам предстоит избавить мир от отца Жозефа. При нём должны обнаружить пасквильную бумагу, которая сейчас у нас. Думайте сами, как это лучше сделать в промежутке между посещением кардиналом улицы Капуцинов и балом в Лувре. Лучше бы через пару дней после первого события и за два-три дня до бала. Но у нас нет столько времени. Может быть, снять какое-нибудь жилище на пути отца Жозефа домой? Для наблюдения, ожидания, засады.

Аманда, на следующий день утром вы должны пригласить в гости Камиллу де Буа. Здесь она услышит новость об отце Жозефе. А также о том, что при нём найдено пасквильное письмо против кардинала и короля, написанное двумя лицами. Она сразу поймёт, о каком письме речь и что означает оно для Гастона и её самой в совокупности с убийством друга и соратника Ришелье. Камилла непременно рванётся в Орлеан, не рискуя даже заглянуть в Париж.

Наше с вами, Аманда, дело — направить её мысли так, чтобы она убедила герцога Орлеанского отказаться от заговора против Ришелье. Угроза для Гастона образуется серьёзная. В таких обстоятельствах на убийство будут смотреть только как на следствие заговора, а заговор налицо. Здесь неважно, кто на самом деле убил Жозефа. Важно то, на кого подумает Ришелье. Тот и будет уничтожен легально или тайно. Кардинал смерть своего друга и помощника не простит никому. Гастон ведь не дурак и сразу поймёт это. Принцы крови тоже смертны и прикосновенны. Один вроде бы до сих пор сидит в Бастилии. Да и герцог Кайенский исчез не так уж давно. Гастон постарается оправдаться перед Ришелье прежде, чем тот что-то предпримет.

Гийом, вам, наверное, придётся сопровождать бедную, испуганную женщину в Орлеан. А оттуда, возможно, привезти письмо Гастона к Ришелье. Мы это письмо должны прочесть прежде кардинала.

Мы с вами должны выстроить цепь событий. При этом не можем изменить дату праздника во дворце. Поэтому время для нас очень сжато. Завтра в субботу выручаем нашего поэта и отвозим домой к Катрин. Катрин, утром предупредите своих слуг, чтобы сразу же отвезли Жана в ваше поместье. После этого мы с Арманом и Пьером пройдёмся по пути передвижения отца Жозефа и посмотрим, где бы удобнее организовать засаду на него.

Завтра же Луиза познакомит вас, Катрин, с мадам де Пуатье, а сама до этого побывает у королевы с нашим доносом на кардинала. Вы обе умные женщины и, думаю, найдёте способ, как удалить Сюзанну из Парижа, не прибегая к запугиванию. Или же, во всяком случае, смягчите его.

– Не каждая женщина испугается заговора, — произнесла Катрин, — но каждая всегда клюнет на любовную приманку. Придумаем что-нибудь.

– Придумаем. И я даже примерно представляю, что, — поддержала подругу Луиза с такой готовностью, что Катрин подозрительно взглянула на неё.

– Отлично. Поскольку среда отведена кардиналом на ночное посещение приюта, то вряд ли он в этот же день появится у мадам Пуатье. В понедельник он к ней не ходит. Значит, появится во вторник. Сюзанна должна исчезнуть самое позднее в понедельник.

В среду вечером или ночью мы всей мужской компанией ловим кардинала в странном для такой фигуры месте. Гийом, ваша забота — подготовка нашего появления на улице Капуцинок.

– Понял.

– Дальше. Письмо из Орлеана нам лучше всего получить не позже субботы перед балом. В крайнем случае, в воскресенье утром. Надо и самим прочесть, и к кардиналу доставить. Гийом, сколько льё до Орлеана?

– Сорок. Десять часов пути верхом или в карете.

– И обратно десять. И отдохнуть хотя бы чуть-чуть. Пусть будут сутки с пятницы на субботу. Другого времени нам не остаётся. Значит, отец Жозеф должен покинуть земную юдоль не позже ночи с четверга на пятницу. Аманда, вам нужно будет залучить к себе Камиллу де Буа в пятницу с утра. То есть раньше, чем распространятся городские слухи. Или же в предыдущий день пригласить и задержать на ночь. Сможете этого добиться? У вас больше всех времени для подготовки.

– Думаю, что смогу. У меня с ней вполне хорошие, приятельские отношения, и она у меня здесь не раз бывала.

– Меня беспокоит только один момент, — продолжил я. — Если Гастон Орлеанский решит отправить своё письмо либо не с Гийомом, а со своим курьером, либо отправит письмо позже, чем нам нужно. В первом случае ничего страшного не произойдёт. Не прочли мы его — и Бог с ним. Важно, что оно пришло кардиналу. Хуже, если оно запоздает. Придётся откладывать действия, а это всегда не очень хорошо даже в лучшем случае.

– А в худшем? — спросила Аманда.

– В случае большого запоздания письма или если оно не придёт совсем, то Ришелье уничтожит Гастона. Нам это не нужно.

– Почему не нужно? — поинтересовался Арман. — С любым устранением Гастона угроза для Ришелье и короля пропадает. Стало быть, и узники уже не нужны. Их отпустят. Мы в любом случае выигрываем.

– А ведь верно, — поддержала его Аманда. — Может, и не пытаться выручить Гастона? Нам любой исход на руку.

– Не совсем верно, графиня. Если Гастон попадёт в Бастилию или на кладбище, то нет никаких гарантий, что его непричастность к убийству Жозефа не выплывет наружу. А нам ведь совсем не хочется, чтобы начались поиски настоящих виновных?

– Нет, конечно.

– Их не будут искать только пока Гастон жив и свободен. Как-нибудь потом я объясню, почему. Сейчас уже поздновато, а вставать нам всем рано.

Утром Катрин отправилась в свой парижский дом, а затем на службу в Лувр. Вслед за ней к королеве отбыла Луиза в сопровождении вооружённых слуг Аманды. Я же в компании Армана и Пьера поспешил в карете Аманды на поиски Жана-Батиста Поклена. В "Сосновой шишке" его не оказалось. Но хозяин таверны сказал, что он живёт рядом, буквально за углом, и можно послать за ним мальчишку. Послали.

– Здравствуйте, Жан, присаживайтесь, — приветствовал поэта Пьер.

– Здравствуйте, господа. Неужели кому-то из вас понадобились мои услуги рифмоплета?

– К сожалению, нет, Жан. Дело у нас к вам более серьёзное. Мы узнали, кто писал ту пасквильную бумагу, которую вы нам передали, — поэт сразу поник.

– Я и сам догадываюсь.

– Тогда вы понимаете, насколько опасен этот человек. Заговор против кардинала действительно существует, и мы полагаем, что он провалится так же, как и все предыдущие. Начнут убирать любых свидетелей. Не в первый раз такое.

– Мне нужно бежать?

– Да. И чем быстрее, тем лучше. Наша общая приятельница согласилась спрятать вас в своём загородном поместье неподалёку от Парижа. Вас там не найдут. Не думаем, что это надолго. Вряд ли придётся скрываться более месяца. Да и дамское общество за это время хорошо послужит вашим творческим порывам. Собирайтесь, Жан.

– Как я вам благодарен, господа! Надо же, изгнанник в дамское общество! Я мигом.

Не прошло и четверти часа, как беглец опять нарисовался в таверне в более свежей одежде и с дорожным мешком. Доставили его к дому Катрин и молча сдали на руки мажордому.

Нельзя сказать, чтобы кратчайший путь от Пале-Кардиналь до Вью-Коломбье, где обитает отец Жозеф, был бы и самым прямым. Узость улиц и их извилистость нам на руку. Больше мест для засады. Сначала проехали весь путь из конца в конец, обозревая оба ряда домов. Оказалось, что дом Жозефа почти рядом с дворцом Тревиля. Посовещались и поехали обратно. Остановились на четверти пути от Вью-Коломбье. Интересное место. По одну сторону улицы — большой заколоченный дом, а по другую — заброшенный сад с широченными коваными воротами. Если открыть ворота, то они перегораживают почти всю улочку. Пройти можно, но карете не проехать.

– Я думаю, хозяев искать не стоит, — проговорил Арман. — Привлечём внимание. У меня на примете есть умельцы, которые любой замок откроют. Привезу их сюда сегодня же ночью. Мы с Пьером и Гийомом освоим дом и сад.

Пьер и Арман остались в городе, а я вернулся в замок и до вечера упражнялся в верховой езде. Едва я со стоном уселся за стол рядом с Амандой, как появились чем-то ужасно развеселённые Луиза и Катрин.

– Вы только подумайте, какую свинью мне подложила Луиза, — хохоча, начала рассказывать Катрин. — А я-то думала, чего это она вдруг с такой готовностью взялась помочь мне с Сюзанной де Пуатье? И в самом деле, мы встретили Сюзанну в церкви Сен-Сюльпис. Очень милая и доброжелательная женщина. Пригласила нас на обед, похвасталась симпатичным отпрыском Ришелье, посетовала на отсутствие мужчины в доме — и с этого момента все разговоры были только о мужчинах. Что меня очень обрадовало. В этой воде можно любую рыбку поймать. Если бы я только знала, чем это закончится! Давай, Луиза, продолжай. Я просто не могу…

– Ладно, отдохни, — тоже смеясь, согласилась Луиза. — Как только я почувствовала, что разговор попал в нужное русло и хозяйка дома проявила живой интерес к теме мужчин, я стала осторожненько подвигать беседу в нужную нам сторону. Сначала выяснилось, что редкость и скоротечность визитов кардинала очень расстраивает Сюзанну. Молодость уходит, а радостей,

развлечений никаких. Тогда мы с Катрин рассказали о некоторых своих весёлых грешках. У Сюзанны разгорелись было глазки, но быстро угасли. Она призналась, что с удовольствием бы побаловалась с кем-нибудь, но страшно, если узнает Ришелье.

Всё, тут она и попалась! Ерунда, говорю я, в таких случаях не нужно пытаться скрыть любовную связь, не трогаясь с места. Нужно сделать совсем другое. Исчезнуть от досужих глаз неизвестно куда на какое-то время и там свободно отдаться утехам. Правда, в случае Сюзанны нужен весомый и правдоподобный предлог для исчезновения. Причём правдоподобный именно для Ришелье. Его так просто вокруг пальца не обведёшь.

Стали придумывать предлог. Перебрали и отвергли кучу вариантов. В конце концов, Катрин словно как-то нечаянно оговорилась, что против Ришелье зреет очередной заговор. Тут я и предложила исчезнуть под предлогом нужды обезопасить сына кардинала от возможных покушений заговорщиков. Такая затея привела Сюзанну в восторг. Только возник вопрос: куда можно исчезнуть с ребёнком и прислугой? Не в своё же собственное поместье! Это было бы не исчезновение, а просто переезд на другое место. У меня мелькнула гениальная идея.

– За которую я была готова там же придушить Луизу, — подала голос Катрин. — Врёт она. Эта идея у неё мелькнула не в гостях у Сюзанны, а гораздо раньше. Ещё вчера вечером за этим столом.

– Ну и что? Всё равно гениальная идея. Я говорю Сюзанне, что у Катрин большой дом в поместье недалеко от Парижа и там уже скрывается один беглец от заговорщиков. Ничего ужасного, если беглецов станет двое. Катрин сердечно предоставляет укрытие хорошим людям. Тем более что первый беглец вполне приличный, обходительный молодой человек. Довольно известный поэт, и в его обществе будет не скучно.

Сюзанна умоляюще посмотрела на Катрин, которая, скрипя зубами, гримасу злобы на своём лице пыталась превратить в доброжелательную улыбку. Но, тем не менее, Катрин — умная девочка и согласилась с моим предложением, пересилив бурю глубоких чувств ко мне, бушевавшую в ней.

– А что мне оставалось делать? Конечно, согласилась. И Луиза жива до сих пор только потому, что я сообразила, как просто она разрешила порученную мне проблему. Я сама рассчитывала поиграть с поэтом. Теперь приходится

уступить его Сюзанне. Зато приманка-то для неё какая! Всё мигом решается по доброму согласию и без запугиваний. Мужчину-то для развлечений всегда можно найти, а вот благоприятную ситуацию — нет. Луиза, отдай Сержу письмо.

– Да, мы уже договорились, что завтра Сюзанна отправит почти всю прислугу в своё поместье. Оставит себе только камеристку, кормилицу и кучера. Вместе с ними и сыном она утром в понедельник уедет в поместье Катрин. Письмо мы должны как-то отправить кардиналу, — и Луиза передала мне незапечатанный листок.

"Дорогой Арман, мне совершенно случайно стало известно, что против тебя замышляется какой-то заговор. Я очень расстроена, что ты мне об этом ничего не говоришь. Хотя понимаю и государственные соображения, и твоё желание не беспокоить, не пугать меня. Но я боюсь за нашего сына. Заговорщики всегда не стесняются в средствах и могут попытаться использовать меня и нашего сына, чтобы оказывать давление на тебя. Поэтому я на некоторое время уеду с сыном из Парижа. Пока опасность не минует. Это будет надёжное и спокойное место. Так что не посылай никого разыскивать нас. На всякий случай я не пишу тебе, куда мы уезжаем. Вдруг моё письмо окажется доступным чужим глазам.

Любящая тебя Сюзанна де Пуатье

24 сентября 1632 года от Рождества Христова"

– Отлично, лучше, чем мы могли бы ожидать, — и я передал письмо Аманде. — Луиза, вы просто мастер интриги!

– Но я всё равно припомню ей эту гениальную идею, — с наигранной мстительностью пробурчала Катрин. — Хотя и было весело.

– Катрин, нужно будет организовать наблюдение за опустевшим домом Сюзанны. Нам нужно будет точно убедиться, что кардинал туда приходил и когда.

– Хорошо. Сделаю.

– Луиза, как прошёл твой визит к королеве? — поинтересовалась Аманда.

– Она в ярости. Едва удалось уговорить её ничего пока не предпринимать против кардинала. Я ей сказала, что пусть, мол, сначала Его Преосвященство съездит туда, получит оплеуху и помучается пару дней неизвестностью. Потом обсудим, что делать дальше. Как бы плохо мы ни относились к кардиналу, но пока Гастон Орлеанский строит козни, нельзя отправлять Ришелье в отставку. Целью Гастона сразу станет король. Анна со мной согласилась и решила тайно

встретиться с епископом Парижским. Я ушла. Зная решительность Анны, думаю, что завтра-послезавтра сделают тихую чистку приюта.

– Ты не заметила ещё каких-нибудь попыток преследовать тебя.

– Нет, может, кардинал подумал, что уже достаточно напугал меня?

Луиза и Катрин отправились почивать в свои апартаменты. Гийом, наверное, с Арманом и Пьером осваивают в Париже заколоченный дом и заброшенный сад. Или, может быть, готовит наше пришествие на улицу Капуцинок? Я сказал Анне Петровне, что до среды мне здесь делать вроде бы и нечего. Схожу домой, устрою кое-какие свои дела. Пусть как-то объяснит моё отсутствие другим. Получил уверения, что всё будет в порядке, и отправился переодеваться.

Дом, Дом, где ты, Дом!

В среду за обедом в графских чертогах Аманды подбиваем итоги прошедших дней.

– Вашего поэта благополучно доставили в моё поместье, — доложила Катрин, — а в понедельник утром прибыла и Сюзанна. Беглецы пока что только присматриваются друг к другу. Беспокоит то, что во вторник Ришелье не появился на Сен-Сюльпис. А сегодня у него приют на улице Капуцинок, и в такой день он у Сюзанны никогда не появляется. Не похоже на кардинала, который всегда придерживается своих правил.

– После отъезда Сюзанны к ней кто-нибудь приходил? — спросил я.

– Нет, ни визитёров, ни посыльных не было. За её домом всё равно присматривают, и если что произойдёт, то немедленно дадут знать, где бы я ни была.

– В заговорах все гладко не бывает. Причин отказываться от плана пока нет. Мы же за самим Ришелье не следим. Может что-то стороннее нарушило его правила.

– На улице Капуцинок у нас всё готово, — вступил в разговор Гийом. — Королева Анна написала новой аббатисе для нас письмо. Втолковали привратнику, что делать и что говорить, когда явится ночной визитёр. Если этот визитёр проявит хоть малейшую настойчивость, привратник будет звонить в колокольчик. Под видом ночной стражи прибегут четверо наших слуг во главе со мной. А остальные появятся, как загулявшиеся до ночи гости из снятого нами

дома наискосок от приюта. Хочешь — не хочешь, а кардиналу придётся объясняться, что он тут делает ночью и зачем ломится в спящий приют. Всё должно получиться.

– К встрече Жозефа тоже вроде всё готово.

– Вроде или всё?

– Всё, — поправился Арман. — В дом и сад попали, нужное подготовили. Узнали, что у дома и сада один владелец и сейчас в городе его нет. Так что можем пользоваться домом и садом открыто. Соседи подумают, что их сдали в аренду. На всякий случай в доме оставили надёжного человека следить за неожиданностями.

Как и подумали с самого начала, ночью распахнём ворота сада и перегородим улицу. Нападём сразу с двух сторон. Из дома и из сада. Гийом с помощниками возьмёт в оборот кучера и слугу, а мы с Пьером тем временем разделаемся с Жозефом. Если придётся действовать днём, то изобразим, будто идёт ремонт ворот. Наших лошадей и карету мы оставим на постоялом дворе через две улицы.

Ночь, конечно, для нас самое удобное время, но Жозеф не всегда возвращается домой ночью. Бывает и засветло. Так что и нам на всякий случай нужно будет приготовиться пораньше. Для чего мы поставим двух наблюдателей с лошадьми у Пале-Кардиналь. Как только Жозеф захочет выехать оттуда, один из наблюдателей нас предупредит. Другой наш человек последует за Жозефом и уведомит нас, если Жозеф поедет не к засаде. От дворца кардинала до засады езда не такая уж долгая. Так что после предупреждения о том, что Жозеф двинулся из Пале-Кардиналь, у нас для готовности будет всего около пяти минут. Должно хватить.

– Если нападение на улице почему-либо сорвётся, например, Жозеф не появится, где мы его ждём, или что-нибудь другое, — продолжил Пьер, — то придётся сразу же пойти на более рискованный вариант. Времени всё переносить на другой день у нас нет. Застанем Жозефа прямо у него дома. То, что у него почти вся прислуга женская, играет нам на руку. Войдём через заднюю дверь, к которой у нас уже есть ключ. Гийом со своей командой займётся слугами, а мы с Арманом доберёмся до Жозефа. Скажу, как Гийом: всё должно получиться.

– Прекрасно. Вы, ребята, сделали много больше, чем замышлялось вначале, — похвалила их Луиза. — А у меня вот не всё гладко. В нашу компанию пришлось принять ещё одного заговорщика. Хотя мы и не хотели этого.

– Кого и зачем?

– Королеву Франции Анну Австрийскую. Вообще-то это было неизбежно, раз мы отводили ей важную роль в наших планах. А я тоже шляпа. Зная её, должна была понимать, что Анна не будет подписывать никаких важных писем вслепую. Только лишь затем, что подруга попросила. К аббатисе-то она для нас написала письмо потому, что понимала: тут хотят дать оплеуху кардиналу. Но вот писать кардиналу угрожающее письмо неизвестно для чего она отказалась. Пришлось немного посвятить её в наши дела. Я сказала, что есть заговор, цель которого не свалить кардинала, а просто прижать его к стене и заставить выпустить безвинных арестантов. В детали, конечно, я её не посвящала, да она и не требовала. В общем, нужное нам письмо будет в нужное нам время в нужном нам месте.

– Тоже хорошо. Ты исправила ошибку в соображениях, допущенную нами. Аманда, как у нас обстоят дела с Камиллой де Буа?

– Всё в порядке. Она будет у меня в четверг вечером и останется до следующего дня.

– Великолепно. Арман, Пьер, вы будете одновременно и вестниками новостей для Камиллы. Поэтому из замка вы и так уедете до её появления, а появиться здесь вам надо где-нибудь к завтраку на следующий день с самыми свежими сплетнями и слухами о гибели отца Жозефа.

В обеденный зал вошёл слуга и склонился к уху Аманды.

– Катрин, там к тебе приехали.

Катрин выпорхнула за дверь и вернулась минут через пять.

– Уф, от сердца отлегло, — довольно воскликнула она. — Ришелье чуть больше часа назад уехал с Сен-Сюльпис. Сначала его слуги оббежали все соседние дома, пытаясь узнать, что означает пустой дом Сюзанны. Потом карета просто простояла там минут пять. Словно кардинал о чем-то размышлял. В конце концов, карета двинулась в сторону Лувра.

– Ну что ж, будем надеяться, что Ришелье из-за этого не отменит своего ночного визита к сироткам.

Потянулось тягостное ожидание вечера. Сначала пытались поддержать друг друга пустой болтовнёй ни о чём. Потом плюнули на такую ерунду и разошлись по своим комнатам. Ко мне заглянула хозяйка.

– Можно?

– Да, да, конечно, — и графиня плотно притворила за собой дверь.

– Знаете, Сергей, — заметно поколебавшись, начала она, — меня так и не покидает тягостное чувство, что мы делаем что-то не то и не так…

– Можете не продолжать, Анна Петровна. Меня на уровне эмоций тоже не покидает это самое.

– Правда?

– Правда. Всё дело в противоречивости человеческой психики, эмоций в вопросе лишения кого-то жизни.

– Вот-вот, вы, пожалуй, очень точно сказали.

– Вся петрушка заключается в том, что мы смешиваем рациональное с эмоциональным и путаем этическое с логическим. Получается такая каша, в которой сами не можем разобраться. Сами посудите, нас приводят в восторг дуэльные подвиги д'Артаньяна, который крушит чужие жизни направо и налево. Скажете, литература? Нет, д'Артаньян как имя — литература, а дуэли — нет. Дуэли — жизнь. Дуэльная смерть — это чистой воды безмотивное, нерациональное убийство по прихоти. Смехотворный предлог мнимого оскорбления — разве мотив для наказания смертью? Нет, конечно. Тем не менее, мы это видим сплошь и рядом и сами же прославляем как подвиг и освобождаем от наказания. Вопрос, на чьей из сторон мы стоим, совершенно не существенен.

– Но на дуэли обе стороны вооружены.

– И это тоже совершенно неважно. Здесь вопрос не вооружённости, а умения. Если вы против опытного бретёра* выставите меня, то какой будет исход? Да один и тот же, со шпагой я или нет. Тогда почему оценки смерти тут разные? Убийство — не убийство. Наличие оружия — просто самооправдание для сильного против слабого. Если хотите, мы попросим Армана сунуть в руки Жозефа шпагу, прежде чем Арман проткнёт того. Вам будет легче? Вряд ли.

– Я даже не знаю, что сказать…

– Уважаемая Анна Петровна, мы ввязались в интригу с рациональной основой и не сможем разрешить проблему на основе морали и эмоций. Если только попытаемся, то будем уничтожены сами и никого не спасём. Жозеф — преступник и с точки зрения морали, и с точки зрения эмоций, и с точки зрения рациональности. Но обезвредить его можно только рациональным путём. До морального не дошли ещё даже в двадцатом веке. Так что не мучайте себя.

Мне самому жутковато. Но я понимаю, что мы с вами на позициях самозащиты. Хотя со стороны может казаться, что мы готовимся к нападению. На

самом деле это не так. Оружие, возможности, которые против нас, намного сильнее наших собственных. Поэтому мы вынуждены изощряться, чтобы не пропасть.

– Я подумаю, Серёжа. Наверное, вы в чем-то правы, — и она ушла.

Выезжаем вчетвером из замка в какой-то карете без гербов, как только солнце коснулось горизонта. Слуги, участвующие в спектакле, отправились раньше. До ночи далеко, и можно было бы выступить попозже, если бы городские ворота не закрывались рано.

Улица Капуцинок. Симпатичная и даже, можно сказать, уютная. Глухие деревянные ворота небольшого монастыря капуцинок с калиткой и окошечком. В нём и находится сиротский приют. Звон колоколов к вечерней молитве. Выбираемся из кареты, и та уезжает куда-то дальше. Почти полная луна начала свой путь по небу. Через несколько шагов на другой стороне улицы нас впускают в небольшой двухэтажный, каменный дом.

Слуги уже здесь и готовятся к выходу на сцену. По большой комнате первого этажа разбросаны доспехи, оружие, факелы стражников. На втором этаже в такой же комнате — стол с приготовленным выпить-закусить. Горит несколько свечей. Окна распахнуты. Ворота монастыря в неверном свете луны — как на ладони. Садимся и закусываем.

Около полуночи Гийом спускается вниз и со своей бряцающей железом командой скрывается поблизости в каких-то темных проулках. Засада готова. Где-то около часа послышался нарастающий стук колёс и лошадиных копыт. Мы насторожились, начали греметь посудой и громко переговариваться пьяными голосами так, чтобы было слышно на улице.

Карета проехала мимо. Не то? Нет, то! Остановилась метрах в двадцати дальше по улице. Правильно — зачем даже ночью афишировать объект визита? От кареты отделилась неясная фигура и пошла назад. Остановилась у ворот монастыря. Мы несколько умерили свои голоса. Тихий стук в ворота напротив. Через несколько мгновений стук повторяется громче. Мы слышим скрип открываемого окошечка ворот. Переговаривающиеся голоса. Слов, интонаций не различить. Окошко захлопывается. Мгновение тишины — и снова требовательный стук. В ответ благолепие ночи разрывается громким и пронзительным звоном колокольчика и криками: "На помощь, на помощь!"

Арман высовывается в окно и зычным голосом кричит:

– Эй, приятель, что ты там вытворяешь!?

Мы мигом скатываемся по лестнице, вылетаем на улицу и оказываемся между фигурой в плаще и каретой. Мимо нас фигуре не проскользнуть. Фигура пытается это сделать, но Арман преграждает ей путь.

– Нет, друг, — с бесцеремонностью и настойчивостью пьяного ведёт себя Арман, — ты отсюда не уйдёшь, пока не скажешь, что ты тут делаешь.

А мнимая стража с топотом и поднятыми над головой факелами уже почти подбежала. Кучер кареты поспешил на помощь хозяину и пытается обойти нас, но Пьер в момент оттирает его в сторону и прижимает к стене. Караульный начальник ещё издали кричит:

– Именем короля! Всем стоять на месте!

Фигура на месте стоять не хочет и пытается протолкнуться через нас. Арман хватает её за плащ и притягивает к себе.

– Эге, да он в маске!

Действительно, визитёр в маске, скрывающей все лицо до низа подбородка.

– Кто в маске? Что тут происходит? — выкрикивает подбежавший фальшивый караульный начальник, а его подчинённые окружают нас.

– Вот этот в маске, — и Арман встряхивает фигуру, — ломится в монастырь.

– Чёрт! — с изумлением ругаюсь я. — Арман, Пьер, немедленно обоих в дом!

– Что случилось?

– Потом, быстро их в дом!

Хоть и недоумевая, Арман и Пьер мгновенно подчинились.

– Гийом, тоже очень быстро отгоните карету чуть дальше вперёд и предупредите привратника, что будет ещё один визитёр. Пусть всё делает точно так же. И мигом в засаду! Повторяем всё с самого начала. Следующий визитёр может быть уже на подходе.

Гийом что-то сказал одному из своих, и тот устремился к карете, а сам подбежал к воротам монастыря. На условный стук окошко открылось, и Гийом сказал в него несколько слов. Буквально за полминуты улица опустела. Я рванул к дому. Оба пленника стоят, прижавшись к стене, под суровым взглядом Пьера, поигрывающего длинным кинжалом.

– В чём дело, Серж?

– Посмотрите внимательней, Арман, — и он всматривается в человека в маске.

– Вот дьявол! А борода-то где? Я как-то и внимания не обратил.

– Вот именно.

Арман подходит к визитёру вплотную, откидывает на нем капюшон и сдёргивает маску. В каскаде пышных волос открывается молодое и миловидное женское лицо, но одежда-то мужская.

– Чёрт меня дери! Женщина!

– Ладно, разбираться будем потом. Мадам, как вы видите, произошла ошибка. Нам нужны не вы. Мы завершим своё дело и вас отпустим. Вы согласны вести себя тихо и благоразумно? — Женщина промолчала и только согласно слегка повела головой сверху вниз. — Отлично. Но меры предосторожности мы на всякий случай примем. Привяжите их к стульям и побыстрее. Времени у нас нет. И я, прыгая через ступеньку, понёсся наверх. Выглянул в окно — тихо. Через минуту подоспели остальные двое.

– Вот что называется непредвиденные обстоятельства. Чуть не погорела вся наша затея. Какое дурацкое совпадение, что кому-то ещё понадобился именно этот монастырь именно сегодня и именно в это время.

– Интересно, — задумчиво произнёс Пьер, — неужели привратник хотя бы по голосу не понял, что перед ним женщина? Напрасный переполох.

– Тсс, вроде снова кто-то едет.

И действительно, опять слышится стук колёс и копыт. Только теперь карета останавливается почти напротив нашей двери. Дальше всё повторяется один в один. И наши действия, и наши реплики.

Свет высоко поднятых факелов стражи ярок, и тени от широких полей шляп скрывают лица Армана, Пьера и Гийома. На мне шляпы нет, и моя физиономия открыта обозрению.

– Вот видите, сержант, — говорит Арман, обращаясь к начальнику караула. — Этот в маске, а тот, соскочив с кареты, бросился на нас со шпагой. Они грабители. Честные люди по ночам в масках не ходят и не ломятся в чужие двери.

– Снимите маску, сударь, — с железом в голосе произносит лжесержант.

– А если не сниму?

– Вы пожалеете. Мы сами снимем.

– Да что вы там с ним разговариваете! — горячится Арман. — Сейчас я ему так врежу, что он всю оставшуюся жизнь будет ходить в маске!

Это мгновенно сработало.

– Кардинал! Ришелье! — ахнули стражники.

– Кто же мог знать, Ваше Преосвященство, в такое время, в таком месте, — покаянно и льстиво начал лжесержант. — Кто бы мог подумать…

– Завтра у вас будет большая возможность подумать. Как ваше имя, сержант?

– Ему ещё имя подавай! — всё так же кипятится Арман, не отпуская и дёргая кардинала за плащ. — Да и какое это Преосвященство! Настоящее Преосвященство по ночам дома сидит, а не болтается по женским монастырям. Всё-таки я ему сейчас врежу! Бог простит.

– Сержант, обуздайте этого громилу, — с беспокойством и опаской, но властно распорядился Ришелье, и стражники, отцепив драчуна от жертвы, начали оттеснять Армана к открытой двери, из которой мы выскочили.

– Ваше Преосвященство, — проникновенно посоветовал лжесержант, — вам бы лучше уехать. Как бы драка не началась, а они все при оружии.

Это тоже сработало. Оскорблённый в своих чувствах и обеспокоенный явной опасностью, кардинал погрузился в карету, она с трудом развернулась на узкой улице и понеслась туда, откуда приехала. Мы же, смеясь от души, а, может быть, разряжаясь нервным весельем от напряжения, всей кучей ввалились в дом.

– Вот и всё, — сказал я пленникам. — Мы не очень долго? Пьер, освободите, пожалуйста, их. Вот так. Ваша карета чуть дальше того места, где вы её оставили. Можете идти, но мне хотелось бы сказать несколько слов вам, мадам. Время, место и маска позволяют думать, что ваш визит сюда должен быть тайным. Это так? — опять последовал молчаливый кивок. — Очень хорошо. Нам тоже огласка ни к чему. Вы нас не видели, и мы вас не видели. Согласны? — снова кивок. — Вот и договорились. На прощание сообщу вам небольшую новость, которую вы, возможно, не знаете. В этом монастыре со вчерашнего дня новая аббатиса. Впрочем, и все остальные святые сёстры тоже сменены. И порядки новые. — В её глазах что-то загорелось и погасло. Ещё один кивок. Медленный. Нет, это уже не кивок, а небольшой поклон — как бы в знак благодарности за сообщение. И таинственная дама, сопровождаемая своим кучером, отправилась на поиски кареты.

– Странная особа, — проговорил Гийом, — может быть, следовало узнать хотя бы её имя?

– Зачем? Нам чужие тайны вроде ни к чему. Со своими бы разобраться. Давайте-ка лучше на всякий случай побыстрее уберёмся отсюда!

Утром за поздним завтраком рассказ о ночной акции имел бурный успех. Опять удалось, разыгралось блестяще, хотя чуть не сорвалось. Луизу тоже заинтересовало странное поведение привратника монастыря, поднявшего шум в отношении женщины.

– Это я упустил, — покаялся Гийом, — когда разговаривал с аббатисой и привратником. Речь шла, в общем, о визитёре, посетителе. Не уточнялось, что это обязательно будет мужчина. Я и не мог предположить, что гость окажется не единственным. Кто постучал в ворота, тот и удостоился особого внимания привратника.

– Будем надеяться, что и грядущая ночь окажется удачной, — пожелал себе Арман. — Она, пожалуй, потруднее будет. Если действительно это будет ночь. Так что на всякий случай мы отправимся в Париж ещё до обеда.

– А нельзя ли и мне с вами? — спрашиваю я.

– Зачем? Вряд ли это хорошая мысль, — ответил Пьер. — Слишком опасно как раз для вас, Серж. У вас светлая голова, но вот готовность к таким действиям никакая.

– А для вас не опасно? — возражаю я. — Всё-таки это моя затея. Никогда не прощу себе, что когда вы все рискуете, я буду отсиживаться где-то в стороне.

– Пусть идёт с нами, — согласился Арман. — Гийом, вы не возражаете? Нет? Но при одном условии. Вы, Серж, из дома не выходите, нам не мешаете и только наблюдаете.

– Согласен.

– Мальчики, — вмешалась Луиза, — как я за вас боюсь! Ради Бога, осторожнее и если что вдруг будет не так, то немедленно удирайте. Плевать на Жозефа. Придумаем что-нибудь другое.

Улочка тихая. За те десять минут, что я сижу у окна второго этажа, мимо прошли всего двое. Ворота сада на противоположной стороне улицы слегка приоткрыты, а за густыми зарослями не видно, что там делает Гийом со своей командой. Сад словно вымер. Но вот один из прохожих, увидев приоткрытые ворота, останавливается, озадаченно задумывается и пытается через решётку что-то разглядеть в саду. Похоже, ничего заслуживающего внимания ему не видно, и он, приоткрыв щель ворот пошире, делает шаг внутрь сада.

Мгновенно из-за кустов появляется Гийом. Не выскакивает, как чёртик из табакерки, а по-хозяйски, барственно выплывает и медленно, лениво идёт к выходу на улицу. Любопытный так и застывает в воротах. Всё так же лениво, с

доброжелательной улыбкой Гийом что-то говорит. Прохожий вежливо отвечает, понимающе кивает и идёт свой дорогой, а, обернувшись напоследок в сторону ворот сада, пожимает плечами. И снова на улице покой и тишина.

Пьер в полном облачении гангстера семнадцатого века валяется в сапогах на кровати. Уставившись в потолок, он обстоятельно, подробно и не без ругательных комментариев учит этот потолок правилам дворцового этикета. На самом деле слова предназначены мне. Арман сидит за столом и со смехом добавляет свои поправки в оглашённые Пьером перлы аристократического обхождения. Внизу, в первом этаже копошится пара слуг. Слышно, как они бряцают оружием. Внешне в доме всё вроде бы спокойно и не суетливо. Но так или иначе — нервное напряжение прямо-таки висит в воздухе.

Цокот копыт. Пьер приподнимается на кровати. Нет, мимо. Просто верховой прохожий. Проходит час, второй. Солнце клонится к закату. Сад накрывают длинные тени, и только дорожка к воротам хорошо освещена. Слуги приносят перекусить, и Арман с Пьером дружно набрасываются на еду. Мне же кусок в горло не лезет. Мои сподвижники тактично молчат на этот счёт, и, немного успокаиваясь, я тоже откусываю славную колбаску из съестных запасов графской кухни Аманды.

Тени стали ещё длиннее, когда от дальнего конца улицы, всё нарастая, послышался частый стук копыт лошади очень спешащего всадника. Арман с Пьером мгновенно оказались у окна рядом со мной. Всадник чуть замедлился, поравнявшись с нами, поднял вверх руку и скрылся, проскакав дальше.

– Всё, началось, — со вздохом облегчения проговорил Арман.

Пьер выскакивает на улицу, перебегает её и скрывается в саду. Двое людей замызганного рабочего вида выбираются из кустов. Их одежда тут и там оттопырена, видимо, какими-то инструментами. Они распахивают левую створку ворот и, стоя спиной к началу улицы, начинают что-то сосредоточенно рассматривать и ковырять в воротных запорах, постукивая молотком. Улица оказывается перегороженной почти до половины. Никакой карете не проехать. Арман сбегает вниз, и я с верха лестницы вижу, как он со слугами, вооружёнными какими-то короткоствольными мушкетами, смотрит на улицу в щель чуть приоткрытой двери.

Время словно замерло, когда я возвращаюсь к окну. Хотя проходит всего минуты три до того, как в начале улицы появляется довольно быстро катящаяся

карета с кучером и с вооружённым мушкетом слугой на козлах. Карета приближается, замедляет ход и останавливается.

– Эй, болваны, освободите дорогу! — слышится окрик с козел.

– Сейчас, сейчас, ваша милость, — слышится подобострастный ответ.

Один из рабочих, как бы освобождая дорогу, отступает на противоположную от ворот сторону улицы и оказывается слева от кареты. Другой, как бы намереваясь закрыть створку ворот, оказывается справа от кареты.

– Живее! Что вы там…, — только и успевает в очередной раз прокричать слуга с козел.

И действительно, ведь очень трудно не то, что кричать, но и просто говорить, когда тебе в лоб с двух сторон направлены четыре дула мгновенно извлечённых из-за пояса "инструментов" рабочих. Оба на козлах оцепенели от неожиданности. Из дома и сада выскакивают вооружённые группы и вмиг оказываются у кареты. Гийом выхватывает мушкет из рук слуги на козлах. Двое рывком распахивают дверцы кареты, а Арман и Пьер с двух сторон вонзают свои шпаги во что-то внутри. Быстро что-то проделывают там и отскакивают прочь. Дверцы кареты захлопываются, створка ворот закрывается, освобождая путь, Гийом бросает отобранный мушкет в карету. Один из нападавших хлещет лошадей, и карета, убыстряя движение, уходит по улице всё дальше и дальше.

Нападавшие прячут оружие, расходятся в разные стороны и словно растворяются среди окружающих домов. Сколько всё это заняло времени? Минуту? Полторы? Арман подходит к двери и снизу кричит:

– Серж, уходим!

Я скатываюсь вниз, и мы быстро, но без спешки тоже растворяемся в ближайшую поперечную улочку.

– Вы, Серж, ещё можете успеть выехать из города до закрытия городских ворот, — говорит Арман. — Пасквильную бумагу мы сунули в портфель Жозефа.

На постоялом дворе уже ждёт Гийом с осёдланными лошадьми.

– Мы с Пьером будем к завтраку, как и договаривались, — оставаясь в городе, напутствует нас Арман, и мы отправляемся в замок.

Камилла де Буа, оказывается, ещё достаточно молодая, ещё не утратившая своеобразной красоты женщина. Живая хохотушка, совсем не похожая на какую-то заговорщицу. Говорят, что и довольно остроумная за столом, к какому мы, приехав, присоединяемся с Гийомом. Аманда вопросительно взглядывает на

меня, на что я успокаивающе киваю. Она облегчённо вздыхает, не прерывая разговора с Камиллой об орлеанских сплетнях. Луиза и Катрин, перехватив наш молчаливый обмен взглядами, тоже заметно расслабляются.

– С тех пор как мы с Гастоном расстались, — продолжает Камилла прерванный нашим появлением разговор, — он стал каким-то пугливым и рассеянным. Уже не тот, что в молодости.

– Все мы в молодости другие, — уточняет Луиза. — Вот и я уже не могу пировать целыми ночами. Извини, Аманда, пойду к себе, — и Луиза поднялась, с доброжелательной улыбкой кивнув остальным сотрапезникам.

Поняв её уловку, всего минуту назад присев, поднялся и Гийом.

– Мы с Сержем тоже подустали, да и поздновато уже. Мы недавно по дороге перекусили. Так что до завтрака переживём.

Вся компания разбрелась по своим апартаментам. Но буквально через несколько минут опять собралась в покоях Аманды. Без Камиллы, разумеется.

– Удалось, удалось! — чуть не прыгая от возбуждения, восторженно восклицает Луиза. — Ну, мальчики, будь я королём — все бы вы ходили в орденах.

– Дело ещё не закончено, — напоминает ей Катрин. — Да и некоторые из возможных кавалеров твоих орденов прибудут только завтра. Не спеши раздавать награды.

– Да, — соглашаюсь я, — сейчас, возможно, начнётся охота за убийцами, и если мы не направим кардинала и Гастона в нужную сторону, то охота может привести и к нам. Хотя это и было бы не очень логичным. Жозеф не связан с беспокоящими нас арестами, и поиск убийц среди нас был бы странным. Хотя как циркулируют мысли в голове Ришелье, нам неведомо. Завтра начнём обрабатывать Камиллу.

– Начнём, — согласилась Аманда, — но ты как-то обещал объяснить, почему убийц не будут искать, только пока жив и свободен Гастон Орлеанский.

– Если будет вестись розыск, то это будет означать, что Ришелье не подозревает Гастона Орлеанского в причастности к убийству Жозефа. Гастон поймёт, что ему лично со стороны Ришелье угрозы нет, и продолжит свои заговоры и интриги. У кардинала государственный склад ума. Он не объявит розыск по любой из двух причин. Либо он будет уверен в вине Гастона, либо, догадываясь о страхах Гастона, будет держать того под постоянной угрозой

расплаты за не совершенное тем убийство. Для второго нужно создать у Гастона впечатление, что под подозрением только он.

В первом случае в розыске нет смысла. Во втором случае розыск просто нельзя проводить. В обоих случаях Ришелье нейтрализует Гастона как заговорщика. Либо смертью от яда или кинжала подосланного кардиналом убийцы, либо постоянным страхом смерти от этого. Но первое не исключает поиска убийц Жозефа уже после смерти Гастона, а второе исключает розыск при жизни Гастона. Поэтому Гастон нам больше выгоден живой, чем мёртвый.

– Серж, — польстила мне Луиза, — пожалуй, по части интриг вы, если захотите, сможете переплюнуть и меня, и Ришелье вместе взятых.

– Не захочу. Тяги к интригам у меня нет никакой.

Посидели, помолчали и опять разошлись.

Внешне словно чем-то возбуждённые, Арман и Пьер прибыли на следующий день чуть ли не к концу завтрака. Поздоровались со всеми, уселись за стол и набросились на еду.

– Что это вы так поздно? — как бы с досадой спросила Катрин. — Аманда говорила, что вы составите нам компанию пораньше. Мы же на охоту вроде собирались. Вот и Камилла для этого приехала. А теперь зайцы Аманды опять по норам спать разбегутся.

– Не получилось, — пережёвывая кусок сочного окорока, ответил Арман. — Случайно встретились мои приятели из роты гвардейцев кардинала. Пока мы выпили с ними за встречу, пока выпытали за стаканом вина всё, что им известно…

– Что можно выпытать за стаканом вина, кроме завиральных историй?

– Париж возбуждён, — пояснил Пьер. — Сверху донизу и справа налево. Вчера вечером по дороге домой убили отца Жозефа. Как говорят кучер и слуга Жозефа, на них напало не меньше полусотни человек. Ришелье в бешенстве.

– Что?! — поразилась Луиза. — Жозефа? Ну и дела! Впрочем, он сам к этому напрашивался. Мне, например, его нисколечко не жалко. Хотя и интересное событие. Вот теперь у кого-то полетят головы! Камилла, а вы, похоже, в восторге от этого известия.

– В восторге не в восторге, но причин печалиться не вижу, так же, как и вы. Гнуснейший тип, хоть и дворянин хорошего рода! И что рассказали ваши знакомые гвардейцы? Кто убил? Поймали ли? Или ещё только ищут?

– Найдут, — хмыкнул Арман. — Оказывается, существует заговор против кардинала и его окружения. Открылось это буквально вчера или позавчера, когда арестовали какого-то поэтишку. За то, что он в пьяном виде распространял слухи, порочащие кардинала и близких ему людей.

– Что за поэтишка? Вроде бы поэты в Париже политикой не увлекаются.

– Мне говорили имя, но что мне до него. Не запомнил. Что-то вроде Коклен или, может быть, Леклен. — Камилла побледнела.

– Поклен?

Вот-вот, точно — Поклен. Вы его знаете?

– Наслышана. И что этот поэт?

– В общем, ничего особенного. Язык свой, а слова чужие. У него найдено письмо с порочащей Ришелье ложью. По почерку видно, что писали двое мужчин, но не этот Поклен. Сейчас по образцам разной переписки ищут, кто именно написал письмо. А из этого Поклена, наверное, уже выбили признание, от кого он получил этот пасквиль. Письмо было в бумагах покойного отца Жозефа. Им и поэтом как раз занимался Жозеф, и тут его вдруг убили. Интересная история?

– Камилла, Камилла, — вскричала Аманда, — что это с тобой?!

Лицо Камиллы стало белее её кружевного воротника. Вот-вот хлопнется в обморок. Женщины вскочили и бестолково засуетились вокруг неё.

– Серж, — обратилась ко мне Аманда, — помоги отвести Камиллу в её комнату.

Я обхватил женщину за талию и в сопровождении Аманды препроводил Камиллу в её апартаменты.

– Может быть, приляжешь, Камилла? Я позову своего знахаря. Что с тобой?

– Нет, нет, в кресло. Мне уже немного легче. Не надо знахаря, — и, усевшись, вдруг заплакала в три ручья, — я пропала, я пропала, Аманда, — послышалось сквозь слезы.

– Как пропала? Куда пропала? Ты что, что-нибудь натворила?

Камилла, размазывая слезы по лицу, взглянула на меня, а потом на Аманду.

– Понимаю, — досадливо пробурчала Аманда. — Какие-то твои таинственные похождения? Не опасайся Сержа. Он мой близкий и очень надёжный, знающий человек, несмотря на молодость. Мне помогал не раз в трудных ситуациях. Можешь говорить при нём без опаски. Он не сторонник кардинала, как и я.

Я пододвинул стул, взял Камиллу за руку и, тихонько поглаживая по кисти, стал её успокаивать. Постепенно истерика стихла, и Камилла, шмыгая носом, призналась в страшном преступлении.

– Это я привезла в Париж то письмо, показала поэту, а обратно забрать забыла. Аманда, ты сама понимаешь, откуда это письмо, что в нем может быть и чьим почерком оно может быть написано. Я пропала! — и Камилла снова настроилась заплакать.

– Прекрати реветь! — рявкнула на неё Аманда. — Пока ты у меня, то ты ещё не пропала и пропасть тебе мы не дадим. Серж, что мы можем сделать?

– Камилла, скажите: что было в том письме? Правда или выдумки?

– Правда.

– Да? Вот это уже много хуже лжи в нашей ситуации. О чем?

– О разврате кардинала, его воровстве, преступном окружении, убийствах неугодных…

– Об отце Жозефе и короле там что-нибудь было?

– Было. Но о короле совсем немного.

– Немного? Всё равно совсем плохо. Даже если просто упоминание без обвинений и оскорблений. Значит, заговор не только против кардинала и его окружения, но и против короля. Так это может быть представлено. Кем письмо написано?

– Кем-кем! Гастоном Орлеанским, конечно, — вмешалась Аманда.

– Только последняя часть, — всхлипывая уже без слез, уточнила Камилла. — Основное писал мой муж под диктовку Гастона.

– А зачем вы передали письмо этому Поклену?

– Он должен был написать простую сатиру, понятную и благородным господам, и черни.

– Конечно же, для распространения. Понятно. И письмо осталось у него.

– Осталось. Он отказался, и от огорчения я забыла забрать письмо назад.

– Дальше всё понятно. Пьяный поэт начал болтать, о чём ему следовало бы помалкивать. Хуже некуда. Прямо сразу можно сказать, что вам, Камилла, в Париже нельзя появляться ни в коем случае. Кто-нибудь в Париже знает, что вы поехали сюда?

– Только камеристка.

– Тогда вас найдут и здесь, — у Камиллы опять задрожали губы. — Успокойтесь, сейчас мы всё обдумаем и найдём какой-нибудь выход. Аманда же сказала, что пропасть не дадим. Для начала представим всю ситуацию.

Есть письмо, которое ясно указывает на существование заговора против кардинала и его окружения. Есть и установлено важное лицо королевства,

которое написало это письмо. Это Гастон Орлеанский. Известно, что он склонен к заговорам с целью свержения короля. Признаков других заговоров в королевстве не замечено. Тот же Гастон является давним врагом кардинала Ришелье. Первый друг и помощник кардинала убит, как только начал следствие по заговору. Множество нападавших на Жозефа — признак серьёзного заговора.

Вот такую картину сейчас рассматривают в Пале-Кардиналь и Лувре. Скверная картина. Из неё вытекает, что убийство Жозефа — результат заговора. А заговор против кардинала и даже Жозефа в наличии только один — Гастона Орлеанского. В доказательство есть письмо, свидетель и дурная слава Гастона как заговорщика.

Из этого вытекает только одно: организатор убийства — Гастон. Ришелье не простит ему потери друга и помощника. Ну, а как Ришелье расправляется с врагами даже королевской крови, то это всем известно.

Вот такое вытекает из создавшейся ситуации. Так что вы, Камилла, совсем не то лицо, за которым начнётся большая охота. С вами расправятся, если только под руку попадётесь. Ришелье задели слишком серьёзно.

– Но ведь Гастон на самом деле не поручал никому убивать Жозефа! — в отчаянии чуть не закричала Камилла. — Я это точно знаю.

– А это не важно, даже если и правда. Убийцей сейчас признают того, на кого всё указывает. Вы сможете доказать, что Гастон не причастен к убийству Жозефа?

– Конечно, нет.

– В том-то всё и дело. Сейчас будем соображать, что может спасти вас, Камилла. Да и Гастона тоже, если он точно сейчас ни при чем. Пожалуй, здесь только один путь. Пробудить в Ришелье сомнения в причастности Гастона к убийству Жозефа. Сейчас пока таких сомнений нет. И второе. Убедить Ришелье, что никакого заговора против него и короля нет, не было и не планируется. Это может сделать только сам Гастон.

Поверит ли Ришелье в честность и откровенность Гастона? Конечно, нет. Но он может поверить в страх Гастона перед местью Ришелье. Страх, который удержит Гастона от опрометчивых поступков. Гастон, ещё ничего не ведая, попал в такую западню, что если не затихнет со своими интригами и заговорами, то кончит очень печально от руки Ришелье. Никто Гастона выручать не будет, и

королевское происхождение не спасёт. Слишком велика и очевидна вина. Дай Бог, в лучшем случае он остаток жизни проведёт в Бастилии. Если повезёт.

– Что же мне делать?

– Как что? Бежать в Орлеан, не заглядывая в Париж. Попробуйте убедить Гастона написать письмо Ришелье с соболезнованиями по случаю потери друга и помощника. А также с уверениями, что никакого заговора не было, а просто так — небольшая интрига против несимпатичного человека. Вспомнив, что было утрачено в результате предыдущих заговоров и конфликтов, Гастон понял, насколько это ужасно. Впредь он воздержится от поступков, которые могут поколебать покой и порядок в королевстве. Что-то в этом роде, Камилла. Причём сделать это нужно немедленно, пока Ришелье не начал действовать.

– Думаете, поможет?

– Допускаю, что да. Полностью не уверен. Может помешать что-нибудь такое, чего мы сейчас не знаем, но попробовать стоит. Ришелье рационалист. Он придержит своё стремление к мести ради политических выгод. Особенно если появятся сомнения в виновности Гастона. Уж как-нибудь постарайтесь пробудить эти сомнения.

– Тогда мне нужно ехать прямо сейчас!

– Верно. Чем быстрей, тем лучше.

– Камилла, я тебе в провожатые дам Гийома, — пообещала Аманда. — Ты же знаешь, какой он надёжный человек. Если захотите, то обратно он захватит от Гастона письмо к кардиналу.

Наблюдаем с башни, как карета с Камиллой и Гийомом скрывается за деревьями.

– Вот и движется к концу наше дело, — проговорил Пьер. — Правда, ещё не известно, к какому. Чем займёмся до возвращения Гийома? Аманда, а в твоих владениях на самом деле водятся зайцы или охота была только предлогом заполучить сюда Камиллу?

– Водятся, водятся и при этом во множестве. Охоту можно устроить, если хотите.

– А можно и навязаться в гости к Катрин, — предложил Арман. — Посмотреть, как там себя чувствуют наши беглецы. Катрин, можно навязаться с визитом к тебе в поместье?

– Можно. Посмотрим — и что дальше? Нет, давайте лучше разбежимся на денёк. Раз уж такой случай представился. Не знаю как у вас, а у меня домашние дела запущены за неделю отсутствия. Соберёмся здесь завтра к обеду.

И разбежались.

Гийом вернулся через двадцать шесть часов запылённый и усталый. Пришлось подождать, пока он переоденется и умоется. А за столом пришлось ещё ждать, пока он утолит острый голод. Катрин вся извертелась от нетерпения.

– Гийом, уж сколько можно нас томить!

– Ещё чуть-чуть. Моя последняя трапеза была в Орлеане. Вот, ещё глоточек — и я к вашим услугам.

Стало быть, так. Камилла и Гастон изругались в пух и прах. Орали друг на друга так, что сквозь двери всё было слышно. Гастон обвинил Камиллу, что из-за её ошибки провалилось такое важное дело. Тогда Камилла припомнила Гастону, сколько дел провалилось из-за его ошибок и сколько его соратников поэтому кончили свою жизнь на эшафоте. Заявила, что не желает отправляться вслед за ними. Я повеселился от души. Потом они затихли. Через некоторое время вышла Камилла и провела меня в комнату для отдыха. Где я поел и вздремнул часика четыре. Похоже, что сама Камилла не спала больше суток, потому что пришла ко мне снова с уже готовым письмом. Впрочем, какой тут сон, когда впереди маячит топор палача. Она вручила мне письмо и сказала, что герцог дарит мне на выбор любого коня из своей конюшни. Я, конечно, стесняться не стал. Видали, какой красавец!?

– Письмо, где письмо?

– При мне, конечно.

– Катрин, успокойся, — остановила порывы своей подруги Луиза, — вскрытие писем по моей части. Давайте, Гийом. Вот, главное — равномерно нагревать, чтобы на бумаге не появилось пятно от жара и не перегреть воск.

Луиза положила письмо на подносик и стала осторожно нагревать над свечой, любезно зажжённой Пьером. Через некоторое время восковая печать сама отлепилась. Просто видно, как Луиза борется со своим любопытством, искушающим первой сунуть нос в письмо. Однако, тяжело вздохнув, протянула письмо мне.

– Только, ради Бога, осторожнее. Не повредите печать.

– Постараюсь.

Я аккуратно развернул бумагу, пробежал её глазами сверху вниз и начал читать вслух.

"Уважаемый Сир.

Мы в Орлеане скорбим вместе с Вами о потере в результате неслыханного злодеяния Вашего друга и первого помощника Франсуа Леклерка дю Трамбле.

Уверяем Вас, что сделаем всё возможное для поиска и наказания преступников, если Вам потребуется наша помощь.

Пользуясь случаем, я лично высказываю сожаление о тех недоразумениях и конфликтах, которые имели и до сих пор имеют место между Вашим Преосвященством и мной. Надеюсь, что моя добрая воля вместе с Вашей принесёт успокоение в наши отношения.

Подумав также о тех ужасных потерях, которые понесла Франция в разногласиях между Парижским и Орлеанским дворами, я решил, что этого более не должно происходить никогда. Во всяком случае, по вине Орлеанского двора. Надеюсь, что наше взаимопонимание и дружественность будут со временем расти.

Гастон Орлеанский — принц Франции

28 сентября 1632 года от Рождества Христова»

Наступило молчание. Все в упор смотрят на меня.

– Чего вы на меня уставились?

– Твоя ведь затея, — ответила Аманда. — Ты выиграл.

– Не я, а мы. И при этом ещё не выиграли. Вот когда арестованных выпустят, то… Гийом, нужно письмо доставить адресату в Пале-Кардиналь. Только осторожно. Отдайте секретарю и сразу уходите, пока там не поняли, что к чему. Гонца от Гастона непременно постараются задержать.

– Мы с Пьером сопроводим Гийома, держась поодаль, — подал голос Арман. — Задержим преследователей, если они появятся.

– Отлично. Ждём вас всех обратно через два часа. Луиза, восстановите, пожалуйста, печать.

Через два часа вернулись все трое. Оживлённые.

– Всё прошло как нельзя лучше, — доложил Пьер. — Пока секретарь понял, от кого письмо, соображал, что предпринять и оглядывался на стражу, Гийома и след простыл.

– Замечательно. Теперь осталось только намекнуть кардиналу, почему причины удержания узников уже нет. Если он сам до этого не додумается. Я, например, полагаю, что он сразу это поймёт, получив письмо Гастона. Но на всякий случай ситуацию нужно будет подстегнуть. Ждём бала провинций в понедельник.

Луиза, мне нужно будет, если возможно, взглянуть на письмо королевы кардиналу, до того, как его отнесут Ришелье. Это возможно?

– Попробуем. Анна напишет его перед балом. Я вынесу письмо, и вы его посмотрите. Потом королева его запечатает. Когда оно должно оказаться у Ришелье?

– Через пять минут после того, как я войду в его кабинет.

– Понятно. Сделаем.

Вместе с Амандой степенно вступаем в Лувр. Она специально проводит меня самым извилистым путём в приёмную королевы. Чтобы я мог посмотреть убранство дворца. Да-а, моему домику в Верне далеко до такой красоты и роскоши! Сколько же людей нужно обобрать, чтобы создать такие чертоги! Но ничего не скажешь — впечатляет. Луиза уже ждёт нас. Выскальзывает в соседнюю комнату и возвращается с письмом. Через оставшуюся приоткрытой дверь на меня внимательно смотрит довольно привлекательная женщина лет тридцати пяти. Я понимаю — королева. Кланяюсь, и дверь прикрывается. Луиза протягивает мне бумагу.

"Ваше Преосвященство.

Мне стало известно от множества пострадавших и свидетелей о Ваших невинных развлечениях на улице Капуцинок. Полагаю, что эти слабости не очень совместимы с Вашим положением министра Двора и иерарха Церкви. Я в сильном затруднении в оценке последствий, которые может вызвать возможная осведомлённость об этом короля и Святого Престола. Поэтому я пока воздержусь от передачи кому-либо того, что случайно стало известно мне. В свою очередь, надеюсь, что Вы впредь будете воздерживаться в своей деятельности на благо королевства от каких-либо опрометчивых действий в отношении любых граждан на земле Франции.

Анна

Королева Франции"

– Превосходно! — признал я, возвращая письмо. Теперь можно сдаваться кардиналу в плен. Ведите меня навстречу судьбе!

Зал приёмов уже почти полон. Колорит одежды, сверкание золота и камней, важность напыщенных лиц, гомон разговоров, тяжёлый запах немыслимой смеси духов и притираний — всё это создаёт праздничное и одновременно чем-то гнетущее настроение. Все ждут выхода короля, до которого, наверное, ещё с полчаса. А пока приветствуют друг друга, представляют новых лиц и обмениваются свежими сплетнями. Аманда идёт

вдоль прохода, привычно раскланиваясь в обе стороны и иногда представляя кому-то и меня. Вроде вижу в нескольких шагах чем-то знакомое лицо.

– Кто это? — спрашиваю Аманду, указывая взглядом.

– А-а, вдова после годичного самозаточения вышла в свет. Пойдём, представлю.

– Здравствуй, Анриетта. Познакомься — мой племянник виконт Серж де Бурже — маркиза Анриетта ла Арк. Поболтайте пока, а я ещё пройдусь, проявлю вежливость.

– О чем будем болтать, маркиза? Даже и не думайте, что я стану выпытывать у вас тайну вашего появления среди ночи у монастыря капуцинок. Просто спрошу: решили вы свою проблему или нет?

– Как ни странно, какими-то своими действиями там вы неожиданно разрешили и мою проблему, не подозревая об этом. Должна вас поблагодарить.

– Отлично. Рад за вас. Обращайтесь, если будут какие-нибудь трудности. Аманда знает, где нас найти. Извините, вон она меня зовёт. Знаете, Анриетта, если бы я умел танцевать, то пригласил бы вас, когда начнутся танцы. Всего доброго.

– Стой немного позади меня, — поучает Аманда, — как подобает младшему в роду. Помнишь, что нужно говорить королю, если он обратит на тебя внимание?

– Помню.

Троекратный стук жезла церемониймейстера устанавливает тишину.

– Его величество король Франции Людовик тринадцатый!

Начинается обход гостей. Король как король. Лицо надменное и одновременно безвольное. Казимир Вернский гораздо интереснее, импозантнее. На шаг позади короля торжественно ступает кардинал. Доходят до нас. Мне показалось, или во взгляде кардинала на меня заметное замешательство?

– Здравствуйте, графиня, — произносит король, обращаясь к Аманде. — Что-то уж очень редко мы стали видеть вас в Лувре. Жаль. Кто это с вами?

– Мой племянник виконт Серж де Бурже, Ваше Величество. Недавно приехал из России.

– Видный молодой человек.

– Ваш покорный слуга, Ваше Величество.

– Хорошо когда покорный, — пробурчал король и прошествовал дальше.

Кардинал обернулся и ещё раз внимательно взглянул на меня. Обход гостей королём закончился. Опять троекратный стук жезла церемониймейстера.

– Королева Франции Анна Австрийская!

Начался обход гостей королевой. И она тоже приостановилась около нас.

– Ваш племянник, графиня Аманда?

– Да, Ваше Величество.

– Приятный молодой человек.

– Ваш покорный слуга, Ваше Величество.

– Я вас запомню, — и прошла дальше.

Церемония представления закончилась, и все хлынули в бальный зал. Тройной стук.

– Королевский менуэт! — и заныла непривычная моему уху музыка.

– Королевский — это значит, танцуют только король и королева, — шепнула мне на ухо возникшая вдруг из ниоткуда Луиза.

– Луиза, вы знаете маркизу Анриетту ла Арк?

– Конечно. В прошлом году она потеряла мужа. А она что, здесь? Я не была на представлении гостей.

– Здесь. Это её мы поймали на улице Капуцинок вместо Ришелье.

– Надо же, какая интересная история! Тихо, к нам идёт церемониймейстер.

– Виконт де Бурже?

– Да, в чем дело?

– Его Преосвященство просит посетить его в рабочем кабинете. Я провожу.

Луиза мигом куда-то испарилась. Поворот налево. Потом направо. Несколько ступенек вверх. Большой зал. Большая дверь и меня вводят в кабинет могущественного министра. Он сам сидит в глубоком кресле с высокой спинкой за огромным письменным столом. По стенам шкафы с книгами. В углу огромный глобус.

– Можете присесть, сударь, пока я думаю, с чего начать.

– Монсеньор, всегда проще всего начинать сначала.

– Остроумно. Вас здесь представили как виконта Сержа де Бурже, приехавшего из России. Да и ранее мне сообщили, что лицо с таким именем появилось в замке графини де Жуаньи.

– Невозможно отрицать. Появился и в замке, и здесь.

– Вот меня и интересует ваше странное появление. Оказывается, что границы Франции человек с таким именем не пересекал, а в родословных книгах человека с вашим именем последние пятьдесят лет не значится. Что тут можно подумать?

– А что тут думать, монсеньор. Появился не через границу, а имя фальшивое. Разве это имеет какое-то значение, если меня не собираются обвинить в каком-нибудь преступлении?

Похоже, я слегка озадачил собеседника таким прямым признанием. Попробую озадачить его ещё больше.

– Должен признаться, монсеньор, что-то похожее на преступление я всё же совершил. Не выполнил данное обещание. Некрасиво. Моя приятельница,

подруга Сюзанны де Пуатье, попросила меня при первой же возможности передать вам письмо от Сюзанны. Но эта первая возможность произошла в такое странное время и в таком странном месте, что поручение просто вылетело у меня из головы. Так что, пользуясь случаем, передаю вам письмо сейчас, — и, перегнувшись через стол, отдал кардиналу письмо.

В дверь постучали. Вошёл слуга с какой-то бумагой на подносике. Открыл рот, но сказать ничего не успел.

– Положите на стол и закройте дверь, — рявкнул Ришелье и погрузился в чтение письма Сюзанны.

– Где они? — подняв на меня глаза, со скрытой угрозой в голосе спросил мой собеседник.

– Не знаю. Меня попросили передать письмо — я передал. Но грешен — прочёл. Думаю, Сюзанна на днях вернётся в Париж. Угроза заговора Гастона Орлеанского была, но миновала. Ведь, скорее всего, из-за существования этой угрозы и был арестован сын графини де Жуаньи и многие другие. А вот о своём сыне и его матери вы в такой ситуации почему-то не позаботились. Забыли? Совершенно посторонние люди подумали об этом.

– Я смотрю, вы не только шутник, но и кое-что знаете, а о чём-то пытаетесь догадаться. Ни для кого во Франции не секрет постоянная угроза для трона, исходящая из Орлеана. Почему вы решили, что эта угроза миновала?

– Так вы же получили в субботу письмо из Орлеана, в котором Гастон, по сути, безоговорочно сдаётся вам в плен, — тут политик без нервов всё же немного опешил.

– Как-как? Откуда вы знаете про письмо из Орлеана.

– А кому же, как не нам, знать! Ведь это мы вынудили Гастона Орлеанского написать его.

– Вы вынудили! Кто это — "вы"?

– Я и мои друзья.

– А-а, понимаю. Компания графини де Жуаньи. Письма о дружбе Гастона Орлеанского не стоят и гроша. Он никогда своих обязательств не выполняет.

– Нет, Ваше Преосвященство, вы, похоже, ещё не всё поняли. Вы не сопоставили события, расстояния и время. Письмо от Гастона вы получили через день после убийства отца Жозефа. Это как раз то время, которое требуется всаднику, чтобы только-только добраться с вестью до Орлеана и сразу же вернуться с письмом обратно. Письмо такого содержания и с такой быстротой

может написать только человек, охваченный паническим страхом, а вовсе не намерением ввести в заблуждение. Понимаете?

– Понимаю. Он испугался моей мести за убийство дю Трамбле. Правильно. Всё указывает на него, но он свою причастность отрицает. Однако тут вы проговорились. Сказали, что вынудили Гастона, а вынудить вы могли только сами, убив дю Трамбле.

– Опять неверно. Мы вынудили, использовав в своих целях факт смерти отца Жозефа от чьей-то руки. Сразу же через приспешников Гастона донесли до него возникшую ситуацию, чем она ему грозит и как из неё выбраться. Вот вы и получили от него письмо, а Франция получила возможность отдохнуть от интриг и заговоров Гастона. Думаю, вы никогда не найдёте тех, кто убил дю Трамбле.

– Почему?

– Потому что их нельзя искать. Да и подозреваемых слишком много. Чуть ли не половина королевства. Вряд ли вы станете ставить под удар свою репутацию государственного человека и мудрого политика.

– Не понимаю о чём это вы.

– Если вы начнёте искать настоящих убийц дю Трамбле, то Гастон сразу поймёт, что вы его не подозреваете в убийстве своего друга. Угрозы вашей мести нет, и Гастон опять примется за свои козни. Перед вами выбор: спокойствие королевства или жажда мести.

– Странно. Со мной так бесцеремонно ещё никто не пытался разговаривать. Я просто обескуражен и вместе с тем как-то необычно заинтригован. В сообразительности, логике вам не откажешь.

– Спасибо. Но мне всё же хотелось бы прояснить дальнейшую судьбу сына графини де Жуаньи. Так есть или нет сейчас внутренняя угроза спокойствию государства?

– Похоже, что на сдерживающий Гастона Орлеанского страх можно какое-то время рассчитывать.

– Когда будет отпущен на свободу сын графини Жуаньи?

Кардинал встал, подошёл к глобусу и в раздумье стал бесцельно вертеть его. Наконец он на что-то решился.

– Скажите, Серж, или как вас там, а почему вы думаете, что арест сына графини связан с заговорами Гастона Орлеанского?

– Это очень просто. Надвигающаяся война, Гастон в тылу, беспочвенность арестов, беззащитность Парижа с уходом армии. Я думаю, вы хотели организовать защиту Парижа и короля от происков Гастона, создав вокруг

Гастона пустоту, в которой не составить заговора. Нужны помощники в этом деле. Помощников можно уговорить, но это долго и трудно. А можно и заставить. Вы решили запугиванием вынудить вам помогать. Начались аресты.

– Сына графини отпустят завтра.

– А остальных?

– Тоже завтра, — и немного подумав, кардинал добавил: — Какой-то необычный разговор. Вы совсем не боитесь, что вас арестуют за всё, что вы мне тут наговорили.

– Эх, Ваше Преосвященство, я очень рад, что вы опрометчиво не попытались этого сделать. Неужели вы полагаете, что я случайно, лишь по вашему желанию оказался в этом кабинете. И совершенно случайно там, на улице Капуцинок, вы смогли увидеть только моё лицо. Прочтите письмо королевы, — и я пододвинул ему бумагу, лежащую на столе. — Увидите, что сейчас вы просто чудом избежали мгновенной отставки и лишения сана. С вашего позволения я вас покину. Хочу побывать на праздничном обеде.

Обернувшись у порога, я увидел лицо Ришелье, которое, кроме как изумлённым, назвать бы и нельзя. Луиза подстерегала меня за дверью.

– Как?

– Вроде всё в порядке.

– Идём, королева ждёт.

Королева приняла нас в своём будуаре.

– Луиза расписала мне ваш подвиг у монастыря капуцинок, — улыбаясь, произнесла Анна Австрийская. — Приврала, наверное, немного. Мы с ней долго смеялись. Помогло вам моё письмо в разговоре с кардиналом?

– Очень помогло — придало смелости, но осталось невскрытым. Удалось заболтать вашего министра так, что угрозы не потребовались. Сейчас он, наверное, письмо и читает. Оно сделает Ришелье более предупредительным и сговорчивым по отношению к вам, Ваше Величество.

– И чем ваша беседа закончилась?

– Завтра выпустят всех.

– Я рада за всех и за вашу тётушку особенно, — и в знак окончания аудиенции протянула руку для поцелуя, которую я покорно, но без всякого удовольствия и внутреннего почтения облобызал.

– Теперь не грех и выпить за здоровье королевы и нашу с вами победу, — поднимая бокал, провозгласил Арман. — Серж, и как вам показался кардинал?

– Не очень. Туговато соображает. Видно, слухи о его политическом гении и остроте ума несколько преувеличены. Пришлось многое растолковывать. Скучно

как-то внушать то, что мы с вами здесь уже обсуждали. Да и во враньё он верит так же, как любой другой человек. А, может быть, только делает вид, что верит?

– У меня предложение, — встрепенулась Луиза. — Нужно Сержа окончательно принять в нашу компанию. А то между собой мы обращаемся накоротке, а с ним — по этикету, как с посторонним. Серж, ты не против?

– Нисколечко.

– Тогда выпьем за ещё одного друга, — и бокалы зазвенели.

– Серж, — спросила Аманда, — как ты просил, лошадь тебе подготовили, но на завтрашний праздник, может, всё-таки останешься? Познакомишься с Антуаном.

– Нет, отправлюсь прямо сейчас. Вы просто не представляете, как я рад знакомству с вами всеми, и задержался бы ещё, но меня дома ждут. Могу только сказать, — и я поднял бокал: — До встречи, друзья!

Выехав из замка, я помахал рукой тем, кто на башне, и затрусил по дороге. Скрывшись за деревьями, свернул в лес и спешился. Как договорились с Амандой, привязал лошадь к дереву. Заберут.

Дом, Дом, где ты, Дом…